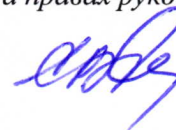

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)»

На правах рукописи

ТИТОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

**ПРАВОМЕРНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В РОССИЙСКОМ
КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ**

Специальность 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный
процесс; муниципальное право

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант:
Доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Авакьян С.А.

Челябинск – 2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Конституционно-правовая теория и особенности методологии исследования правомерного поведения.....	31
1.1 Понятие правомерного поведения в конституционно-правовой науке	31
1.2 Проблемы определения объема и содержания конституционной правомерности	63
1.3 Методология познания правомерного поведения в российском конституционном праве	102
Глава II. Телеологические, аксиологические, психолого-правовые характеристики правомерного поведения в российском конституционном праве.....	139
2.1 Телеологические характеристики конституционно-правомерного поведения	139
2.2 Аксиологические характеристики правомерного поведения в российском конституционном праве.....	163
2.3 Психолого-правовые характеристики конституционно-правомерного поведения	189
Глава III. Теоретический анализ основных форм правомерного поведения в российском конституционном праве.....	217
3.1 Участие граждан в управлении делами государства как форма правомерного поведения в конституционном праве	217
3.2 Общественное участие как форма правомерного поведения в российском конституционном праве.....	242

3.3 Гражданское участие как форма правомерного поведения в российском конституционном праве.....	276
Глава IV. Проблемы теории и практики обеспечения правомерного поведения в российском конституционном праве.....	302
4.1 Доверие и позитивная ответственность как средства обеспе- чения конституционного правомерного поведения	302
4.2 Конституционализация политически протестного поведения как средство обеспечения правомерного поведения.....	334
4.3 Проблемы обеспечения конституционно-правомерного поведе- ния в условиях развития цифровой среды.....	361
Заключение	384
Библиографический список	403

Введение

Конституция Российской Федерации присущими ей методами правового регулирования организует поведение участников общественных отношений, обеспечивает возможность активно действовать в соответствии с закрепленными правами и возложенными на них юридическими обязанностями. Соблюдение Конституции Российской Федерации и законов (ч. 2 ст. 15) является основной и наиболее общей по содержанию конституционной обязанностью, а несоблюдение данного общеправового требования гражданином является проявлением неуважительного отношения к основанному на этом требовании правопорядку¹. При этом необходимо учитывать, что сфера конституционно-правового регулирования весьма динамична как в силу неизбежного воздействия на неё политических факторов, так и в связи с преобладанием общерегуляторных норм, что образует вариантность правового поведения и противоречивые оценки его результатов. Усложнению оценки поведения как правомерного способствуют нормативные конструкции, выражающие разные режимы конституционной законности, – «соблюдение», «соответствие» и «непротиворечие». Научно-доктринальный анализ правомерного поведения в конституционно-правовых отношениях позволит ответить на вопрос: воплощаются в жизнь декларируемые конституционные нормы и ценности или нет, и если да, то в какой мере?

Актуальность темы диссертационного исследования.

Актуальность исследовательской задачи концептуального оформления теории правомерного поведения в конституционном праве также обусловлена той ролью, которую играют его носители как активные участники происходящих в российском обществе конституционных преобразований. Определяющи-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 46. – Ст. 6424.

ми для концепции конституционно-правомерного поведения являются: вектор внимания на человеке и гражданине как высшей ценности и субъекте властеотношений (а не только как на объекте управления); решение проблемы корреляции между поведением человека, группы и массы людей, правом, государственными и иными институтами¹; исследование правомерного конституционного поведения как проявления народовластия, а также анализ тех поведенческих моделей, которые содержатся в российской Конституции. В углубленном анализе нуждается сущностная и содержательная правовая основа таких конституционных моделей правомерного поведения, как солидарность и взаимодействие человека, государства и общества, а также участие граждан в многообразии практик непосредственной демократии, делах государства и общества. В таком контексте конституционно-правомерное поведение представляет собой субъективно-личностное начало принципа и нормативной конструкции народного суверенитета (ч. 2 ст. 3 Конституции РФ).

Актуальность диссертационного исследования поддерживается также тем немаловажным обстоятельством, что российская Конституция сама функционирует в качестве национальной системообразующей основы и стандарта поведения человека, государства и общества. Правомерное поведение отражает не только соблюдение формально-юридических критериев законности, но и степень адаптации к национальному менталитету конституционно-правовых механизмов, выступая антиподом «...социальной апатии, нигилизма, маргинализации общественных отношений, недемократических средств волеизъявления со стороны «источника и носителя власти»². В этом проявляется легитимирующая роль правомерного поведения, доктринальному исследованию которой еще не уделено должное внимание.

¹ Тихомиров, Ю.А. Поведение в обществе и право / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 5.

² Еремян, В.В. Есть ли у компаративиста повод для оптимизма? (российская Конституция как «зеркало» государственного строительства) / В.В. Еремян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 15–20.

В исследовании последовательно развивается идея о том, что реальность правового государства «...нужно искать и распознавать в поведении живых людей, в тех мотивах, которые создают его и направляют, наполняют содержанием и движением социальные отношения, начиная их правопритязаниями, свободой, долгом и правилами, ритуалами, формами, процедурами во всевозможных смыслах и последовательностях»¹. Конституционное изменение положения человека, провозглашение его прав и свобод высшей ценностью означает, что системообразующая функция в правовой системе принадлежит не только государству, но и гражданскому обществу, правам человека. Существенное значение приобретает свобода личностного выбора того или иного типа правового поведения в соответствии со спектром возможностей, предоставляемых Конституцией России, порождающая, в том числе, правовую ответственность за такой выбор. В связи с этим необходимо выделить еще ряд факторов, которые обусловили актуальность исследования.

Во-первых, это особая методологическая роль науки и отрасли конституционного права в общей системе отраслей права, юридической науки в целом и правоприменении, обусловленная как особенностями предмета конституционно-правового регулирования, так и межотраслевой спецификой его норм, составляющих основу всей сферы жизнедеятельности человека, общества и государства.

Во-вторых, предпосылки самого существования и развития конституционного права и содержания его категорий, которые несводимы исключительно к обстоятельствам юридического характера. Потенциал Конституции гораздо больше ее нормативно-регуляторных функций. Конституция рассматривается как гарантия фундаментального консенсуса, необходимого для социальной стабильности и сплоченности, общей интегрирующей основы для национальной

¹ Арановский, К.В. Князев, С.Д. Процедурная сторона правовой государственности в замечаниях с уклоном в антропологию / К.В. Арановский, С.Д. Князев // Правоприменение. – 2018. – Т. 2(1). – С. 5–7.

идентичности государства и общества. Поэтому важно уделять внимание философским, мировоззренческим представлениям социума об общечеловеческих ценностях, знанию психических процессов формирования правового поведения, уяснению социальной значимости того или иного его варианта для возникновения и функционирования определенных общественных отношений. Качественные свойства конституционного права, его аксиологический и телеологический инструментарий позволяют установить, как общие закономерности отражаются в частных характеристиках явлений и процессов, и ответить на вопрос: соблюдается ли логика конституционного регулирования? Именно наличие этого фактора обуславливает необходимость формирования представления о правомерном поведении в контексте отрасли конституционного права, которое может быть востребовано и иными отраслями права.

И, в-третьих, очевидна потребность в обеспечении правомерного поведения в условиях цифровизации и технологизации общественных отношений, которые «...последовательно формируют новую социальную, экономическую, политическую и правовую реальность»¹, меняют конституционно-правовую архитектуру, в которых существенная роль отводится актам саморегулирования поведения и техническим нормам.

Критерии, формы, особенности правомерного поведения и сама постановка исследовательской задачи относительно правомерного поведения пока не получили должного развития в отечественной конституционно-правовой науке. В связи с этим разработка отраслевой конституционной теории правомерного поведения представляется обоснованной.

Степень научной разработанности темы. Относительно самостоятельным предметом изучения социально одобряемое, юридически значимое пове-

¹ Карасев, А.Т. Кожевников, О.А. Мещерягина, В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации / А.Т. Карасев, О.А. Кожевников, В.А. Мещерягина // Антиномии. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 99–105.

дение в советской юридической науке становится в 70-е годы прошлого столетия (Е.А. Лукашева, С.Н. Сабикенов, И.С. Самощенко). Наиболее активно исследовательский интерес в рамках теории государства и права проявляется в 80-е годы, когда правомерное поведение становится предметом специального научного анализа (О.А. Алейникова, Н.Д. Бусурманов, Н.Н. Вопленко, Т.А. Гуменюк, Р.Т. Жеругов, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лазарев, Е.К. Нурпеисов, В.В. Оксамытный, Л.Д. Чулюкин, Н.Г. Швыдак).

В отечественной теории права ученые обращались к исследованию таких вопросов, как анализ категориальной характеристики понятия правового поведения; определение факторов, влияющих на характер поведения в сфере права; исследование мотивов правомерного поведения и интересов, положенных в его основу; поведение в публично-правовой сфере; соотношение правомерного поведения и правопорядка; общественная и юридическая природа, а также объем правомерного и противоправного поведения; роль правосознания как источника правового поведения личности; влияние ценностей на правомерное поведение, невиновное поведение (В.Н. Кудрявцев, В.В. Оксамытный, А.С. Палазян, И.А. Боляк, В.И. Казаков, Е.Л. Ковалёва, И.М. Максимова, Д.В. Рукавишников, А.М. Хужин и другие).

Конституционно-правомерное поведение в представленном диссертационном исследовании рассматривается как многокомпонентное явление, а его сложная правовая природа обуславливает обращение к концепциям, сформулированным в философии, социологии, политологии и психологии права. По этой причине конституционно-доктринальное толкование правомерного поведения предполагает его восприятие в координатах правовой, политической, социальной, нравственно-этической конституционной нормативности.

Важное значение для разработки теории правомерного поведения в конституционном праве имеют труды дореволюционных ученых-государствоведов: В.М. Гессена, А.И. Елистратова, Георга Еллинека (Georg

Jellinek), И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, Л.И. Петражицкого, А.А. Рождественского, Г.Ф. Шершеневича.

Основным сущностным чертам правомерного поведения, проблемам его классификации, структуры, субъективным характеристикам посвящены фундаментальные исследования по общей теории права. В их числе работы таких ученых, как С.С. Алексеев, С.И. Архипов, В.М. Баранов, М.И. Байтин, А.Б. Венгеров, Н.А. Власенко, Н.Н. Вопленко, Д.А. Керимов, О.Э. Лейст, С.И. Максимов, А.В. Малько, Г.В. Мальцев, Н.И. Матузов, М.Н. Марченко, В.С. Нерсесянц, А.С. Пиголкин, А.В. Поляков, Т.Н. Радько, Р.А. Ромашов, И.С. Самощенко, И.Н. Сенякин, В.Н. Синюков, В.В. Сорокин, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров, А.А. Ушаков, А.Ф. Черданцев, Г.Т. Чернобель, И.Л. Честнов, Л.С. Явич и др.

С позиции методологии и философских методов познания при исследовании правомерного поведения в конституционном праве использовались труды А. Камю (Camus A.), И. Канта, Д. Локка, В.Н. Руденко, В.С. Степина, Н.Н. Тарасова, М. Фуко, Е.Н. Ярковой.

В целом, несмотря на устойчивый характер словосочетаний «правомерное поведение» и «неправомерное поведение», поведенческий подход в отраслевых юридических науках – явление достаточно редкое. И хотя такие исследования все же встречаются, следует признать, что в отечественной конституционно-правовой науке упоминание о правомерном поведении носит, как правило, фрагментарный или вспомогательный характер и используется в связи с анализом иных конституционно-правовых явлений. Так, например, правомерное поведение исследовалось как «качественный показатель» законности (Н.Н. Вопленко, В.В. Демидов, П.М. Рабинович); конституционная обязанность (Ю.П. Еременко); в контексте вопроса пределов в конституционном праве (А.А. Астрахань); в связи с нормами конституционного права (Н.Е. Таева), с конституционной традицией (К.В. Арановский), с принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (Н.А. Арапов) и с конституци-

онным правом на объединение (Д.А. Малый); во взаимосвязи с социологическими и психологическими аспектами конституционного права (Е.С. Аничкин, В.Т. Кабышев, Т.М. Пряхина, Т.И. Ряховская); как составляющая процесса непосредственной демократии (В.В. Комарова); в качестве элемента конституционного правопорядка (А.В. Безруков).

К новым направлениям, свидетельствующим о предметной специфике, взаимосвязи конституционализма и поведения людей, относятся исследования зарубежных авторов, в которых рассматриваются: теория рациональных конституционных прав (Robert Alexy), концепция человеческого достоинства (Aharon Barak), конституционная ценность диалога (Lawrence Friedman), психологический конституционализм (D. Oliver), конституционные чувства (András Sajó), конституционная мифология (A. Marciano), делиберативный конституционализм (R. Levy, H. Kong, G. Orr, J. King).

Наиболее широкую теоретическую базу для изучения проблем вовлеченности отдельных граждан и общественных групп, технологий участия в отношениях между органами власти и общественностью, принципов взаимоотношений власти и общества, общественного доверия представляют работы западных политологов и социологов. В качестве методологических оснований современного социального знания о теории действия, гражданском обществе, правах индивида, символизме использованы работы таких авторов, как: Эндрю Арато (A. Arato), Р. Алекси, Д.М. Бессет, П. Бурдьё, М. Вебер, Р. Давид, Р. Дворкин, Джин Л. Коэн (Cohen D.), Н. Луман (Niklas Luhmann), Т. Парсонс, Фридрих Август фон Хайек, Ф. Фукуяма, Ю. Хабермас, Г. Харт.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в юридической науке накоплен определенный опыт в исследовании вопросов правомерного поведения. Однако в науке конституционного права в качестве развиваемого научного направления проблемы правомерного поведения и его форм остаются неисследованными либо мало исследованными. При этом правомерное поведение участников общественных отношений, вне всякого сомнения, имеет ключевое

значение для совершенствования теории и практики российского конституционализма.

Объект диссертационного исследования – конституционное правомерное поведение как содержательная сторона конституционных правоотношений, процесс и результат реализации конституционных прав, свобод и исполнения обязанностей посредством участия граждан в осуществлении публичной власти и управлении делами государства и общества.

Предмет диссертационного исследования – совокупность конституционно-правовых норм и принципов, выступающих источником возникновения и результатом реализации конституционного правомерного поведения.

Цель исследования – разработка конституционной отраслевой теории правомерного поведения, включающей дефинитивные, видовые, телеологические, аксиологические, психолого-правовые составляющие в контексте соблюдения, исполнения, реализации конституционно-правовых норм и принципов, а также определения присутствия личности в процессе осуществления публичной власти и управления делами государства и общества через институционализованные формы осуществления народовластия, общественного и гражданского участия.

Задачи диссертационного исследования. В соответствии с поставленной целью и для ее достижения автором были определены следующие научные задачи, теоретическое решение которых составляет предмет диссертационного исследования:

1) определить понятие правомерного поведения в конституционно-правовой сфере и его основных форм, установить признаки, сущность, содержание и специфику;

2) выявить объем, содержание и критерии конституционной правомерности;

3) раскрыть методологические подходы к исследованию правомерного поведения в российском конституционном праве;

4) исследовать и проанализировать телеологические, аксиологические, психолого-правовые характеристики правомерного поведения в конституционном праве;

5) обосновать значение и особенности конституционной психологии и разработать систему психолого-правовых установок конституционно-правомерного поведения;

6) выявить признаки и разработать критерии правомерного поведения для современной конституционно-правовой практики;

7) исследовать основные формы правомерного поведения в российском конституционном праве – участие граждан в управлении делами государства, общественное и гражданское участие;

8) определить условия реализации правомерного поведения в сфере конституционного права;

9) исследовать средства обеспечения правомерного поведения: доверие и позитивную ответственность, а также процессы конституционализации политически протестного поведения;

10) обосновать значение и особенности обеспечения конституционно-правомерного поведения в условиях развития цифровой среды;

Методологическую основу исследования составляет система общенаучных и специально-юридических подходов, принципов и приемов научного познания. Углубленное исследование закономерностей формирования правомерного поведения в конституционно-правовых отношениях проводилось с использованием следующих общенаучных методов познания: анализа и синтеза, аналогии, диалектического метода, методов системного анализа и системно-деятельностного подхода. Диалектический метод позволил рассмотреть конституционно-правомерное поведение и сопряженные с ним явления и процессы как динамичные явления правовой действительности. Системный подход позволил раскрыть правомерное поведение в конституционном праве как целостное явление, выявить механизмы его обеспечения и установить многообразие

типов связи данного вида правового поведения с иными элементами системы правового регулирования путем приведения их в единую теоретическую картину.

В ходе исследования применялись и специально-юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, метод межотраслевых юридических исследований. С позиции постнеклассической рациональности правомерное поведение в конституционных отношениях рассматривается как процесс и результат взаимодействия, согласования действий человека, общества и государства. Обращение к юридической конституционной антропологии призвано дать ответы на вопросы взаимосвязей между человеческим поведением, возникновением и регулирующим эффектом конституционных норм, с учетом культурных, социальных и иных сфер, а также расширить предметную область исследования за счет включения в нее не только формализованных правил правового поведения, закрепленных посредством системы государственных обязательных принципов и норм, но и других граней правовой действительности: конституционно-правовых мифов, символов и образов. Использование достижений коммуникативной концепции права позволяет представить конституционно-правомерное поведение как часть многоуровневой системы конституционно-правовых феноменов власти и свободы, субъективный элемент автономной метасоциальной реальности, результат человеческой интерпретации и институционализации конституционных норм, ценностей, правил, фактическое воплощение смыслового выражения взаимного долженствования во взаимодействии субъектов. Феноменологический подход позволяет рассматривать Конституцию Российской Федерации не только как совокупность норм, но и как целостное явление, совокупность смыслов и их отражение в правомерном поведении.

Использование различных методов исследования в их комплексе позволило достичь поставленной цели исследования.

Теоретическую основу диссертационной работы составили труды таких ученых-конституционалистов, как С.А. Авакьян, А.С. Автономов, К.В. Арановский, Г.Г. Арутюнян, М.В. Баглай, Н.А. Богданова, Н.С. Бондарь, Н.А. Боброва, Н.В. Бутусова, Г.А. Василевич, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, Г.А. Гаджиев, В.В. Гриб, Р.В. Енгибарян, В.Д. Зорькин, Т.Д. Зражевская, В.Т. Кабышев, С.В. Кабышев, А.Т. Карасев, В.В. Киреев, С.Д. Князев, А.И. Ковлер, О.А. Кожевников, Е.И. Козлова, Е.В. Колесников, А.Н. Кокотов, В.В. Комарова, Г.Н. Комкова, А.Н. Костюков, В.И. Крусс, В.А. Кряжков, И.А. Кравец, О.Е. Кутафин, Е.И. Колюшин, Г.Н. Комкова, В.О. Лучин, В.В. Лазарев, А.А. Ливеровский, М.А. Липчанская, Н.А. Михалева, В.Д. Мазаев, М.А. Митюков, С.В. Нарутто, В.В. Невинский, Ж.И. Овсепян, М.В. Пресняков, Т.М. Пряхина, А.В. Савоськин, М.С. Саликов, С.Л. Сергевнин, Б.Н. Топорнин, И.А. Умнова (Конюхова), В.И. Фадеев, И.Е. Фарбер, Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин, Ю.Л. Шульженко, Б.С. Эбзеев, А.А. Югов.

Нормативную основу диссертационного исследования составили Конституция Российской Федерации, законодательство Российской Федерации, иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

Эмпирической базой диссертационного исследования являются документы стратегического планирования; материалы официальных информационных источников органов государственной власти, контрольно-надзорных и консультативных органов; качественный анализ текстов ежегодных посланий Президента РФ Федеральному Собранию с 1994 по 2021 год; правоприменительная практика Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и иных судебных инстанций; социологические, фактологические и статистические материалы, включая доклады государственных органов, общественных организаций и должностных лиц.

Исследование также основывалось на результатах участия автора в качестве судьи в деятельности Уставного суда Челябинской области (2012–2014 г.г.), члена Общественной палаты города Челябинска (2015–2019 г.г.), члена

Избирательной комиссии Челябинской области с правом решающего голоса (2017–2021 г.г.), члена экспертно-консультативного совета при Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству (2021 – по настоящее время).

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в отечественной конституционно-правовой науке проведен комплексный анализ правомерного поведения как свойства конституционной функциональной системы российского государства, социального действия и категории теории познания.

В рамках одной научной работы проведено комплексное исследование правомерного поведения, отражаемого в соответствующих конституционно-правовых категориях, понятиях и принципах, в результате которого соискателем:

- разработана новая научная конституционно-правовая теория правомерного поведения, композиционно включающая совокупность терминологических и дефинитивных конструкций, учитывающих многообразие форм такого поведения, и одновременно отвечающая требованию применимости к реалиям современной российской конституционно-правовой действительности. Выдвинут новый подход к пониманию правомерного поведения в российском конституционном праве, базовой идеей которого является интерпретация правомерного поведения как демократического и общественно-гражданского участия, отражающего целеполагание и ценностные установки граждан, детерминированных конституционным правопониманием;

- исследованы содержание и объем конституционного понимания правомерности, включая соотношение с категориями легальности, легитимности и конституционной законности, а также влияние конституционных идей, доктрин и концепций на регулирование общественных отношений и поведение субъектов права, проявляющееся в том, что социальные субъекты (индивиды и общности) признают и отстаивают собственную, отличную от других систему ценностей, а правила и образцы поведения, которыми они руководствуются, отра-

жают желаемую и признаваемую для них модель устройства властных отношений;

– показаны роль и влияние конституционно-правового целеполагания и конституционно-ценностной системы на правомерное поведение участников общественных отношений;

– сформулировано представление о конституционной психологии как новом междисциплинарном направлении, формирующемся на стыке конституционного права и правовой психологии, а также системе психолого-политических оснований правомерного поведения в российском конституционном праве;

– выявлены особенности правомерного поведения граждан, выражающегося в осуществлении народовластия, общественном и гражданском участии, которые позволили раскрыть конституционно-правовую природу данного феномена через акцентирование его социальной сущности, психолого-правовых установок, волевого характера, направленности на взаимодействие и общественный диалог в системе «человек-общество-государство» и сознательный вклад в формирование, функционирование гражданского общества и конституционной государственности;

– обоснована возрастающая роль доверия и позитивной ответственности как средств обеспечения правомерного поведения, а также роль новелл Конституции России (ст. 75.1) в развитии доктрины ответственного государства;

– предложены критерии, позволяющие квалифицировать политически протестное поведение как конструктивную форму политико-правовой активности субъектов конституционных отношений и уровни конституционализации такого поведения;

– охарактеризовано влияние интернет- и цифровых технологий на процессы демократического участия и качественное видоизменение привычных

форм юридически значимого поведения, составляющих основу моделей конституционно-правовых институтов.

На защиту выносятся следующие положения, отражающие новые подходы к проблемам конституционного правомерного поведения.

1. Отраслевая конституционная теория правомерного поведения композиционно включает определенную совокупность терминологических и дефинитивных конституционно-правовых конструкций, категорий и критериально-видовых характеристик, традиционных для конституционно-правовой науки и позволяющих рассматривать правомерное поведение как: а) теоретическую абстракцию, идеал; б) процесс реализации конституционных прав и свобод и результат такой реализации; в) объект конституционного правоотношения; г) основополагающий элемент конституционного правопорядка; д) процесс и результат взаимодействия человека, общества и государства посредством участия в осуществлении публичной власти, деятельности институтов гражданского общества, гражданского участия.

2. Сопоставление теоретико-правового и конституционно-правового понимания правомерного поведения позволяет сделать вывод, что в теории права правомерное поведение – это социально полезное поведение, отвечающее требованиям права, в то время как конституционно-правомерное поведение, наряду с социальной полезностью и соответствием праву, понимается как: 1) образец действий участников конституционно-правовых отношений, в основе которого лежат конституционные нормы и принципы; и 2) разновидность социального действия в форме участия в управлении делами государства, общественного и гражданского участия. По своей сути, конституционно-правомерное поведение посредством различных форм участия фиксирует связь индивида с существующей сферой политики, демонстрирует включенность индивида в демократические и общественные процессы, отражает совокупность конституционно закрепленных социально-политических целей и ценностей, является индикатором

тором контроля со стороны публичной власти над происходящими в обществе процессами и способности ограничивать проявление противоправного.

3. Конституционно-правомерное поведение понимается как сложное, многомерное, целостное социально- и общественно-правовое явление, способ взаимодействия индивидов с государством, осуществляемый в специализированных активных формах (участие в демократических процедурах, общественное участие, гражданское участие), который признается обществом (фактически) и государством (официально, формально) как соответствующий или не противоречащий Конституции Российской Федерации и отражающий реальные взаимосвязи и взаимозависимости нормативных, ценностных и морально-духовных ее установлений, а также процессов конституционного правоприменения и правореализации.

4. Выявлены следующие характеристики правомерного поведения в сфере конституционного права:

– правомерное поведение как тип социального поведения, отражающий легитимность, эффективность и действенность норм Конституции Российской Федерации и конституционного законодательства в пространстве взаимодействия государства, общества и личности (такое пространство охватывает как властеотношения, так и невластные отношения в обществе);

– правомерное поведение как комплекс, система целенаправленных длящихся во времени действий, объективированных и выраженных вовне в различных формах демократического и общественно-гражданского участия, способных получить юридическую оценку;

– конституционно-правомерное поведение – волевое, деятельностное проявление личности в сфере конституционно-правового регулирования, которое: 1) выражается в сознательном выполнении требований норм Конституции, совпадает с конструкциями конституционно-правовых принципов, которые выражают меру, масштаб, образец, стандарт, правило поведения; 2) имеет формы участия как в осуществлении публичной власти (государственной и обще-

ственной), так и в гражданских практиках, не связанных с властными полномочиями; 3) имеет как активные формы, определяемые через действие (например, голосование или участие в публичных слушаниях), так и пассивные формы (например, чувство патриотизма и гражданственности).

5. Определены критерии конституционно-правомерного поведения:

1) *критерий легитимации публичной власти* отражает необходимый минимум доверия для устойчивости властеотношений, демонстрирующий признание за публичной властью и ее институтами права предписывать нормы поведения гражданам, которые, добровольно принимая ограничения действий и пределы реализации прав, повинуюсь предписаниям, тем самым выказывают поддержку публичной власти, придавая ей легитимный характер;

2) *формально-юридический критерий* означает соответствие правового поведения конституционно оформленному долженствованию и нормативным предписаниям;

3) *критерий соответствия нравственно-этической конституционной нормативности* означает: а) осознание каждым индивидом своей свободы как свободы собственных действий, своей необходимости, а также добровольного принятия ограничений (самоограничения) в пользу общества и государства; б) соизмерение индивидом свободы своего поведения с собственным благом, с одной стороны, и с интересами окружающих его лиц, благом семьи, коллектива, общества и государства – с другой. В свою очередь, общности, частью которых он является, должны считаться с интересами личности, уважать её и делать всё возможное и должное для обеспечения этих интересов, соблюдать пределы и границы допустимого воздействия на личность и вмешательства в её жизнь; в) соблюдение самоограничений в пользу тех общностей, в которых пребывает человек, и исполнение конституционных обязанностей (ч. 2 ст. 15 и ч. 3 ст. 17 Конституции России);

4) *нормативно-ценностный критерий*, который выражается в том, что при наличии разных вариантов выбора модели поведения субъект отдает предпочтение той, которая отражает конституционные ценности.

6. Выявлены *условия реализации* правомерного поведения в сфере конституционного права:

- способность и гарантированная возможность граждан и социальных групп к оппонированию и защите собственной позиции;
- возможность фактического влияния на конституционно-политические процессы и высокая степень вовлеченности граждан в принятие решений;
- выбор только тех форм реализации и защиты прав и свобод, легитимность которых закреплена в законах (через позитивное регулирование, либо непротиворечие закону);
- наличие и возможность использования переговорно-согласительных процедур в политико-правовой сфере;
- достижение консенсуса, который предполагает согласие меньшинства подчиняться решениям большинства, при сохранении и гарантировании права на критику, оппозицию и протест;
- взаимное доверие между личностью, государством и обществом, которое снижает риски, придаёт стабильный характер взаимодействию между участниками социальных отношений;
- наличие передающего конституционные нормы механизма, ориентированного на социализацию личности, включающего в том числе правовое образование и воспитание.

7. Взаимодействие в системе «человек – государство – общество» обеспечивает реализацию следующих видов и форм конституционно-правомерного поведения: 1) участие в управлении делами государства и осуществлении местного самоуправления; 2) институционализированные формы общественного участия; 3) инициативное поведение личности, оказывающее позитивное влия-

ние на формирование и функционирование гражданского общества и правового государства (гражданское участие).

8. Концепт правомерности является отражением исторических, социокультурных и идеологических особенностей формирования отечественной правовой системы, а его интерпретация основывается на признаваемых и конституционно закреплённых ценностях и нормах, относительно которых сложился консенсус и в соответствии с которыми организована жизнь общества. Правомерное поведение соотносится с укоренившейся в сознании масс приверженностью к той или иной политико-правовой доктрине, принятием в качестве руководящих конкретных норм, образцов и правил поведения, соответствующих желаемой модели устройства властных отношений, образует тем самым основу консолидации общества и эффективное средство социального контроля.

9. Конституционно-правовое целеполагание является механизмом ориентации правомерного поведения, имплицитно включает в себя идеологические и политические установки, национальные идеи, социальные ожидания и культурно-исторические ценности общества. Результативность и предметность правомерного поведения определяется его соответствием конституционным целям и включает в себя несколько уровней, среди которых базовым является формальное соответствие поведения субъекта нормативным предписаниям, а наивысшим – степень его адекватности конституционным целям и смыслу, заложенному с той или иной степенью абстрактности в любом нормативном регуляторе. Сознательный выбор цели, соответствующей конституционным установлениям, образует мотив правомерного поведения. Важное значение имеет соотнесение субъектами правоотношений индивидуальных и коллективных, государственных и общественных целей: если степень совпадения целей высока, то неизменно высок и уровень правомерного поведения, законо- и правопослушания.

10. Взаимосвязь и взаимозависимость программной функции Конституции Российской Федерации, целей конституционного регулирования и право-

мерного поведения состоит в следующем: конституционно закрепленные механизм целеполагания (посредством программной функции) и механизм должностования (посредством желаемого образа правомерного поведения) получают идейное обоснование (поддержку) через идеологическую функцию и отраженные с ее помощью ценности. Важнейшее значение имеет ценностное целеполагание, которое связано с национальной идеей. Ценностные ориентиры Конституции России, трансформированные в цели конституционного и текущего законодательства, приобретают регулирующее воздействие.

11. В качестве ориентационной основы правомерного поведения предложено различать конституционные ценности как ценности, определяющие общественное восприятие (например, чувство патриотизма и гражданственности) и конституционные ценности как контуры правомерного поведения (например, свобода слова). Конституционные ценности выполняют смыслообразующую функцию, тем самым создавая мотивационную обусловленность и задавая ориентационный вектор, направленность правового поведения. В качестве ориентационной основы правомерного поведения конституционные ценности могут быть охарактеризованы с нескольких позиций, а именно как:

1) критерий и мера для соотнесения осуществляемых действий (деятельности) с конституционными эталонами. В этом смысле конституционные ценности проявляют себя как средство субъектно-объектной связи в системе социального взаимодействия, в результате которой участники конституционных отношений оценочно осмысливают те или иные проявления политико-правовой действительности как ценностные и соизмеряют свое поведение в текущих условиях действительности с конституционными ценностями;

2) проявление значимости социальных, государственных и общественных институтов, существование которых позволяет гражданам удовлетворять разнообразные потребности, или отдельных общественных отношений, нуждающихся в правовой охране в связи с реальной угрозой причинения им вреда (например, сложившееся исторически государственное единство, память за-

щитников Отечества, благоприятная окружающая среда, тайна электронных переговоров и сообщений);

3) сформировавшиеся в результате общественного мнения и обсуждения, разделяемые обществом предпочтения, идеи и явления как результат консенсуса различных социальных субъектов относительно значимости конкретной ценности для общества, государства и личности (например, ценности исторической правды);

4) основание для правовой мотивации поведения, которая заключается во влиянии конституционных ценностей на эмоциональное отношение и выбор правомерной модели поведения.

В отличие от норм права особый характер воздействия на поведение участников общественных отношений правовых правил, выраженных в конституционных ценностях, в том, что они: 1) рекомендуют, а не указывают на должное поведение; 2) выражают в качестве блага наиболее предпочтительный вариант для конкретного субъекта; 3) определяют идентичность общества в конкретный исторический период его развития, тем самым выступая в качестве ориентира при выборе модели правового поведения.

12. Конституционное участие имеет следующие отличительные особенности:

– является формой правовой активности, противопоставляется не участию или уклонению от участия, а также бездействию как допустимым формам конституционно-правового поведения;

– характеризует действия граждан и их объединений, подразумевает осознанный, рациональный и целенаправленный характер в противоположность стихийным действиям иных субъектов;

– выполняет инструментальную роль по отношению к правомерному поведению, которое является более широким понятием.

13. Участие гражданина в управлении делами государства как вид конституционного участия представляет собой основанное на конституционном

принципе народовластия, детализированное в нормативных правовых актах правомерное поведение, результатом которого является воздействие на принятие и реализацию решений в сфере властеотношений. Условиями правомерности данной правовой активности, осуществляемой в форме как непосредственного, так и опосредованного взаимодействия с органами государственной власти, являются добросовестность и отсутствие злоупотребления соответствующим конституционным правом.

14. Общественное участие как форма конституционного правомерного поведения в широком смысле является проявлением солидарности, единения, взаимодействия и сотрудничества посредством основных конституционных моделей отношений между человеком, государством и обществом; в узком смысле – выступает как динамическая составляющая общественной власти, процесс распределения власти и ответственности между обществом и государственно-властными структурами. Критерием правомерности общественного участия является поддержка государственных решений, предложение конструктивных изменений государственной политики в целях реализации конституционных прав и свобод и народовластия.

15. Гражданское участие как форма конституционного правомерного поведения рассматривается как вид социальной активности неполитического характера, реализуемое в невластных (горизонтальных) отношениях, осуществляемое преимущественно посредством самоорганизации, под личную ответственность, направленное на удовлетворение социально значимых интересов и потребностей, на общее благо. Гражданское участие составляет основу гражданского общества и характеризуется посредством категорий «гражданское самосознание», «гражданственность», «гражданская позиция», «общество взаимопомощи», «добровольчество», «гражданский долг».

16. Конституционная психология в рамках отраслевой конституционной теории правомерного поведения может рассматриваться, по меньшей мере, в двух аспектах: 1) как социально-правовое явление, характеризующее конститу-

ционно-психологическое состояние общества на конкретном этапе конституционно-правового развития государства, позволяющее установить влияние общественных социально-психологических установок на происходящие конституционные процессы в стране, установить причины и закономерности данного процесса, определить детерминирующие начала действий и решений органов власти и должностных лиц; 2) как конструкт конституционных политико-правовых явлений, где ясны формулы, взаимодействие элементов и понятно содержание структуры политико-правовых событий по типу идеализации: «как это должно быть». В данном аспекте конституционная психология как вариант психологии позитивной политики – это описание конституционно-желаемого государства, отношения власти и общества, баланса свободы и власти. Предложена система *психолого-политических оснований правомерного поведения в конституционном праве*, включающая в себя следующие смыслообразующие элементы: 1) конституционную идеологию; 2) конституционные символы; 3) конституционное правосознание.

17. Процесс конституционализации политически протестного поведения основан на восприятии конфликта и конструктивного протеста как: 1) нормальной части политико-правового процесса; 2) элемента политико-правовой культуры общества и государства, требующего конституционно-правового механизма регулирования конфликтного взаимодействия; 3) проявления традиции демократии, которое при соблюдении установленных законом форм и способов выступает консультативной формой осуществления народовластия и формой реализации политических конституционных прав.

18. Основанное на доверии конституционно-правомерное поведение участников общественных отношений взаимосвязано с рядом корреспондирующих конституционных принципов, которые носят объективно-субъективный характер: принципом уважения личности (человеческого достоинства – ч. 1 ст. 21 Конституции РФ), уважения прав человека со стороны государства, а также принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства (ст.

18 Конституции), взаимного доверия государства и общества (ст. 75.1 Конституции). Мотивационную основу общественного доверия образуют правомерные ожидания, сопричастность к осуществлению публичной власти и общим национальным идеям, общей воле.

19. Цифровая трансформация конституционно-правовых отношений способна существенно и позитивно изменять деятельность институтов представительной и прямой демократии, повысить эффективность их функционирования за счет обеспечения фактической, а не декларативной возможности граждан выражать свое мнение относительно социально значимых проблем. Достижение эффективности возможно при тщательном соотнесении с масштабом потенциальных рисков, связанных с развитием технологий (злоупотребление правами; использование интернет-ресурсов и технологий в преступных целях; вмешательство в частную жизнь индивидов; пропаганда неконституционных моделей поведения; распространение фейковой информации, способной отрицательным образом повлиять на действия индивидов и социальных групп; создание искаженного образа государства, его органов и целей в целях дестабилизации политической обстановки, разжигания межнациональных конфликтов, и т. д.).

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования обусловлена тем, что представленное диссертационное исследование направлено на разработку теории правомерного поведения в конституционном праве. С теоретической точки зрения работа служит развитию теории Конституции Российской Федерации, являющейся важнейшей составной частью науки конституционного права и фундаментальных конституционно-правовых исследований, включению в нее новых концептуальных положений по вопросам реализации норм конституционного права.

В ходе проведенного исследования разработан комплекс теоретических подходов к понятию и признакам правомерного поведения в конституционном праве, его специфике, тенденциям развития, особенностям проявления в обще-

ственных отношениях с точки зрения роли данного вида правового поведения в системе правового регулирования. Научный понятийный аппарат конституционного права дополнен новыми правовыми категориями и юридическими понятиями. Выводы, сделанные в работе, могут стать основой научных исследований как в рамках проблематики реализации норм конституционного права, конституционных прав и свобод человека и гражданина, так и других теоретических проблем данной отрасли: исследований системы отрасли, процессуальной формы в конституционном праве, теории конституционных правоотношений, юридической ответственности и других. Сформулированные и обоснованные выводы могут быть реализованы в нормах конституционно-правового законодательства. Сформулированные автором выводы выступают теоретико-методологической базой для дальнейшего развития представлений об отдельных формах участия граждан в управлении делами государства, общественном и гражданском участии и имеют значение для развития теории участия в иных отраслях права. Предложенная концепция правомерного поведения направлена на создание условий для решения крупной научной проблемы, имеющей важное социальное значение – достижение системного и непротиворечивого конституционно-правового регулирования общественных отношений и обеспечение конституционной законности и правопорядка.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что содержащиеся в диссертации выводы и предложения создают теоретико-методологические основы для совершенствования законодательной деятельности, в частности: в методике законопроектной работы в конституционно-правовой сфере; для совершенствования законодательной техники; при разработке модельного законодательства конституционно-правового характера и документов стратегического планирования; при правовой экспертизе законопроектов и действующих нормативных правовых актов с позиций ожидаемых результатов правового регулирования; при совершенствовании практики применения норм конституционного права, с учетом выявленных особенностей их

регулирующего воздействия на правовое поведение участников общественных отношений.

В прикладной части работа раскрывает содержание и алгоритмы практической квалификации правового поведения как конституционно-правомерного. Диссертационное исследование углубляет научные представления о правомерных практиках участия в осуществлении народовластия, в том числе в связи с задачами совершенствования отечественного правового порядка, его выводы могут быть использованы в деятельности правоприменительных органов публичной власти.

Результаты проведенного исследования могут использоваться в образовательном процессе при преподавании учебных дисциплин «конституционное право», «муниципальное право», «конституционный судебный процесс», «юридическая техника» и направлены на формирование у студентов навыков в сфере правотворческой и правоприменительной деятельности. В целом, практическая реализация выводов и предложений, сделанных в диссертации, позволяет обеспечить системность правового регулирования отношений, входящих в предмет конституционного права.

Степень достоверности обеспечена обоснованностью методологии исследования – проведением исследования на теоретическом и практическом уровнях и методами, адекватными предмету, цели и задачам исследования. Достоверность исследования определяется также всесторонним анализом информации об исследуемых объектах и возможностью верификации полученных выводов относительно проявления правомерного поведения в конституционно-правовой сфере. Кроме того, достоверность результатов подтверждается их апробацией.

Апробация результатов диссертационного исследования осуществлена в порядке обсуждения и одобрения на заседаниях кафедры конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены автором в научных работах, в том числе статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты.

Автором были сделаны доклады по теме диссертации на международных и российских конференциях: Всероссийский симпозиум «Наука и технологии в XXI веке: тренды и перспективы» (Москва, 27–30 сентября 2021), Международная научно-практическая конференция «Конституционно-правовое развитие современной России: тенденции, приоритеты, проблемы» (Уфа, 4–5 июня 2021), Международная научно-практическая конференция «IV Сибирские правовые чтения “Государство и право в условиях глобальных ограничений”» (Тюмень, 30 октября 2020), Всероссийская научная конференция с международным участием «Право и правоприменение в современной России» (Новосибирск, 24–26 сентября 2020), Международный симпозиум «Роль и значение права в условиях пандемии» (Москва, 6–7 июля 2020), Всероссийская научная конференция с международным участием «XXV лет Конституции Российской Федерации: трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества» (Москва, 10–11 декабря 2018), Международная научно-практическая конференция «Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства» (Тюмень, 19–20 октября 2020), Всероссийская конференция «Уральский форум конституционалистов» (Екатеринбург, 1–6 октября 2018), Международная научно-практическая конференция V Московский юридический Форум «Будущее российского права: концепты и социальные практики» (Москва, 5–6 апреля 2018), Международная научно-практическая конференция IV Московский юридический форум «Кутафинские чтения» (Москва, 6–8 апреля 2017), Всероссийский слет конституционалистов «Конституционное право в бакалавриате, магистратуре, аспирантуре» (Москва, 6–8 апреля 2017), Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2017» (Челябинск, 31 марта – 1 апреля 2017), Международная научно-практическая конференция «Обеспече-

ние прав и свобод личности в современном мире», объединяющая работу XVII международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и XI международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, 22–24 ноября 2016), Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 6–8 октября 2016), Международная научно-практическая конференция «Конституционные идеалы и ценности в практической демократии» (Самара, 30 сентября – 1 октября 2016), Международная научно-практическая конференция X сессия Европейско-Азиатского правового конгресса (Екатеринбург, 9–10 июня 2016), Международная научно-практическая конференция «Методология современного конституционализма» (Санкт-Петербург, 20–21 мая 2016), Уральский форум конституционалистов (Екатеринбург, 8–9 октября 2015).

Кроме того, ключевые идеи диссертационного исследования применяются автором в процессе преподавания учебного курса «Конституционное право России».

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и отражает его логику. Работа включает в себя введение, четыре главы, объединяющие двенадцать параграфов, заключение и список использованных правовых источников и литературы.

Глава I. Конституционно-правовая теория и особенности методологии исследования правомерного поведения

1.1 Понятие правомерного поведения в конституционно-правовой науке

Этимология слова «поведение» в русском языке берет свое начало из праславянского языка¹, а именно от слова «vedti», от которого в последующем произошли старославянские слова «ведж», русское и украинское «вести», «повод», «воевода»². В словаре В.И. Даля слово «поведенье» (через «ь») определяется также через глаголы «повезти», «поваживать»³. Как категория научного мышления и направление научных исследований, поведение людей (индивидуальное и массовое) приобрело значение на рубеже XIX–XX веков. Данное обстоятельство было связано с изменением ситуации в мировой науке, в частности с эволюционным учением Ч. Дарвина, новым пониманием детерминизма и внедрением новых способов познания, пришедших на смену механике. Именно в этот период в работах русского учёного И.М. Сеченова были заложены первоосновы «...учения о поведении как особой форме существования организма, данной в понятиях, не редуцируемых ни к физиологическим, ни к психологическим»⁴. В последующем широкое научное использование поведение как объект исследования получило в результате экспансии американской концепции, известной как «бихевиоризм» (от англ. behaviour – поведение).

Поведение человека и право взаимосвязаны теснейшим образом, поскольку последнее рассматривается как совокупность правил поведения. Пра-

¹ Князев, С.В. О причинах некоторых звуковых изменений в праславянском и русском языках / С.В. Князев // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2000. – № 5. – С. 81.

² Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. (с доп.). – М.: Прогресс, 1971. Т. 3. – С. 530.

³ Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб.: Диамант, 1996. – С. 142.

⁴ Ярошевский, М.Г. Наука о поведении: русский путь. Избранные психологические труды / М.Г. Ярошевский. – М.: Проспект, 1996. – С. 300.

вовое поведение, в отличие от поведения, не регулируемого правом, характеризуется наличием общесоциальной и юридической значимости.

В настоящее время конституция государства представляет собой, пожалуй, единственную универсальную юридическую форму, позволяющую: во-первых, максимально сконцентрировать нормы и механизмы защиты права от нарушения; во-вторых, установить способы корректировки правоприменительной практики во взаимосвязи права с политикой, доктринами естественных прав человека и правового государства, моралью и нравственностью, справедливостью, глобальными проблемами и вызовами; в-третьих, будучи сводом основных правил взаимодействия человека, государства и общества, определить основные модели поведения указанных субъектов в таком взаимодействии.

Обращаясь к анализу правомерного поведения в конституционном праве, уже на первом его этапе выскажем ряд предварительных, но, на наш взгляд, ключевых тезисов, которые предопределяют направления настоящего диссертационного исследования:

- правомерное поведение – это категория, включающая в себя различные аспекты соотношения политических, правовых и социально-психологических¹ параметров конституционных процессов;
- правомерное поведение одновременно является необходимым инструментальным компонентом многих основополагающих категорий современного правопорядка и конституционно-правовой доктрины;
- конституция государства как ядро сложной конституционной инфраструктуры влияет на поведение основополагающих субъектов общественных отношений, придавая их поведению характер правового;

¹ Лучин, В.О. Пряхина, Т.М. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 135–138; Комкова, Г.Н. Воспитательная функция российской Конституции / Г.Н. Комкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 106–108.

– конституционно-правомерным поведением является юридически значимое проявление свободы личности, а также внешние формы такого вида активности, как участие (в общественных и политико-правовых отношениях), как юридически нормированное, так и не имеющее такого нормирования;

– правомерное поведение как поведение, осуществляемое в соответствии с требованиями публичной власти, выполняет для нее (власти) легитимирующую роль¹. Именно признание, повиновение и правомерное поведение подвластных делают власть легитимной. Следуя нормативным велениям властвующих, подвластные признают такие указания правильными, законными и правомерными. Так, например, Макс Вебер повиновение легально установленному деловому безличному порядку (*legal gesetzten sachlichen unpersönlichen Ordnung*) относил к рациональному типу легального господства. Такой тип господства основывается на вере в легальность установленных порядков и права распоряжаться (*Anweisungsrechts*) того, кто призывает к осуществлению господства посредством этих порядков². Соответственно, задачей публично-властных институтов становится обеспечение всеми средствами правомерного поведения (повиновения и согласия с ее действиями), поскольку именно законопослушное поведение становится инструментом подтверждения легитимности публичного порядка и «вотума доверия» действующей публичной власти;

– понимание сущности и разработка целостной концепции правомерного поведения в конституционном праве претендуют на то, чтобы стать частью формирующейся концепции современного поведенческого механизма права³,

¹ В известнейшем труде Дэвида Битхэма (David Beetham), посвященном легитимности власти, он выделял следующие элементы в структуре легитимности: правила, устанавливающие власть; вера в оправданность этих правил; действия (поведение) в соответствии с требованиями власти. См.: Beetham, David. 1991. *The Legitimation of Power*. Basingstoke: Palgrave / David Beetham – Biezen, Ingrid van, 2013.

² Вебер, М. Типы господства / М. Вебер // *Личность. Культура. Общество*. – 2008. – Т. 10. – № 5–6. – С. 22–36.

³ Тихомиров, Ю.А. Нанба, С.Б. Цомартова, Ф.В. Социальная концепция права: новый подход / Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба, Ф.В. Цомартова // *Журнал российского права*. – 2014. – № 8 (212). – С. 32–37.

направленного на обеспечение гармоничного сочетания частных и публичных интересов.

Исследования поведения в политико-правовых науках берут своё начало в работах западных (преимущественно американских) ученых. Условно можно выделить несколько этапов и направлений, характеризующих эволюцию подходов к анализу первоначально политического, а в последующем и правового поведения:

1) период возникновения, развития и осмысления в рамках политической философии и начала формирования политических теорий, характеризующийся зарождением поведенческих исследований в отношении государственных деятелей, «естественного» поведения граждан и его корректировки, а также политического участия;

2) формирование концепции политической социологии, характеризующейся отказом от объективизма, предписанности политических норм и правил и включающей политический активизм, теорию «социального действия», выявление субъектного измерения политической сферы, введение «агента политического действия» и его политической активности как стратегии поведения, классификацию видов политического поведения – целерационального, ценностно-рационального, аффективного, традиционного – и типологии политических лидеров;

3) «поведенческая» (или бихевиористская) парадигма в общественных науках. Предметом бихевиоризма считается не сознание, а поведение как совокупность двигательных и сводимых к ним словесных и эмоциональных ответов как реакций на внешние воздействия среды¹. Бихевиоризм зародился в XX в. и прочно ассоциируется с американской политологией, более того, «...поведенческий подход был американским интеллектуальным проектом»².

¹ Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – С. 102.

² Wogu, I. A.P. Behaviouralism as an approach to contemporary political analysis: an appraisal / I. Wogu // Inter-national Journal of Education and Research. – 2013. – Т. 1. – № 12.

Основываясь на представлении о единстве науки и единстве человеческого поведения, а также о том, что политические явления могут быть исследованы с помощью научных методов, ученые-бихевиористы разработали основы научной количественной методологии для изучения политических процессов и открыли тем самым юриспруденцию и политологию для широкого спектра теорий и методов, применяемых в социальных и математических науках;

4) теория рационального выбора, которая позволяла формализовывать модели политического поведения, заключать их в математические формулы. В рамках данной теории была сформулирована зависимость между экономическим положением в стране и электоральным выбором граждан, смысл которой заключается в том, что избиратели в благоприятных экономических условиях отдают предпочтения действующим представителям власти, а в случае экономической нестабильности или кризиса отдают предпочтение оппозиции; определены проблемы влияния информационного поля на электоральный выбор¹.

Отчетливая и неоднократно отмечаемая исследователями связь конституционного права и политики позволяет использовать для исследования правомерного поведения в конституционном праве достижения политической науки, изучающей политическое поведение. Понятием «политическое поведение»² в современной науке принято обозначать различные проявления активности – как легального (конвенционального), так и несанкционированного (неконвенционального) характера, различающиеся по степени своего влияния на власть. Результатом такой активности становится вовлечение в политическую жизнь отдельных индивидов, социальных групп и слоев и, как следствие, возникновение и функционирование многообразных форм политической составляющей жизнедеятельности общества. Поиски подходов к концептуализации политического

¹ Пушкарева, Г.В. Политическое поведение. [Электронный ресурс]. // URL: <http://рос-мир.рф/node/3038> (дата обращения 18.12.2021).

² Авторство термина приписывается американскому журналисту Френку Кенту, опубликовавшему в 1928 году книгу под соответствующим названием. См.: Dahl, R.A. The behavioral

поведения через категории ментальности и менталитета, с использованием представлений о картинах мира, архетипах, субкультурах и других заимствованных из смежных научных дисциплин понятий делают возможным экстраполировать психологические мотивы и культурные (в широком смысле) факторы политического выбора на общественные отношения, регулируемые конституционным правом. Бесспорно, в мотивации поведения человека в публичной сфере есть не только рациональная, но и духовно-нравственная и эмоциональная составляющие, в связи с чем вопрос о том, как учесть взаимное переплетение интересов, ценностей, представлений и эмоций в анализе политического сознания и поведения, стал для науки, в том числе и конституционного права – серьезным вызовом. Современная доктрина сталкивается с задачей концептуализации, синтеза ценностных, эмоциональных и рационально мотивированных оснований политического действия на индивидуальном, групповом и социальном уровне. Соответственно, и теория конституционного права не может рассматриваться только в формально-правовом аспекте, а должна изучаться как наука синтетическая, с признанием того обстоятельства, что политический подход позволяет более полно раскрыть сущность данного феномена¹.

Исследование конституционных аспектов политико-правового поведения в конечном счёте неразрывно связано с людьми – именно люди голосуют, участвуют в осуществлении народовластия различными способами, являются носителями прав, обязанностей, ожиданий и убеждений. Человек и конституционно закреплённая политико-правовая система находятся во взаимодействии, однако анализ отдельных предпочтений не может полностью объяснить коллективные решения. Это обусловило появление нового подхода к юриспруденции – *поведенческой юриспруденции*, предметом изучения которой является уже

approach in political science: Epitaph for a monument to a successful protest / R.A. Dahl // American Political Science Review. – 1961. – Т. 55. – № 4. – Р. 763–772.

¹ Тененбаум В.О. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Вып. 1 (2). – Саратов, 1974. – С. 50.

не закон в классическом смысле. Исследовательский интерес сосредоточен на том, как люди, которые выполняют определенные роли в некоторых характерных типах последовательностей принятия решений, традиционно определяемых как «законные», поступают в своих взаимодействиях друг с другом, а также, как эти поступки и поведение в целом коррелируют с той или иной степенью свободы действий и категорией обязанности (необходимости).

В отечественной юридической науке указанные задачи исследуются в рамках теории правового поведения. *Отраслевая конституционная теория правомерного поведения*, безусловно, связана с обозначенной общетеоретической концепцией, но с учетом особенностей и сложной политико-правовой природы *рассматривается* в настоящем диссертационном исследовании в следующих аспектах.

Во-первых, как *юридическая абстракция* – проявление «юридического мира как искусственного и фикционного»¹, характеризующего действия человека как субъекта правовых отношений. В классическом определении права древнеримского юриста и государственного деятеля Публия Ювентия Цельса (*Publius Iuventius Celsus*): «*jus est ars boni et aequi*»² слово «*ars*», используемое в переводе как «нечто искусственное, научно созданное, неестественное, пребывающее в вымышленном, фикционном мире идей», открывает доступ к пониманию правового поведения не как к антропологическому, биологическому, а как к сугубо юридическому. В теории права искусственная природа исследуемого феномена проявляется в таких характеристиках, как регламентированность и подконтрольность государству, а также способность правового поведения вызывать юридические последствия³. В отечественном правоведении такой

¹ Гаджиев, Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 16.

² Это определение права, которое Ульпиан назвал «превосходным», известно по переводу И.С. Перетерского: «Право – есть искусство добра и справедливости».

³ Кудрявцев, В.Н. Казимирчук, В.П. Современная социология права. Учебник / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев – М.: Юристъ, 1995. – С. 85–88.

подход является доминирующим, в отличие от, например, юриспруденции американской, где «поведенческий подход» представляет собой одно из самостоятельных направлений, исследующих политико-правовые явления через поведение конкретных индивидов, действия людей, направленные на достижение определенных политических целей. В рамках представленного исследования конституционно-правомерное поведение будет рассмотрено как с позиции конституционного идеала (образца), так и с позиции теории социального действия – участия в основных государственно-властных и общественных процессах.

Подобного рода подходы можно обнаружить в работах целого ряда российских и зарубежных ученых. В частности, как обоснованно замечает Б.С. Эбзеев, рассуждая о пределах воздействия Конституции на различные сферы жизни общества, предмет конституционного права не сводится только к общественным отношениям. «Наивно предполагать, – пишет он, – что целостность общества как государственно-организованного единства народа покоится единственно на взаимоотношениях людей, которые в результате конституционного воздействия приобретают характер правоотношений с принадлежащими их субъектам правами и обязанностями...». Правоотношения, по мнению ученого, образуют лишь один из пластов конституционного воздействия на общество и основываются на более глубоких пластах объективного правопорядка – государственном режиме, статусах его субъектов. Конституция же покрывает своим регулятивным воздействием социальный порядок в целом¹.

В юридической науке начал отчетливо выделяться антропологический дискурс, ранее присущий преимущественно философии права. В настоящее время научная риторика относительно социолого-антропологических исследо-

¹ Эбзеев, Б.С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года» / Б.С. Эбзеев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 1 (120). – С. 23–24.

ваний права в целом¹ и антропологических аспектов Конституции² еще более актуализирована. В современных трудах нередко отмечается определенная несостоятельность, свойственная традиционному подходу в вопросах выделения и классификации общественных отношений, составляющих предмет конституционно-правового регулирования. В значительной мере это связано с дефицитом внимания к социальному поведению (действиям) субъектов конституционного права, которое обеспечивается и направляется путем определения государством конкретных прав и обязанностей³.

Образец социально значимого поведения легитимируется, тем самым приобретает значение правового поведения. В немалой степени этому, конечно, способствует придание образцу поведения юридически знаковой формы, то есть облечение в соответствующую форму права. Однако реальность права возникает не в момент его официального провозглашения, а только после того, как новое правило поведения трансформируется в правопорядок. В рамках диалого-антропологического подхода конституция выступает не только как текст, но и как складывающийся в правосознании образ в основе фактического поведения как народных масс, так и правоприменителя⁴.

Во-вторых, предлагаем рассмотреть *правомерное поведение в системе конституционных правоотношений*.

¹ Честнов, И.Л. Социальное действие права / И.Л. Честнов // Криминалисть. – 2014. – № 1. – С. 93–96.

² Исаева, Н.В. Предмет конституционного права в антропологическом контексте / Н.В. Исаева // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – С. 149–151; Суслин Э.В., Черноков А.Э. Конституционализм, гражданское общество и права человека (социально-антропологическое измерение) / Актуальные проблемы юридического обеспечения прав человека: сб. науч. статей по материалам междунар. круглого стола, 18-19 декабря 2014 г. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. – С. 178–186.

³ Исаева, Н.В. Указ соч. – С. 149; Страшун, Б.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть.: учеб. для вузов / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. – 4 – изд., обновл. – Москва: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 34.

⁴ Честнов, И.Л. Онтология конституционализма: диалого-антропологический подход // Философия права и конституционализм. Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца – Москва, 2010. – С. 145–159.

Многие авторы определяют предмет конституционного права, включая в его содержание конституционные отношения, возникающие в связи с закреплением и регулированием взаимоотношений между государством и личностью¹. Такая предметная область конституционного права², как взаимодействие³ государства и человека⁴ (личности)⁵, непосредственно связанное с осуществлением публичной власти⁶ и действием ряда правовых, политических и духовных факторов⁷, постоянно требует дальнейшего научного исследования и нового подхода, не просто лично ориентированного, антропологического, но именно поведенческого, который позволит акцентировать внимание на поведении личности в системе конституционных правоотношений.

Анализ онтологической структуры конституционного права (естественное право – позитивное конституционное право – традиции и правоприменительная практика) позволяет выделить несколько право-поведенческих моделей проявления политико-властных отношений, которые находятся как в зоне действия конкретных конституционно-правовых норм, так и в зоне абстрактных (общих) регулятивных норм, а также вне зоны правового регулирования.

¹ Комарова, В.В. Понятие и предмет отрасли конституционного права России / Конституционное право России / кол. авт.; отв. ред. В. В. Комарова. – М.: Кнорус, 2017. – С. 10.

² Наиболее обстоятельно предмет конституционного права представлен в фундаментальной работе О.Е. Кутафина Предмет конституционного права: монография. / О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2011. – 444 с.

³ Бурдые, П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – С. 570–572.

⁴ Козлова, Е.И. Кутафин, О.Е. Конституционное право России учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Норма, 1998. – С. 6–9. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть. – М.: Норма: Инфра-М, 1999. – С. 3–4.

⁵ Стрекозов, В.Г. Казанчев, Ю.Д. Государственное (конституционное) право Российской Федерации. – М.: Былина, 1995. – С. 6–7.

⁶ Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юридич. вузов и факультетов: в 4-х т. / рук. авт. коллектива и отв. ред. Б.А. Страшун. – 2-е изд., испр. и доп. Общая часть. – М.: Бек, 1996. – С. 3–4.

⁷ Социология правовой системы России, включающая систему знаний о социальных основаниях правовых явлений, вынуждена / обязана учитывать лишь самые существенные факторы ее развития, которые можно классифицировать в соответствии с основными, взаимосвязанными общественными сферами: политические, экономические, социальные и духовные. Ле-

Поведенческие начала обнаруживаются при рассмотрении следующих аспектов конституционных правоотношений:

– *поведение людей как предпосылка возникновения конституционных правоотношений и конституционных правовых состояний* (например, состояние гражданства или состояние конституционно-правовой ответственности¹). В данном случае конституционно-правовое поведение проявляется как способ выражения позиции лица в различных проявлениях политико-властных отношений и гражданского общества. Правообразующий характер поведенческих актов (например, участие в демократических процедурах) позволяет не только исполнять предписанное нормами конституционного права, но и участвовать в конституционном правообразовании;

– *поведение как сущность содержательной и фактической стороны конституционных правоотношений*. В указанном контексте конституционно-правовое поведение нами предлагается рассматривать через субъективное публичное право². Как известно, в обобщенном виде концепт субъективных публичных прав основывается на выводе о признании за публичными правами ка-

вакин, И.В. Эволюция Конституции и социология правовой системы России / И.В. Левакин // Право и современные государства. – 2016. – № 1. – С. 17–26.

¹ Бутусова, Н.В. Конституционно-правовой статус российского государства: монография / Н.В. Бутусова; Воронеж. гос. ун-т. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2006. – С. 73.

² Автором феномена субъективных публичных прав справедливо считают одного из основателей науки государственного права проф. Гейдельбергского университета (Германия) Георга Еллинека, посвятившего данной проблеме фундаментальный труд «Система субъективных публичных прав» (в оригинале – «System der subjiectiven offenthchen Rechte»). Проблематика субъективных публичных прав стала предметом активных дискуссий в конце XIX – начале XX в. в западноевропейском, преимущественно немецком правоведении, а затем и в России. Подробнее об этом см.: Дурденевский, В.Н. Субъективное право и его основное разделение / В.Н. Дурденевский // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 78–95.; Елистратов, А.И. I. Понятие о публичном субъективном праве II. Теория субъективных публичных прав / А.И. Елистратов – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 21 с.; Основные начала административного права / А.И. Елистратов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Москва: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. – 294 с.; Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Д-р Георг Еллинек, проф. Гейдельбергск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С.И. Гессеном. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – XXIV. – 599 с; Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3 / Г.Ф. Шершеневич – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – 690 с.; Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – 9-е изд. (без изм.). – СПб.: магазин Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с. и др.

чества, присущего субъективным правам личности, где под субъективным публичным правом понимается «...предоставленная объективным правопорядком возможность действовать с целью осуществления тех или иных человеческих интересов»¹. Характер этих интересов обуславливает существование частных субъективных прав, когда преследуется личный интерес, и публичных субъективных прав, когда речь идет о публичном интересе (общее благо). Таким образом, если субъективные права гражданина могут принимать характер публичных прав, тогда речь идет об обеспечении и удовлетворении публичного или общественного интереса»². Например, к числу субъективных публичных прав может быть отнесено субъективное избирательное право³. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что, будучи элементом конституционного статуса избирателя, избирательные права являются в то же время и элементом публично-правового института выборов, в них воплощаются как личный (индивидуальный) интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти⁴.

Как писал В.М. Гессен, субъективные публичные права сводятся к трем категориям: права-свободы, положительные публичные права индивида, поли-

¹ Дурденевский, В.Н. Субъективное право и его основное разделение / В.Н. Дурденевский // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 82.

² Дурденевский В.Н. Указ соч. – С. 93.

³ См.: Юсубов, Э.С. Организационно-правовые основы технической модернизации избирательной системы Российской Федерации // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей – Саратов, 2011. – Вып. 12. – С. 130 – 136.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова» // Собрание Законодательства РФ. – 2004. – № 49. – Ст. 4948; Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 2.

тические права¹. Существование субъективных публичных прав получило свое обоснование в связи с трансформацией идеи построения взаимоотношений между государством и гражданами как отношений власти и подчинения, к идее правопорядка, равно обязательного как для граждан, так и для самого государства. Такая трансформация была обусловлена тем, что американские билли о правах и французская Декларация прав 1789 года, в отличие от Великой Хартии Вольностей 1215 года, опиравшейся на авторитет исторической традиции, обосновывали права человека естественными особенностями его природы².

Классификация субъективных публичных прав разнится в зависимости от авторской интерпретации: 1) права государства; права публичных и частных союзов; права отдельных лиц, например, право свободы, права на услуги государства, политические права (Г. Еллинек); 2) право публичных служб (услуг) и политические права, а также публичные вещные права (О. Майер)³.

Квинтэссенцией теоретического осмысления данной проблематики стал вывод о признании за публичными правами качества, присущего субъективным правам личности. Если субъективные права гражданина могут принимать характер публичных прав, тогда речь идет об обеспечении и удовлетворении публичного или общественного интереса⁴. Выявляя конституционный смысл, К.К. Гасанов и В.И. Червонюк предлагают рассматривать конструкцию субъективных публичных прав в качестве методологического ориентира теории и практики реализации конституционных прав и свобод, чье главное научное и практическое значение состоит в том, что все конституционные права и свободы с момента их оформления в позитивном праве (законодательстве), иным об-

¹ Гессен, В.М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. – СПб.: Изд. Н. Глаголева, 1906, Вып. 2. – С. 56.

² Основные начала административного права / А.И. Елистратов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Москва: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. – С. 120–123.

³ Талапина, Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права / Э.В. Талапина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 70–83.

⁴ Дурденевский, В.Н. Субъективное право и его основное разделение / В.Н. Дурденевский // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 93.

разом имплементированные в национальную правовую систему страны, приобретают характер субъективного публичного права, которое по своему юридическому значению не отличается от общепринятого понимания субъективного права в частном праве. В теории это позволяет разрешить бесконечные споры о юридической природе конституционных прав, практика же получает принципиально иные методологические ориентиры относительно реализации основных прав и свобод. По их мнению, конструкция субъективных (публичных) прав указывает на то, что обладатель конституционных прав и свобод уже с момента признания его права и при соответствующих норме условиях получает возможность в объеме, предусмотренном конституционной нормой, требовать от государства совершения каких-либо определенных действий; так же, как и в частном праве лицо одновременно с приобретением субъективного права приобретает и притязание на определенное поведение со стороны своего контрагента¹.

Использование концепции субъективных публичных прав позволяет снижать степень абстрактности при определении критериев правомерности и по аналогии с частным субъективным правом устанавливать меру возможного и должного поведения, а также объем притязаний участников конституционных правоотношений. Так, например, мера «права свободы», образующая возможность индивидуального правового поведения личности, определяется за минусом правовых ограничений. «Правомочие свободы» выступает в данном случае основным элементом правоспособности и основанием возникновения конкретного правоотношения (охранительного – при ее нарушении либо регулятивного – при ее осуществлении), равно как и элементом правоспособности являются «притязания на положительные действия государства в интересах индивида»,

¹ Гасанов, К.К. Червонюк, В.И. Конституция и конструкция публичных субъективных прав / К.К. Гасанов, В.И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 11.

которые заключаются в возможности в своем интересе привести в движение судебную власть либо органы административной юрисдикции. В понимании Г. Еллинека, «...эти притязания составляют прямую противоположность упомянутым выше: их содержанием является не отрицательная свобода от государства, а положительные действия последнего»¹;

– *поведение и результаты поведения как объекты конституционных правоотношений*².

В целом, рассматривая конституционно-правовое поведение в данном аспекте, мы солидаризируемся со сторонниками «поведенческой» теории объекта правоотношения³. При этом интегративное понимание правомерного поведения в сфере конституционного права возможно только при его рассмотрении через систему норм позитивного и неформального (социального, индивидуального) права, ценностной значимости для субъектов права этих норм, правового сознания⁴. Косвенные характеристики этих правовых явлений находят отражение в степени поддержки норм обществом, устойчивости соответствующих правил, их формализованности в коммуникации (что предполагает их укоренённость в общественном сознании), авторитетности, наличии ожиданий у субъектов правовых отношений в отношении поведения корреспондирующей стороны, диалогичности и т. д.⁵

¹ Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Д-р Георг Еллинек, проф. Гейдельбергск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С.И. Гессеном. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – XXIV. – С. 406–407.

² Конституционное право Российской Федерации: курс лекций / С.В. Евдокимов, Н.А. Трусов. – Нижний Новгород: Нижегородская акад. МВД РФ, 2012. – С. 32.

³ Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк; под ред.: Стрекозов В.Г. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. – С. 313.

⁴ Скоробогатов, А.В. Краснов, А.В. Правовое поведение как феномен правовой реальности / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Правовая культура. – 2017. – № 1. – С. 25–35.

⁵ См.: Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада: 12.00.01 / Поляков Андрей Васильевич. – СПб., 2002. – 292 с.; Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правопонимания / Р.А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4–11; Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография / И.Л. Честнов – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

Как отмечает Ю.А. Тихомиров, при всей значимости и гибкости правовых регуляторов их наличие служит лишь застывшим стартом для юридического марафона – именно механизм поведения людей дает ключ ко всему правовому пространству¹. Внимание к «реальному поведению людей», по мнению ученого, не следует считать «...сугубо производным от материальных процессов»; оно настоятельно требует обращения к проблеме корреляции между поведением человека, группы и массы людей, правом, государственными и иными институтами².

Несмотря на разные авторские интерпретации³, правомерное поведение в теоретической юриспруденции большинством исследователей определяется в целом единообразно. В работах по общей теории права при определении правомерного поведения, как правило, называются следующие его признаки: 1) правомерное поведение является одной из разновидностей социального поведения людей, которой свойственны позитивная социальная значимость и необходимость, желательность или допустимость с позиции социальных интересов; 2) данному виду поведения присуща подконтрольность сознанию и воле индивида или коллективного субъекта; 3) правомерное поведение обладает результативностью в виде наступления правовых последствий; 4) четкая регламентация правом объективных и субъективных свойств правового поведения, которые детально и точно установлены в законе или иных источниках права и предусмотрены предписывающими, разрешающими или запрещающими нормами (в противном случае, вне зависимости от социальной значимости поведе-

¹ Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – С. 102.

² Тихомиров Ю.А. Поведение в обществе и право // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 5–7.

³ См.: Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; под ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., расш. и доп. – М.: ИКД «Зерцало», 2002. – С. 621; Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – 4-е изд. / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2005. – С. 372; Кулапов, В.Л. Правомерное поведение и правонарушение // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – С. 580.

ния, оно не рассматривается в качестве правового)¹; 5) направленность на удовлетворение или обеспечение удовлетворения определенных социальных потребностей; 6) общественная необходимость и общественная полезность; 7) соответствие идеям, принципам и нормам права²; 8) обусловленность культурно-нравственными качествами и ориентациями личности, а также ее жизненным опытом³.

Наиболее типичным является определение правомерного поведения, предложенное В.В. Оксамытным, который характеризует такой тип правового поведения как деятельность личности в сфере социально-правового регулирования, основанную на сознательном выполнении требований норм права, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании⁴. Приведенное определение является результатом сформулированной ученым в рамках общей теории права универсальной, в равной мере применимой для всех отраслей права характеристики правомерного поведения и отражает известный консерватизм российской правовой школы. Таким образом, в наиболее общих чертах юридической доктриной правомерным признается поведение, отвечающее требованиям норм права, характеризующееся социальной полезностью и подконтрольностью сознанию и воле человека. Именно поэтому, как полагает Р.Т. Мухаев, «...правомерное поведение справедливо признается содержанием

¹ Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология. / Академия наук СССР. Институт государства и права; В.Н. Кудрявцев. – М.: Издательство «Наука», 1982. – С. 38.

² Бондаренко, М.В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бондаренко Максим Владимирович. – М., 2002. – С. 43; Алейникова, О.П. Понятие правомерного поведения / О.П. Алейникова / Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ / отв. ред. И.Н. Кузнецов. – 1977. – № 10. – С. 18–25; Самощенко, И.С. Правомерное поведение, правонарушение и юридическая ответственность // Теория государства и права. Учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний, и др.; отв. ред.: Н.Г. Александров – М.: Юридическая литература, 1968. – С. 564; Жеругов, Р.Т. Вопросы правомерного поведения личности / в кн.: Правовое регулирование общественных отношений. – М., 1977. – С. 20.

³ Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности. / В.В. Оксамытный; отв. ред.: Н.И. Козюбра – Киев: Наукова Думка, 1985. – С. 108.

⁴ Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности. / В.В. Оксамытный; отв. ред.: Н.И. Козюбра – Киев: Наукова Думка, 1985. – С. 74

правопорядка, предпосылкой нормального общества, содействует его стабильности и эффективному развитию»¹.

В юридической литературе также существует подход, понимающий под правомерным поведением любое поведение, которое не запрещено. При этом критерием противоправности, по мнению сторонников этого подхода, служит необходимость применения соответствующих санкций за совершение деяния, подвергающегося юридической оценке².

В целом, несмотря на устойчивый характер словосочетаний «правомерное поведение» и «неправомерное поведение», поведенческий подход в отраслевых юридических науках – явление достаточно редкое. И хотя такие исследования все же встречаются³, следует признать, что в отечественной конституционно-правовой науке упоминание о правомерном поведении носит, как правило, фрагментарный и вспомогательный характер и используется в связи с анализом иных конституционно-правовых явлений (реализаций конституционных норм, прав и свобод человека и гражданина, демократических процедур и т. д.).

Анализ зарубежных источников в области конституционного права показал, что иностранная доктрина не оперирует термином «конституционное правомерное поведение». Вместе с тем поведенческий подход («behavioral approach»)⁴, а также концепты законного или легитимного поведения властных субъектов широко распространены⁵. Так, например, в судебной практике США

¹ Мухаев, Р.Т. Теория государства и права: учебник для вузов. / Р.Т. Мухаев. – М.: Юрайт, 2001. – С. 419–420.

² Лукич, Р. Методология права. / Р. Лукич. – М.: Прогресс, 1981. – С. 301.

³ См.: Арановский, К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Арановский Константин Викторович – Санкт-Петербург, 2004. – 54 с.

⁴ Jolls, C. Sunstein, C. Thaler, R. A behavioral Approach to Law and Economics / C. Jolls, C. Sunstein, R. Thaler // *Stanford Law Re-view*. – 1998. – Vol. 50. – P. 1471; Bennis, W.G. Leadership Theory and Administrative Behavior: The Problem of Authority / W.G. Bennis // *Administrative Science Quarterly*. – 1959. – Vol. 4. – №. 3. – Pp. 259.

⁵ Handbook, of Behavioural Change and Public Policy / ed. H. Strasheim, S. Beck. – UK: Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 35; Lim, Claire S.H. Snyder, J.M.Jr. What Shapes the Quality and Behavior of Government Officials? Institutional Variation in Selection and Retention Methods / Lim Claire S.H., J.M.Jr. Snyder // *Annual Review of Economics*. – 2021. – Vol. 13 (1). – P. 87.

часто используется термин «good behavior» – «хорошее поведение» – применительно к презумпции всегда законного поведения судей¹.

Нередко используется и термин конституционное поведение – «constitutional behavior»². В качестве такового отдельные авторы понимают стремление государства и общества действовать в соответствии с духом и буквой их конституции и быть уверенным, что ее положения соблюдаются даже тогда, когда, казалось бы, противоречат чьему-то индивидуальному интересу³.

Представляется, что признаки правомерного поведения, которые были выделены теоретической наукой, требуют уточнения и переосмысления применительно к такому виду правомерного поведения, как правомерное поведение в сфере конституционного права. Об обоснованности такого подхода, на наш взгляд, свидетельствует, бесспорный признанный наукой факт самостоятельного функционирования, во-первых, конституционно-правовых норм, которые содержат правила, модели, эталоны и образцы поведения, во-вторых, конституционно-правовых отношений, которые являются формой соответствующего правомерного поведения субъектов в сфере конституционного права.

Конституционно-правомерное поведение имеет как активные формы, определяемые через действие (например, голосование или участие в публичных слушаниях), так и пассивные формы (например, чувство патриотизма и гражданственности). Традиционным для отечественного понимания правомерного поведения является его восприятие как «положительной» активности, в данном случае в публично-правовой сфере, направленной на поддержание установлен-

¹ Good Behavior Clause: Doctrine and Practice in US Constitution Annotated [Электронный ресурс]. URL: [https:// constitution. congress. gov/ browse/essay/ artIII_ S1_2_1_1/ # :~:text =Article%20 III%2C%20 0Section%201 %3A &text = The % 20Judges %2 C% 20both %20 of% 20the, during%20their%20Continuance%20in%20Office](https://constitution.congress.gov/browse/essay/artIII_S1_2_1_1/#:~:text=Article%20III%2C%20Section%201%3A%20&text=The%20Judges%20C%20both%20of%20the,during%20their%20Continuance%20in%20Office) (дата обращения 22.01.2022).

² Fabbri, M. Towards a “constitution” for behavioral policymaking / M. Fabbri // International Review of Economics. – 2018. – Vol. 65. – P. 244.

³ Chinwo, Ch. Constitutional Making, Constitutional Governance and Constitutional Behavior in Nigeria / Ch. Chinwo // Eboni University State Law Journal. – 2007. – № 85. – P. 100.

ного правопорядка. Между тем, почти не исследуется вопрос об отнесении к данному виду активности поведения, обладающего «протестным потенциалом» (демонстрации, петиции, акции протеста или поддержки как средства правовой защиты) и имеющего подчас непредвиденные политико-правовые результаты. Не уделяется пока должное внимание и такому аспекту правомерного конституционного поведения, как прямое или косвенное влияние на конституционно-политическую систему государства, доступ к осуществлению властных функций или распределению общественных благ.

Правомерное поведение в сфере конституционного права – это тип социального поведения, отражающий легитимность, эффективность и действенность норм Конституции и конституционного законодательства в пространстве взаимодействия человека, государства и общества. При этом «территория» такого взаимодействия охватывает как властеотношения, так и невластные отношения в обществе. Одновременно правомерное поведение в конституционном праве – это комплекс, система целенаправленных длящихся во времени действий, объективированных и выраженных вовне, и благодаря этому способных получить юридическую оценку. Примером таких действий являются различные формы демократического и общественно-гражданского участия, которые будут рассмотрены в следующих главах настоящего исследования.

Таким образом, можно говорить, что правомерное поведение предполагает некий устойчивый образ социального взаимодействия, совпадающий с конструкциями конституционно-правовых принципов и норм, выражающих меру, масштаб, образец, стандарт, правила поведения. Правомерное поведение в сфере конституционного права, как правило, является целенаправленным, осознанным, в нём находят отражение цели и ценности конституционного права. Однако в ряде случаев, действуя правомерно, субъект может и не осознавать социального значения своих действий. Полагаем, что степень приверженности и следования субъекта правовых отношений системе идей и ценностей, как формализованных в Конституции и конституционном законодательстве, так и не-

явным образом заложенных в них (например, национальная идея, патриотизм), и определяют вектор и степень правомерности поведения с позиций конституционного права. Как «духу» Конституции, так и национальной идее неизбежно присуща политическая ориентированность, которая проявляется в способности выражать коренные интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политических отношений и, что имеет практическое значение, определяет возможность трансформировать убеждения субъекта в средство преобразования общества и государства посредством конституционно значимого поведения. Таким образом, правомерное поведение является результатом специфического способа социализации, реализуемого посредством интеграции конституционных идей в общественно-политическую и социокультурную деятельность как новых поколений – за счет формирования у них определенных идеалов – так и народа в целом¹.

Являясь правовым по природе, такое поведение неизбежно приобретает политическую оценку, поскольку сама конструкция правомерного поведения в конституционном праве акцентирует внимание на внешней стороне активности субъекта, а также на том, насколько эта активность выражает и воплощает конституционные ценности, цели и принципы, в полном соответствии с содержанием родового понятия «поведение». Субъект правомерного поведения в сфере конституционного права может быть индивидуальным или коллективным, но, чтобы осуществлять правомерное поведение, должен действовать свободно и нести за него ответственность. Правомерность предполагает, что нормы и принципы конституционного права либо предписывают субъекту определённую модель поведения, которой он придерживается, либо утверждают ту самую «меру» права, то есть очерчивают сферу, правовое поле, устанавливают границы, рамки, в которых субъект может выбрать любой вариант поведения по сво-

¹ Бабосов, Е.М. Основы идеологии современного государства / Е.М. Бабосов. – Мн.: Амалфея, 2004. – С. 8–12.

ему усмотрению, и любой из вариантов будет считаться правомерным. Последнее особенно явно выражено в нормах Конституции РФ.

Конституционно-правомерное поведение, как и всякое социальное действие, предполагает определенную степень активности и вовлеченности в процессы властеотношений. Его политический контекст проявляется: в формах участия в осуществлении публичной власти, участия в общественных организациях и движениях; включенность в различные элементы системы государственного и общественного управления или осознанную отстраненность от них; позитивную публичную манифестацию взглядов с целью воздействия на общественное мнение или конструктивную критику; участие в деятельности политических институтов или политических партий. Что же касается отстраненности, то она, как правило, выражается в «...выключенности из политических отношений, обусловленной несоответствием конституционных ожиданий; недоверием к власти и политическим институтам; ненужностью, социальной незащищенностью; политико-правовой безграмотностью; негативными психологическими установками; как результат низкой эффективности политической системы, разочарование и безразличие к политическим институтам; политическая апатия как форма неприятия политической системы; политический бойкот как выражение активной враждебности к институтам политической системы»¹.

Отдельного внимания заслуживает такая форма конституционно-правомерного поведения, как бездействие, которую следует отличать от проявлений отстраненности. Положительная пассивная форма реализации конституционных норм путем правомерного бездействия с позиции социальной сущности этого акта поведения может проявляться так же, как и правомерное действие. Джон Локк отмечал, что действие и поступок – это не одно и то же, хотя

¹ Иванова, Е.М. Протестное участие как форма имобильного политического поведения (социологический подход) / Е.М. Иванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 7–10.

бы потому, что воздержание от действия – тоже своего рода поступок¹. Применительно к бездействию в юридической литературе достаточно активно обсуждается вопрос о том, возможна ли реализация субъективного права бездействием или это отказ от субъективного права? Например, А.С. Гамбарян предлагает различать реализацию субъективного права и реализацию свободы совершения деяния, не запрещенного законом (право на свободу действий). По мнению указанного автора, при реализации субъективного права в форме использования лицо преследует конкретный правовой интерес, лицо имеет цель приобрести определенные материальные или нематериальные блага. Если лицо в целях использования конкретного субъективного права не совершает активных действий, то это означает, что оно, отказываясь от права, преследует иной интерес, отличающийся от результатов реализации конкретного субъективного права².

В данном случае принципиальное значение имеет вопрос о степени допустимости бездействия субъекта конституционных отношений с точки зрения нормативных пределов. Участие гражданина в выборах как в качестве избирателя, так и в качестве кандидата в депутаты является свободным и добровольным³. Для российского (дореволюционного и современного) государственного права доминирующей является точка зрения о первичности общественного долга человека при выборе между автономией воли при реализации политических прав и отказе от их осуществления⁴. «Известным требованиям общественного

¹ Локк, Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960. – С. 259.

² Гамбарян, А.С. Пассивное поведение (бездействие): использование субъективного права или отказ от реализации субъективного права / А.С. Гамбарян // Lex russica. – 2019. – № 2 (147). – С. 29.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1808-О «По жалобе гражданина Родионова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав положениями части 6 статьи 2, части 2.1 статьи 3, статьи 13 Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае», пункта 3 статьи 32, пункта 2.1 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». // <http://www.ksrf.ru>

⁴ Подобное отношение граждан России к активному избирательному праву демонстрируют и данные опроса, проведенного ВЦИОМ накануне избирательной кампании в Государствен-

долга подчинены публичные права не только власти, но и граждан», – писал А.И. Елистратов¹. Традиционно в качестве примера приводится избирательное право гражданина, которое, «...будучи результатом борьбы населения за участие во властвовании, конструируется как право, но по существу это обязанность. Гражданину дана возможность избирать властвующих в общих интересах, а не его личных, как это имеет место при праве собственности»². В связи с этим, обоснованно задаться вопросом о *качестве* правомерного поведения, которое сопряжено со свойством политических конституционных прав выступать не только правомочиями, но и обязанностями гражданина перед обществом. Необходимо также остановиться на роли правомерного поведения в процессе легитимизации публичной власти. В данном случае степень и качество правомерного поведения служат ответом на вопрос о том, в какой мере публичная власть, которой носитель суверенитета – народ – делегировал властные полномочия, их осуществляет над тем, кто ей их делегировал? И что имеет большее влияние на поведение людей: нормативная система во главе с конституцией или неформальные структуры (лица, группы, объединения)? Представляется, что в этом контексте правомерное поведение граждан характеризует механизм взаимодействия и состояние отношений общества и публичной власти, являясь индикатором контроля власти над происходящими в обществе (социуме) процессами и способности власти ограничивать проявление противоправного. Следовательно, граждане, чье поведение выступает объектом правового регулирования со стороны публичной власти, добровольно принимая ограничения и пределы своих действий, поддерживают и оправдывают публичную власть, придавая ей характер легитимной. В свою очередь публичная власть должна

ную Думу Федерального Собрания РФ в 2021 году. Так, гражданский долг в качестве мотива участия в выборах, назвали 31 % опрошенных россиян. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения 10.12.2021)

¹ Елистратов, А.И. I. Понятие о публичном субъективном праве II. Теория субъективных публичных прав / А.И. Елистратов – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – С. 19.

² Общая теория права: Философия права. Часть теоретическая. Т. 1: Вып. 1-4 / Г.Ф. Шершеневич. – М.: Бр. Башмаковы, 1910. – С. 770–780.

обеспечивать стабильность социальной и политической системы, минимизировать политические и социальные потрясения, обеспечивать устойчивое и поступательное развитие основных сфер жизнедеятельности граждан.

Полагаем, для уяснения того, что понимается под конституционно-правомерным поведением, необходимо, с одной стороны, вычленить его основные признаки с учетом того, как они отражены в Конституции РФ, а с другой стороны, проанализировать фактическое проявление видов правового поведения, оценив их проявление на практике. В связи с этим возникает вопрос о *критериях правомерного поведения* в сфере конституционного права. Представляется, что с учетом сказанного выше в качестве критериев конституционно-правомерного поведения могут быть выделены:

1) *критерий легитимации*. Признание гражданами за институтами публичной власти права предписывать нормы поведения делает власть легитимной, о чем уже упоминалось выше. Данный критерий обеспечивает необходимый минимум доверия, необходимый для устойчивости властеотношений. Обозначенный критерий характеризует динамическую сторону действия Конституции России как нормативной системы, выступающей детерминантом поведения социальных субъектов в различных социально-политических процессах, включая процессы легитимации власти¹;

2) *формально-юридический критерий* означает соответствие поведения конституционно оформленному долженствованию и нормативно-правовым предписаниям. Как справедливо замечает В.Д. Зорькин: «... не научившись жить по закону, нельзя научиться жить по праву, нельзя обеспечить пресловутое верховенство права (the rule of law)»²;

3) *критерий соответствия поведения нравственно-этической конституционной нормативности*. «Объекты конституционного воздействия – чело-

¹ Буркин, Д.О. Нормативные системы как детерминанты поведения социальных субъектов в процессах легитимации власти / Д.О. Буркин // Kant. – 2018. – № 4 (29). – С. 122–124.

² Зорькин, В.Д. Правовой путь России / В.Д. Зорькин. – М.: Библиотечка «Российской газеты», 2014. – Вып. 8. – С. 28.

веческие поступки и действия публичной власти, – пишет Н.С. Бондарь, – должны оцениваться, наряду с правовой императивностью, и с точки зрения добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности»¹. Конституционному нормированию «золотого правила поведения» посвящена ч. 3 ст. 17 Конституции, в которой воспроизводится фундаментальная презумпция практической морали как одной из форм юридического закрепления принципа солидарности. В классической форме «золотое правило поведения» нашло отражение в Нагорной проповеди: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7,12), – а более ранней транскрипцией этого правила считаются слова древнееврейского проповедника Гиллеля². Юридическое содержание указанного нормирования в широком социальном плане означает, что права и свободы не являются средством контроля со стороны государства над гражданами и их объединениями, а представляют собой способ обеспечения индивидуальной автономии личности и ее взаимосвязи с другими людьми, различными социальными структурами, обществом и государством. Политический аспект данного конституционного положения состоит в определении оптимального соотношения государственного (коллективного, социального) и личного (индивидуального) начала в организации общественной жизни³. Юридические параметры правила поведения – «поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к те-

¹ Бондарь, Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20 летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2013. – № 11 (203) – С. 5–10.

² Цит. по: Соловьев, Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. / Э.Ю. Соловьев. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – С. 83.

³ Андриченко, Л.В. Боголюбов, С.А., Васильев, В.И. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, В.И. Васильев – М.: ИЗиСП, 2014. – С. 392.

бе» – означают, как пишет Б.С. Эбзеев: 1) отражение иного типа конституционного регулирования отношений между обществом, государством и личностью, где имеет место отказ от государственного патернализма; 2) установление принципа взаимной ответственности государства и личности, выступающих в этих отношениях как равноправные субъекты; 3) адресатами данного принципа являются не только граждане и иные лица, находящиеся на территории РФ, на которых распространяется действие конституционных прав и свобод, но и законодатель и правоприменитель, которые обязаны в принимаемых ими актах обеспечить принципы социальной справедливости; 4) воздействие данного правила касается не только взаимоотношений индивидов, но и взаимоотношений индивида с обществом и иными коллективными образованиями; 5) если указанное правило воплощено в законе, то поведение, соответствующее закону, не может ставиться лицу в вину и влечь ответственность (отсюда – презумпция разумности и добросовестности осуществления прав и, как следствие, доминирование в системе обязанностей субъектов конституционно-правовых отношений обязанности соблюдать Конституцию и законы); 6) в данной формуле содержится критерий правомерного поведения лица в процессе осуществления своих прав и свобод – до тех пор, пока такое осуществление не нарушает права и свободы иных лиц¹.

Таким образом, можно выделить следующие составляющие критерия соответствия конституционной нравственно-этической нормативности: а) сочетание внешних предпосылок личности с внутренним осознанием каждым индивидом своей свободы как свободы собственных действий, своей необходимости, а также желания чем-то жертвовать во имя других лиц, государства и общества; б) соизмерение индивидом свободы своего поведения с собственным благом, с одной стороны, и с интересами окружающих его лиц, благом семьи, коллектива, общества и государства – с другой. В свою очередь, общности, ча-

¹ Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография / Б.С. Эбзеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – С. 146–148.

стью которых он является, должны считаться с интересами личности, уважать её и делать всё возможное и должное для обеспечения этих интересов, соблюдать пределы и границы допустимого воздействия на личность и вмешательства в её жизнь; в) соблюдение самоограничений в пользу тех общностей, в которых пребывает человек, и исполнение конституционных обязанностей (ч. 2 ст. 15 и ч. 3 ст. 17 Конституции России);

4) *нормативно-ценностный критерий, который выражается в следовании конституционным принципам при выборе модели конституционного поведения.* Правовые принципы были и остаются критериями ответа на вопрос о том, каким идейно-теоретическим установкам должно отвечать содержание правового регулирования, а следовательно, и формализованное поведение его участников¹. В данном случае мы ведем речь, во-первых, о следовании принципам конституционно-правового положения человека и гражданина, под которыми С.А. Авакьян предлагает понимать исходные начала статуса личности, ее места в обществе и государстве², во-вторых, о конституционных принципах, определяющих взаимодействие государства и личности. Так, правовой статус личности, о котором говорится в ст. 64 Конституции РФ, представляет собой юридически формализованное выражение социальной справедливости во взаимоотношениях человека и власти³. Важнейшими корреспондирующими принципами являются принципы, которые носят объективно-субъективный характер. Так, принципы уважения личности (человеческого достоинства – ч. 1 ст. 21 Конституции РФ), уважения прав человека со стороны государства, а также принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства

¹ Комиссарова Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Комиссарова Елена Генриховна. – Екатеринбург, 2002. – С. 34.

² Авакьян, С.А. Основы и принципы конституционно-правового положения человека и гражданина в Российской Федерации / С.А. Авакьян // Современное общество и право. – 2010. – № 1. – С. 3–6.

³ Комкова, Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России / Г.Н. Комкова // Lex russica (Русский закон). – 2009. – Т. 68. – № 2. – С. 344–347.

находятся во взаимосвязи с принципом уважения к власти (или принципом повиновения власти).

Представляется, что *условиями реализации правомерного поведения* в сфере конституционного права могут быть названы следующие:

- способность и гарантированная возможность граждан и социальных групп к оппонированию и защите собственной позиции;
- возможность фактического влияния на конституционно-политические процессы и высокая степень вовлеченности граждан в принятие решений;
- выбор только тех форм реализации и защиты прав и свобод, легитимность которых закреплена в законах (через позитивное регулирование, либо непротиворечие закону);
- наличие и возможность использования переговорно-согласительных процедур. По мере социальной дифференциации общества, усиления интенсивности социальных взаимодействий диалог как форма такого взаимодействия приобретает особую значимость с точки зрения перспектив общественного развития. Однако, оставаясь лишь декларацией и не будучи реализованным на практике, диалогичный потенциал переговорно-согласительных процедур не только не способствует развитию гражданского общества, но и может направить общество на путь групповых, корпоративных и этнических конфликтов;
- достижение консенсуса, который предполагает согласие меньшинства подчиняться решениям большинства при сохранении и гарантировании права на критику, оппозицию и протест. Именно «...консенсус трансформирует власть в авторитет, и тем самым правовые акты государственного управления становятся легитимными нормами политической деятельности»¹;

¹ Ховралёв, А.Л. Конституционная легитимность как основополагающая предпосылка обеспечения стабильности общества и государства / А.Л. Ховралёв. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014. – № 2 (27). – С. 48.

– доверие между индивидами, между личностью и социумом, которое закладывает основы «онтологической безопасности»¹, снижает риски, придаёт стабильный характер взаимодействию участников социальных отношений;

– адекватные правовые механизмы институтов социализации, правового образования и воспитания (система образования, воинская служба), а также использование инструментов публичной политики для организации взаимодействия социальных субъектов и для легитимации властных институтов.

Взаимодействие в системе «человек – государство – общество» предполагает реализацию различных индивидуальных и коллективных форм конституционно-правомерного поведения в рамках различных «...институтов участия в осуществлении публичной власти – от реального соучастия населения в процессе принятия властного решения до элементарного предварительного выявления общественного мнения при принятии конкретного властного решения органом государственной власти или органом местного самоуправления»², в частности:

- инициативное поведение личности, оказывающее влияние на формирование и функционирование гражданского общества и правового государства;
- участие в деятельности традиционных институтов непосредственной демократии как на государственном, так и на муниципальном уровне³;
- участие в деятельности институтов делиберативной (совещательной) демократии, к числу которых относятся механизмы, заложенные в Федераль-

¹ Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.; Гидденс, Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. – 2-е изд. / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

² Кожевников, О.А. Остапович, И.Ю. Нечкин, А.В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития / О.А. Кожевников, И.Ю. Остапович, А.В. Нечкин // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 225–230.

³ Елитенко Н.В. Реализация принципов народной демократии в процессе осуществления социально значимого поведения / Н.В. Елитенко // Новая наука и интеграционные процессы в современной системе знаний: сборник научных трудов. Под редакцией С.В. Кузьмина. – Казань: Издательство: Индивидуальный предприниматель Кузьмин Сергей Владимирович – 2018. – С. 47–49.

ном законе «Об основах организации системы местного самоуправления в России»¹: местный референдум, голосование по территориальным вопросам, сход граждан, публичные слушания, собрание граждан, конференция граждан, опрос граждан. С 2005 года ведёт свою историю и такой институт совещательной демократии, как Общественная палата, а с 2012 года система общественных советов при федеральных и региональных министерствах и ведомствах, включая институт Открытого (большого) правительства при Правительстве Российской Федерации;

- участие в практиках гражданской самоорганизации и соучастие (партиципаторные институты), например, Российская общественная инициатива², инициативное бюджетирование и самообложение граждан;
- участие в деятельности общественных некоммерческих организаций, экспертных и академических сообществах, призванных оказывать влияние на публичную политику;
- участие в деятельности институтов гражданского общества при представительстве интересов различных социальных групп и контроле за деятельностью органов государственной власти;
- интерактивные сетевые формы участия интернет-пользователей (данные формы участия имеют различную степень институционализации, а значит – степень правомерности и признания правомерными с точки зрения позитивного права).

При этом, с учетом такого многообразия, необходимо различать поведение субъектов конституционных правоотношений в процессе их взаимодействия между собой и их поведение, направленное на достижение конкретного конституционно-правового результата.

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 19.11.2021, с изм. от 23.11.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

² Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Российская газета. – 2012. – 09 мая. – № 102.

Таким образом, конституционное правомерное поведение рассматривается в качестве собирательного понятия для обозначения как субъектной характеристики участников конституционно-правовых отношений, так и самой многочисленной группы объектов конституционно-правовых отношений, представленной действиями (бездействием) индивидуальных субъектов, органов государства и органов местного самоуправления, политических партий, религиозных организаций и групп, различных общественных объединений. Результатами правового поведения субъектов конституционно-правовых отношений являются материализованные в реальной действительности правомочия, составляющие содержание норм Конституции России. Поведенческие акты реализуются как в рамках исполнения конституционных обязанностей, так и в рамках осуществления конституционных прав.

Правомерное поведение в сфере конституционного права не может быть охарактеризовано исключительно с позиций общей теории права и обладает рядом особенностей. Полагаем, можно говорить о том, что, будучи правовым по своей природе, такое поведение в большинстве случаев получает политическую оценку с позиций его соответствия как формальной, так и фактической Конституции РФ. Это продолжается в оценке его соответствия «духу» Конституции, национальной идее, при условии «рецепции» которой индивид может в дальнейшем действовать неосознанно, автоматически, но «интуитивно правомерно» на основе сложившихся у него представлений о должном поведении, а также исходя из содержащихся в законе запретов и ограничений (то есть критериев неправомерного поведения).

Являясь основополагающим элементом конституционного правопорядка, правомерное поведение в конституционном праве может рассматриваться как взаимодействие индивида (личности), общества и государства, представляя собой одновременно процесс (правомерные действия или бездействие) и результат (правомерное поведение). При этом можно утверждать, что формы такого взаимодействия достаточно разнообразны и не могут быть определены исчер-

пывающим образом. Они находятся в достаточно широком диапазоне как по своему содержанию, так и по степени активности (от бездействия до активного участия в управлении делами государства, конструктивного политического протеста).

1.2. Проблемы определения объема и содержания конституционной правомерности

Ключевой задачей в рамках исследования проблематики конституционного правомерного поведения является определение объема и содержания исходного понятия «правомерность».

Объем понятия «правомерность» включает в себя ее толкование как: 1) правового принципа; 2) метода правового регулирования; 3) правового¹ режима²; 4) характеристики³ деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и их должностных лиц.

Предлагаем рассмотреть обозначенное понятие в следующих аспектах: 1) конституционное понимание правомерности; 2) соотношение правомерности с категориями легальности, легитимности и конституционной законности⁴; 3) правомерность конституционных идей, доктрин и концепций.

В основе *конституционного понимания правомерности* заложен фундаментальный вопрос всей юриспруденции: «что такое право»? Поиск ответа на этот вопрос относится к числу «вечных» и является отражением исторических, социокультурных особенностей формирования национальных правовых систем.

¹ Титова, Е.В. Категория «правомерное» во взаимосвязи с конституционными идеями и доктринами / Е.В. Титова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3. – С. 104–105.

² Тарасова, Л.Н. Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим / Л.Н. Тарасова // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2012. – № 4. – С. 42–43.

³ Титова Е.В. Там же. – С. 105.

⁴ Титова Е.В. Там же. – С. 106.

Будучи фундаментальной философско-правовой категорией, правопонимание имеет как доктринальное значение, так и практический потенциал¹. Осмысление права, его восприятие (рациональное, теоретическое, эмоциональное, ценностное и т. д.) всегда происходят в социокультурном контексте жизненного мира субъектов, а значит, будут иметь отражение в их сознании и поведенческих реакциях. Господствующее правопонимание определяет отношение человека, социальной группы, общества в целом к правопорядку, формируя ценностные установки на определенный тип правомерного поведения, ориентированного на общепринятые эталоны. В конечном счете, пишет Н.В. Варламова, вопрос о понимании права – это вопрос о том, какие правила поведения могут устанавливаться и поддерживаться в качестве общеобязательных².

Рассматривая проблему определения понятия права, английский философ и теоретик права Г.Л. Харт отмечал, что непроясненным, туманным является само родовое понятие, в отношении которого, по его мнению, «...нет известной, хорошо понимаемой общей категории, членом которой является право, а обозначающий его термин применяется ко многим «пограничным» случаям, где присутствуют лишь некоторые из его обычно сопутствующих признаков, которые связаны с его центральным значением различными отношениями»³. Поэтому необходим обособленный разбор целого ряда фундаментальных и отличных друг от друга проблем: 1) понятие правила, его статуса, функций, видов, 2) соотношение права с принуждением, с одной стороны, и моралью, с другой, 3) специфики пограничных случаев (в частности, первобытного (primitive) и меж-

¹ Титова, Е.В. Конституционно-правомерное поведение как объект научного исследования / Е.В. Титова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 10.

² Варламова, Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы / Н.В. Варламова // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 77.

³ Харт, Г.Л.А. Понятие права: пер. с англ. / под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – С. 22–24. Об адекватности традиционного метода определения правовым понятиям / явлениям см. также: Hart, H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights / H.L.A. Hart // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1948-1949. – № 49; Hart, H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. An Inaugural Lecture / H.L.A., Hart–Oxford, 1953. – P. 28.

дународного права, права тоталитарных и переходных систем)¹. В современной отечественной юридической науке и практической правореализации, при отсутствии единой концепции права, образовалась целая палитра разнообразных типов правопонимания².

Рассуждая о проблемах правопонимания, М.Н. Марченко писал, что успешное решение их весьма важно не только само по себе как правовая самоценность и самодостаточность, но и в связи с познанием других, неразрывно связанных с осмыслением права, явлений, а также отражающих их категорий³. К последним может быть отнесено и «производное» от понимания права правомерное поведение, поскольку тип правопонимания определяет иерархию форм и источников права, оказывающих воздействие на общественные отношения и общественно-политические институты.

В контексте настоящего исследования нас будет интересовать конституционный анализ понимания права. В одной из своих работ С.А. Авакьян писал о двух подходах к анализу государства – общетеоретическом и конституционно-правовом, при этом последний предполагает, что при сущностной характеристике такого явления, как государство, желательно оперировать категориями, которые одновременно могут (способны) стать содержанием конституционно-правовых и даже просто конституционных (то есть размещаемых в конститу-

¹ Касаткин, С.Н. Основной труд Герберта ЛА Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») / С.Н. Касаткин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2007. – № 2. – С. 10.

² Скоробогатов, А.В. Правопонимание: методологическое значение и практический потенциал / А.В. Скоробогатов // Вектор науки ТГУ. – 2013. – № 1(23). – С. 251; Аверин, А.В. Правопонимание и юридическая практика / С.А. Авакьян // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4 (14). – С. 19–36; Байтин, М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. / И.М. Байтин – Саратов.: СГАП, 2001. – 416 с.; Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм как интергративный тип современного правопонимания / Р.А. Ромашов // Університетські наукові записки. – 2007. – № 4(24). – С. 13–20; Поляков, А.В. Коммуникативный подход в общей теории права / А.В. Поляков // Проблеми філософії і права. 2006 – 2007. – Том IV-V. – С. 60–67.; Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография / Честнов И.Л. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – С. 119–548 и др.

³ Марченко, М.Н. Источники права. / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2013. – С. 10.

ции) норм¹. Постановка этой задачи вполне соотносится и с задачей выяснения того, что под правом понимается в российской Конституции, поскольку ученые (включая конституционалистов), говоря о нем, имеют в виду разные явления, причем не только реальные, но и идеальные. Как отмечает В.В. Лазарев: «...понимание права – вещь необыкновенно практическая не только с точки зрения ориентира поведения каждого практического юриста, но и по самому большому счету: следует ли бороться за право, так ли важны права человека...»².

Какой же тип правопонимания отражает российская Конституция? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение для уяснения того, какое поведение надлежит считать конституционно-правомерным, поскольку «...именно тип правопонимания при построении концепций (неважно, с позиции философии или юриспруденции), – писал В.С. Нерсесянц, – ... определяет парадигму (смысловую модель, принцип и образец) юридического познания»³.

Отличительной чертой российской Конституции, подчеркивает В.Д. Зорькин, является то обстоятельство, что в ней достаточно четко сформулированы ее концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права⁴. «Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный естественно-позитивный характер, соединяет в себе содержание и форму права, положительные (правовые льготы, поощрение) и негативные (меры правового принуждения) средства обеспечения права. Сам факт официального нормативного закрепления в российской Конституции современной доктрины правопонимания – это уникальное, прогрессивное историческое событие, имеющее огромное значение не только для отечественной,

¹ Авакьян, С.А. Государство: взгляд с позиций конституционного права / С.А. Авакьян // Труды института государства и права РАН. – 2016. – № 2 (34). – С. 52–56.

² Лазарев, В.В. Липень, С.В. Саидов, А.Х. Проблемы общей теории *ius*: учебник для магистрантов юридических вузов / отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – С. 111.

³ Нерсесянц, В.С. Философия права Гегеля. / В.С. Нерсесянц. – М.: Юрист, 1998. – С. 132.

⁴ Зорькин, В.Д. Конституционно-правовое развитие России. / В.Д. Зорькин – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 53.

но и для мировой юридической науки и практики. Конституционное понимание права должно красной нитью проходить через систему права, отраслевое (межотраслевое) законодательство, все иные источники (формы) права, юридическую практику, профессиональное и гражданское правовое образование. Именно в Конституции заложена мощная первичная правовая энергия, необходимая для развития человеческого капитала, инновационной модернизации всех систем российского общества», – пишет В.М. Шафиров¹. Конституция закрепляет бинарную природу права: естественное начало (природа личности) и позитивное начало (политическая природа)².

По мнению Г.А. Жилина, в основном законе России закреплено юридическое правопонимание³, которому противостоит легизм, отождествляющий право и закон и рассматривающий право как систему общеобязательных норм, охраняемых силой государственного принуждения, безотносительно к содержанию нормативных установлений. Переход на закрепленный в Конституции РФ тип правопонимания даст возможность использования реальных механизмов не только для устранения неправовых законов из системы законодательства и повышения эффективности правосудия, но и для совершенствования деятельности самих законодательных органов, а главное – решения проблемы правового нигилизма, во многом связанной с несовершенством законодательства, традиционно отождествляемого с правом. При этом юридическое правопонимание не предполагает, что оценка законов с выбором соответствующего варианта поведения должна быть отдана на усмотрение любых субъектов правоотношений, официальное решение по этому вопросу уполномочены принимать суды⁴.

¹ Шафиров, В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм / В.М. Шафиров // Журнал российского права. – 2017. – № 7 (247). – С. 2–3.

² Зорькин, В.Д. Конституционно-правовое развитие России. / В.Д. Зорькин – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 53.

³ Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 1997. – С. 32.

⁴ Жилин, Г.А. Соотношение права и закона / Г.А. Жилин // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 8.

Рассуждая о сочетании в российской Конституции буквы и духа Основного закона, Н.С. Бондарь отмечает, что квинтэссенцией мировоззренческого плюрализма в его нормативно-правовом проявлении является реализация на конституционном уровне двух типов правопонимания – позитивизма и естественного права. Внимательный и непредвзятый анализ Конституции РФ, по мнению ученого, дает основания полагать, что в ней не противопоставляются указанные доктрины, не порождаются антагонистические противоречия, а напротив, обнаруживается стремление к выработке синтетического, взаимосогласованного понимания в целях обоснованного толкования и эффективного правоприменения¹.

К попыткам «выведения» особого типа правопонимания, соответствующего Конституции РФ, обусловленного конституционными принципами и нормами и связанного с особенностями конституционной интерпретации правотворчества и правореализации, относятся и заявляемое в науке коммуникативно-интегральное правопонимание, основанное на синтезе классических правовых теорий², а также конституционное правопонимание³.

Конституционное правопонимание, как оно сформулировано В.И. Круссом, представляет собой правопонимание, производное от философии конституционализма, его идеал – консолидирующая конституционная практика общественной жизни в ее публичном и частном измерениях. Такое правопонимание

¹ Бондарь, Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20 летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2013. – № 11 (203) – С. 5–9.

² Скоробогатов, А.В. Конституционное правопонимание как интегральная правовая доктрина / А.В. Скоробогатов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4 (32). – С. 258–260.

³ Крусс, В.И. Конституционное правопонимание и юридическая практика / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 2. – С. 2–4; Четвернин, В.А. Российская конституционная концепция правопонимания / В.А. Четвернин // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–32; Лапаева, В.В. Конституционное правопонимание // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г.: в 2-х т. Т. 2. / под ред. Н.В. Витрука, Л.А. Нудненко. – М.: Российская академия правосудия, 2010. – С. 55–72.

предполагает приоритетное позиционирование Конституции, а не права; основывается на представлении, что право, призванное содействовать становлению конституционного правопорядка, не может противоречить конституционным целям и ценностям либо не учитывать их в надлежащей мере. Конституционное правопонимание нацеливает на выявление той, всегда уникальной композиции конституционных принципов, которая позволяет обеспечить оптимальные возможности правопользования для определенной категории лиц в конкретных, объективно-обусловленных обстоятельствах социально-политических реалий. Такое правопонимание позволяет обосновать уникальное диалектическое единство правопользования и выполнения конституционных обязанностей, а также раскрыть значение конституционного долженствования¹.

Признавая научную значимость высказанных В.И. Круссом выводов, следует, на наш взгляд, заметить, что утверждение о приоритетном позиционировании Конституции над правом небесспорно. Действительно, учредительный характер Конституции придает ей характер «первичности» закона, из которого вытекает авторитет всех прочих нормативных установлений, но все же одной из главных ее функций остается эволюционный, а не революционный характер политических преобразований, обеспечивающих внутривнутриполитическую стабильность общества, если таковая хоть в какой-то мере существовала до ее принятия. В пункте втором «Заключительных и переходных положений» Конституции РФ 1993 года сказано, что «...законы и другие правовые акты, действовавшие на территории Российской Федерации до вступления в силу настоящей Конституции, применяются в части, не противоречащей Конституции Российской Федерации».

«Еще более проблематичен в условиях многообразия правопонимания вопрос об истинности норм самой Конституции, – отмечает С.В. Нарутто. Так, например, при разрешении дел о толковании Конституции РФ цель познания

¹ Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования: монография / В.И. Крусс. – М.: НОРМА, 2007. – С. 24–26, 28.

заключается в уяснении истинного смысла ее норм, который вкладывался при ее принятии, в «...разъяснении и уяснении воли конституционного законодателя, выявлении подлинного (истинного) смысла интерпретируемых нормативных суждений»¹, а также раскрытии неочевидного, скрытого смысла ее содержания, что позволяет приспособлять Конституцию к изменяющимся условиям и новым политическим и социально-экономическим реалиям без изменения конституционного текста². Представляется, что истинный смысл норм Конституции РФ такой, который отвечает критериям справедливости, целесообразности, полезности, прогрессивности³.

О том, что сама Конституция РФ и есть право, его первоэлемент, сердцевина, а верховенства права – это верховенство Конституции, все чаще упоминается в юридической литературе⁴. Так, А.Н. Кокотов пишет о том, что система общеправовых регуляторов как центр центров национального права – это уровень учредительно-правового регулирования, представленного нормами конституционного значения, что дает основание именовать такую систему *правом конституции* как общей части национального права. Право конституции имеет собственную структуру (фундамент которой – основы конституционного строя) и специализацию (введение в правовой контекст ценностей, традиционных и (или) значимых для российского общества; задание основ правотворческого процесса и иерархии правовых актов; закрепление общих положений (целей, принципов, дефиниций и др.) для всех отраслей права и законодательства, в

¹ Колесников, Е.В. Степанова, Ю.В. Толкование конституционных норм Конституционным Судом России: некоторые вопросы теории / Е.В. Колесников, Ю.В. Степанова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4. – С. 14–16.

² Кряжков, В.А. Лазарев, Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. Учебное пособие / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев – М.: БЕК, 1998. – С. 311.

³ Нарутто, С.В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания / С.В. Нарутто // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 11. – С. 64–67.

⁴ Шафиров, В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение / В.М. Шафиров // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2–3.

том числе для снятия межотраслевых противоречий; прямое конституционное регулирование отраслевых и межотраслевых отношений; стимулирование внутриправового разнообразия; самонастройка конституционно-проверочного инструментария в целях надлежащего выполнения вышеперечисленных функций)¹.

«Право Конституции» как отграниченное от законодательства понятие Г.А. Гаджиев и А.А. Ливеровский определяют как совокупность конституционных принципов, связанных с конкретной конституцией. Базовыми конституционными принципами, составляющими первичный фундамент «Права Конституции», ученые называют справедливость, свободу и равенство².

В свою очередь И.А. Кравец, в развитие идеи о праве конституции, характеризует данную концепцию как относительно новую научную парадигму понимания пределов и объектов конституционного регулирования, соотношения законодательной и судебной конституционализации правопорядка в процессе действия конституционных норм и обеспечения процедур имплементации международных обязательств, в том числе при проверке конституционности международных договоров РФ. Термин «право конституции» требует широкого научного обсуждения и осмысления как в рамках концепта механизма реализации конституции, так и в рамках разработки доктрины и практики конституционализации правового порядка. Особенно важно подчеркнуть значение концепции «право конституции», пишет И.А. Кравец, для понимания соотношения писаных, доктринальных, судебно-прецедентных, парламентско-прецедентных и конвенциональных (или соглашений, обычаев) источников и элементов дей-

¹ Кокотов, А.Н. Право конституции в российском праве / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2162–2163.

² Гаджиев, А.А. Ливеровский, А.А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур). / А.А. Гаджиев, А.А. Ливеровский. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2016. – С. 78.

ствующей в стране конституции как юридической основы правовой системы в целом и конституционного права в частности¹.

Как уже было отмечено выше, понимание конституционно-правомерного поведения основывается на определенных интерпретациях права, которые представлены посредством методологического подхода – конституционного правопонимания. Определение конституционного типа правопонимания связано также с *понятием конституционности*, которое достаточно активно разрабатывается в конституционно-правовой доктрине². Так, предлагается выделить три основных направления в исследовании указанного понятия³: 1) конституционность как государственно-правовой режим и основа концепции конституционализма (А.Н. Кокотов⁴, Г.А. Василевич⁵, А.В. Зиновьев⁶, Т.М. Пряхина⁷); 2) конституционность как правопорядок и принцип правотворческой и право-реализационной деятельности в связи со специфической функцией государственных органов, обеспечивающих правовую охрану конституции (А.А. Бел-

¹ Кравец, И.А. Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод / И.А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12. – С. 12–13.

² Витрук, Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 г.г.). Очерки теории и практики. / Витрук Н.В. – М.: Городец-издат, 2001. – С. 58; Кравец, И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. / И.А. Кравец. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – С. 315–316; и другие.

³ Раханова, Н.А. К вопросу о понятии «конституционность» философско-правовой и формально-юридический анализ / Н.А. Раханова // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2011. – № 13. – С. 133–136.

⁴ Кокотов, А.Н. Сони́на, Л.В. Конституционализм как политико-правовой режим / А.Н. Кокотов, Л.В. Сони́на // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 128.

⁵ Василевич, Г.А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь». / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2003 – С. 156–160.

⁶ Зиновьев, А.В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правового государства / А.В. Зиновьев // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 81–86.

⁷ Пряхина, Т.М. Конституция и конституционность: диалектика взаимосвязи / Т.М. Пряхина // Право и политика. – 2001. – № 9. – С. 13–15; Пряхина, Т.М. Теоретические проблемы формирования принципа конституционности / Т.М. Пряхина // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1998. – № 3. – С. 19.

кин¹); 3) конституционность как технико-юридическое свойство (характеристика) нормативного правового акта (Ю.А. Тихомиров²).

Более широко онтологическую структуру конституционного права описывает Г.А. Гаджиев. Она, по его мнению, включает в себя: 1) естественное право, то есть объективно существующую систему неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения; 2) позитивное конституционное право (текст конституции); 3) традиции и сложившуюся правоприменительную практику³.

Представляется, что приведенный спектр мнений авторитетнейших ученых свидетельствует о научном поиске способов преодоления кризиса правопонимания⁴, синтезирующих положения юридического позитивизма и естественно-правовых начал российской Конституции, и обусловлен необходимостью выработки таких механизмов реализации конституционных норм в правомерном поведении, которые отвечали бы ее целям как основополагающего нормативного правового акта, обеспечивающего устойчивое развитие человека, общества и государства.

Попытки подобной интеграции продиктованы тем, что в России на протяжении столетий формировался тип правовой культуры в рамках позитивистских концепций, которые и поныне доминируют в отечественном праве. Действующая же Конституция РФ, провозглашая и обосновывая объективно существующие, неотчуждаемые, естественные и неотчуждаемые права человека, очерчивающие сферу индивидуальной свободы и тем самым ограничивающие государственную власть, подразумевает наличие такого типа правопонимания,

¹ Белкин, А.А. Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики / А.А. Белкин. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – С. 105–107.

² Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право: учеб. и науч. -практ. пособие / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Юринформцентр, 2000. – С. 205.

³ Гаджиев, Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 188–189.

⁴ Цыгановкин, В.А. Метод правового регулирования: постклассический подход / В.А. Цыгановкин // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2013. – № 19 (120). – С. 25–32.

отличного от позитивизма, при котором право перестает быть «продуктом принуждения», независимо от того, чем эта принудительность обеспечивается – государственной властью, социальным признанием или психическим переживанием¹.

Конституционное правопонимание производно от конституционализма и позволяет использовать весь его гносеологический потенциал с учетом достижений позитивистского², социолого-позитивистского³ и непозитивистского (либерального)⁴ подходов к пониманию такового. В юридической литературе можно встретить и суждение о том, что конституционализм сам является особым, новым типом правопонимания, который опирается на сочетание трех основных принципов: народного суверенитета, правового формализма и институциональной демократии. Принцип народного суверенитета «...означает признание некоего сообщества (народа, нации) в качестве суверена, то есть абсолютно легитимного носителя высшей власти, обладающего эксклюзивным правом не только учреждать форму правления, но и «конституциировать» собственный социальный порядок». Принцип правового формализма «...обеспечивает необходимую степень универсализма такой социальной системы и ее нормативное закрепление», система же институциональной демо-

¹ Варламова, Н.В. Юридический позитивизм и права человека / Н.В. Варламова // *Общественные науки и современность*. – 2008. – № 1. – С. 156–158.

² Осипян, С.А. Политико-правовой аспект теории российского конституционализма / С.А. Осипян // *Современное право*. – 2008. – № 5 (1). – С. 30–35; Хабриева, Т.Я. Чиркин, В.Е. Теория современной конституции. / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин – М.: Норма, 2005. – С. 5; Кравец, И.А. Верховенство конституции: подходы и измерения / И.А. Кравец // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2008. – № 22 (123). – С. 5–7.

³ Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография / И.Л. Честнов – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – С. 347.

⁴ Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2009. – С. 704; Овсепян, Ж.И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции / Ж.И. Овсепян // *Правоведение*. – 2001. – № 5. – С. 24–26.

кратии «...обеспечивает синтез двух предыдущих принципов, придает народо-властию процессуальный характер»¹.

С.Л. Сергевнин, анализируя конституционализм, выделяет в нем две составляющие: праксиологическую и мировоззренческую². В свою очередь, В.Т. Кабышев обращает внимание на то, что мировоззренческая составляющая конституционализма более обширна и включает в себя систему правовых ценностей, обеспечение верховенства конституции, ее приоритетности и реальности, правление в рамках конституции, а также характеризует конституционализм как весь комплекс проблем, связанных с воплощением в Основном законе государства системы высших правовых ценностей, признанием и обеспечением прав и свобод человека, закреплением демократической организации системы власти, социального согласия, исключением насилия³. Конституционализм, по мнению К.В. Арановского, представляет собой традицию, «...оснащенную не только непосредственно видимой частью – нормативными текстами, набором политико-правовых учреждений, институтов публичной власти, но и системой мировоззренческих представлений, верований, образов, поведенческих навыков и автоматизмов»⁴.

Таким образом, конституционное правопонимание основано на плюрализме концепций о понимании права, что допускает предметно и методологически сориентировать исследования на все основные аспекты феноменологии Конституции, то есть на то, как она проявляется в жизни общества:

- представления о Конституции как о праве;

¹ Пономарев, М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма / М.В. Пономарев // Вестник МГПУ. Серия «юридические науки». – 2012. – № 1 (9). – С. 76–80.

² Сергевнин, С.Л. Философия права и философия конституции: некоторые современные проблемы отечественного конституционализма / С.Л. Сергевнин // Ученые записки СПб филиала РТА. – 2010. – № 1 (35). – С. 139–142.

³ Кабышев, В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий / В.Т. Кабышев // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 63–64.

⁴ Арановский, К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде / К.В. Арановский // Правоведение. – 2002. – № 1 (240). – С. 41–45.

- текстовое выражение основного закона и его интерпретации;
- воплощение Конституции России в деятельности органов публичной власти и поведении граждан.

Бытие Конституции соединяет в себе такие формы, как мыслительная, текстуальная и поведенческая. При помощи мыслительных моделей конструируется конституционно-должное. В свою очередь, фактические конституционные практики должны быть осмыслены категориально и в соответствии с существующей политико-правовой реальностью, а содержание текстов конституционного законодательства должны отражать общезначимые смыслы, ценностные ориентиры общества и эффективные практики. Такая триада образует целостность бытия Конституции, делая ее реальной.

Таким образом, конституционная правомерность подразумевает производное от конституционализма конституционное правопонимание, а весь его гносеологический потенциал с учетом достижений позитивистского, социолого-позитивистского и непозитивистского (либерального) подходов к пониманию такового позволяет предметно и методологически сориентировать исследования на все основные аспекты Конституции России как феномена, то есть на то, как она проявляется в жизни общества; представления о Конституции как о праве; текстовое выражение основного закона и его интерпретации; воплощение Конституции России в деятельности органов публичной власти и поведении граждан.

Соотношение «правомерного», «легального», «легитимного» и «конституционной законности» при характеристике конституционного поведения.

Учитывая, что теории, а подчас и политико-правовые практики могут создавать многочисленное количество трактовок «правомерного», это понятие всегда будет обладать определённой *конвенциональностью*, тем более что, по выражению известного американского ученого Дж. Ганнела, «...всё политиче-

ское относится к сфере конвенции»¹. От себя же добавим, что конституционное право призвано фиксировать эту конвенциональность, придавая ей стабильность, относительную устойчивость, и выступать правовой мерой политического.

В литературе предлагается разграничивать бесспорную и спорную правомерность. «Если наличие и реализация права на активные действия связана установленными в законе условиями, то при отсутствии подобных условий такие действия являются запретными. Спорность правомерности действий возникает из-за неясности границы между дозволением и запретом в гипотезе нормы или в характеристике действия (диспозиции). Риск спорной правомерности, очевидно, возникает из-за невыполнения одной из главных задач юридической техники – достижения ясности и понятности правовых актов»². Эта ситуация носит объективный характер, поскольку все аспекты конституционных правоотношений не могут быть «предугаданы», а все «формулы поведения», соответственно, предусмотрены нормами права. Однако полагаем, что именно в таких случаях и проявляются приоритетный характер и значимость конституционного правопонимания в целом и конституционного понимания правомерности в частности. Преодоление недостаточной правовой определенности в подобных ситуациях должно достигаться с помощью конституционно-опосредованного форматирования системы ценностей в российском обществе. Вслед за В.И. Круссом полагаем, что применение такого подхода к любому виду юридической практики имеет безусловное методологическое и практическое значение, формируя не дискретное, а «конституционно-континуальное» восприятие правовых феноменов и устанавливая необходимость во всех случаях «...руководствоваться совокупным конституционным смыслом, идеей, сводной

¹ Gannel, J. In Search of the Political Object Beyond Methodology and Transcendentalism / J. Gannel // Ed. By J. Nelson. – N.Y., 1983. – P. 43.

² Поляков, С.Б. Юрико-технические причины риска правомерного поведения / С.Б. Поляков // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 295–300.

ценностной установкой»¹. Похожая точка зрения сформулирована и известным цивилистом К.И. Скловским, считающим, что заведомая обязанность закона ответить на любой вопрос – способность, вытекающая не столько из формальных качеств закона, качество которого зачастую бывает плохим, сколько из истории, языка, культуры, из всего того, чем рождено право, что и делает текст закона неисчерпаемым².

Важным аспектом установления содержания категории «правомерное» для целей настоящего исследования является соотношение с категориями «легальное» и «легитимное». Как для российских, так и для зарубежных ученых является традиционным разграничение данных понятий: легальность предстает как юридическое обоснование власти, нормативная фиксация факта ее существования и юридическая характеристика. Власть, несмотря на ее сложную метафизическую природу, представляет собой, в том числе, поведенческое отношение, а правомерное поведение властвующих проявляется в первую очередь в соблюдении конституционных ограничений. Легитимность (или легитимизация) же означает признание власти, оправдание существования и доверие к ней, выступая нравственной характеристикой. Правомерное поведение подвластных (управляемых) свидетельствует о признании и одобрении власти, выступает показателем ее легитимности. Напротив, высокий уровень принуждения со стороны государства, уровень силы гражданского неповиновения, массовые акции протеста и т. п. ставят такую легитимность под сомнение.

Легитимность в определённом смысле представляет собой систему идей, направленных на поддержание стабильности политической системы. «Основная идея всякого конституционного акта, – отмечает И.А. Исаев, – установить и закрепить формально и при посредстве разветвленного и кодифицированного законодательства (системность его необходима даже в прецедентной системе

¹ Крусс, В.И. Теория конституционного правоупотребления: моногр. / В.И. Крусс. – М.: НОРМА, 2007. – С. 183–184.

² Скловский, К.И. Гражданский спор. Практическая цивилистика. / К.И. Скловский – М.: Дело, 2002. – С. 121.

права) стабильный и «справедливый порядок». «Ощущение государственности» и ее необходимости заложены в глубинах национального сознания. Там основной источник легитимности и признания совершающихся преобразований¹.

Проблема соотношения категорий правомерности и конституционной законности по отношению к правовому поведению проявляется в отдельных выполняемых ею функциях, характеризующихся учеными и исследователями как «качественный показатель» (Н.Н. Вопленко)²; «состояние правомерности» человеческой деятельности (П.М. Рабинович)³; «конституционная обязанность» правомерного поведения (Ю.П. Еременко)⁴; «система социальных и юридических требований правомерного поведения» (Н.Н. Вопленко, В.В. Демидов)⁵.

Вслед за Т.Я. Хабриевой обратим внимание, что легальность или нелегальность должны оцениваться с позиций конституционной законности⁶, которая выступает не просто частью общего режима законности, а его основой, ядром. Это обусловлено тем, что главные параметры общественного и государственного строя, статуса человека и гражданина определены основным законом – конституцией⁷. При этом исследователь выделяет формальную и содержа-

¹ Исаев, И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе / И.А. Исаев // История государства и права. – 2012. – № 6. – С. 2–3.

² Вопленко, Н.Н. Понятие и основные черты законности / Вопленко Н.Н. // Legal Concept. – 2006. – № 8. – С. 33.

³ Рабинович, П.М. Глебов, А. Упрочение законности – закономерность социализма: Вопросы теории и методологии исследования. / П.М. Рабинович, А. Глебов – Львов, 1975. – С. 130.

⁴ Еременко, Ю.П. Советская конституция и законность. / Ю.П. Еременко; науч. ред.: Ржевский В.А. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1982. – С. 28.

⁵ Вопленко, Н.Н. Социалистическая законность и применение права. / Н.Н. Вопленко; под ред.: Байтин М.И. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1983. – С. 48–49; Демидов, В.В. Законность в современном Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Демидов Владимир Вениаминович. – Н. Новгород, 2004. – С. 6.

⁶ Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. Т. 90. – 2020. – № 5. – С. 220.

⁷ Хабриева, Т.Я. Конституция и законность // Законность в Российской Федерации. Монография / А.Х. Казарина, В.П. Кашепов, В.П. Рябцев, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева – М.: Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, Изд-во НИИ Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2008. – С. 59–73.

тельную стороны такой оценки. На примере конституционных реформ, Т.Я. Хабриева подмечает, что формальная сторона относится главным образом к процедуре изменений и их формализованному выражению, а другая – к содержанию правовой материи норм, которыми осуществляется конституционная реформа.

По мнению С.А. Авакьяна, «...конституция имеет не одну, а две характеристики – стабильность и динамизм. Суть первой заключается в незыблемости основных конституционных устоев, а динамизм допускает возможность отражения в конституции созревших текущих правил, детализирующих практику реализации тех или иных прав и свобод, деятельности государственных органов и т. д. Главное заключается в том, что динамизм сочетается со стабильностью, не «опрокидывая» ее»¹.

Таким образом, при помощи конституционного правопонимания стабилизируется высокий динамизм политических изменений и минимизируется неоднозначность оценок и выводов относительно того, какие типы человеческого поведения правомерны на текущий момент. Многовариантность правового поведения в общественных отношениях, образующих предмет конституционного права, способны породить противоречивые оценки результатов такого поведения. В силу этого весьма затруднительно объяснить все факторы, которые определяют повторяемость человеческих действий, образующих политико-правовые закономерности, тем более что правомерное поведение в конституционно-правовой сфере формируется в сложнейших сочетаниях причинно-следственной и функциональной зависимостей политических изменений, снижая возможности формулирования и открытия универсальных закономерностей в данной сфере. По этому поводу весьма справедливое замечание делает И.П. Кененова: в ходе принятия государственно-властных решений сталкиваются конституционно-правовой и политический факторы, оказывая влияние не

¹ Авакьян, С.А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2011. – № 1. – С. 24.

только на результат – содержание самого решения, – но и друг на друга. Политический фактор может совпадать по направленности и содержанию (полностью или частично) с конституционно-правовым фактором или, напротив, «звучать диссонансом» по отношению к нему. Но в любом случае существенной особенностью политического фактора является тот главный интерес, который предопределяет его (фактора) содержание. Это – «интерес выживания публичной власти» в том статусе, который она обрела, и в той форме, которая ей (а точнее, ее обладателям) понятна¹.

Парадоксально, что обеспечение «интереса выживания» может достигаться разными способами. Так, например, отмена легитимного порога явки избирателей, исключение графы «против всех» были направлены на минимизацию риска «невыживания» и исключение юридической возможности выразить протест на выборах путем правомерного поведения.

Усложнению модели конституционно-правомерного поведения способствуют «формулы», выражающие разные режимы конституционной законности, – «соблюдение», «соответствие» и «непротиворечие». Б.С. Эбзеев, комментируя ст. 15 Конституции, по данному поводу пишет: «Обращает на себя внимание и то, что в комментируемом положении Конституции используется термин «непротиворечие Конституции Российской Федерации». Между тем в ст. 125 Конституции применен иной термин – «соответствие Конституции Российской Федерации». Фактическое и юридическое содержание понятий, обозначаемых этими терминами, не вполне совпадает. Императивные нормы Конституции однозначно определяют вариант поведения их адресатов, и в этом случае Конституция пользуется термином «соответствие» («несоответствие»). Диспозитивные нормы допускают различные варианты поведения адресатов, и

¹ Кененова, И.П. Соотношение политического и конституционно-правового факторов в ходе принятия государственно-властных решений // Конституционное право и политика: сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012. – 800 с.

выбор любого из этих вариантов при соблюдении указанных в них условий и обстоятельств не противоречит Конституции»¹.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 г. № 1-П² относительно трактовки судом данного понятия было указано, что под *непротиворечием* Конституции понимается, что Конституция не исключает и иные варианты правового регулирования в соответствующей сфере общественных отношений (а значит, – выделено *Е.Т.*, – иные варианты правового поведения). Далее в указанном постановлении говорится о том, что находить не только не противоречащие Конституции, но и политически, социально-экономически, нравственно-этически целесообразные правовые решения – это функция законодателя.

Например, в тексте Конституции России содержится запрет на противоречие ее нормам федеральных законов и указов Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства РФ (ч. 3 ст. 115), а также предусмотрено требование непротиворечия Конституции и федеральным законам указов и распоряжений Президента (ст. 90). Аналогичный термин «непротиворечие Конституции РФ» используется и в ч. 1 ст. 15 и распространяется на законы и иные правовые акты, принимаемые в РФ. Что касается компетенции Конституционного Суда РФ, то в ч. 2 ст. 125 говорится о том, что орган конституционного контроля разрешает дела о *соответствии* нормативных правовых актов.

Проблематика различия между режимами «соответствия» и «непротиворечия» (как фактических вариантов поведения в контексте правомерности) в теории конституционного права практически не исследована, за исключением

¹ Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с.

² Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС «КонсультантПлюс».

нескольких суждений, высказанных В.В. Маклаковым и Б.С. Эбзеевым. Так, В.В. Маклаков пишет: «...о существовании различия между названными понятиями говорят следующие рассуждения: если проверяется соответствие конституции какого-либо акта, предмет регулирования которого закреплен в основном законе, то в данном случае речь должна идти о соответствии; если же проверяется акт, о предмете которого нет в конституции упоминания (а таких большинство, поскольку конституция содержит самые общие нормы), то правомернее говорить о непротиворечии»¹. По мнению же Б.С. Эбзеева, «... «соответствие» («несоответствие») корреспондирует императивным нормам конституции, однозначно определяющим вариант поведения их адресатов. Непротиворечие же связано с действием диспозитивных норм конституции, допускающим различные варианты поведения»². Обозначенные точки зрения ученых взаимодополняют друг друга и позволяют сделать вывод о преобладании императивного характера «соответствия» и диспозитивного при «непротиворечии».

Правомерность конституционных идей и доктрин во взаимосвязи с конституционным поведением.

Связь правомерности поведения с конституционными идеями и доктринами как основными теоретико-познавательными формами имеет под собой весьма веские основания, что мы и попытаемся доказать.

Так, профессор С.А. Авакьян конституционные идеи характеризует как предпосылку конституционализма и относит к одной из четырех главных его составляющих, наряду с наличием соответствующего нормативного правового фундамента, достижением определенного фактического режима и системой за-

¹ Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник для вузов / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. – М., 2005. – С. 120. (автор главы – В.В. Маклаков).

² Научно-практический комментарий к Конституции РФ / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: издательство «Юрист», 2001. – С. 97. (автор комментария к статье – Б.С. Эбзеев).

щиты конституционного строя и конституции. По мнению авторитетнейшего ученого, наличие текста конституции при всей его архиважности еще не образует конституционализма. О наличии последнего можно говорить лишь в том случае, когда именно *конституционные идеи* внедрены в общественное сознание, построенное на убежденности в необходимости и пользе институтов власти и государственных законов, их оформляющих, возможности достижения социальной справедливости и защиты обоснованных интересов *посредством своих действий и шагов властей*, основанных на нормах закона¹.

В свою очередь, В.В. Киреев, развивая указанные тезисы, предлагает различать идеи конституционализма в их доформализованном, формализованном и практически-прикладном состояниях². Отметим, что идеи конституционализма, независимо от степени их формализации в позитивном праве, формируют своего рода «институциональную среду» как совокупность будущих основополагающих политико-правовых правил, которые в дальнейшем, при совокупности определенных условий, могут выполнять роль регуляторов поведения.

Идеи конституционализма функционируют на разных логико-гносеологических и организационно-практических уровнях, а также в разной степени позитивной формализации. Часть из них можно отнести к универсальным, некоторые носят характер приема юридической техники, другие способны придать нормативную силу позитивному праву, третьи обладают лишь потенциальной действительностью и правомерностью. Идеи могут быть продуктивными для теории и практики или деструктивными. Соответственно, наиболее продуктивные идеи приобретают характер конституционных ценностей.

Сложным является вопрос о выборе доктрины, которая будет «вписана» в конституционно-нормативные конструкции и формировать перечень требова-

¹ Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. / С.А. Авакьян – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – С. 230.

² Киреев, В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации / В.В. Киреев. – Челябинск: Южно-Уральский издательский дом «Образование», 2008. – С. 209.

ний правомерности от государства к индивиду и наоборот. Здесь возникает необходимость определения критерия добросовестности законодателя, который при таком выборе должен отдать приоритет благополучию и безопасности человека и общества, а вся целенаправленная властная деятельность государства должна быть сосредоточена на поддержании фундаментальной системы саморегуляции (гомеостаза) конституционного порядка. С гомеостатическим равновесием связаны гарантии осуществления юридических закрепленных возможностей индивидов (конституционных прав и свобод), а также поддержание соответствия конституции и законов потребностям жизни и развития человека и общества¹.

Как уже отмечалось выше, в российской Конституции понимание права бинарное и включает в себя две онтологически противоречащие доктрины – естественного и позитивного права. Эти доктрины, в свою очередь, порождают различные варианты их трактовки, как, например, естественно-правовая доктрина необходимости (*Doctrine of Necessity*), автором которой является английский юрист и учёный Генри де Брактон. Согласно его учению, «...естественное право – это то, чему все живые существа учатся по природе, т. е. по естественному инстинкту» («*Ius naturale, quod docuit omnia animalia natura, id est per instinctum naturæ*»)². Инстинкт, в свою очередь, состоит из следующих элементов: рефлекса свободы; рефлекса размножения; рефлекса питания; рефлекса безопасности. Генри Брактон считал, что всё право представляет собой формализованное выражение инстинктов человека. Юридические действия, вытекающие из таких инстинктов, по его мнению, следует относить к правовым, хотя легистами они могут признаваться незаконными с позиции позитивного и развитого права. Этот тезис позволяет обосновывать с позиций права практически любые действия человека и государства на применение насилия либо сверже-

¹ Мухачёв, И.В. Гомеостазисная теория сущности конституции / И.В. Мухачёв // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1 (39). – С. 135–137.

² Bracton H. de Bracton De legibus et consuetudinibus Angliæ / Bracton H. de Bracton. – Vol. 1. Yale University Press, 1915. – 454 p.

ние власти, считающиеся законными в рамках системы позитивного права. «Однако, – отмечает А.В. Шидловский¹, – выдвинутый Г. Брактоном тезис о примате инстинкта самосохранения в естественном праве – это ни в коем случае не путь к вседозволенности и неправовому поведению, исходящему из ничем не ограниченной воли. Он обусловлен, в первую очередь, границами необходимости, которые в своё время были определены И. Кантом и положили начало кантианской доктрине справедливости (A Theory of Justice), где «право как цель»².

Воплощение доктрины необходимости имеет место в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, где обозначены наиболее значимые публичные интересы как границы необходимого поведения, а также цели применения ограничений прав и свобод человека и гражданина. Обозначенные границы и цели Конституционный Суд РФ не только относит к публичным интересам, но и соотносит их с конституционно значимыми ценностями³.

В контексте понимания правомерности в конституционном праве требует исследования вопрос о значении судебных актов Конституционного Суда РФ и региональной конституционной юстиции в судебной формализации теоретико-познавательных конструкций конституционного свойства. В связи с этим отдельного исследования заслуживает тема влияния идей и доктрин конституционализма на принятие решений судьями. Если в американской конституцион-

¹ Шидловский, А.В. Организаторы выборов в штатах США. Айдахо, Айова, Аляска / А.В. Шидловский // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 3. – С. 108.

² Кант, И. Критика чистого разума. / перевод с немецкого Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – С. 49.

³ Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П от 30.10.2003 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2003. – № 6.; Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Атлант-Эстейт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

ной юриспруденции эта проблема представлена поведенческими моделями принятия судебных решений, то в отечественной конституционно-правовой науке разработка подобных тем пока только набирает обороты и представлена фрагментарно¹. В силу ограниченного объема обозначенные вопросы остались за рамками настоящего исследования.

В продолжение рассмотрения проблемы правомерности конституционных идей (концепций, доктрин, парадигм) считаем необходимым отдельно остановиться на такой форме существования права, как правовой миф и правовые мифологемы, к использованию которых всё чаще прибегают в конституционно-правовом дискурсе. Конституционно-правовой миф (мифологема) представляет собой определённый идеологически окрашенный когнитивный образ и используется как «...закрепленная во времени идея, на которой зиждется вся политическая система»². В юридической доктрине миф рассматривается в качестве ориентира, способного оказать воздействие на выбор правового поведения. Также отмечается, что правовой миф, «...имея своей целью создание идеальной модели, образа правовой действительности, который бы совпадал с ценностными ожиданиями носителей правового сознания, выступает в качестве предпосылки, основы правопорядка, ... способен формировать его позитивный об-

¹ См.: Белов, С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами / С.А. Белов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 4. – С. 37–56; Шуберт, Т.Э. Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) / Т.Э. Шуберт // Журнал российского права. – 2017. – № 2 (242). – С. 48–56; Белых, М.Л. Некоторые вопросы использования сравнительно-правового метода в деятельности органов конституционного судебного контроля / М.Л. Белых // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 72–77; Федорова, И.В. Федорова, М.В. Влияние доктрины на формирование правовых позиций конституционного суда российской федерации / И.В. Федорова, М.В. Федорова // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 104–117.; Чирнинов, А.М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование / А.М. Чирнинов // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 33–44. и др.

² Осипов, Г.А. «Конституция», «Свобода», «Президент»: когнитивно-прагматические особенности политических идеологем в современном американском политическом дискурсе / Г.А. Осипов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3. – С. 95–97.

раз»¹. Известный теоретик междисциплинарного подхода к исследованию поведения личности в различных сферах деятельности, профессор Чикагского университета Гарольд Дуайт Лассвелл (Harold D. Lasswell), отмечал, что политический миф состоит из символов, к которым прибегают не только с целью разъяснения, но и оправдания специфических практик власти, и содержит в себе «фундаментальные допущения», касающиеся политических вопросов².

Представители социально-гуманитарного научного направления ведут размышления об идее права³ и идее правового закона⁴. Наряду с ними теоретиками права исследуется «идея законопроекта»⁵. Что касается конституционных идей, претендующих на роль конституционных мифологем, то таковые, как правило, представлены «национальной идеей», «государственной идеей», «идеей разделения властей», «идеей народного представительства», «идеей правового государства» и другими. Также можно встретить упоминание о конституционных иллюзиях⁶.

Лексические конструкции «конституционный миф» и «конституционная мифологема», «конституционная иллюзия» не имеют негативного контекста, не сводятся к декларативности и фиктивности феноменов, ставших подобными мифами и иллюзиями. При помощи мифов, как и во все времена и во всех культурах, символично описывается объем знаний, превышающих возможности общедоступного рационального усвоения. В частности, о том, что принцип раз-

¹ Тищенко, Ю.В. Роль мифа в формировании аксиосферы права // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса: Фенікс. 2012. – С. 85–88.

² Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 270.

³ Ллойд, Д. Идея права / пер. с английского. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. – М.: Книгодел, 2007. – С. 400–405.

⁴ Подробнее см.: Петровская, А.В. Сущность и содержание идеи правового закона: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Петровская Анна Валентиновна. – М., 2007. – С. 24.

⁵ Баранов, В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление / В.М. Баранов // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 9–13.

⁶ Барциц, И.Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии / И.Н. Барциц // Государственная служба. – 2013. – № 6. – С. 8–10.

деления властей является «конституционным мифом», писали О. Худ Филлипс и ряд других авторов¹. Разумеется, речь идет не об опровержении принципа разделения властей, а о некоторой необоснованности его чрезмерной идеализации и представлении в качестве чуть ли не идеального и не единственно разумного принципа рациональной организации власти.

Конституционные мифы, с одной стороны, выступают как разновидность социальных регуляторов, воздействуя на правовое поведение через сознание и мышление, с другой – как антипод реальному поведению людей. Например, наиболее устойчивым и активно тиражируемым мифом, распространенным среди юристов и политологов, пишет Алан Марсиано, выступает утверждение о том, что конституция представляет собой «общественный договор»². Такая идея является фикцией, указывает Рэндалл Дж. Холкомб, также и потому, что основой деятельности органов публичной власти государства в реальности все-таки является принуждение, но никак не договор. Конституционный же договор, рассматриваемый в гипотетическом смысле общественного договора, является фикцией, поскольку в действительности подразумевает легитимность принуждения, реализуемого публичной властью, такой гипотетический подход не основан на реальном поведении и не в ладах с реальностью деятельности правительства³.

В качестве примеров базисных государственно-идеологических мифов и превращения идей марксизма, заключенных в первых советских конституциях, в мифологемы, некоторые исследователи называют «диктатуру пролетариата»⁴,

¹ Цит. по: Masterman, Roger The separation of powers in the contemporary constitution: Judicial competence and independence in the United Kingdom / Roger Masterman – Cambridge University Press, 2010. – P. 10

² Marciano, A. Introduction: Constitutional Myths // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. By A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

³ Holcombe R.G. Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract / R.G. Holcombe // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

⁴ Гигаури, Д.И. Коровин, К.С. Революционный миф «диктатуры пролетариата» в советской конституционной доктрине 1918 г. и визуальной коммуникации / Д.И. Гигаури, К.С. Коровин // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. – С. 40–45.

«революцию», «социализм», «советскую власть»¹, при помощи которых в общественное сознание внедрялось редуцированное представление о социальной действительности как противоборстве двух начал. В качестве цели исследования мифологических контекстов конституции указывается анализ глубинного, архетипического содержания обозначенных категорий при помощи погружения базовых ценностей советских основных законов в пространство мифа, где революция интерпретируется через миф о творении, социализм – через хилиастический миф, диктатура пролетариата и советская власть – через героический миф².

Общественные, политические и правовые мифы играли различные роли на протяжении истории, оказывая заметное влияние на поведение человека и человеческих масс. Основной эффект, который оказывают верования и мифы, – это «влияние на психику людей»³, изменение их сознания и создание общих форм мышления. Отражаясь в массовом сознании в качестве позитивных образов и культурных представлений, политико-правовые мифы в конечном итоге оказывают влияние на формирование национальной конституционной идентичности. В связи с этим необходимо отметить знаково-символическое значение статьи 67.1 Конституции Российской Федерации, «...которая характеризует основы исторической субъектности российского общества», а в качестве смысловой направленности имеет целью позитивную формализацию в «...доктринальных положениях, призванных способствовать укреплению общероссийской идентичности», «...апелляция к историческому опыту нации является одним из естественных условий процесса национального самоопределе-

¹ Глебов, А.Н. Базовые ценности Конституции РСФСР 1918 года в мифологическом контексте / А.Н. Глебов // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 27–30.

² Глебов А.Н. Указ соч. – С. 32.

³ Лукашева, Е.А. Современная мифология и реалии политической и социальной жизни / Е.А. Лукашева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 3. – С. 5–12.

ния в условиях кризиса глобалистской парадигмы и сложных социальных процессов современности»¹.

Таким образом, можно утверждать, что правомерность – это не только рационально-законодательное, но и духовное, нравственное понятие. Формируясь на основе как собственно правовых, так и метаправовых категорий, оно служит стержневым критерием, определяющим сущность, качество и контекстное содержание всей системы прочих юридических понятий и терминов, государственно-правовых концепций, ценностей, целей, принципов, институтов и функций².

В разных правопорядках соотношение «составляющих» этого понятия различно: так, например, в Израиле по сей день отсутствует формальная конституция, поскольку, согласно представлениям ортодоксальных иудеев, Основной закон уже был дан евреям в виде заповедей Божиих Моисею. Теологические основания правомерности обнаруживаются в большинстве конституций современного мира.

Рассматривая понятие правомерности в конституционном праве, следует согласиться с тем, что если мы исходим из утверждения о «нейтральности» конституционных норм, то не можем отрицать то обстоятельство, что для поддержания стабильности конституций эти нормы могут становиться амбивалентными. По существу, в таких ситуациях правомерность в конституционно-правовом измерении обретает субъективный характер толкования интерпретатора, будучи обусловленной комплексом имеющихся у него доминирующих

¹ Пономарев, М.В. «Историческая правда» как доктринальная новелла и юридическая категория российской Конституции // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – Москва: Саратовский вестник, 2021. – С. 253.

² Осипян, Б.А. Корень понятия «правомерность» / Б.А. Осипян // Современное право. – 2008. – № 1. – С. 69–71.

(или базовых) идей, концепций и парадигм. Вероятность такого подхода во многом определяется «масштабностью» распространения и статусом субъектов правовых отношений. Так, исследователи отмечают, что «...в экономической сфере базовая идея и основанная на ней идеология служат естественным критерием принятия решений о направлениях использования общественного продукта, создаваемого населением страны. В политической сфере доминирующая общественная идея является критерием справедливости того или иного государственного порядка и складывающейся системы властных отношений»¹.

В связи с этим представляется справедливой и актуальной точка зрения, высказанная еще выдающимся русским мыслителем И.А. Ильиным, утверждавшим, что каждый человек постоянно нуждается в мотиве и побуждении, которые заставляли бы его не уклоняться от цели права. «Этот мотив, – писал ученый, – должен быть настолько зрел и силен, чтобы он мог выдержать всякие искушения, возникающие от дурных, своекорыстных и противообщественных влечений. Для того чтобы не поддаваться этим влечениям, ...человек должен усвоить духовное измерение жизни и деяний, которое дало бы ему возможность отличать высшее от низшего, достойное от недостойного, ... духовно необходимое и правое от лично важного, «нужного» и «полезного». Он должен, далее, верно осознать цель права, которая состоит в ограждении и организации жизни, посвященной высшему, достойному, безусловному и значительному, он должен признать правоту этой цели и ее преимущество перед другими возможными целями, и вслед за тем в душе его должна сложиться живая градация жизненных целей как более ценных и менее ценных, и притом так, чтобы цель права как безусловная и общая всем людям и как желанная и для него лично получила бы предпочтение перед всякою условною и чисто личною целью. И если в душе слагается такая градация целей по их ценности и соответствующая градация желаний по их силе, то человек приобретает устойчивый стимул для неуклонно

¹ Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. / С.Г. Кирдина. – М.: ТЕИС (МГУ), 2000. – С. 102.

правомерного поведения». Это, с точки зрения И.А. Ильина, выражается в признании индивидом своих правовых обязанностей и готовности исполнять их в качестве долга¹.

Следовательно, с одной стороны, возможное и должное правовое поведение отражается в нормах Конституции в виде моделей конституционных свобод, конституционных субъективных прав и конституционных обязанностей. С другой стороны, осуществление этих формализованных моделей неизбежно получает «субъективное преломление», что в итоге и определяет степень конституционной правомерности поведения субъекта общественных отношений.

Сказанное позволяет следующим образом охарактеризовать представление о правомерном поведении с позиции российской Конституции:

1) оно основывается на суверенитете личности² и не предполагает полного контроля над социальным порядком и полным урегулировании всех его аспектов. Особенностью является не «сплошное» нормативное регулирование действий, а установление так называемых «отрицательных» критериев, позволяющих устранять неконституционные нормы и квалифицировать противоповеденческие акты как неконституционные (неправомерные). А это значит, что на уровне Конституции России провозглашается отход от правопорядка, поддерживаемого исключительно принуждением;

2) обязывающая сила конституционных норм не ставится в зависимость от субъекта воздействия – государства или человека. Это означает, что требование исполнения конституционных обязанностей имеет корреспондирующий, взаимный характер. Требования государства правомерны до тех пор, пока нахождение у власти конституционно, а лица, наделенные публичной властью, соблюдают управомочивающие их власть нормы, в первую очередь – конституционные.

¹ Ильин, И.А. Теория права и государства. Изд. 2-е, доп. / под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – С. 311–320.

² Матузов, Н.И. К вопросу о суверенитете личности / Н.И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 4. – С. 10.

Правомерность конституционных идей, доктрин и концепций. Немаловажным для понимания конституционного поведения является анализ источников формирования представления о том, что считать правомерным. В частности, обращение к доктринам позволяет проследить, как формируются и образуются идеи, силы, основы, причины, производящие право, а затем такие идеи и доктрины формализуются в нормативные правила поведения. Как известно, при наличии определённых условий доктрина может выступать самостоятельной формой права, а в случае применения доктринальных положений органами государственной власти или судами, при вынесении ими соответствующих властно-нормативных актов изложенные в доктрине идеи могут выступать мерой правомерного поведения. Доктринальные положения получают внешнее оформление за счет других правовых явлений, в частности, правовых позиций Конституционного Суда РФ. В данном случае активная роль упомянутой выше доктрины конституционности, да и сама Конституция предстаёт как «...документ, в котором объективируется доктрина государства, находят выражение различные доктрины»¹.

Внешнее оформление, формализация доктрин осуществляется в процессе конституционного правотворчества, которое В.В. Киреев предлагает рассматривать как промежуточный этап перехода от идей конституционализма к их воплощению в общественной практике². При этом в качестве критерия, позволяющего формализовать конституционную доктрину и отграничить ее от иных источников, Т.М. Пряхиной предложен именно «принцип конституционности». Конституционность оценивается указанным автором как представление об абсолютных ценностях права, совмещаемое в основном законе с той их мерой, которая может быть воспринята и обеспечена государством. Кроме того, кон-

¹ Ковалевский, М.М. Общее конституционное право / М.М. Ковалевский. – Санкт-Петербург: Типография Север, 1908. – С. 5.

² Киреев, В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации / В.В. Киреев. – Челябинск: Южно-Уральский издательский дом «Образование», 2008. – С. 209.

ституционность характеризуется ею как системный принцип, означающий соответствие нормативных актов, правовых позиций субъектов государственно-правовых отношений буквальному смыслу основного закона, конституционным нормам в их логической взаимосвязи и иерархической взаимозависимости с целевыми конституционными установками, направленными на признание, защиту и согласование частных и публичных интересов, обеспечение правового, государственного и политического единства Российской Федерации¹. По сути, указанный автор говорит о мере того, что является правомерным с позиции конституционного. Помимо этого, Т.М. Пряхина выделяет и поведенческую составляющую конституционной доктрины: «...с учетом поведенческих закономерностей участников конституционного процесса в доктрине получают отражение теоретические основы воплощения конституционных установлений в государственную и общественную практику, выявляются критерии конституционности правового регулирования, структурируется теория конституционного прогнозирования и конституционного моделирования социальных процессов»².

Очевидно, что потребность в конституционном прогнозировании и моделировании продиктована изменчивостью содержательной стороны того, что понимается под правомерным, зависимостью правомерности от исторических условий ее интерпретации и государственных интересов, которые концепт правомерности призван обслуживать. Это утверждение наглядно демонстрирует тот факт, что многие, если практически не все институты непосредственной демократии, подвержены трансформациям под влиянием политико-правовых традиций и правовой культуры, допустимости или отрицания «конституционных ожиданий»³ и других факторов.

¹ Пряхина, Т.М. Конституционная доктрина современной России: автореф. дис. докт. юрид. наук: 12.00.02 / Пряхина Татьяна Михайловна. – Саратов, 2004. – С. 40.

² Пряхина Т.М. Указ. соч. – С. 26–27.

³ Кабышев, В.Т. Конституционные ожидания / В.Т. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 24–25.

Процессы демократизации и конституционализации развиваются в зависимости от предыдущих режимов и от того, как или каким образом различные (а подчас разрозненные и разобщенные) социальные субъекты взаимодействуют в новом конституционном порядке. Следует признать, что понимание правомерного поведения в конституционных доктринах различных исторических периодов не лишено политизированности. Так, например, в марксистской доктрине значительное место отводилось репрессивному и принудительному инструментарию для обеспечения интересов господствующего класса, а значит, фактически признавалась и устанавливалась правомерность диктатуры. Либеральные доктрины, характеризующиеся уклоном в сторону индивидуализма, по существу, легализуют приоритет индивидуального блага над общественным преимуществом, что существенно изменяет концепцию правомерного поведения с позиций конституционности.

На предшествовавшем этапе политическая и правовая системы, в том числе институты публичного права, имели ярко выраженный мобилизационный характер, пишет В.Н. Руденко, в современный же исторический период происходит формирование политической и правовой системы, функционирующей на согласительной основе¹. Это означает, что если для предшествующего правопорядка характерным для государственно-правовой сферы было мобилизационное участие – вынужденное действие, зависимое от неправовых стимулов (например, от фактора страха), то для согласительной политико-правовой системы нужно другое правомерное поведение: сознательное, активное, автономное участие, цель которого – оказать влияние на демократические процессы.

Следует отметить обоснованное, с нашей точки зрения, включение большинством российских исследователей в предметную область² конституционного права *взаимодействия* государства и человека (личности), которое может

¹ Руденко В.Н. Методология исследования прямой демократии в современном обществе / В.Н. Руденко // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 38–41.

² Комарова, В.В. Понятие и предмет отрасли конституционного права России / Конституционное право России / кол. авт.; отв. ред. В.В. Комарова. – М.: Кнорус, 2017. – С. 10.

рассматриваться в качестве процесса и результата правомерного поведения основополагающих субъектов конституционных отношений. Именно *взаимодействие* как правовая коммуникация¹ конституционного свойства связано с появлением и институционализацией ряда новых практик интеракции общества и власти: социальное партнерство, согласование интересов, общественный (гражданский) контроль, обращения граждан, общественные слушания и другие.

Признавая значимость конституционных идей и доктрин для формирования понятия правомерности, необходимо также упомянуть о важности механизма их формализации. По сути, основное предназначение конституционных теорий и доктрин заключается в отождествлении государства с комплексом институциональных структур и ценностей. При этом ограничение и диверсификация власти осуществляются через исторические, юридические, моральные и философские императивы и сложную иерархию правил и норм, действие которых направлено прежде всего на легализацию и урегулирование отношений между гражданами, законодательством и политическими учреждениями. Все ограничения, которые принимает на себя власть – это самоограничения с точки зрения государственности. Конституционализм, консерватизм, парламентский социализм нашли свое место в конституционной теории, дополнив государственные устройства формами ограничений власти, используемых в конституционных теориях: верховенство права, доктрина сдержек и противовесов, разграничение полномочий и федерализм, представительная демократия, естественные права и доктрины прав человека.

Позволим предположить, что в правомерном поведении в конституционном праве нет императива, поскольку разные варианты поведения мы получаем через сочетание правомерного как предписанного и желаемого поведения, до-

¹ Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада: 12.00.01 / Поляков Андрей Васильевич. – СПб., 2002. – С. 4.

пускаемого поведения (вопрос о правомерности которого все же может быть поставлен) и недопускаемого, но правомерного поведения.

Правомерное поведение (предписанное и желаемое) может выражаться в исполнении предписанного нормой (активное избирательное право, реализованное путём голосования), в соблюдении нормы (следовании ей), когда одинаково правомерными будут и вариант действия, и вариант бездействия. В свою очередь неисполнение нормы может быть как допускаемым правомерным поведением (в случаях, когда реализация права оставлена на усмотрение субъекта – например, участие в выборах при всей вредности абсентеизма является правомерным поведением, поскольку законодатель сформулировал его как право граждан, но не обязанность), так и недопускаемым правомерным поведением (пример – прямое предписание Конституции о принятии федерального конституционного закона о Конституционном Собрании, которое пока не выполняет законодатель).

Исследование конституционного правомерного поведения невозможно без рассмотрения вопросов последующего регулирования, предполагающего как возможность расширения конституционных гарантий, так и возможность их ограничения, а также создающего, по сути, разные уровни правомерности – на уровне реализации (соблюдения) общих норм и на уровне реализации (соблюдения) конкретизированных норм. Во многих общественных отношениях, относящихся к предмету конституционного права, конституционно-правовое регулирование представляет собой общее нормирование без установления деталей. Причинами этого может быть невозможность подробного регулирования, отсутствие необходимости и целесообразности подробного регулирования, а также осознанное допущение вариативности, поскольку усмотрение участников правоотношения дает необходимый позитивный результат. В условиях общего нормирования правомерность поведения состоит в следовании общим положениям, общим правилам.

Закреплённые в Конституции принципы являются юридическим средством «общего характера», закрепляющим правомерные варианты поведения в зависимости от той или иной совокупности факторов и обстоятельств, сопутствующих развитию конституционных правоотношений. К качественным характеристикам конституционных принципов следует отнести их способность выступать непосредственным руководством к действию, ориентиром и «шаблоном» конституционно-правовой активности, которые не только управомочивают, но и обязывают поступать в согласии с нормативными и нравственно-духовными требованиями основного закона страны и соционормативного порядка. При этом, несмотря на общий характер как нормативного предписания, высокую степень абстрактности и обобщения, конституционные принципы выступают не как пожелания, а как основа дальнейшего регулирования, то есть в них заложен потенциал превращения в строгие правила и обязанности.

В основе конституционных принципов лежит определённая идея, а сам принцип выступает в виде конечного результата идейного развития той или иной теории (демократии, народовластия, конституционализма, правового государства и т. д.). Прохождение определенных этапов развития придаёт той или иной теории форму лаконичного обобщения, а затем в правовой сфере она оформляется в виде юридического долженствования и приобретает вид нормативно-правового предписания общего характера. Сам же принцип, закреплённый в конституции государства, предстает как единство теоретической мысли и юридического требования, что позволяет относить принципы права в целом и конституционные принципы в частности к категориям правосознания¹. Из сферы правосознания, науки и теории идеи-принципы переходят в сферу правотворчества, воплощаются, объективируясь в нормах права и правоотношениях.

¹ Лукашева, Е.А. Принципы социалистического права / Е.А. Лукашева // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 26.

При том, что принципами права должен руководствоваться прежде всего законодатель, не все правовые принципы обладают свойством нормативности¹.

Содержательная сторона конституционных принципов представлена тремя основными элементами: требование, идеал, знание. К примеру, справедливость, равенство, солидарность и свобода, рассматриваемые как свойства, присущие личности и обществу, несмотря на различные формы проявления, чаще всего относятся к идеалам. По этой причине указанные концепты воспринимаются преимущественно как морально-правовые и общественно-политические категории.

В отличие от содержания нормы права, в котором формализуются правила поведения участников общественных отношений в виде корреспондирующих прав и обязанностей, правовой принцип чаще всего формулирует идеально-ценностный образ человеческого поведения и деятельности, хотя не стоит умалять и роль нормативных принципов, имеющих функцию правового регулирования. Наконец, требование и идеал как элементы содержания правового принципа облекаются в форму знаний, информации о закономерностях нормативной ситуации и желательном образе поведения².

Пожалуй, самым существенным свойством конституционных принципов является их способность юридически выражать наиболее социально и политически значимые для человека, общества и государства ценности и идеалы (законности, справедливости, гуманизма, свободы, равенства и т. д.). Это объясняется объективным и естественным характером происхождения правовых принципов. Регулятивное свойство и нормативное значение такие «специфические явления», как принципы права, получают в результате конституционной формализации. Перефразируя высказывание профессора С.С. Алексеева, сформулированное в одном из его поздних трудов «Восхождение к праву», можно кон-

¹ Малеин, Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика / Н.С. Малеин // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 12–17.

² Вопленко, Н.Н. Рудковский, В.А. Основные принципы права: понятие и классификация / Н.Н. Вопленко, В.А. Рудковский // Legal Concept. – 2013. – № 1. – С. 5–9.

статировать, что проникновение естественно-правовых требований в содержание Конституции призвано придать последней твердость, непререкаемость, обеспечивать посредством этого обусловленные природой определенность, строгость и надежность во взаимоотношениях людей. Перу великого ученого принадлежит и другой вывод о том, что право в широком его понимании означает признаваемую в данном обществе обоснованность, оправданность статуса и определенного поведения людей, их свободы и возможностей¹. Такого рода признание на уровне Основного закона происходит посредством закрепления следующих двух групп принципов. Первая – принципы конституционно-правового статуса личности (или конституционно-правового положения человека и гражданина), вторая – принципы взаимодействия личности и государства.

Правовые принципы были и остаются критериями ответа на вопрос о том, каким идейно-теоретическим установкам должно отвечать содержание правового регулирования, а следовательно, и формализованное поведение его участников².

Таким образом, мы приходим к выводам о том, что:

– обращение к основным концептам, регулирующим политико-правовую жизнь и культуру российского государства и общества, позволяет проследить, как формируются и образуются основы, производящие право, и каким образом они формализуются в нормативные правила поведения;

– содержательная сторона правомерности зависит от исторических условий ее интерпретации и государственных интересов, которые концепт правомерности призван обслуживать;

¹ Алексеев, С.С. Собрание сочинений: Т. 6: Восхождение к праву. / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2010. – С. 150, 280–286, 313, 344–345.

² Комиссарова, Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Комиссарова Елена Генриховна. – Екатеринбург, 2002. – С. 40.

– в современных условиях российской государственности конституционная доктрина *взаимодействия* государства и человека (личности) может рассматриваться в качестве процесса и результата правомерного поведения субъектов конституционных отношений;

– связь правомерного поведения и конституционных идей (доктрин) проявляется в том, что те правила и образцы поведения, которыми должны руководствоваться социальные субъекты (индивиды и общности), отражают желаемую и признаваемую для них модель устройства властных отношений, придавая власти характер легитимной.

В целом же анализ подходов к пониманию правомерности в конституционном праве позволяет высказать тезис о том, что единообразный подход к пониманию государством, обществом, гражданами и их объединениями правомерности и правомерного поведения в конституционных правоотношениях необходим для достижения целей, заложенных в Конституции РФ.

1.3. Методология познания правомерного поведения в российском конституционном праве

Методология как важнейший элемент в структуре научного знания в самом общем виде представляет собой совокупность представлений о способах (методах) решения той или иной исследовательской задачи и направлена на «...внутреннюю организацию и регулирование процесса познания»¹. В зависимости от выбранной методологии (то есть способов описания, приёмов и объяснений) зависит результат – представление о правовой реальности² или конкретном правовом явлении. Методология правоведения задается целым набором

¹ Троицкая, А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.02 / Троицкая Александра Алексеевна. – М., 2020. – С. 31.

² Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография / С.И. Максимов; М-во образования и науки Украины. Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2002. – С. 45.

ром средств: философскими предпосылками и основанными на них методами исследования; фундаментальными общетеоретическими концепциями права, а также общими и частнонаучными методами исследования.

Задачей философии и философского знания в сфере изучения права является формирование идеи права, а значит, того, что будет образовывать концепт правомерности.

При анализе методологических подходов к пониманию и исследованию конституционного правомерного поведения представляет особый интерес заявляемая в научных публикациях конституционно-правовой направленности идея о развитии «философии конституции» как ракурса рассмотрения Конституции, который раскрывает ее сущностные, смысловые и всеобщие характеристики с позиции философских методов познания социальных явлений. Несмотря на то что философский подход позволяет рассматривать Конституцию целостно, в единстве общих и особенных ее характеристик, раскрывать смыслообразующие начала конституционных установлений в контексте единства права, морали, должного и сущего в системе общечеловеческих ценностей, такой подход все же выходит за рамки конституционного права как отрасли правового знания. Философия основного закона государства может рассматриваться как специализированный раздел философско-правового знания, заключающий в себе анализ идеализированных, обобщенных представлений о состоянии и перспективах правовой жизни государства и граждан. Потребность в таком анализе обусловлена необходимостью глубинного постижения сущности основного закона государства, который в концентрированном виде отражает ценности и приоритеты народа. В познавательном плане интересен вопрос о том, является ли Конституция исключительно продуктом разума, результатом рационального построения.

Если ответ на вопрос будет положительным, рассуждает Г.Ф. Гараева, то станет очевидно, что такое построение есть результат произвола, «благородная» утопия, которая может разделяться как практическая цель небольшой

группы единомышленников, но которая не может опираться на объективные социальные предпосылки для своей реализации. По существу, такой подход можно обозначить как конструктивистский рационализм, который базируется на картезианском дуализме, предусматривающем независимое существование субстанции ума, способное самостоятельно конструировать общественные институты и наполнять их рациональным смыслом. Но разум сам является продуктом исторического и культурного развития, поэтому нельзя абсолютизировать его право на выражение правил поведения в обществе. Правила поведения в обществе – это сложный результат объективных и субъективных предпосылок и имеющегося опыта в общении между людьми, который выражается при помощи рациональных средств. Принимая во внимание, что в конституции содержатся наиболее обобщенные установления, касающиеся правил поведения людей и функционирования государства, следует подчеркнуть, что разум выражается в основном законе государства посредством основополагающих абстракций. Это позволяет охватывать неограниченный круг конкретных явлений, так как абстракции охватывают мир в общих характеристиках, а поэтому приложимы к любому количеству конкретных регулируемых явлений. А это значит, что конституция посредством абстракций претендует на полноту регулирования общественных отношений в границах осмысления объективных закономерностей в обществе¹.

Юридическая наука методологически зависит от философии, несмотря на то, что имеет собственный предмет, задачи и соответствующую эмпирическую методологию. «Сердцевиной юридической методологии, – пишет В.Н. Синюков, – является теория правопознания – изучение феномена права как целостно-

¹ Гараева, Г.Ф. Философия Конституции (к постановке проблемы) / Г.Ф. Гараева // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч. -информ. исслед. Отдел правоведения / отв. ред. Алферова Е. В. – М.: ИНИОН, 2010. – С. 66–74.

го социального института»¹. Соответственно, с позиции каждой из общепризнаваемых концепций понимания и познания права (позитивистской, юс-натуралистской, социолого-правовой, постклассической) онтология правовой реальности будет разниться, а значит, будет разниться и понимание правомерного поведения как части такой реальности.

Как уже было отмечено в предыдущих параграфах, конституционное поведение имеет сложную политико-правовую природу, что предопределяет использование совокупности методов и приемов приобретения новых знаний о таком поведении как о правовом и конституционно-политическом явлении, с одной стороны, и антропологических, аксиологических, телеологических и психологических его аспектах – с другой. Такой методологический плюрализм обусловлен тем, что развитие и эффективность Конституции как нормативной регулятивной системы неотъемлемо от существования человеческого общества и человеческой психики. По обоснованному замечанию Е.И. Козловой, концепции, отраженные в трудах, содержащих наиболее общие философские суждения по проблемам, непосредственно или опосредованно относящимся к предмету конституционно-правовой науки, очень разнообразны, часто противоречивы, имеют неодинаковую методологическую основу объяснения процессов общественного развития². Всё дело в том, что современное конституционное право может рассматриваться одновременно как система юридических норм; объективная реальность; сложное социальное явление; форма выражения сознательной воли человеческих ценностей, а также нравственных принципов; продукт исторического развития; комплекс внутренних волевых актов и актов

¹ Синюков, В.Н. Теория правопознания в России: проблемы обновления // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А. В. Корнев. – М. Норма: ИНФРА-М, 2017 – С. 30.

² Козлова, Е.И. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юристъ, 1996. – С. 34.

подчинения внешнему правопорядку, актов свободы и актов принуждения¹. Соответственно, конституционно-правовое поведение не может быть описано лишь с позиции юридической оценки (положительной или отрицательной) действий или бездействия участников правовых отношений. По этой причине полагаем наиболее целесообразным исследование конституционно-правомерного поведения с использованием как классической, так и постклассической методологии, о чем и пойдет речь далее.

Как известно, методология науки традиционно связывается с установленными и сменяемыми парадигмами познания², в рамках которых создавались определенные наборы принципов, подходов и приемов этого процесса³. Универсальной парадигмы юридических исследований не существует. «Парадигмы – это категории науковедения, модели роста научного знания. В данном случае мы вновь обращаемся к вопросу: как и почему случилось, что социалистическая модель конституции была отброшена и в качестве основы Конституции России была предложена иная парадигма?» – пишет В.Т. Кабышев⁴.

Очевидно, что в настоящее время правовые науки в целом и конституционно-правовая наука пребывают в поиске новых парадигм развития, способных удовлетворить потребность в познании новой юридической картины мира.

Каковы же основные «вызовы» современной научной юридической картины мира, которые потребуют переопределения или дополнения понимания правомерного поведения в целом и конституционно-правомерного в частности?

Во-первых, это отход от «...мировоззренческого, методологического монизма, основанного на марксистской идеологии, ... и диалектическом материа-

¹ Конституционное право: университетский курс. в 2 томах. Т. 1 / С.В. Арбузов, Т.В. Бережная, И.А. Володько и др.; под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – Москва: Проспект, 2015. – С. 404.

² Кун, Т.С. Структура научных революций / сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С. 560.

³ Троицкая, А.А. Философские основания методологии науки конституционного права / А.А. Троицкая // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 3.

⁴ Кабышев, В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий / В.Т. Кабышев // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 44.

лизме советского периода ... привычной и многое объясняющей марксистской парадигмы истолкования правовой реальности»¹. «Крушение» марксистско-ленинской методологии, по образному высказыванию профессора В.В. Лазарева, вызвало своего рода «растерянность ученых» в вопросах методов юридического познания. Для науки конституционного права такая «растерянность» еще связана с затянувшимся переходом от государственно-позитивистских правовых позиций к методологически новому освоению конституционных смыслов.

Во-вторых, особое развитие методологии науки, связанное с переходом от классического к неклассическому и постнеклассическому этапу и типу рациональности². Мы солидаризируемся с тезисом, выдвинутым А.А. Троицкой, о том, что современная наука конституционного права развивается в русле постнеклассической парадигмы, а значит, это обстоятельство необходимо учитывать при выстраивании методологических подходов и мировоззренческого компонента³. В научной литературе отмечается⁴, что к числу принципов новой юридической картины мира и рациональности могут быть отнесены: многомерность права, сконструированность правовой реальности, релятивизм и неопределенность⁵, а для ее познания пригоден методологический плюрализм. Вслед за В.С. Степиным следует отметить, что возникновение «...каждого нового типа рациональности не приводит к исчезновению предшествующих типов, а лишь ограничивает сферу их действия». Соответственно, использование

¹ Палазян, А.С. Проблемы современной методологии познания правовых явлений / А.С. Палазян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 106–108.

² Степин, В.С. Философия и методология науки. – М.: Академический проект, 2015. – С. 507–516.

³ Троицкая, А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.02 / Троицкая Александра Алексеевна. – М., 2020. – С. 36.

⁴ Цыгановкин, В.А. Метод правового регулирования: постклассический подход / В.А. Цыгановкин // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2013. – № 19 (120). – С. 27–32.

⁵ Честнов, И.Л. Постклассические критерии научности юридической теории / И.Л. Честнов // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. / отв. ред. В.Г. Графский. – 2011. – С. 63.

постклассической методологии ни в коей мере не означает отказ и умаление важности методологии неклассической и классической. Эта методологическая установка позволит нам сочетать различные методологические способы и приемы для достижения обозначенной в настоящей работе исследовательской задачи.

1.1. *Классическая наука с соответствующим типом рациональности* ориентирована на объективность научного знания, его логическую непротиворечивость и длительное время остается фундаментом всего гуманитарного знания, включая юриспруденцию. Классический тип предполагает изучение различных систем (включая социальные) с механистических позиций, а также трактовку «рационального права», механически детерминированного либо господствующим правопорядком, либо системой «вечных» социальных идеалов. Для классического типа рациональности характерен фокус внимания на объекте и исключение всего того, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности, а значит, и к его поведенческим реакциям. Причем познаваемое воспринимается как объект, характеризующийся стабильностью, неизменностью своих свойств. Истинное же знание есть адекватное отражение содержания объекта, поэтому характеризуется объективностью и универсальностью (необходимостью, всеобщностью)¹. «Главной проблемой этого дискурса является отсутствие в нем проблемы человека. Классический субъект права, если и рассматривался с позиций ... проблем внутренней жизни субъекта права, особенностей его личностной конституции, иррациональных аспектов ее формирования, влияния экономических, культурологических, религиозных, информационных и иных факторов и их серьезного воздействия на внешне выраженные, юридически значимые поступки..., то лишь отчасти и в отношении только того

¹ Контарев, А.А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности / А.А. Контарев // *Философия права*. – 2016. – № 6 (79). – С. 95.

юридически значимого поведения, которое считалось исключением из правила (девиация)»¹.

В контексте классической научной рациональности существенное влияние оказывали философские взгляды, связанные с различными направлениями концепции юридического позитивизма (легистским, социологическим и антропологическим). Несмотря на различия, все варианты позитивизма объединяет понимание принудительного характера правовых норм².

С позиции позитивистской философии внимание ученых уделялось догматике права на основе таких приемов, как анализ, синтез, юридические конструкции, юридические классификации и выработка юридических определений. Присущие юридическому позитивизму функциональный метод и деятельностный подход открыли новые возможности в исследовании таких феноменов, как сущность государства³, демократия⁴, гражданское общество, государственный суверенитет⁵ и других. Аксиоматический подход в конституционно-правовых исследованиях, в частности, нашел свое применение в работах, посвященных теории правовых рисков, включая риски конституционные⁶.

¹ Павлов, В.И. Смерть субъекта права, или к вопросу о необходимости разработки новой концепции «правового человека» / В.И. Павлов // *Философия права*. – 2010. – № 3. – С. 20–22.

² Баранов, П.П. Легистский позитивизм в современной России / П.П. Баранов // *Северо-Кавказский юридический вестник*. – 2015. – № 1. – С. 9–14.

³ См.: Глебов, А.П. Сущностно-субстанциональный и функциональный подходы в исследовании государственных и правовых явлений // *Проблемы теории государства и права*. / под ред. М.Н. Марченко. МГУ им. М.В. Ломоносова, юридический факультет. – М.: Проспект. 1999. – С. 145.

⁴ Кузьмин, Э.Л. Демократия: некоторые вопросы теории, методологии и практики. / Э.Л. Кузьмин – М.: Юрид. лит., 1986. – С. 151.

⁵ Гаврилов, А.В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Александр Викторович. – Нижний Новгород, 2007. – С. 26–32; Шумков, Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Шумков Дмитрий Владимирович. – СПб., 2002. – С. 41; Шумков, Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шумков Дмитрий Владимирович. – СПб. – 2002. – С. 233.

⁶ Киреев В.В. Категория риска в российской конституционно-правовой науке / В.В. Киреев // *Проблемы права*. – 2013. – № 3 – С. 30–37; Киреев, В.В. О теории риска в российской науке конституционного права / В.В. Киреев // *Проблемы права*. – 2012. – № 7. – С. 11–16.

Бесспорным достижением классического подхода в понимании юридически значимого поведения является практический и рациональный контекст такого поведения и его структурно-правовой анализ с позиции формальных признаков, а именно: принудительность, санкционированность государством, нормативность. «Формально-юридический метод (хотя бы в силу названия) в большей степени опирается на действующие правовые нормы (как формализованные государством правила поведения) и на их официальное толкование уполномоченными субъектами (в специальных формализованных актах) с учетом распространенных знаний о «типичном» содержании и структуре того или иного правового явления или процесса»¹. Нет смысла отрицать, что без позитивного права и формализации правил поведения как непосредственно действующих регуляторов общественных отношений невозможно обеспечение конституционного правопорядка и общественной безопасности.

Значение формально-юридического и нормативно-догматического методов для изучения правомерного поведения в конституционном праве состоит в следующем: 1) формально-юридическая оценка правового поведения производна от концептуального понимания права как основания более высокого уровня (родового), по отношению к которому исследуемая категория правомерного поведения является видовой; 2) для установления формальных характеристик конституционного поведения как правомерного необходимо ориентироваться на официальные источники права, официальные правовые позиции органа конституционного контроля и правовые доктринальные концепции, признаваемые в конституционно-правовой науке.

Другое дело, что в условиях новой конституционно-правовой реальности где в центре человек с его обширным набором конституционных и социально-правовых статусов, одной формально-догматической методологии явно недо-

¹ Кузьмин, И.А. Формально-юридический метод в составе методологии компаративистского исследования / И.А. Кузьмин // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 19.

статочно. Господство нормативизма в научном правосознании привело к тому что человек как субъект права на протяжении длительного времени воспринимается российскими правоведами исключительно в качестве элемента состава правоотношения¹. Несмотря на то что правовое регулирование деятельности субъекта права подчинено влиянию множества внутренних регуляторов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т. п.), в большинстве случаев за рамками научного внимания остаются поведенческие компоненты этого процесса: сознание, воля, ценностные установки и целеполагание субъекта правовой деятельности. Применение отличных от классического подхода методологических приемов в познании регулирующего воздействия конституционных норм открывает доступ к иным граням сферы правовой реальности, в которой юридическая наука традиционно ограничивается изучением лишь одной составляющей праворегулятивной деятельности – механизма правового регулирования.

Для классической правовой традиции характерен юридико-методологический прием сведения человека и его проявлений лишь к тому, что задано нормой. Традиционный подход к анализу правомерного поведения в конституционных отношениях исходит из его заданности как объективной действительности. Такое поведение характеризуется в основном как инструмент для достижения более значимых целей, например, правореализация основного закона и уставов субъектов Российской Федерации, или как критерий и ориентир при осуществлении конституционных прав и свобод (конституционное правопользование). Рассмотрение проблем правомерного поведения в конституционном праве в рамках классической парадигмы оставляет ряд вопросов. Подобно тому, как определяются подходы к решению основного вопроса философии права о том, «что есть право?», через решение ряда основных задач или

¹ Архипов, С.И. Субъект права: теоретическое исследование / С.И. Архипов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 10.

главных вопросов философии права¹, перефразируем эти вопросы и задачи применительно к познанию конституционно-правомерного поведения следующим образом:

1) каковы нравственно-нормативные основания и критерии отнесения правового поведения к конституционно-правомерному или «справедливому»² поведению? Данный вопрос образует задачу, в рамках которой позитивистские начала Конституции России соотносятся с моралью и нравственностью;

2) почему тот или иной индивид должен подчиняться нормам Конституции и в чем проявляется ее обязывающая сила, кроме принуждения? В таком социологическом ключе обозначается легитимационная задача, в рамках которой решается вопрос о соотношении правомерного поведения, а точнее такого его проявления, как повиновение, с властью.

Неклассическая рациональность, в отличие от классического ее типа, базируется на утверждении, что всё существующее находится во взаимосвязи и ориентировано на познание не столько самого объекта, сколько связи объекта и субъекта. Принципы неклассической рациональности впервые были сформулированы М. Вебером³, который рассматривал рациональность в пространстве культуры, человеческой деятельности (поведения), определяемой ценностями и целями индивида. Ценностно-целевая установка неклассической рациональности ориентирует на раскрытие смысла, значения объекта для субъекта, в каче-

¹ Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография / С.И. Максимов; М-во образования и науки Украины. Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2002. – С. 34.

² О справедливости, как свойстве человеческого поведения, а также «правилах справедливого поведения» см.: Фридрих Август фон Хайек Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – С. 244.

³ Вебер, М. Избранные произведения // пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 416–486.

стве которого выступает и отдельный человек, и общество в целом¹. С позиций неклассической рациональности способ восприятия правовых явлений субъектом начинает рассматриваться как определяющий фактор в формировании той или иной картины правовой реальности². Различие классической и неклассической парадигм состоит в различии понимания соотношения общего и частного, должного и сущего в юридической сфере. Если в классической парадигме индивидуальный выбор юридически значимого поведения предзадан нормативным значением, то в неклассическом понимании для правового поведения решающее значение приобретает личностная самоидентификация и ценностно-целевая система.

Неклассические подходы к пониманию права известны своим интегративизмом, в рамках которого допускается рассмотрение права и производного от него правового поведения³ через сочетание разнокачественных явлений: правовой идеи (естественное право), нормы или закона (позитивизм) и факта (социологизм). Содержательное свойство права проявляется в поддержании и соблюдении его норм обществом. Правовое поведение, формирование и наличие ожиданий субъектов правовых отношений в отношении действий стороны, предписывающей такие нормы, являются индикаторами легитимированности и устойчивости соответствующих правил. При этом указанные процессы не только и не столько зависят от их официальной фиксации (формализованности), сколько являются прямым следствием степени укоренённости в общественном и индивидуальном сознании, доверия и диалогичности отношений человека и

¹ Контарев, А.А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности / А.А. Контарев // *Философия права*. – 2016. – № 6 (79). – С. 94–97.

² Романовская, В.Б. Жданов, П.С. Неклассическая рациональность и проблема ценностей в праве / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // *Российский журнал правовых исследований*. – 2015. – № 3. – С. 18–20.

³ Скоробогатов, А.В. Краснов, А.В. Правовое поведение как феномен правовой реальности / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // *Правовая культура*. – 2017. – № 1. – С. 25–33.

власти. Использование в отдельных направлениях неклассической парадигмы (интегративного типа правопонимания, юридической антропологии, феноменологической концепции права, юридической герменевтики) и применение их в качестве методологической основы для исследования конституционно-правомерного поведения позволят раскрыть глубоко и всесторонне его значимые аспекты.

Продемонстрируем значимость использования неклассической методологии на примере взаимосвязи конституционно-правомерного поведения и конституционализма. основополагающей идеологией российской Конституции является идеология общечеловеческих ценностей и согласования интересов, которая пришла на смену идеологии господствующего класса. Такая идеология открывает простор для многообразия научных школ и плюрализма идей¹. Согласно интеграционной (синтетической) теории имеет место многофакторный характер влияния на возникновение и развитие конституционных норм, принципов и институтов, где конституционализм предстает как сложное социальное явление, многочисленными нитями связанное с историей, идеологией, правовой системой и правовыми традициями страны. При помощи такого методологического подхода российский конституционализм как интегрированный конституционализм соединяет в себе универсальные и уникальные конституционные нормы, принципы и институты².

Исходя из предложенных И.А. Кравцом теоретико-методологических уровней исследования эволюции и современного состояния российского конституционализма, конституционно-правомерное поведение есть составной элемент всех гносеологических основ такового. Так, на первом уровне – уровне формирования понятий и категорий российского конституционализма, – где происходит интеграция философских, правовых, политических идей и постула-

¹ Шафиров, В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм / В.М. Шафиров // Журнал российского права. – 2017. – № 7 (247). – С. 24–30.

² Кравец, И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка: монография / И.А. Кравец. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – С. 17.

тов, а подчас и рецепция западноевропейского и американского конституционного опыта, конституционно-правомерное поведение выполняет «служебную» роль и соотносится с иными конституционно-правовыми понятиями. На втором уровне – уровне установления каузальных взаимосвязей между развитием конституционных идей и их закреплением в позитивном праве, – в процессе приобретения нормативного характера политико-правовые идеи конституционализируются и юридизируются. На данном уровне конституционное правовое поведение обретает свое главное свойство – правомерность, так как конституционные идеи характеризуют право конституции в его универсальности и с точки зрения его ценностного строя.

В качестве еще одного уровня интеграции права в нормативное поведение конституционного характера может рассматриваться судебная практика, через которую, по мнению В.В. Лазарева, наиболее рельефно просматриваются разные подходы к праву. Как известно, суверенное главенство судебных решений в правопорядке и демонстрация их интегративной сущности наиболее ярко проявляются в правовых системах англо-саксонской правовой семьи, хотя было бы ошибочно преуменьшать эту сущность в системах других семей. Не является исключением и российский правопорядок. Далее ученый пишет, что несмотря на предназначение права в объективном смысле определять правомерное поведение, правомерность, равно как и противоправность, все же обнаруживается через конфликты участников общественных отношений. Место и роль судебных решений – это отражение роли права в предупреждении и решении конфликтных ситуаций. «Более того, если самая важная фундаментальная функция правосудия – не правоприменительная, а правозащитная, если защиту прав участников общественных отношений не ограничивать обеспечением буквально выраженных законодательных запретов, мы увидим необходимость, в частности, судебного контроля и над изданными государством нормативными актами, и над действиями (бездействием) должностных лиц. В судебных решениях воплощается и то, что называют правом легисты, и то, что считают правом

психологи, не говоря уже о естественном праве, которое чаще всего отождествляют с воплощением справедливости»¹. И, наконец, в контексте *постнеклассической научной рациональности* массовое поведение в целом и его правовое проявление в частности может быть рассмотрено в качестве одного из «трех модусов бытия»² российской Конституции как части постклассической «картины» многомерной социальной реальности, историко-социального явления и особого нормативно-правового акта. Постнеклассическая методология отрицает свойство объективности, универсальности права и закона как формы выражения права (даже Конституции как основного закона) вне сложившегося культурно-исторического контекста, сформировавшихся в общественном сознании ментальных образов и реального правового поведения. Постнеклассическая рациональность синтезирует классический принцип объективированного субъекта и неклассический принцип взаимопроникновения, взаимообусловленности, взаимозависимости субъекта (человека) и «человекомерной системы»³.

Так, исходя из классической методологии природа человеческого поведения должна соотноситься с правом и его принципами, поскольку они верны и объективны не в силу того, что сообразны поведению субъектов права, а в силу того, что право и принципы права создают идейные, основополагающие, определяющие критерии для оценки поведения отдельных субъектов права или групп таких субъектов, выраженных в том ли ином образовании (корпоративном, общественном, публичном и т. п.)⁴.

¹ Лазарев, В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5–11.

² Честнов, И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – С. 8.

³ Яркова, Е.Н. История и методология юридической науки: учебное пособие / Е.Н. Яркова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – С. 86.

⁴ Вепрев, В.С. Соловьева, А.А. Универсальность как свойство правовых принципов / В.С. Вепрев, А.А. Соловьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 79.

Если же рассматривать правовое поведение с постнеклассических позиций, в частности, диалогической антрополого-правовой концепции, предложенной И.Л. Честновым, то такое поведение:

- 1) есть результат предшествующих практик и привычек, некий социальный конструкт, обусловленный такими практиками и привычками;
- 2) находится в процессе постоянной трансформации и является продуктом переосмысления в результате происходящих практик;
- 3) как проявление социальных явлений, правовое поведение «контекстуально и релятивно...», а значит, его правомерность ... зависит от исторического и социокультурного контекста во взаимосвязи с другими социальными явлениями и обществом в целом¹.

Развивая идеи И.Л. Честнова о том, что любое социальное явление имманентно диалогично, отметим, что все формы проявления человеческого поведения связаны с диалогичностью – многогранным процессом взаимодействия и взаимовлияния, понимания и познания во всем разнообразии духовных и материальных форм бытия человека. Соответственно, диалогичной можно считать такую модель, при которой взаимодействие властвующих и подвластных субъектов разворачивается как диалог равноправных партнеров, обсуждающих общую задачу и дополняющих друг друга для более точного отображения истинного положения дел. Напротив, монологичной моделью взаимодействия можно считать такую, в которой общение между личностью, обществом и государством выстраивается как монолог знающего специалиста с невежественным слушателем. Ярким примером монологичного взаимодействия представляется так называемая патерналистская или «пасторская» модель: если не считать жалоб, то гражданину нечего сказать государству по существу вопроса. Диалогичность воплощается в отлаженную коммуникацию между властвующими (управляющими) и подвластными (управляемыми), происходит «...переход от

¹ Честнов, И.Л. История и методология юридической науки: учебник / И.Л. Честнов. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – С. 113–114.

бинарного аналитического логоцентризма к диалогу (взаимообусловленности) различий»¹. Субъект правотворческой деятельности должен определять границы правового регулирования, а значит, правомерного, не произвольно, а с учетом уже сложившихся социальной практики и социальных потребностей, на основе анализа социальных ожиданий конкретного общества.

В определённой степени на достижение диалогичности направлен конституционный концепт диалога государства и гражданского общества, взаимодействия государства и личности, социальной солидарности, который представлен разрабатываемой как зарубежными, так и российскими учеными теорией конституционного диалога², а также связан с появлением и институционализацией ряда новых практик интеракции общества и власти: социальное партнерство, согласование интересов, общественный (гражданский) контроль, обращения граждан, общественные слушания.

Принципы диалогического направления необходимо рассматривать через конституционные формулы национального согласия в обществе, основанные на взаимных интересах государства, бизнеса и остальных граждан. Для граждан это обеспечение суверенитета государства и контроль за стратегически важными ресурсами страны; для бизнеса – законодательно установленная стратегия экономического развития, конкурентоспособная экономика; для широких слоев

¹ Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография / И.Л. Честнов – С.-Пб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – С. 570.

² Meuwese, Anne Marnix, Snel Constitutional dialogue: An overview. / Anne Meuwese, Snel Marnix, – Utrecht L. – Rev. 9; Bateup, Christine The Dialogic Promise-Assessing the Normative Potential of Theories of Constitutional Dialogue / Bateup Christine. – NYU Law School, Public Law Research Paper No. 05-24. – 88 p.; Friedman, Lawrence. The Constitutional Value of Dialogue and the New Judicial Federalism / Lawrence, Friedman. – Hastings Const. LQ28 (2000); Кабышев, В.Т. Конституционный диалог / В.Т. Кабышев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 12–21; Кабышев, С.В. Диалог в конституционной системе власти / В.Т. Кабышев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 6 (125). – С. 40–47; Сазонникова, Е.В. О теме диалога в науке конституционного права / Е.В. Сазонникова // Человек в глобальном мире. – 2015. – С. 186–190; Пряхина Т.М. Конституционная эволюция России. Рецензия на книгу: 25 лет Конституции Российской Федерации: конституционный диалог: сборник научных статей / под ред. В.Т. Кабышева. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – 380 с.

населения это прежде всего достойная жизнь, доступность здравоохранения, образования и других сфер, законодательно установленные, понятные народу механизмы для обеспечения этих интересов¹.

Таким образом, с позиции постнеклассической рациональности правомерное поведение в конституционных отношениях может рассматриваться как процесс и результат взаимодействия, согласования мнения человека, общества и государства. Данный подход на другой уровень поднимает значение общественного мнения, динамику электорального участия, публичное обсуждение проектов нормативных правовых актов, социологических опросов (для оценки потенциальной эффективности проектов нормативных правовых актов); качественного анализа ценностных предпочтений как содержания правового сознания и других форм проявления коммуникации между субъектами конституционных правоотношений.

1.2. Исследование конституционно-правомерного поведения допускает *обращение к юридической антропологии*, обогатившей науку представлениями о поведении человека на всех стадиях развития бытия, от архаических до современных². Конституционная антропология – это продолжение возникшего в конце XIX века и набирающего обороты в веке XX и XXI исследовательского проекта, получившего название «юридическая антропология»³, и «...относительно новая формирующаяся область не только конституционной

¹ Хабриева, Т.Я. Теория современного основного закона и российская Конституция / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 19–20.

² Ковлер, А.И. Антропология права: учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М.: Издательство НОРМА–ИНФРА-М, 2002. – С. 23.

³ Основателем юридической антропологии является профессор Оксфордского и Кембриджского университетов Генри Мейн (Sir Henry James Sumner Maine). Существенный вклад в развитие этого направления внесли как представители зарубежной научной мысли Норбер Рулан, Лаура Нейдер, Бронислав Малиновский (Bronisław Malinowski), Джеймс М., Донован (James M. Donovan), Вольфганг Фикентшер (Wolfgang Fikentscher), так и отечественной науки антропологии права (например, М.М. Ковалевский, А.И. Ковлер, В.С. Нерсесянц, Ю.А. Веденеев).

теории и практики конституционализма, но и антропологии права»¹. В рамках конституционной антропологии разрабатываются и наполняются содержанием различные конституционно-антропологические статусы человека и гражданина, например, родителя, предпринимателя, волонтера, наследника российской культуры², пенсионера, а также разрабатываются вопросы взаимосвязей между человеческим поведением (деятельностью), возникновением и регулирующим эффектом правовых норм, прежде всего конституционных с учетом культурных, социальных и иных сфер.

Юридическая антропология допускает расширение предметной области исследования за счет включения в нее не только формализованных правил правового поведения, закрепленных посредством системы государственных обязательных принципов и норм, но и других граней правовой действительности. Антропологизация правовых исследований позволяет найти ответ на один из вопросов, сформулированных Джеймсом Донованом: «Какие социальные проблемы, возникающие вследствие деятельности человека, успешнее могут быть решены с помощью права, а какие посредством других социальных регуляторов?»³ Такой подход позволяет максимально четко оценивать отношение к проявлению правового в поведении индивидов, например, в жизнедеятельности гражданского общества, саморегулировании с использованием социальных норм, альтернативном решении вопросов местного значения, возникновении и развитии неформальных практик позитивной направленности. Конституционная антропология вводит в научный дискурс такие скрытые архаичные элемен-

¹ Кравец, И.А. Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности / И.А. Кравец // Юридическая наука и практика. – 2020. – Т. 16. – № 3. – С. 5–13.

² Волобуев, С.Г. Российская конституционно-правовая антропология как основание государственной политики в области сохранения и трансляции традиционных ценностей / С.Г. Волобуев // Культурологический журнал. – 2021. – № 2 (44). – С. 7–8.

³ Donovan, James M. Legal Anthropology: An Introduction / James M. Donovan – 2008. Law Faculty Books. 2. – 286 p.

ты современного права, как правовые мифы, правовые символы и образы. Роль сложного символического комплекса как составной части конституционной системы государства, в состав которого входят «... политический язык, правовые тексты, визуальные образы, физическая среда (социальное пространство), ритуалы»¹, в науке конституционного права исследована крайне мало. А между тем, конструирование политико-правовой идентичности во многом имеет характер «...символической политики – особого рода коммуникации, направленной на внушение устойчивых представлений и создание целостных когнитивных схем, упорядочивающих картину мира в рамках существующих общественных отношений»².

В последующих главах настоящего диссертационного исследования будут затронуты некоторые аспекты взаимосвязи символической системы и конституционно-правомерного поведения. В частности, одной из исследовательских задач нами обозначено установление влияния конституционных образов человека, государства и общества на правомерное поведение. Решение этой задачи позволит расширить господствующий в конституционно-правовой науке структурно-функциональный подход к пониманию норм Конституции России как продукта исключительно общественного строя, с трудом допускающего существование иных нормообразующих источников. Конституционно-правовое направление юридической антропологии, синтезирующей в себе начала правовой и политической антропологии, делает возможным допущение альтернативного источника конституционного правообразования, ограничивая монополию власти в смыслообразующей и ценностной сферах.

¹ Gill, G.J. Symbols and legitimacy in Soviet politics / G.J. Gill – New York: Cambridge University Press, 2011. – P. 11.

² Гигаури, Д.И. Визуальные исследования в изучении советского конституционализма / Д.И. Гигаури // Советский конституционализм (1918-1925 гг.): доктрины, институты и репрезентации: сборник трудов конференции / под редакцией К.С. Коровина. – Екатеринбург, 2019. – С. 28–30.

Именно такой подход, основанный на бинарной природе Конституции, на наш взгляд, удовлетворяет запросу на пересмотр мировоззренческо-методологических основ, которые в свое время развенчали самоценность и автономию духовной среды, поставив их под знак экономического интереса и классовой пользы. В связи с этим конституционное реформирование жизнедеятельности общества и государства может рассматриваться как антропологическое движение, как восстановление нормативных условий для реализации способностей, заложенных в природе человека. Развитие конституционно-правовых исследований в обозначенном направлении дает возможность исследовать сквозь призму человеческих способностей¹ вопрос о том, кем человек способен быть, обладая конституционными правами, свободами и обязанностями и что способен в пределах очерченных конституцией правомочий делать².

Исследуя вопрос о закономерностях корреляции образа человека и образа права, заложенных в Конституции, мы все же можем указать если не на качество, то, по крайней мере, на способ правомерного поведения, который характеризует правовую личность. По нашему мнению, в качестве основных таких способов могут рассматриваться социально-философские концепты «ответственность» и «долженствование» в их моральном, политическом и правовом значении. «Формула» конституционно-правового человеческого долженствования весьма удачно сформулирована, на наш взгляд, Б.С. Эбзеевым: «Если попытаться дать нормативное определение правовой личности, – пишет уважаемый ученый, – то в системе ее свойств и качеств можно указать на то, что правовая личность есть прежде всего свободная личность, обладающая духом гражданственности и готовая защищать конституционный строй России, спо-

¹ Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография / С.И. Максимов; М-во образования и науки Украины. Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2002. – С. 311.

² Рикер, П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 28.

собная осознанно нести тяготы во имя общего блага, которые являются основой коллективного бытия социума и как они установлены Конституцией, готовая возникающие споры и конфликты разрешать в рамках установленных Конституцией и законом способов и в соответствии с принятыми правовыми процедурами»¹. Ответственность как важный элемент поведения есть проявление должностования, а оно, замечает Н.А. Богданова, имеется у каждого из субъектов конституционного права: присутствует в обязанностях, правах, полномочиях. Ответственность не сводится только к взаимным требованиям государства и личности друг к другу. Значение ответственного поведения состоит в «стыковке» индивидуальных, коллективных, общественных, государственных интересов и ценностно-целевых установок, социальной необходимости, свободы личности на различных уровнях и различных структурах социальных отношений (правовых, экономических, политических, моральных).

Познание конституционно-правомерного поведения связано с тем, что А.И. Ковлер обозначил как ключевую методологическую проблему юридической антропологии, да и всего современного правоведения в целом: что брать за первооснову правового бытия человека – норму или процесс? Изучая и совершенствуя нормы права, не следует забывать о том, что анализ правового поведения есть, по сути, анализ процесса применения и реализации правовых норм, включая нормы Конституции, с одной стороны, и процесса относительно самостоятельного поведенческого выбора личности в отношении соблюдения таких норм. В русле антропологической научной программы за опорный элемент правового анализа взят человек в праве, а ее суть в общем и целом сводится к «человеческому измерению» политико-правовых явлений², что актуализирует задачу антропологизации конституционно-правовой науки.

¹ Эбзеев, Б.С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма / Б.С. Эбзеев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 19.

² Честнов, И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение: учебное пособие. / И.Л. Честнов. – СПб.: Алеф-Пресс, 2009. – С. 82.

1.3. Правомерное поведение как структурный компонент характеристики активности субъектов в конституционно-правовой сфере является правовым феноменом, но при этом само выступает элементом феноменологической структуры целого ряда правовых явлений, порождаемых правовыми свойствами конституции государства как основного закона страны. Это обстоятельство является основанием для использования достижений *юридической феноменологии и коммуникативной концепции права*, получивших развитие изначально в западной науке¹, но на данный момент разрабатываемых и в отечественной юриспруденции². Использование данного подхода позволяет представить конституционно-правомерное поведение как часть многоуровневой системы конституционно-правовых феноменов власти и свободы, субъективный элемент автономной метасоциальной реальности, результат человеческой интерпретации и институционализации конституционных норм, ценностей, правил, фактическое воплощение смыслового выражения взаимного долженствования во взаимодействии субъектов³.

По мнению А.В. Полякова, использование феноменологического метода, который уже использовался русскими учеными-правоведами в досоветский период и в различных модификациях и с успехом применяется в современной западной гуманитарной мысли, позволяет наиболее полно изучить правовую действительность⁴. Ценность этого метода отмечается и Н.Н. Алексеевым, полагающим, что правовая структура включает в себя следующие элементы: субъект

¹ См.: Van, Hoescke M. Law as Communication / Van, Hoescke M. – Oxford.: Portland Oregon, 2002.

² Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада: 12.00.01 / Поляков Андрей Васильевич. – СПб., 2002. – С. 5.

³ Представляется, что наиболее отражающим сущность правовой реальности является определение, данное украинским философом права С.И. Максимовым. См.: Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография / С.И. Максимов; М-во образования и науки Украины. Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2002. – С. 45.

⁴ Поляков, А.В. Общая теория права: учебник / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: Издательство юридического факультета СПб. гос ун-та, 2005. – С. 450–455.

права как деятель и как носитель актов, являющихся правовой ценностью; правовые ценности или идеальные объекты, охраняемые правом (к их числу относятся личность как правовая ценность, идеи справедливости, порядка, существование ценностей как ценность и т. д.); определения правового отношения между ценностями и их носителями, выражающиеся в дальнейшем в тех или иных вариантах поведения¹.

Для интерпретации правовой реальности в дореволюционной России и в Советском Союзе фактически использовались два уровня: правотворчество (как совокупность действий законодателя, направленных на формирование правопорядка и режима законности и корпуса нормативных документов) и правореализация (как совокупность действий индивидов и уполномоченных лиц по реализации нормативных установлений и комплекс документов, созданных в ходе и в результате этих действий). В правовой реальности современной России, наряду с указанными уровнями, присутствует также третий уровень – правовое поведение. Под ним подразумевается не только правомерное поведение и не просто правовое по критерию нахождения в русле правового регулирования (правомерное и противоправное). Это поведение в широком смысле, которое может быть как правомерным, так и противоправным с позиций позитивного права, однако оно соответствует ментальным представлениям населения о справедливости. При этом, пишут А.В. Скоробогатов и А.В. Краснов, для индивида совершенно не важно, насколько эти «правильные действия» соответствуют или противоречат «плохому» законодательству. Указанные авторы констатируют смещение понимания «правомерное» в восприятии обывателей в сторону юридического конфликта как результата широкого распространения в обществе негативного отношения к закону, образование целого спектра систем

¹ Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – С. 253.

неписаных правил правового поведения и их превалирование над правилами, закрепленными в юридических нормах¹.

Правовое поведение фактически представляет собой часть конституционного сегмента правовой реальности, включающего совокупность базовых конституционно-правовых явлений и категорий: «народ», «воля народа», «государственная власть», «разделение власти», «демократия», «республиканизм», «свобода», «справедливость». Каждая из этих категорий включает множество составляющих: так, категория свободы подразумевает свободу выражения мнения, действий, поступков и т. д. Соответственно, конституционная реальность раскрывается также через правореализацию, соотносимую с поведением субъектов права. В формате конституционного права оно определяется уяснением того, что значит Конституция России для людей, ориентирующих на нее свое поведение. Один из основателей гуманистического направления в психологии Ролло Мэй (Rollo Reese May) утверждал: «...чтобы понять поведение человека, надо раскрыть его смысл»². Феноменологический подход представляет существенную методологическую значимость, позволяя рассматривать Конституцию не только как совокупность норм, но и как совокупность смыслов или смысловой конституционно-правовой мир. Иное, «узкое» объяснение конституции искажает и обедняет онтологическое и аксиологическое содержание Основного закона³. Онтология непосредственно зависит от способа осмысления мира, его представления. Мир права как часть социального мира включает в себя представление о нем⁴. Акт человеческого поведения благодаря системе юри-

¹ Скоробогатов, А.В. Краснов, А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 83.

² Цит. по: Ванновская, О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения / Ванновская О.В. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 324–325.

³ Юсубов, Э.С. Знаки онтологии в конституции Российской Федерации / Э.С. Юсубов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 13.

⁴ Дорская, А.А. Честнов, И.Л. Эволюция системы права в России: теоретический и историко-правовой подходы: монография / А.А. Дорская, И.Л. Честнов – СПб.: Астерион, 2010. – С. 20.

дических взглядов может нести в себе юридическое самоистолкование, то есть суждение о том, что он означает с точки зрения права. Г.А. Гаджиев пишет: «Одна из первичных онтологических единиц – юридический акт – обладает свойством двойственности, у него есть субъективный смысл и объективное значение. Это обстоятельство важно не только для понимания сути толкования юридических актов – законов, конституции или договоров, но и для объяснения онтологического устройства мира права, в котором явление двойственности присутствует постоянно. В правовой реальности существуют естественные, неотчуждаемые права человека. Они существуют наряду с теми конституционными, основными правами, которые уже стали реальностью права благодаря их объективизации, конституционно-правовой институционализации. Дуализм естественного и позитивного права – это имманентно присущее юридическому концепту действительности свойство. Появившись в гущи жизни, естественные права сначала могут быть охарактеризованы как непоименованные в тексте конституций, то есть официально не признанные до поры до времени. После их признания в силу определенного юридического акта (принятие конституции или решения высшего суда) они становятся частью объективной системы конституционно-правовых ценностей. Естественные права человека и область позитивного права – это та же двойственность, характерная для онтологии права»¹.

Таким образом, как уже было сказано, в онтологической структуре конституционного права выделяются три слоя: 1) естественное право – объективно существующая система неотчуждаемых прав человека, принадлежащих каждому от рождения; 2) позитивное конституционное право, реальность текста конституции; 3) традиции и сложившаяся правоприменительная практика, которые, собственно, и являются проявлением «вовне» правового поведения.

¹ Гаджиев, Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 32

1.4. Использование социокультурного подхода к исследованию конституционно-правомерного поведения допускает применение *юридической герменевтики*, которая чаще всего воспринимается в отечественной науке как теория и интерпретация истолкования смысла текстуальных, поведенческих и иных форм человеческой деятельности. В свою очередь, *конституционная герменевтика* объединяет как научную, так и практически-прикладную интерпретацию правовых явлений¹.

В круг вопросов, рассматриваемых конституционной герменевтикой, входят принципы понимания конституционных ценностей, норм, задач и приоритетов конституционного права, судебных решений, конституционно-правовой политики, ее векторов развития в современных условиях, вопросы реформирования и модернизации институтов конституционного права с точки зрения различных контекстуальных интерпретаций².

Взаимосвязь конституционной герменевтики и поведения участников общественных отношений была очень точно сформулирована Н.В. Витруком: «Понимание конституции есть способ постижения текста и смысла (духа) конституции и определения конституционности действий в соответствии с ее положениями. Конституция будет действовать в поведении субъектов общественных отношений, если она ими осознана, понята и принята»³. В данном случае можно говорить как минимум о трех видах интерпретации конституционных установлений: 1) интерпретация как понимание и процесс познания самими субъектами, в числе которых лица, как наделенные властными полномочиями, так и не имеющие отношения к властвованию. В результате этого процесса конституционная установка действовать с определенной направленностью ста-

¹ Кравец, И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). / И.А. Кравец. – Москва: Издательство «ЮКЭА», 2002. – С. 264.

² Овчинников, А.И. Методология исследования конституционно-правовой политики: герменевтический аспект / А.И. Овчинников // *Философия права*. – 2018. – № 2(85). – С. 13–15.

³ Витрук, Н.В. Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – С. 130.

новится основой и ориентиром правового поведения. 2) интерпретация в процессе реализации полномочий и применения конституционных установлений носителями публичной власти, порождающая юридически значимые последствия для других субъектов правоотношений. В этом смысле интерпретация выступает как сам акт конституционно-правового поведения, которое презюмируется правомерным, пока иное не будет опровергнуто в судебном порядке; 3) интерпретация как официальное легальное толкование конституционного текста, осуществляемое Конституционным Судом Российской Федерации в порядке реализации одного из своих титульных полномочий, закрепленных ч. 5 ст. 125 Конституции Российской Федерации, в ходе которого формулируются критерии правомерного действия и разрешается конфликт (социальный или конфликт различия в понимании правового смысла). Как отмечает С.Л. Сергевнин, «... в герменевтической практике Конституционного Суда Российской Федерации применяется как казуальное, так и нормативное толкование: при первом норма интерпретируется применительно к конкретному случаю, второе предполагает официальное разъяснение нормы в целом, безотносительно к обстоятельствам ее реализации»¹.

Полагаем, что основное назначение конституционной герменевтики для правомерного поведения состоит в том, что в ходе интерпретации как текстуальных (писанных), так и смысловых (знаковых, символических) конституционных установлений формируется понимание меры возможного и должного, допустимого и запрещаемого, правомерного и противоправного. По мнению В.И. Крусса, текст отечественной Конституции и конституционное правопонимание представляют своего рода конституционно-герменевтический круг, который очерчивает границы возможной и актуальной коммуникации, интерак-

¹ Сергевнин, С.Л. О некоторых аспектах герменевтической деятельности Конституционного Суда Российской Федерации / С.Л. Сергевнин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 50–54.

тивного сотрудничества институтов публичной власти, гражданского общества, каждой отдельной личности¹.

Особое значение для конституционной герменевтики приобретает задача формирования такого образца конституционного правомерного поведения, который задан и предопределен нашей отечественной историей, культурой, особенностями общественного развития, национальной самобытностью отечественной государственности как среды, в которой формируется как индивидуальное, так и массовое правовое сознание. Основная же проблема состоит в том, насколько найденный смысл является истинным, поскольку, как свидетельствует конституционно-правовая реальность, нередко ангажирование политическими или идеологическими интересами, накладываясь на несовершенство юридического текста, создает благоприятные условия для манипулирования смыслами.

1.5. Рассматривая проблему правомерного поведения в конституционном праве, необходимо отметить и *методологическую значимость синергетического подхода*, ценность которого неоднократно подчеркивалась в научной доктрине. Так, Д.А. Керимов характеризует синергетику как безусловно важное средство познания, являющееся творчески-гносеологическим дополнением диалектики и обогащающее ее новыми познавательными инструментариями². Актуальность синергетического подхода обусловлена тем, что в сложной системе взаимодействия норм, ценностей, информации, моделей поведения и других параметров детерминирующая роль того или иного фактора не всегда является очевидной. Следует учитывать и тот факт, что в принципе не существует таких внешних воздействий, которые могли бы реализовать способ поведения, отсутствующий в потенциальной структуре системы. «Управляемой» системе

¹ Крусс, В.И. Конституционализация национального права и международный порядок. [Электронный ресурс]. // URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110862/1/k2014-18.pdf> (дата обращения 28.12.2021)

² Керимов, Д.А. О методологии государственоведения / А.А. Керимов // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 63–68.

нельзя произвольно навязать любые варианты упорядочивания без учета особенностей ее характера, состояния и тенденций развития, поскольку попытки это сделать могут привести к разрушению устоявшихся структур социальных отношений с непредсказуемыми последствиями. Также достаточно очевидно, что предписания позитивного права невозможно превратить в единственный параметр юридически значимого поведения. Синергетика учит тому, что попытки привнесения в систему параметра порядка извне изначально являются малоуспешными. Право действует на социальные связи опосредованно, оно формирует структуры сознания и поведения людей, конкурируя с иными многочисленными факторами, влияние которых зачастую является намного более интенсивным. Такими факторами могут выступать, в частности, общественная мораль, политические ценности и нормы, сложившиеся житейские обыкновения, традиции и интересы и др.¹

Развивая свои рассуждения о праве в свете классических научных парадигм и синергетической парадигмы, профессор Г.В. Мальцев в своих работах сформулировал весьма важный вывод о том, что «...как бы то ни было, но базовыми категориями права останутся закон и закономерность, а они, в свою очередь, неотделимы от объективной необходимости и причинности, над которыми, согласно синергетике, возвышается случайность»². Г.Г. Арутюнян подчеркивает, что сама система базовых категорий права параллельно с социокультурной эволюцией приобретает новый облик и характер³.

1.6. Рассматривая методологические основы понимания конституционно-правомерного поведения, необходимо отметить и ценность *социологического*

¹ Шундикова, К.В. Синергетика и правовое регулирование / К.В. Шундикова // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1 (31). – С. 117–123.

² Мальцев, Г.В. Социальные основания права. / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2011. – С. 103.

³ Арутюнян, Г.Г. Конституционализм как фундаментальный принцип права в правовом государстве / Г.Г. Арутюнян // Конституционное правосудие. – 2012. – № 1. – С. 55.

подхода. Конституционная социология как самостоятельное направление междисциплинарных исследований уже несколько десятилетий развивается за рубежом¹. В отечественных научных публикациях это направление определяется как совокупность теоретических подходов и формирующаяся практика анализа и оценки многоплановых конституционных процессов². Задачей конституционной социологии выступает интеграция исторического и эмпирического анализа конституционных явлений с нормативной точкой зрения³. Использование социологических методов позволяет восполнить недостаточность нормативного подхода для анализа конституционной структуры общества и легитимности политических институтов, исторических моделей конституции с целью обоснования её социальных функций и процессов легитимации в обществе⁴.

Проведенный анализ отраслевого законодательства Российской Федерации позволяет заключить, что ряд понятий требует учитывать социологический, психологический и естественно-правовой аспекты одновременно, например, «общественно полезная цель», «справедливость», «гуманизм», «человеческое достоинство», «риск», «уважительное отношение», «добросовестность», «разумность», «общие начала законодательства». Таким образом, современный легистский подход вполне состыковывается с иными подходами к праву. Представляется, что разумный и справедливый баланс можно найти с помощью

¹ См., например: Corsi, G. Febbrajo, A. *Sociology of Constitutions: A Paradoxical Perspective (Studies in the Sociology of Law)* / G. Corsi, A Febbrajo – London; New York: Routledge. 2016. – 298 p., Persily, N. Citrin, J. Egan, P. *Public Opinion and Constitutional Controversy* / N. Persily, J. Citrin, P. Egan – Oxford University press, 2008. – 376 p.; Kjaer, Poul F. *Constitutionalism in the Global Realm A Sociological Approach* / Poul F. Kjaer – Routledge. 2014. – 186 p.

² Першуткин, С.Н. Конституционная социология в условиях инфодемии: возможности и новые задачи // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.)* / отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. – Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020 – С. 1756–1767.

³ Thornhill, C.A *Sociology of Constitutions: Constitutions and State Legitimacy in Historical-Sociological Perspective* / C.A. Thornhill – Cambridge University Press, 2013.; Thornhill, Chris Niklas Luhmann and the sociology of the constitution. *Journal of Classical Sociology*. / Chris Niklas Thornhill – 2010. – 10 (4). – P. 315–337.

⁴ Kjaer, Poul F. *Constitutionalism in the Global Realm A Sociological Approach* / Poul F. Kjaer – Routledge, 2014. – 186 p.

естественного права, а равновесие, пропорциональность между применяемыми средствами и целью – в свете социологического подхода к праву.

«В своей энциклике *Centesimus Annus* (1991) Иоанн Павел II в лучших традициях идеологов гражданского общества признает: «Общественное бытие человека не исчерпывается государством, оно реализуется и в различных группах, от семьи до экономических, социальных, политических и культурных групп, каждая из которых обладает собственной автономией». Действительно, различные социальные группы производят собственные правила и нормы поведения, создавая неповторимые переплетения множества правовых квазипорядков, вступающих в сложные отношения с официальным, государственным, правовым порядком. В одних случаях, особенно в жестко бюрократизированных государствах, «государственное» право преобладает и правовой плюрализм часто сводится к допустимой автономии отдельных структур, то есть автономии, поощряемой и контролируемой государством. Такова, скажем, автономность «партийного права» однопартийных политических режимов. Напротив, в демократически организованном, особенно федеративном, государстве либо в государстве, административно ослабленном, степень автономности социальных и территориальных структур может достигать уровня, когда компетенции государства и составляющих его структур выступают как компетенции *конкурирующие*. В таком положении часто оказываются каноническое и официальное право, и «...каждый гражданин волен делать выбор, какой системой ценностей руководствоваться в той или иной ситуации»¹.

Как верно заметил С.И. Архипов, личность, выступающая в качестве творца всего правового, истинного источника права, создателя всех правовых идей, величайшей правовой ценности, заслуживает того, чтобы правовая наука придала ей должное значение. При исследовании правового регулирования нередко остаётся незамеченным тот факт, что в центре этой деятельности стоит

¹ Del, Giudice F. Mariani, F. Diritto Canonico / Del Giudice F., F. Mariani – Napoli, 1997. – P. 8.

субъект, обладающий сознанием и волей и способный к целеполаганию. Правовое регулирование как деятельность субъекта сопровождается множеством внутренних регуляторов его сознания (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т. д.)¹.

Любое объяснение социальных явлений включает два аналитических уровня: уровень индивидуального поведения и уровень социального взаимодействия. На первом уровне в центре внимания находятся предпочтения индивидов и касающиеся их ограничения. Радикальное изменение социального порядка полностью меняет распределение ролей, а следовательно, и поведение.

Тем не менее, можно констатировать, что изолированное применение социологического метода в конституционном праве в контексте определения сущности правомерного поведения имеет серьезные изъяны. Они обусловлены сегментированием социальных явлений и процессов от индивидуального поведения, отказ от акцента на личном интересе индивида. Социологическая модель, как правило, приписывает автономию и главенствующую роль обществу, то есть социальным институтам, нормам и правилам поведения, и предполагает, что индивид противостоит социальным организациям, которые оказывают влияние на его поведение, но сами находятся вне его влияния. Социальная детерминация поведения индивида принимает либо форму систем морали, либо форму социальных течений. Желаемое поведение при этом обеспечивается качеством процессов социализации при наличии санкций за отклонение от норм. Общество при изолированном социологическом подходе представляет собой ясно определенную онтологическую целостность, отделенную от индивидов, которые с самого рождения полностью «запрограммированы» своим социальным окружением. Общество структурировано в виде множества ролей, и индивиды приспособляются к конкретным ролям с социально детерминированными характеристиками и обязанностями. При этом система учрежденных «ро-

¹ Архипов, С.И. Субъект права: теоретическое исследование / С.И. Архипов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – С. 11.

лей» определяет поведение участников общественных отношений, обеспечивая его известную предсказуемость; однако, поскольку человек с недостаточной степенью социализации может отклониться от своей роли, его поведение все же необходимо контролировать. В связи с этим процесс социализации дополняется и подкрепляется санкциями.

Таким образом, изучение правомерного поведения в конституционном праве отличается методологическим плюрализмом, возможностью использования наиболее результативных методов различных школ и направлений в методологии. Применение комплексной методологии, в состав которой входят диалектика, феноменология, синергетика, герменевтика и ряд иных научных подходов, объединение указанных методологических систем в рамках проблемы исследования конституционно-правомерного поведения позволяет «снять» претензии каждой из них на универсальность. Кроме того, сочетание методологических подходов позволяет наиболее полно исследовать поведенческие акты через определение степени осознанности гражданской позиции субъектов конституционно-правовых отношений, распознать конституционно-правовые закономерности.

Наличие различных методологических подходов к правовому поведению получает оценку в рамках так называемого постнеклассического подхода, который, по существу, является проявлением новых критериев научной рациональности, выработанных гуманитарной наукой в последние десятилетия¹, и предполагает, что правовые феномены не могут быть рассмотрены в рамках одной, правильной теории – необходимо использование сочетания методологических практик. Этот вывод находит отражение в интегративизме².

¹ См.: Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – С. 134–141; Яркова, Е.Н. История и методология юридической науки: учебное пособие / Е.Н. Яркова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – С. 89–92.

² См., например: Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада: 12.00.01 / Поляков Андрей Васильевич. – СПб., 2002. – 94 с.; Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм: совре-

В рамках интегративного подхода структурными компонентами конституционного понимания права выступают естественное, позитивное и субъективное право. Конституция, принятая на всенародном голосовании (референдуме), закрепляет не идеологию господствующего класса, а идеологию общечеловеческих ценностей. Высшей ценностью является каждый человек, его права и свободы. Такая идеология открывает простор для многообразия научных школ и плюрализма идей¹. В основе указанного типа правопонимания лежит диалог между различными направлениями и школами, аналитической философией права, феноменологией права, герменевтикой и рядом других научных подходов. «Для нас интегральная юриспруденция, – пишет В.Г. Графский, – представляет собой развивающуюся, становящуюся все более пригодной для практического использования концепцию правопонимания. В этой концепции важнейшую роль выполняют правила – требования законности, равенства, свободы, разумности, иерархичности, общего и личного блага во всех возможных способах их ответственного практического использования для достижения справедливости как ее конечного предназначения и оформления².

Подводя итог исследованию проблем методологии анализа конституционно-правомерного поведения, можно сформулировать следующие выводы.

1. Считаю возможным подчеркнуть принадлежность исследования конституционно-правомерного поведения к онтологической проблематике и выделить два смысла данного понятия. В широком смысле конституционное поведение предстает как обобщенная характеристика, идеализированный вариант, присутствующий во всей совокупности правовых феноменов: наличных право

менный тип интегративного правопонимания / Р.А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4–7.

¹ Шафиров, В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм / В.М. Шафиров // Журнал российского права. – 2017. – № 7 (247). – С. 24–30.

² Графский, Г.В. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / Г.В. Графский // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 119–121.

отношениях, правовых нормах, институтах и политико-правовых концепциях (в частности, в конституционализме), а также явлениях правового менталитета. В узком смысле к конституционно-правомерному поведению относятся только некие базисные правовые формы участия в конституционных правоотношениях или внеконституционных практиках.

2. Конституционно-правомерное поведение непосредственно связано с организацией и функционированием публичной власти (государственной, общественной, политической), поэтому данный вид правового поведения характеризует как субъектов, обладающих властными полномочиями, так и субъектов, не обладающих таковыми. В связи с этим можно выделить несколько право-поведенческих моделей проявления политико-властных отношений, которые находятся как в зоне действия конкретных конституционно-правовых норм, так и в зоне абстрактных (общих) регулятивных норм, а также вне зоны правового регулирования. Подобное свойство присуще и такому явлению, как усмотрение, являющемуся эманацией власти, ее органическим свойством¹. Кроме того, конституционно-правомерное поведение может рассматриваться как инструмент познания (анализа и синтеза) всей плоскости конституционного поля: начиная от процесса волеизъявления народа и процесса конституционного правообразования, заканчивая процессом реализации конституционно-правовых норм и практикой их применения. В этом качестве конституционно-правомерное поведение предстает как отражение бытия Конституции и, по сути, является фактической Конституцией.

Конституционно-правомерное поведение, таким образом, представляется как часть многоуровневой системы конституционно-правовых феноменов власти и свободы, субъективный элемент автономной метасоциальной реальности, факт человеческой интерпретации и институционализации конституционных норм, ценностей, правил, фактическое воплощение смыслового выражения вза-

¹ Шарнина, Л.А. Категория усмотрения в конституционном праве. / Л.А. Шарнина. – М.: Проспект, 2017. – С. 8.

имного долженствования во взаимодействии субъектов¹. Предложенная трактовка, в которой конституционное поведение предстает отражением взаимного долженствования во взаимодействии субъектов, позволяет использовать в конституционно-правовых исследованиях достижения юридической феноменологии и коммуникативной концепции права, получившей развитие изначально в западной науке, но на данный момент разрабатываемой и в отечественной юриспруденции.

¹ Представляется, что наиболее отражающим сущность правовой реальности является определение, данное украинским философом права С.И. Максимовым. См.: Максимов С.И. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография / С.И. Максимов; М-во образования и науки Украины. Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2002. – С. 45.

Глава II. Телеологические, аксиологические, психолого-правовые характеристики правомерного поведения в российском конституционном праве

2.1. Телеологические характеристики конституционно-правомерного поведения

Человеческие поступки в контексте проявления правового поведения неизбежно заключают в себе ценностную и телеологическую составляющие, определяющиеся уровнем социальной и юридической ответственности личности. С учетом этого исследование правомерного поведения в конституционном праве невозможно без анализа целей, положенных в его основу. Будучи одной из основных составляющих правомерных поведенческих моделей, целеполагание связано с сутью таких моделей закономерностями телеологического понимания рассматриваемого вида поведения и позволяет найти ему соответствующее объяснение, а также установить причины возможных девиаций. По мнению В.Д. Зорькина, современным трендом является то, что теория и практика отечественного конституционализма постепенно отходят от формально-догматических релятивистских представлений о праве как «чистой» форме, безразличной к содержанию, целям и ценностям, а инструменталистский релятивизм, свойственный юридическому позитивизму, теснит интегративная юриспруденция, включающая в себя «аксиологические и телеологические проблемы права»¹.

¹ Конституция 1993 года – правовая легитимация новой России / В.Д. Зорькин // Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – С. 16–17.

Телеология (греч. «telos» (телос) и «logos» (логос) (слово, учение) изначально возникла в рамках естествознания, в работах, посвященных целенаправленности, в таких науках, как физика, кибернетика, информатика, биология, для описания, анализа и объяснения на языке соответствующего понятийного аппарата того, что понимается под результатом, завершением и целью. Как метод социальных наук, в самом обобщенном виде и с определенной долей условности, телеология относится к моделям объяснения (причинности¹) и призвана ответить на вопросы: «для чего нечто случилось?», «с какой целью?», «ради чего?»². В рамках социальных наук телеологический подход определяется как попытка «...дать причинное объяснение институтов и форм поведения через общественную потребность или цель, которой эти институты и формы поведения должны служить»³. В контексте человеческого поведения цели, наряду с мотивами и убеждениями, рассматриваются в качестве условий причинно-следственных связей⁴ или как подтип причин, полностью подчиняющийся закону причинности⁵.

Правомерное поведение в отечественной науке традиционно рассматривается в связке с целями правового регулирования и зачастую определяется посредством взаимосвязи этих двух категорий. Особенность целеполагания в том, что его рассматривают как информационно-психологический и социально-

¹ В рамках каузального подхода, наиболее тщательно разработанного естествознанием, под причиной понимается явление, действие, которое определяет, вызывает, изменяет, производит или влечет за собой другое явление; последнее называют следствием (Кузнецов, И.В. Сачков, Ю.В. Причинность // Философский энциклопедический словарь / подгот. А.Л. Грекулова и др.; ред. кол. С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. – М.: Сов. энцикл., 1989. – С. 511–512.

² Козьмина, А.В. Методологические предпосылки последовательного использования каузальной и телеологической причинности / А.В. Козьмина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М) – 2005. – № 21. – С. 5–12.

³ Шумпетер, Й.А. История экономического анализа: в 3-х т. / пер. с англ.; под ред. В.С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. Т.1. – С. 71.

⁴ Гемпель, К.Г. Логика объяснения / сост., пер. О.А. Назаровой. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – С. 89–146.

⁵ Гавеля, В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека / В.Л. Гавеля. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – С. 28, 43.

правовой феномен, определяя при этом целеполагание как выражение способа предстоящей деятельности субъекта в понятийной (идеальной) форме¹.

Категория «цель» является как философской, так и юридической, что позволяет рассмотреть ее с разных позиций. Так, философское понимание категории «цель» подразумевает идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта, или конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс². Юридический контекст рассматриваемой категории представляется как «...идеально предполагаемая и гарантированная государством модель какого-либо социального состояния или процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности»³.

Правовое целеполагание характеризуется следующими признаками: 1) цель в качестве модели устанавливается преимущественно государством в юридических нормах; 2) отражает наиболее общественно значимые интересы и потребности; 3) формально выражается в специфических правовых средствах своего определения и реализации; 4) отличается общеобязательной нормативностью; 5) ее единообразная практическая реализация гарантирована государственной властью⁴. Кроме того, отмечается, что «...абсолютное большинство целей в праве – это указание не просто на желаемый результат, а на обязательное направление поведения»⁵. Очевидно, что наиболее благоприятным, желаемым поведением субъектов правореализации является поведение, согласующееся с нормами, то есть юридически должное правомерное поведение.

¹ Гавеля, В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: дис. ...докт филос. наук: 09.00.11 / Гавеля Владимир Леонтьевич. – М., 1998. – С. 19.

² Доброхотов, А.Л. Цель / А.Л. Доброхотов // Новая философская энциклопедия. – 2000. – № 4. – С. 8.

³ Шундилов, К.В. Цели и средства в праве. (Общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шундилов Константин Валентинович. – Саратов, 1999. – С. 8.

⁴ Малько, А.В. Шундилов, К.В. Цели и средства в праве и правовой политике / А.В. Малько, К.В. Шундилов. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2005. – С. 43

⁵ Севостьянов, А.А. Соотношение цели в праве и иных правовых категорий / А.А. Севостьянов // Вестник ТИСБИ. – 2012. – № 4. – С. 228–231.

В работе Т.Я. Хабриевой «Телеологическое (целевое) толкование советского закона: теория и практика» отмечается, что юридическая природа целей советского законодательства такова, что они оказывают прямое и непосредственное воздействие на поведение субъекта права, и «по существу... цель определяет пределы правомерного поведения субъекта»¹.

Какие же цели преследует правомерное конституционное поведение? Очевидно, что «соблюдение норм» является важной, но далеко не исчерпывающей компонентой, достаточной для того, чтобы ею можно было ограничиться для практической оценки такого поведения.

В нормах Конституции заложены в качестве поведенческих моделей маркеры долженствования и свободы (автономии) личности для того, чтобы она смогла быть реализованной в правовой, политической и духовной реальностях. Поэтому должное (сообразное с нормой) правомерное поведение имеет высшую степень ценности, когда становится фактом сущего, а это и есть «...желанная действительность, которая утверждается в соответствии с интересами и ценностями субъекта нормотворчества»². Материализация же Конституции как духовной реальности сопряжена с «...формированием ценностной иерархии жизненных целей, а в соответствии с ними и представления о нормах поведения как ценностных средствах достижения идеала. Именно в конституционно-правовом поле, как отмечает В.В. Лазарев, «...механизм целеполагания и долженствования получает идейное обоснование. Соответствующие элементы этого механизма рассматриваются как обладающие значимостью по необхо-

¹ Насырова (Хабриева), Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика. / Т.Я. Насырова (Хабриева). – Казань: Издательство Казанского университета, 1988. – С. 36.

² Неновски, Н. Право и ценности / Нено Неновски; вступительная статья и перевод канд. юрид. наук В.М. Сафронова; под редакцией докт. юрид. наук. В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987. – С. 115–116.

димости, другие – как обладающие способностью удовлетворять потребности данного субъекта»¹.

Полагаем, что данный тезис является одним из ключевых для понимания взаимосвязи телеологии и правомерного поведения в конституционном праве, поскольку акцентирует внимание не только на формальном соответствии поведения норме права, но и на «вертикали» такого соответствия, включающей на наивысшем уровне цели самой российской Конституции.

Обобщая позиции различных научно-правовых концепций и социально-правовых подходов, можно говорить о том, что содержание правовой категории «цель» динамично, что во многом обусловлено политико-правовыми особенностями построения тех или иных государственных и общественных институтов, а также психологическими аспектами восприятия права различными субъектами. С течением времени закон становится инструментом к достижению различных целей и различных интересов. Закон может содержать несколько противоречивых целей, в таком случае необходимо их гармонизировать и синтезировать. Аарон Барак вывел нормативную концепцию, в соответствии с которой всё, что способствует раскрытию цели правового регулирования, есть нормативная концепция, а контекст, который не связан с целью правового текста, есть художественная литература².

Различают конкретные или абстрактные цели, ориентированные на реальные отношения или направленные на достижение идеала, первичные и второстепенные. Например, Рудольф фон Иеринг говорил об эгоистичных, социальных и национальных целях. По его мнению, закон – это инструмент для осуществления власти и интересов, а значит, следует искать цель, а не идею³. В

¹ Лазарев, В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 5–13.

² Barak, A. *Purposive Interpretation in Law*. Princeton University Press / A. Barak – New Jersey, 2005. – P. 14.

³ Harašić Ž. More about teleological argumentation in law // Original scientific paper UDK. – 2015. – № 19 // URL: file:///C:/Users/Rino/Downloads/harasic.pdf (дата обращения: 17.02.2017).

широком смысле цель включает в себя потребности, интересы и ценности общества, которые также могут выступать объектом телеологического толкования.

Конституционно значимые цели находятся в системном единстве с конституционными принципами, взаимодополняя и усиливая друг друга. Рассуждая о провозглашаемом целеполагании, отраженном в ст.ст. 1, 2, 7 и 14 Конституции Российской Федерации, В.В. Невинский отмечал его взаимосвязь с конституционными принципами и писал, что: «...базовые (основополагающие) и частные («ординарные») цели выступают в качестве ориентиров общественного и государственно-правового развития России, ориентиров, которые должны внедряться в профессиональное сознание юристов, в целом в общественное сознание членов общества посредством встраивания в систему права и деятельность институтов гражданского общества и публичной власти. При этом, несомненно, дальнейший ход развития российского государства может скорректировать содержание отдельных целей либо поставить новые цели, которые, например, могут воплотиться в конституционных принципах «экологического» или «культурного» государства»¹.

Известный израильский правовед А. Барак также различает цели по уровню абстрактности. На нижнем уровне индивидуальные цели, для достижения которых была создана норма. На высшем уровне интерпретатор фокусируется на целях, для достижения которых были созданы нормы специфичной категории или типа. На самом высоком уровне находятся фундаментальные цели системы, которые составляют основную цель, разделяемую всеми законодательными органами. Эта цель распространяется на все нормы правовой системы. При этом интерпретатор должен предпочитать цели наименьшей абстрактности.

¹ Невинский, В.В. Невинская, Е.В. Конституционное право России в учебном процессе: необходимы сбалансированные изменения / В.В. Невинский, Е.В. Невинская // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 34–36.

Правомерное поведение всегда предметно и результативно, а его результаты могут быть оценены в соответствии с поставленными целями, при этом именно целеполагание «опредмечивает» правомерное поведение. Правомерное поведение субъектов конституционного права выступает субъективно-действенной стороной конституционных отношений. В определении целеполагания активное начало принадлежит достаточно широкому кругу субъектов: 1) властвующим (управляющим); 2) политическим институтам 3) институтам гражданского общества. Задачей органов публичной власти для формирования и поддержания правомерного поведения является создание механизма, позволяющего реализовать ценностные приоритеты Конституции России и сбалансировать их с ценностными приоритетами большинства граждан и общества. В данном случае ценности могут выступать первичным элементом.

Обращаясь к вопросу о связи безусловного и условного в конституционном праве, Г.Н. Уткин отмечает необходимость решения вопроса о том, что есть целеполагающее (безусловное, абсолютное, неизменное), а что может быть отнесено к целесообразному (условному, относительному, изменчивому). По мнению указанного автора, особенность конституционного права как раз и состоит в превалировании неизменного над изменчивым, что, собственно, и предопределяет его позиционирование как культурного феномена и возможность эффективного функционирования в качестве фундаментальной, базовой отрасли¹.

И.А. Кравец пишет о том, что «...конституционная телеология как наука о целях и задачах конституционного регулирования и развития общества и государства связана с важнейшими областями конституционной юриспруденции: 1) с функциями конституции и особенно с телеологической (программной) функцией; 2) с конституционализацией правового порядка на основе судебной интерпретации конституционных положений и законодательного обеспечения

¹ Уткин, Г.Н. Связь безусловного и условного в конституционном праве / Г.Н. Уткин // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 141–143.

их реализации; 3) с конституционными целями ограничений прав и свобод граждан, различных сфер отраслевого регулирования и регулирования общественного и государственного строя страны»¹. Развивая предложенную уважаемым ученым номенклатуру конституционно-телеологических направлений, остановимся на некоторых из них подробнее с тем, чтобы понять, как в данном случае проявляется их связь с правомерным поведением.

Программная функция конституции. Идеология, конституционная идентичность и правомерное конституционное поведение.

Не вдаваясь в дискуссию относительно функций конституции, отметим, что, давая им определение, многие авторы упоминают поведение и правосознание людей в качестве основных направлений воздействия основного закона². Такого рода воздействие связывают чаще всего с воспитательной³, духовно-идеологической⁴ или программной функциями⁵. Как отмечают Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин: «Установки Конституции, закрепленные в ней положения ориентируют поведение граждан, их оценки и восприятие политических, социально-экономических характеристик общества и государства, воспитывают граждан в

¹ Кравец, И.А. Кравец, И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика / И.А. Кравец // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3. – С. 82.

² См., например: Петрова, А.В. Основные функции Конституции Российской Федерации: вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Петрова Анастасия Васильевна. – М., 2004. – С. 9.

³ Фарбер, И.Е. Воспитательная функция советского права // Государство и коммунизм: некоторые вопросы теории государства и права в современный период: сборник статей / под ред. А.А. Керимова. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 126; Комкова, Г.Н. Воспитательная функция российской Конституции / Г.Н. Комкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 106.

⁴ Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М., 2005. – Т. 1. – С. 138–144.

⁵ Витрук, Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. / Н.В. Витрук. – М.: РГУП, 2016. – С. 74; Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. / Лучин В.О. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 35; Миронов, О.О. Функции конституции / О.О. Миронов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 1 (84). – С. 50.

соответствии с конституционными нормами, принципами и воплощенными в них ценностями демократии»¹.

Важнейшее значение в данном случае приобретает *национальное ценностное целеполагание*, которое связано с официально декларируемой идеологией, национальными интересами и национальной идеей.

Конституционная телеология – неотъемлемая часть теории и практики современных конституций. Доктрина и практика современной отечественной конституционной телеологии складывается под влиянием советского опыта создания программных положений конституций. «Политико-правовой программный характер конституций стал традицией отечественного конституционализма, начиная с 1918 года. Все последующие конституции (за исключением Конституции РФ 1993 г.) включали в себя положения, определявшие программу развития общества, его цели и задачи на определенный период. И когда эти программы выполнялись, ставился вопрос об изменении или принятии новой конституции».

Применительно к советскому периоду развития можно говорить о двух аспектах телеологического характера конституционных положений. С одной стороны, конституционные нормы создавались и формулировались в соответствии с положениями партийной программы КПСС, изменение которой автоматически создавало политическую предпосылку для принятия новой конституции и обновления конституционных положений о целях развития государства. С другой стороны, именно Конституция как основной закон выступала гарантом реализации основных программных целей государства. По мнению Л.А. Морозовой, в Конституции СССР 1977 года были сформулированы не только основная фундаментальная цель государства, но и основные целевые ориентиры социального развития советского общества, развития прав и свобод граждан СССР Конституция РФ 1993 года также содержит программные поло-

¹ Хабриева, Т.Я. Чиркин, В.Е. Теория современной конституции. / Т.Я.Хабриева, В.Е. Чиркин – М.: Норма, 2005. – С. 62.

жения, хотя нормы-цели и нормы-задачи, содержащиеся в ней, носят принципиально иной юридический характер и используются, в отличие от советских конституций, для оценки конституционности нормативно-правовых актов¹.

Матрица конституционных целей и ценностей вовлекает в процесс их создания ученых и активных субъектов использования прав и свобод (граждан и их объединения). Такая матрица может создаваться только с обязательной опорой на идеологию отечественного конституционализма и конституционную идентичность российского государства и общества. Это и обуславливает понимание и признание того обстоятельства, что Конституция, в том числе в телеологическом контексте, не может быть полностью нейтральной к идеологии, хотя может достаточно свободно или жестко устанавливать отношение государственных органов к той или иной системе идей и взглядов. Поэтому взаимоотношения конституции и идеологии могут основываться на разных принципах.

Принцип конституционного закрепления одной официальной и общеобязательной идеологии был характерен для советских конституций. В советский период конституции, партийная и государственная практика не допускали плюрализма в области идеологии и политики. В советский период получила всеобщее распространение тотальная форма идеологического господства, которая в своих главных чертах находила отражение в нормах советского государственного права. Советские конституции с момента их появления всегда отличались повышенной идеологической насыщенностью. Находясь на вершине конституционного строительства советского государства, Конституция СССР 1977 года прямо закрепляла господство в различных сферах государственной, общественной и научной жизни одной идеологии, которая официально называлась марксистско-ленинской и применялась для обоснования социалистического и

¹ Морозова, Л.А. Теоретические проблемы становления и институциональные особенности российского конституционализма: понятие и периодизация / Л.А. Морозова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – Выпуск 15. – С. 1–10.

коммунистического строительства. С помощью марксистско-ленинской идеологии правящая элита стремилась создать и поддерживать «монолитный» характер советского общества.

Принципиально иной подход закреплен в Конституции РФ 1993 года. В ч. 1 ст. 13 Конституция признает в качестве основы конституционного строя принцип идеологического многообразия. Этот принцип имеет несколько содержательных аспектов, фактически предопределяющих оценку с позиций правомерности основанного на них поведения.

Во-первых, указанный принцип базируется на обширном социальном содержании человеческой деятельности. Многообразие в сфере идеологии предполагает право каждого индивида, их объединений свободно развивать свои воззрения и научные теории идеологического характера; распространять и защищать их с помощью официально допустимых средств; в предусмотренных законом случаях – участвовать в разработке программных документов, законопроектов, представлении их на рассмотрение общественных и государственных органов, поддержке и реализации уже принятых этими органами предложений. Запрет устанавливать какую-либо идеологию государственной или обязательной адресован прежде всего органам государственной власти. Во-вторых, юридическое содержание этого принципа тесным образом связано с важнейшими субъективными правами и свободами личности, через которые он и реализуется, образуя необходимый фундамент правовой жизни человека. К таким субъективным правам и свободам относятся: свобода совести и вероисповедания (ст. 28 Конституции РФ), свобода выражения мнений и убеждений, свобода информации (ст. 29 Конституции РФ), право определять и указывать свою национальную принадлежность, право на пользование своим родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26 Конституции РФ). Осуществление этих прав и свобод, при условии, что оно происходит в соответствии с целями, заложенными в конституционных положениях, дает основание рассматривать такие действия субъектов правовых от-

ношений как однозначно правомерное поведение. В-третьих, устанавливается дополнительная конституционная гарантия против неправомερных действий в виде ликвидации на государственном уровне идеологического многообразия. Согласно ч. 2 ст. 13 Конституции РФ, «...никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Данное требование – это конституционная реакция на советский опыт идеологического монизма. Тем не менее, оно не может восприниматься вне контекста других конституционных положений и особенно конституционных провозглашений о ценности прав человека. По мнению В.А. Четвернина, идеология естественных и неотчуждаемых прав человека должна быть индикатором допуска граждан к государственной службе¹. В-четвертых, в целях предотвращения неправомερного поведения, направленного на умаление демократических ценностей и прав человека, конституционные положения устанавливают ряд ограничений. Они связаны с тем, что абсолютная реализация принципа идеологического плюрализма может входить в противоречие с потребностями защиты демократии, прав и свобод личности. Это происходит в случае распространения фашистской, национал-социалистической или иной идеологии террора, являющихся прямыми антитепами конституционных целей. Содержательные ограничения идеологического многообразия установлены в ч. 2 ст. 29 Конституции РФ, согласно которой не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду. Запрещается также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Таким образом, данный подход является еще одним проявлением телеологической обусловленности границ правомерного поведения субъектов правовых отношений.

Установление принципа политического многообразия в целях эффективной реализации конституционных целей сопровождается законодательной ре-

¹ Четвернин, В.А. Российская конституционная концепция правопонимания / В.А. Четвернин // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–29.

гламентацией правомерных форм его реализации. К ним, в частности, могут быть отнесены: 1) выборы как сфера политического волеизъявления российского народа; 2) различные формы участия российских граждан в управлении делами государства в народовластных целях (например, референдумы, общероссийское голосование) 3) регламентация деятельности органов законодательной власти – Федерального Собрания и законодательных органов субъектов РФ, фракций и депутатских групп; 4) установление границ деятельности представительных органов местного самоуправления.

Конституционный принцип идеологического плюрализма является гарантией от проникновения в сферу публичной власти и институтов гражданского общества тоталитарной идеологии. Вместе с тем запрет на установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной вовсе не означает отсутствие реального доминирования определенной идеологии в государственной и общественной жизни. Таким образом, принцип идеологического многообразия допускает существование и выражение различных идей и взглядов, которые, тем не менее, должны увязываться с такими целевыми ориентирами развития современного российского конституционализма, как патриотизм, обеспечение прав и свобод личности и демократическое правление, и именно при соблюдении этого условия подобного рода активность может рассматриваться как конституционно-правомерное поведение.

«Национальные цели» и *«национальные идеи»* также являются часто используемыми понятиями, которые нуждаются в установлении их соотношения с конституционным правомерным поведением. Указанные понятия используются в целом ряде указов Президента Российской Федерации¹ и документов

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

стратегического планирования¹. Так, в Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» обозначено пять национальных целей развития 1) сохранение населения, здоровье и благополучие людей; 2) возможности самореализации и развития талантов; 3) комфортная и безопасная среда для жизни; 4) достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; 5) цифровая трансформация.

Стратегические приоритеты, обозначенные двумя годами ранее в указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»², устанавливающим и утверждающим национальные проекты России, были содержательно укрупнены в 2020 году. В настоящее время утверждены 13 национальных проектов и два комплексных плана, приравненных к национальным проектам: Национальный проект «Культура», Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», Национальный проект «Образование», Национальный проект «Жилье и городская среда», Национальный проект «Экология», Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», Национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», Национальный проект «Производительность труда», Национальный проект «Здравоохранение», Национальный проект «Демография», Национальный проект «Безопасные качественные дороги», Национальный проект «Наука и университеты», Национальный проект «Международная кооперация и экспорт», Комплексная программа «Разви-

¹ Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.

² Указ Президента РФ от 07.05.2018 № (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 21.07.2020)

тие техники, технологий и научных исследований в области использования атомной энергии в Российской Федерации на период до 2024 года», Транспортная часть комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года¹.

Закрепленная в приоритетных национальных проектах, федеральных целевых программах, программах социально-экономического развития система программно-целевого управления складывается из следующих четырех основных элементов: 1) совокупность предпринимаемых действий с указанием их исполнителей; 2) цели и параметры, выраженные в конкретных количественных и качественных результатах реализации запланированных мероприятий; 3) ресурсы; 4) временные рамки. Одним из доказательств повышения значимости целеустановочной составляющей в процессе правового регулирования является принятие Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации»², определяющего стратегическое планирование как деятельность по «...целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации...». Это свидетельствует о внедрении в государственном секторе инструментов управления по результатам (по целям), широко применяемых в менеджменте организации. Суть такого подхода заключается в разработке и согласовании целей и задач, утверждении показателей результативности, составлении планов.

Использование в качестве классификационного критерия конкретности устанавливаемых целей позволяет выделить правовые целевые регуляторы-ориентиры и правовые целевые регуляторы-показатели. К первой группе могут быть отнесены правовые целевые регуляторы, которые позволяют пользовате

¹ Официальный сайт Национальные проекты России // URL: <https://xn--80aa ram rem cch fmo 7a3c9ehj.xn--p1ai/>

² Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

лям нормативного правового акта понять, для чего был принят данный акт, и, таким образом, осознать его целесообразность и конституционную обусловленность. Такие предписания содержатся, как правило, в начальных статьях нормативных правовых актов.

Правовые целевые регуляторы-показатели, в свою очередь, задают ориентиры – конкретные количественные величины, на достижение которых направлен нормативный акт или его отдельные положения. Таким образом, главное отличие нормы права от правового целевого регулятора состоит в том, что первая является неким шаблоном, соотнося свое правовое поведение, с которым субъекты действуют по определенной схеме: при наступлении определенных условий следует исполнить установленное правило (совершить правомерные действия), иначе наступят негативные последствия. По существу, субъекту правовых отношений предписывается определенная модель правомерного поведения, включающая информацию о том, какие именно действия он должен совершить (либо воздержаться от их совершения), при каких обстоятельствах, что произойдет в случае пренебрежения им данным правилом.

Целевой регулятор сконструирован по другой схеме: он не указывает четко субъекту, каким образом следует себя вести, и не указывает способы и средства достижения цели, однако задает «финальную точку», которой нужно достичь. Очевидно, что основным предназначением целевых показателей и индикаторов является тест на наличие условий для достойной жизни и свободного развития человека в современной России; идентификацию общества, в котором живет человек, и адекватность национальных целей государства социально-экономическим реалиям. В данном случае имеет место измерительный механизм для оценки выполнения государством одного из главных конституционных положений: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Таким образом, показатели целевых регуляторов и их достижение представляют собой в разной степени критерий правомерности поведения действий государственных органов и организаций, всего населения, бизнес-структур и организаций, общественных объединений. Нормативная конструкция таких регуляторов допускает обширный круг выбора решений и действий, предполагающих их инициативный характер.

В качестве примера целеполагания может рассматриваться реализация объединяющей *национальной идеи* России XXI века, в качестве которой обозначена идея патриотизма¹, выраженная в служении развитию страны. В свое время И.Е. Фарбер, уделяя содержанию воспитательной функции права серьезное внимание, отмечал, что эта функция «...отвечает на вопрос, кого воспитывает право и как оно это делает, каков механизм воспитательного воздействия»².

В Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации патриотизм определяется как «...любовь к Родине, преданность своему Отечеству, стремление служить его интересам и готовность, вплоть до самопожертвования, к его защите». Определение патриотизма через «любовь» характерно для большинства изученных нами материалов. Некоторым исключением является Росвоенцентр (осуществляет организационное сопровождение указанной программы), на сайте которого акцент смещен на поведенческий аспект: «...патриотизм рассматривается как особая направленность социального поведения граждан, высший смысл жизни и деятельности личности, долг и ответственность перед обществом, предполагающие приоритет общественных инте-

¹ «Посвятить себя развитию страны»: Путин назвал патриотизм национальной идеей России. Официальный сайт новости России RT на русском // URL: <https://russian.rt.com/russia> (дата обращения 18.12.2021)

² Фарбер, И.Е. Воспитательная функция советского права // Государство и коммунизм: некоторые вопросы теории государства и права в современный период: сборник статей / под ред. А.А. Керимова. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 126.

ресов над индивидуальными вплоть до самопожертвования, пренебрежения опасностью для личной жизни и здоровья при защите интересов Отечества»¹.

Для того чтобы патриотизм как национальная конституционная идея не остался декларативным заявлением, требуются целенаправленные, результативные действия, новый импульс которым должны придать поправки в ст. ст. 67.1 – 70, 75.1, 79.1 Конституции РФ, претендующие стать составляющими российской конституционной национальной идеи: 1) принятие исторического опыта всей тысячелетней истории страны без очернения или отказа от отдельных её периодов, уважение предков и того наследия, которое они нам передали; 2) сохранение и поддержка традиционных ценностей и непреходящих идеалов, вера в Бога (Всевышнего) как одного из идеалов, переданных нам предками и обеспечивающих духовное совершенствование каждого члена общества; 3) исторически сложившееся единство и равноправие народов Российской Федерации, имеющих общие язык, культуру, опыт, историю; сохранение самобытности всех народов, обогащающей и делающей уникальной общую культуру россиян; 4) приоритет защиты и всестороннего развития детей, приоритет семьи как наилучшей формы воспитания и безусловное благо для ребенка; 5) существование России как суверенного государства; 6) нетерпимость к несправедливости как внутри государства, так и за его пределами².

С позиций конституционного концепта цели правомерного поведения специальных уполномоченных субъектов *следует оценивать также правоительство и правоприменение*. Причем каждая из этих функций может быть проанализирована как с позиций «собственной» правомерности – соответствия

¹ Военно-патриотическое воспитание российских граждан: состояние, проблемы, пути совершенствования // Аналитический вестник – № 33 (586). Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://council.gov.ru/> (дата обращения 18.12.2021 г.).

² Романов, А.А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации / А.А. Романов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (90). – С. 37.

нормативно-правового акта Конституции РФ и, соответственно, соответствия целям конституционного регулирования, так и с позиций опосредованного действия функций правотворчества и правоприменения на вектор поведения субъектов правовых отношений.

По существу, проверка Конституционным Судом РФ тех или иных нормативных положений на предмет их соответствия Конституции РФ и есть фактическая оценка правомерности действий законодателя по их принятию и изданию, осуществленная на основе телеологического анализа соответствующих конституционных норм. Неслучайно В.И. Крусс подчеркивает, что ни один субъект правотворчества не обладает и не может быть наделен компетенцией, которая позволяла бы ему принимать нормативные правовые акты без учета и тем более вопреки общенародным конституционным интересам. Независимо от того, идет ли речь об установлении формально равных ограничений или, напротив, дифференцированных гарантий и стимулов, нормативное воздействие должно осуществляться только в соответствии с «конституционной формулой» желаемого общественного состояния¹. «...Конституция представляет собой свод правил, в пределах которых возможна правомерная политическая борьба», – пишет В.Д. Зорькин. «Эти правила, – замечает ученый, – не исчерпываются Конституцией: существуют иные нормативно-правовые акты, правила морали, личные и групповые идеи и идеалы и многое другое; однако все эти регуляторы обязаны существовать в конституционных рамках. Нарушение этих границ представляет собой особую угрозу обществу, поскольку является предпосылкой к деструкции конституционно-правовых отношений в целом»².

Так, согласно ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, Основной закон имеет высшую юридическую силу, и законы и иные правовые акты, принимаемые в Россий-

¹ Крусс, В.И. Теория конституционного правоупотребления: моногр. / В.И. Крусс. – М.: НОРМА, 2007. – С. 676–677.

² Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Деятельность Конституционного Суда РФ. Решения, проблемы и перспективы» [Электронный

ской Федерации, не должны ему противоречить. Это означает, что конкретизация общих, универсальных конституционных положений и заложенных в них целей в актах отраслевого законодательства должна сопровождаться лишь такой детализацией конституционных правомочий носителей конституционных прав и обязанностей, выработкой процессуальных форм осуществления ее норм, которая не противоречила бы этим целям. В процессе такой конкретизации, осуществляемой законодателем, недопустимы отступление от заложенных в Конституции РФ целевых и ценностных ориентиров, ограничение круга предусмотренных конституционной нормой правомочий или носителей соответствующих прав и обязанностей. Такие действия являлись бы неправомерными. Это обуславливает обязанность законодателя в процессе правотворчества установить с необходимой степенью формальной определенности и содержание конституционной нормы, и процедуру ее реализации.

Оценке в системе координат «цель – правомерность» подлежат и конкретные правореализационные механизмы, создаваемые компетентными субъектами конституционных правовых отношений. В этом контексте не утрачивает своей актуальности подход, сформулированный В.В. Лазаревым применительно к оценке эффективности правоприменительных актов. По мнению ученого, она должна базироваться на нескольких уровнях, одним из которых является сопоставление результатов с непосредственной целью, вторым – с той социальной целью, которая достигается правомерным поведением участников правоотношения, а третьим – с соотношением результатов с конечной целью, преследуемой субъектами правовых отношений¹.

Баланс в системе «цели конституционного регулирования – правомерное поведение» поддерживается с помощью системы сдержек и противовесов, действующей на всех уровнях правового регулирования в отношении всех субъек-

документ] // СПС «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.01.2022)

¹ Лазарев, В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев. – Казань: Издательство Казанского университета, 1975. – С. 53.

тов правовых отношений, создавая тем самым «...нормативный и структурный каркас для создания матрицы конституционных целей и ценностей, в рамках которых развивается вся правовая система страны...»¹.

Н.С. Бондарь в свою очередь подчеркивает, что Конституция содержит очень высокий демократический потенциал во всех сферах, и поэтому она не должна подстраиваться под фактические социальные, экономические и политические отношения и поведение их участников. Наоборот, в соответствии с Конституцией должны действовать все государственные органы, должны приниматься решения на всех уровнях власти, в том числе политические².

Наряду с целями, необходимо обратить внимание на соотношение целей конституционно-правомерного поведения и *мотивов (мотивации) личности* как элемента субъективного состава правомерного поведения³. Мотив – это нечто внутреннее для личности, то, что побуждает ее к деятельности, поведению или поступку, направляет их и наполняет смыслом. Как цели, так и мотивы подразделяют на осознанные и бессознательные. К числу основных осознанных мотивов правомерного поведения относят: 1) убеждение личности в необходимости права и сознательном исполнении правовых предписаний; 2) боязнь ответственности; 3) конформистское подчинение правовым предписаниям. Бессознательные же мотивы образуют так называемые «автоматизмы». В теории права традиционна точка зрения, что «...для права безразличны или даже противопоказаны акты поведения, порождаемые автоматизмами и другими бессознательными проявлениями человеческой психики»⁴. Что же касается мнений

¹ Кравец, И.А. Конституционная телеология и основы конституционного строя. Научно-практическое пособие / И.А. Кравец – Москва: Литрес, 2017. – С.160.

² Шиняева, Н. «Уважение к Конституции – обязательно!» (интервью с Н.С. Бондарем, судьей Конституционного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ) / Н. Шиняева // ЭЖ-ЮРИСТ. – 2007. – № 50. // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.01 2022)

³ Морозов, А.С. Проблемные вопросы квалификации субъективной стороны состава правомерного поведения / А.С. Морозов // Вестник Владимирского юридического института. – 2011. – № 2. – С. 94–96.

⁴ Ковалева, Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ковалева Елена Леонидовна. – Москва, 2002. – С. 50 – 52.

конституционалистов по данному поводу, здесь можно встретить иные позиции. Так, К.В. Арановский полагает, что поведенческие навыки и автоматизмы составляют «невидимую» часть конституционализма, который представляет своего рода традицию, «...оснащенную не только непосредственно видимой частью – нормативными текстами, набором политико-правовых учреждений, институтов публичной власти, но и системой мировоззренческих представлений, верований, образов, поведенческих навыков и автоматизмов»¹. В формировании этих «автоматизмов» участвует коллективный опыт, накопленный человечеством в течение всего исторического развития². Этот опыт способен имплицитно, основываясь на автоматизмах, участвовать в выборе субъектом той или иной – как желательной, так и нежелательной – модели конституционно значимого поведения. Так, архетип Родины-Матери вызывает патриотические чувства, преданность Родине. Конституция РФ в своей преамбуле, где указывается на верность нашего многонационального народа «...памяти предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», стремление «...обеспечить благополучие и процветание России», обращается именно к коллективному бессознательному опыту, тем самым формируя правовые представления о современном идеале государства. Считаем также необходимым отметить, что поведенческие автоматизмы формируются в результате многократно повторяемого целенаправленного действия, становясь привычкой. Соответственно, многократно повторяемое решение индивидов действовать правомерно с ориентацией на нормы основного закона, ставшее привычным, обладает особой оценкой степени полезности.

Исходя из ранее заявленных методологических подходов к исследованию конституционного правомерного поведения считаем возможным продемон-

¹ Арановский, К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде / К.В. Арановский // Правоведение. – 2002. – № 1 (240). – С. 41–50.

² Антонян, Ю.М. О сущности мотивов / Ю.М. Антонян // Философские науки. – 2009. – № 5. – С. 69–75.

стрировать действие механизма конституционного целеполагания на примере принципа верховенства права. Концепция верховенства права широко используется в теории права, а также в традициях и отраслях политической теории.

В конституциях СССР и советской России формулировка «верховенство права» никогда не использовалась. В Конституции РФ 1993 года содержатся положения о правовом государстве, о высшей юридической силе Конституции (ч. 1 ст. 15), есть идея верховенства права, используется слово «верховенство». В ч. 2 ст. 4 говорится: «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». Однако это слово имеет определённый акцент. Речь идет не о верховенстве права как такового, а о верховенстве Конституции и законов на всей территории Российской Федерации (например, по отношению к актам субъектов РФ и в связи с ролью Конституции РФ, по отношению к международным актам).

Применительно к проблематике конституционно-правомерного поведения следует обратиться к социологическим аспектам данного концепта, так называемой «социологии верховенства закона»¹. Социологический подход позволяет задаться основополагающими поведенческими вопросами: каковы внутренние, побудительные субъективные цели, для которых служит признание верховенства права? И как эти внутренние субъективные цели сопоставимы с целями внешними (например, достижение экономических показателей или развитие демократии)? После установления такого соотношения необходимо определить необходимые действия со стороны государства, общества или отдельного индивида, которые приведут к формированию и осознанию внутренних субъективных целей признания верховенства права. Вне всякого сомнения, такие действия должны располагаться в плоскости правовых институтов, но с учетом следующих факторов влияния: 1) общественной среды, в которой такие конституционно-правовые институты функционируют; 2) способов их функци-

¹ Krygier, M. The rule of law: legality, teleology, sociology / M. Krygier // Sociology – October 31. – 2008. – P. 1–20.

онирования; 3) субъектов взаимодействия и 3) обстоятельств, в которых осуществляется власть закона и права.

Подводя итог сказанному, можно сформулировать следующие выводы. Прежде всего взаимосвязь конституционного целеполагания и конституционно-правомерного поведения выражается в соотношении степени соответствия поведения целям конституционного регулирования.

Поведение всегда предметно и результативно, что позволяет дать ему не только «качественную» (правомерное – неправомерное), но и своеобразную «количественную» оценку, выражающую степень его соответствия конституционным целям. Такая оценка может включать в себя несколько уровней, где базовым является формальное соответствие поведения субъекта нормативным предписаниям, а наивысшим – степень его адекватности конституционным целям, конституционному смыслу, заложенному с той или иной степенью абстрактности в любом нормативном регуляторе. Сознательный выбор цели, соответствующей конституционным установлениям, образует мотив правомерного поведения. Важное значение имеет соотношение субъектами правоотношений индивидуальных и коллективных, государственных и общественных целей: если степень совпадения целей высока, то неизменно высок и уровень правомерного поведения, законо- и правопослушания.

Программная функция Конституции, цели конституционного регулирования и правомерное поведение соотносятся следующим образом: закрепленный в Конституции России механизм целеполагания посредством ее программной функции и механизм долженствования посредством закрепления желаемого образа правомерного поведения получает идейное обоснование (поддержку) через идеологическую функцию и отраженные с помощью нее ценности. Важнейшее значение имеет национальное ценностное целеполагание, которое связано с государственной идеологией и национальной идеей. Ценностные ориентиры Конституции России, трансформированные в цели конституционного и текущего законодательства, приобретают регулирующие воздействие. Вопло-

щаясь в правовом поведении людей, конституционные цели придают такому поведению характер правомерного.

2.2. Аксиологические характеристики правомерного поведения в российском конституционном праве

В юридической науке сущность правомерного поведения традиционно характеризуется через призму единства ценностного и нормативного начал. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, рассматриваемое поведение соответствует формальным правовым предписаниям, закону. В то же время социальные ценности как более устойчивый компонент реальности, возведенные в ранг конституционных, придают такому поведению «прочность» и определяют дальнейший формат отношений между человеком, его правами и свободами и государством. Согласованность позитивно-правовых установлений и ценностных установок индивида определяет направленность его поступков и действий как правомерных.

Аксиологические характеристики конституционно-правомерного поведения в рамках настоящего исследования включают в себя две основные составляющие: 1) рассмотрение отраженной в Конституции России системы ценностных ориентаций, оказывающих влияющих на правомерное поведение, и 2) исследование данного вида правового поведения с позиции самостоятельной ценностной значимости.

Конституционные ценности для России, являющейся, по существу, «страной-идеей, страной-цивилизацией»¹, имеют приоритетный, жизненно важный характер, в первую очередь, для конституционно-правового измерения государственно-правовой действительности. В основе этого тезиса лежит глубинное понимание Конституции РФ, содержащей, по образному выражению

¹ Джагарян, А.А. Джагарян, Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии / А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 27–34.

Н.С. Бондаря, своего рода генетический (социокультурный) код многонационального народа России..., юридическим выражением которого служат конституционные ценности¹. Посредством конституционного закрепления они трансформируются в конституционные идеи-принципы и обретают формально-юридическую нормативность, в результате же их восприятия отдельными индивидами, социальными группами, обществом в целом становятся элементом их конституционного правосознания, демократической культуры².

Конституционными ценностями являются признанные обществом и закреплённые конституционным законодательством идеи, явления, объекты целеполагания, занимающие место ключевых и служащие основой для организации правового порядка в обществе, включая систему взаимоотношений между членами гражданского общества и институтами публичной власти³. В тексте российской Конституции словосочетание «высшая ценность» используется единожды в статье второй Основного закона, устанавливающей, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита указанных прав и свобод – обязанностью государства. В свою очередь, в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации закреплено, что права и свободы (являющиеся высшей ценностью) могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

¹ Бондарь, Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – С. 23.

² Бондарь, Н.С. Конституционные ценности как судебно-правовой фактор разрешения социальных противоречий и конфликтов: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 78.

³ Саликов, М.С. Гончаров, М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации / М.С. Саликов, М.В. Гончаров // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса – 2020. – № 1. – С. 61–66.

Все перечисленные цели, пишет Г.А. Гаджиев, представляют собой, таким образом, конституционные ценности¹.

Таким образом, Конституция России устанавливает формальное основание применения аксиологического подхода в конституционном праве². При этом следует иметь в виду, что «...практически каждой конституционной норме, содержащейся в Конституции, корреспондирует конкретная ценность. Например, норме ст. 20 о праве на жизнь – ценность жизни, норме ст. 21 об охране достоинства личности государством – ценность человеческого достоинства, норме ст. 22 о праве на свободу и личную неприкосновенность – ценность свободы, норме ст. 38 о государственной защите материнства, детства, семьи – ценности материнства, детства, семьи и т. д.»³

Конституционные ценности выполняют смыслообразующую функцию, тем самым создавая мотивационную обусловленность и задавая ориентационный вектор, направленность правового поведения. В качестве ориентационной основы правомерного поведения конституционные ценности могут быть охарактеризованы с нескольких позиций, а именно как:

1) критерий и мера для соотнесения осуществляемых действий (деятельности) с конституционными эталонами. В этом смысле конституционные ценности проявляют себя как средство субъектно-объектной связи в системе социального взаимодействия, в результате которой участники конституционных отношений оценочно осмысливают те или иные проявления политико-правовой действительности как ценностные и соизмеряют свое поведение в условиях данной действительности с конституционными ценностями;

¹ Гаджиев, Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности / Г.А. Гаджиев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 3.

² Шустров, Д.Г. Иерархия конституционных ценностей / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 7–8.

³ Шустров, Д.Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года / Д.Г. Шустров // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 14.

2) проявление значимости социальных, государственных и общественных институтов, существование которых позволяет гражданам удовлетворять разнообразные потребности, или отдельных общественных отношений, нуждающихся в правовой охране в связи с реальной угрозой причинения им вреда (например, сложившееся исторически государственное единство, память защитников Отечества или благоприятная окружающая среда и тайна электронных переговоров и сообщений);

3) сформировавшиеся в результате общественного мнения и обсуждения разделяемые обществом предпочтения, идеи и явления, «...порождающие общественный гражданский процесс, в ходе которого разные группы общества приходят к консенсусу относительно значимости конкретной ценности для общества, государства и личности (например, ценности исторической правды)»¹;

4) основание для правовой мотивации поведения, которая заключается во влиянии конституционных ценностей на эмоциональное отношение и выбор правомерной модели поведения. В данном случае речь идет о правовых эмоциях, под которыми Л.И. Петражицкий предлагал понимать этические переживания, дифференцирующим признаком которых в сравнении с моралью является их императивно-атрибутивный характер, то есть способность вызывать у индивида осознание того, что он является тем, кому что-то причитается, или тем, с кого могут требовать исполнения обязанности².

И если эмоции неизбежно выступают мотивом поступков человека вследствие своего пассивно-активного двустороннего характера³, то правовые эмоции выступают мощнейшим инструментом воздействия на поведение в силу уже упомянутого выше осознания собственной правовой значимости.

¹ Саликов, М.С. Гончаров, М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации / М.С. Саликов, М.В. Гончаров // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса – 2020. – № 1. – С. 61–64.

² Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. / Л.И. Петражицкий, Л.И. Спиридонов, И.Л. Честнов. – СПб.: Лань, 2000. – С. 422.

³ Петражицкий, Л.И. Указ. соч. – С. 11.

В отличие от норм права, особый характер воздействия на поведение участников общественных отношений правовых правил, выраженных в конституционных ценностях, в том, что они: 1) рекомендуют, а не указывают на должное поведение; 2) выражают в качестве блага наиболее предпочтительный вариант для конкретного субъекта; 3) определяют идентичность общества в конкретный исторический период его развития при условии согласованности различных ценностей конституционного уровня¹.

К числу основных задач конституции относится задача перевода общих представлений «...о различных ценностях на язык права, на уровень правовых правил поведения»², тем не менее, следует вслед за Т.Я. Хабриевой признать, что в российской правовой науке и само понятие «конституционные ценности», и их иерархия остаются недостаточно определёнными и очерченными³, равно как и не нашел пока своего однозначного разрешения вопрос о способе балансировки конституционных ценностей в случае их конкуренции, помимо разрешения конституционно-правового спора Конституционным Судом Российской Федерации⁴. Общепринятым является мнение о том, что конституционные ценности находятся в определенной иерархичности, однако следует отметить и существование иного подхода, согласно которому различные конституционные ценности образуют единое аксиологическое пространство и с точки зрения их правового значения являются равновесными⁵.

¹ Шустров, Д.Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года / Д.Г. Шустров // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 14–21.

² Чиркин, В.Е. О социальной и юридической ценности российской Конституции 1993 г. (замечки компаративиста) / В.Е. Чиркин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6 (73). – С. 7–9.

³ Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. Т. 90. – 2020. – № 5. – С. 403–406.

⁴ Нарутто, С.В. Конкуренция конституционных прав и свобод человека в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации / С.В. Нарутто // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 56–59.

⁵ Маврин, С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С.П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 1–4.

Очевидно, что конституционно-ценностная система должна выполнять свою функцию по обеспечению выбора должной (желаемой) модели правомерного поведения субъектов правовых отношений. Но и столь же очевидно, что при высоком уровне абстракции конституционных норм и принципов неизбежно их пересечение и конкуренция правовых предписаний. Более того, «...ценности, взятые в формальном смысле, вполне могут быть общепризнанными, но при этом в материальном отношении способны рождать конфликт»¹.

Одним из признаваемых в мировой конституционной практике способов преодоления обозначенной проблемы является балансирование конституционных ценностей в рамках концепции пропорциональности в ее европейской и американской интерпретации². Как отмечает И.А. Кравец, в российской доктрине и практике конституционной юриспруденции концепции пропорциональности соответствует принцип соразмерности, который имеет дискуссионную палитру вовлечения философских, моральных и правовых доктрин, а сам российский правовой модус соразмерности в качестве конституционного принципа в области прав человека ... сопряжен с проблемой охраны и обеспечения человеческого достоинства³.

Проявляющаяся в соразмерности балансировка конституционных ценностей (принципов) сопряжена с рационализмом и процессом рационализации. Рационализм в идее уравнивания проявляется в допущении сосуществования всех конституционных ценностей (принципов), лучшим способом которого является взаимодополняющее и усиливающее регулятивный эффект друг друга с возможным усилением значения «возвеличивание» одного из них в опреде-

¹ Философия права. Курс лекций: в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко – Москва: Проспект, 2013. – С. 317–318. (автор лекции – В.Н. Жуков)

² Белов, С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность / С.А. Белов // Петербургский юрист. – 2016. – № 1. – С. 63–70.

³ Кравец, И.А. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) / И.А. Кравец // Правотолкование и проблема судебного правотворчества. – 2020. – № 10. – С. 21–23.

ленный период времени¹. В свою очередь, в процессе рационализации как осознанности действий (поведения) делается акцент на целесообразности, максимальном соответствии целей и средств их достижения². В связи с этим применение доктрины пропорциональности (или принципа соразмерности) претендует на то, чтобы стать в конституционном праве универсальным методом решения юридических задач и универсальной «формулой» для выбора правомерного поведения при коллизии конституционных ценностей в правотворческой и правоприменительной деятельности вне конституционного конфликта. Так, например, польский и австралийский конституционалист, профессор Войцех Садурский, «упрощенную» модель анализа соразмерности предлагает рассматривать посредством ответа на три ключевых вопроса: 1) является ли цель действий государства легитимной? 2) достаточно ли важна цель, чтобы используемые средства могли негативно повлиять на реализацию конституционных прав? 3) превышают ли выгоды от достижения цели ущерб и затраты, вызванные ограничением отдельных конституционных прав?³

Таким образом, конституционные ценности связаны с целеполаганием и проявляются в правомерном поведении следующим образом: ценности определяют общую направленность достижения цели и выбора средств целеосуществления, при этом система ценностных ориентиров определяет содержательную, смысловую сторону правомерного поведения, а целеполагание – динамическую.

Конституционные ценности как ориентационная основа правомерного поведения субъектов конституционно-правовых отношений не могут исследоваться в изоляции от философского, социологического и психологического ас-

¹ Гаджиев, Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности / Г.А. Гаджиев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 11.

² Давыдов, Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности / Ю.Н. Давыдов // Вопросы социологии. – 1996. – № 6. – С. 71–75.

³ Садурский, В. «Разумность» и плюрализм ценностей в праве и политике // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 22.

пектов аксиологии в целом. Чтобы конституционные ценности оказывали желаемое воздействие на поведение участников общественных отношений, общепризнанная система ценностей и принципы ее формирования должны в целом совпадать с аксиологическими установками субъектов права, формируемыми как на основании результатов исследования социальной практики, так и на основе индивидуального жизненного опыта.

Вместе с тем, установление той или иной системы категорий в качестве «универсальных» конституционных ценностей не решает проблему обеспечения конституционного правомерного поведения по ряду причин. Это обусловлено эволюцией восприятия той или иной категории в качестве ценности на протяжении всего периода конституционного развития. Например, некоторые авторы замечают, что значимость и взаимосвязь демократии, правового и социального государства, гарантированности прав и свобод человека, разделения властей, а также ряда иных категорий конституционализма, присущих большинству современных конституций, позволяют рассматривать их в качестве универсальных конституционных принципов, выработанных мировой цивилизацией и обладающих общечеловеческой ценностью. Однако в силу постоянного цивилизационного развития содержание, сущность указанных принципов не являются абсолютно статичными, и в современных условиях они могут наполняться новым содержанием¹.

Кроме того, демократические конституционные принципы, отражающие результат развития западной цивилизации, могут оказаться недостаточно актуальными для процесса правового регулирования в обществах с системами иных традиционных ценностей. Целостная правовая культура не стремится к восприятию чужеродных ей элементов. Элементы иной культуры подвергаются интерпретации с последующим их освоением собственными ментальными сред-

¹ Чиркин, В.Е. Общечеловеческие ценности и российское право / В.Е. Чиркин // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 2. – С. 64–76; Енгибарян, Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р.В. Енгибарян – М.: Норма, 2007. – С. 154.

ствами либо последующей дискредитацией, вытеснением и заменой более привычными элементами. Поэтому институционализация российской государственности должна сопровождаться «кристаллизацией» тех ценностей, которые лежат в основе конституционного развития государства и общества, выявлением и усвоением субъектами правовых отношений их содержания применительно к национальному правовому контексту.

Представляется логичным утверждать, что наилучший результат, обеспечивающий ценностно-ориентированный выбор субъектами правовых отношений модели конституционного правомерного поведения, достигается в тех случаях, когда нормативную фиксацию получают ценности, закрепившиеся в самосознании социума в процессе исторического развития в качестве традиционных. Они, как правило, отражаются в национальной культуре общества в виде представлений о справедливости, равенстве, государственности и других социально-правовых феноменах. В том случае, когда такая основа достаточно устойчива, она обеспечивает относительно стабильное развитие общества даже в переходный период, минимизируя и нивелируя негативные последствия проводимых преобразований. При этом новые конституционные ценности, в частности, получающие нормативное выражение или детализацию в силу процесса глобализации, либо органично встраиваются в систему традиционных ценностей, либо отвергаются, что свидетельствует о наличии проблемы их адаптации и ассимиляции, несмотря на универсальный характер¹.

В результате обновления отечественной Конституции на соответствующий уровень были подняты ценности, направленные на поддержание традиционных российских представлений о браке как союзе мужчины и женщины; появилась формулировка, согласно которой культура как конституционная цен-

¹ Абдурахманова, И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Абдурахманова Ирина Вениаминовна. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 30.

ность – это прежде всего «...наследие многонационального народа», и именно в этом качестве она подлежит защите со стороны государства и общества. Согласно пункту 91 Стратегии национальной безопасности¹ к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся прежде всего жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. «Включение в Конституцию РФ новой статьи 67.1, – отмечают сопредседатели рабочей группы по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию РФ Т.Я. Хабриева и А.А. Клишас, – служит развитию ценностного содержания российской Конституции, решает задачи, которые в 1993 г. в силу исторических причин не получили необходимого отражения в Основном Законе»².

Можно утверждать, что ценностная основа правового регулирования явно или имплицитно присутствует в нормах права, в значительной мере определяя их содержание, а следовательно, и вектор, и меру поведения субъектов правовых отношений. Эволюционный характер закрепления такого содержания удачно подчеркивает Р. Давид, замечая, что, несмотря на то что правовые нормы «...могут меняться от росчерка пера законодателя», они содержат множество элементов, не поддающихся произвольным изменениям. Это обусловлено тем, что они «...теснейшим образом связаны с нашей цивилизацией и нашим образом мыслей. Законодатель не может воздействовать на эти элементы, точно

¹ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

² Хабриева, Т.Я. Клишас, А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. – С. 204.

так же, как на наш язык или нашу манеру размышлять»¹. Однако невозможность выделения идей и принципов, образующих аксиологическую композицию Основного закона, в качестве исчерпывающего перечня, детализации их глубинного содержания обуславливает значительную сложность ценностно-ориентированного выбора модели правомерного поведения субъектами общественных отношений. Об этом, в частности, свидетельствует наличие разных доктринальных подходов к определению системы конституционных ценностей.

Между тем, несмотря на наличие множества достаточно детализированных подходов, претендующих на комплексную характеристику системы конституционных ценностей, ни один из них не включает в себе гарантии выбора субъектом правовых отношений модели конституционного правомерного поведения. По нашему мнению, можно говорить лишь о том, что определение системы конституционных ценностей является предпосылкой (но не более) для совершения действий, направленность которых соответствует вектору конституционности. Это во многом обусловлено высокой степенью абстрактности и универсальности нормативного выражения характеристик конституционных ценностей, требующих дополнительной детализации применительно к конкретным правовым ситуациям, в которых как раз и осуществляется каждодневный выбор модели поведения.

В указанном контексте следует согласиться с И.А. Кравцом, который полагает, что значительное количество норм-принципов, норм-целей, норм-задач, закрепленных в Конституции РФ и придающих ее положениям универсальный характер, позволяет отнести их к категории конституционных провозглашений, выполняющих одновременно телеологическую и экспрессивную функции. Однако именно общий характер конституционных провозглашений обуславливает потребность в толковании, конкретизирующем их применительно к отдельным

¹ Давид, Р. Основные правовые системы современности. / пер. с фран. В.А. Туманова. – Москва: Прогресс, 1988. – С. 39.

правоотношениям. Вследствие этого, отмечает И.А. Кравец, «...проводниками качества универсальности всегда выступают конституционное толкование и конституционный контроль...»¹.

Соглашаясь с этим утверждением, обратимся для его иллюстрации к ст. 1 Конституции РФ, устанавливающей, что Россия есть демократическое правовое федеративное государство с республиканской формой правления. Это положение позволяет констатировать, что наиболее общими основополагающими идентифицирующими признаками современного российского государства, которые, соответственно, должны признаваться важнейшими конституционными ценностями, являются демократия, федерализм и подчинение деятельности государства праву. В связи с этим логично утверждать, что аксиологический потенциал каждого из перечисленных феноменов должен оказывать ориентирующее воздействие на выбор субъектами правовых отношений модели поведения, отвечающей критерию конституционности. Между тем, данное утверждение далеко не всегда реализуется в социально-правовой практике, поскольку само по себе декларирование перечисленных признаков государства (и даже формальное придание им «статуса» конституционных ценностей) не побуждает субъектов правовых отношений действовать определенным образом. Это, по нашему мнению, может происходить по нескольким причинам.

Во-первых, субъект правовых отношений часто не соотносит себя с системой координат, в которой располагается та или иная конституционная ценность. Как следствие, эта ценность не обладает возможностью ориентирующего воздействия на поведение данного субъекта, поскольку не является для него критерием оценки правильности (правомерности) действий в конкретной правовой ситуации.

Во-вторых, конституционная ценность может не оказывать желаемого ре-

¹ Кравец, И.А. Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики) / И.А. Кравец // Журнал российского права. – 2003. – № 11. – С. 113 – 122.

гулятивного воздействия на поведение субъекта правовых отношений вследствие недостаточной определенности в понимании сущности самой этой ценности. Так, понятие демократии (и, соответственно, демократического государства) на протяжении многих веков трактуется неоднозначным образом, получая как позитивные, так и негативные оценки специалистов в области права, политологии и социологии. Это, по мнению В.Е. Чурова и Б.С. Эбзеева, обусловлено тем, что демократия представлена в Конституции РФ не в качестве завершенной модели, а лишь как базис для установления основ и структуры демократического строя, регулирования его функциональных параметров. Ученые замечают, что Основной закон не содержит другого понятия, сущность которого была бы так же мало раскрыта и которое подвергалось бы столь различным интерпретациям. Между тем, именно оно занимает доминирующее положение во всей системе принципов, составляющих основы конституционного строя России, и фактически обладает универсальным характером, поскольку в большей или меньшей степени охватывает своим содержанием все иные принципы и присутствует в каждом положении Конституции¹. Сложность проблемы усугубляется тем, что общество, обладающее крайней неоднородностью и существующее в условиях кардинальных противоречий интересов его субъектов, не может выразить свою волю так, как это сделал бы индивидуальный участник правовых отношений.

В-третьих, субъект правовых отношений в ряде случаев не осознает наличия или характера взаимосвязей конкретной конституционной ценности с иными ценностями, образующими целостную систему. Такие ценности, как справедливость, равенство и свобода, приобретают юридический характер только в контексте государства и права. Кроме того, в конкретной юридической ситуации, в условиях сложных взаимосвязей между элементами системы ценностей субъекту сложно сделать выбор.

¹ Чуров, В.Е. Эбзеев, Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель / В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев // Журнал российского права. – 2011. – № 11. – С. 15.

В-четвертых, как уже отмечалось выше, конституционная ценность, несмотря на ее общепризнанный характер (например, жизнь, здоровье и т. д.), может не рассматриваться субъектом правовых отношений в качестве ценности, напротив, в его «системе координат» ориентирующее значение для выбора модели поведения могут представлять феномены, имеющие контрценный характер.

Наконец, осознавая формальную ценность того или иного феномена, участник юридических отношений может не руководствоваться им в силу фактического несоответствия идеальной и реальной моделей его реализации, ибо между правовыми ценностями, интеллектуально-духовной компонентой и поведением субъекта существует сложная взаимосвязь. Такая «эрозия» конституционных ценностей может приводить к возникновению значительного разрыва между реальным и официальным позитивным правом. Политизированность современного российского права может приводить к отрицанию права, к правовому нигилизму, к искажению представлений о правовых ценностях и их содержании.

Формирование отношения к конституционным ценностям как единой системе, понимание сущности связей между ними во многом детерминируют правильность подходов к установлению приоритета той или иной ценности в конкретных правовых ситуациях, определяя тем самым выбор модели поведения субъекта правовых отношений. Этот тезис может быть проиллюстрирован множеством примеров, наиболее традиционный из которых связан с выявлением аксиологического потенциала формулы «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ).

Указанная формулировка, при ее буквальном прочтении, дает основание ряду авторов утверждать, что права человека занимают ведущее место в иерархии ценностей, «подчиняя» себе права всех иных субъектов: государственных органов, органов местного самоуправления, государства в целом, этнических

общностей и даже народов¹. Следствием такого подхода является «антропоцентристская» модель поведения, основанная на убеждении в преимущественном положении интереса отдельной личности по отношению к интересам социальных групп и государства как организации публичной политической власти. Между тем, очевидно, что действия, основанные на таком убеждении, далеко не во всех случаях могут рассматриваться в качестве конституционного правомерного поведения, поскольку права и свободы являются не абсолютной и изолированной конституционной ценностью, а лишь элементом их системы. Соответственно, в различных правовых ситуациях приоритет получают разные ценности: так, на современном этапе развития получает интенсивное развитие тенденция глобализации, основанная на признании в качестве важнейшей ценности безопасности общества и государства.

Конституционные ценности являются основой ориентирования субъектов на правомерное поведение, вместе с тем, правомерное поведение является самостоятельной конституционной ценностью современной России. Учитывая правовую природу конституционного поведения, полагаем, что такому поведению присущи и ценности самого права, например, социальная и инструментальная (служебная) ценность². Аксиологический потенциал правомерного поведения наиболее отчетливо проявляется и осознается в периоды социальных преобразований, сопровождающихся изменением институциональных и нормативных образцов, целей, допустимых средств реализации социальных потребностей и интересов. Указанные изменения сопровождаются установлением новых правил правового взаимодействия, обуславливая потребность в пере-

¹ Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. – М., 1996. Т.16. – С. 44. [Электронный ресурс]. // URL: [http:// www. rusconstitution. ru/ timestream/1993/06/](http://www.rusconstitution.ru/timestream/1993/06/) (дата обращения 28.12.2021).

² См., напр.: Алексеев, С.С. Право как ценность // Теория права. – М.: БЕК, 1995. – С. 160–168; Алексеев, С.С. Ценность права. Правовые ценности // Общая теория права. – М.: БЕК, 2008. – С. 76–79.

осмыслении социальной сущности и назначения политических и правовых институтов, заинтересованность в обеспечении их эффективной деятельности. Это обстоятельство существенно актуализирует проблему исследования ценностной сущности конституционного правомерного поведения. Что касается значения восприятия конституционных ценностей, прежде всего прав и свобод, то вслед за Н.В. Исаевой, отметим что они выступают не только и не столько как средства получения материальных благ, а как основание блага духовного самосовершенствования социального субъекта, формирования новых сущностных онтологически присущих качеств (развитого правового мышления, способности к юридическому самоопределению, самопознанию и самореализации посредством права), отчуждение которых нарушает его целостность как в собственном восприятии, так и в восприятии другим субъектом права¹.

Обращаясь к проблеме самостоятельной ценности конституционного правомерного поведения, можно констатировать, что наиболее значительное пространство для исследования его ценностного потенциала предоставляет реализация права. Это обусловлено тем, что все ее формы (соблюдение, исполнение, использование и применение) находят свое непосредственное выражение в правовом поведении субъектов правовых отношений. В свою очередь, конституционное правомерное поведение как разновидность правового поведения «сопровождает» все формы надлежащей реализации права, которая в наиболее общих чертах рассматривается юридической доктриной как процесс перевода свойств права в социально полезный результат². Учитывая это обстоятельство, логично исходить из того, что исследование структуры правового поведения

¹ Исаева, Н.В. Значение и значимость конституционных ценностей в формировании личности // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии. Материалы и доклады XII Международной научно-практической конференции / под редакцией В.В. Полянского, В.Э. Волкова – 2017. – С. 88–90.

² Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Протасов. – М., Юрайт-М, 2001. – С. 201.

может быть использовано для ревизии эффективности ряда институциональных характеристик государства и общества, а также происходящих в них процессов. Это определяет ценность конституционного правомерного поведения не только как способа наиболее эффективного достижения целей конституционного регулирования, но и как предмета и одновременно средства правового мониторинга, направленного на формирование обоснованных суждений о качестве элементов политико-правовой системы и устойчивых тенденциях их функционирования.

Однако поведение, соответствующее требованиям закона и имеющее одно и то же внешнее выражение (действие или бездействие), может быть обусловлено различными мотивами, которые определяют его различную конституционную ценность. Этот тезис может быть проиллюстрирован многочисленными ситуациями соблюдения закона, то есть той формы его реализации, которая связана преимущественно с действием норм-запретов. Надлежащее соблюдение закона предполагает воздержание от совершения тех действий, перечень которых установлен нормой права, а также отсутствие обязанности совершать с этой целью какие-либо активные действия. Соответственно, соблюдение запрета характеризуется пассивным поведением субъектов правовых отношений, к которым относятся все правдееспособные лица, что позволяет рассматривать указанную форму правореализационного процесса, обеспечивающую правомерное поведение, в качестве универсальной¹.

Поведение субъекта правовых отношений, не совершающего действий, запрещенных законом, является правомерным, однако его конституционная значимость может существенно различаться в зависимости от мотива действий. Так, применительно к сфере уголовно-правового регулирования А.Г. Братко высказано утверждение, что многие субъекты правовых отношений соблюдают не правовой, а глубоко укоренившийся в их сознании моральный запрет, в связи с чем сам уголовно-правовой запрет фактически не оказывает на них регули-

¹ Осипов, А.В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Осипов А.В. – Саратов, 1980. – С. 7.

рующего воздействия¹. Несмотря на это, воздержание от совершения преступления по моральным основаниям, предполагающим наличие внутреннего убеждения субъекта в недопустимости совершения запрещенных действий, отвечает критериям конституционного правомерного поведения. Иная ситуация имеет место в случаях, когда лицо, имея намерение нарушить норму-запрет, осуществляет правомерные действия, опасаясь исключительно применения мер государственного принуждения (наступления негативной юридической ответственности). Такое поведение также формально может быть определено в качестве конституционно-правомерного, однако имеет значительно меньшую конституционную ценность. Это обусловлено тем, что субъект внутренне ориентирован на совершение противоправного поступка, если будет убежден в том, что ответственность за это не наступит (например, в связи с тем, что тщательно подготовленное преступление не будет раскрыто).

Следовательно, полноценная реализация ценностного потенциала конституционного правомерного поведения возможна только посредством эффективной мотивации субъектов правовых отношений действовать добросовестно и может быть осуществлена только при условии формирования у них внутреннего убеждения в правильности такого образа действий. Поэтому представляется обоснованным говорить о низкой прогностической результативности инициатив, которые направлены на законодательное закрепление уважительного отношения к государственным и социальным институтам, создаваемым для обеспечения законности и правопорядка. Это связано с тем, что для соответствия параметрам конституционного регулирования деятельность субъектов общественных отношений в правовой сфере нуждается в реальной, практической мотивации в совершении тех или иных действий, их осознанном соотношении с социально-юридическими критериями правомерности. Таким образом, резуль-

¹ Братко, А.Г. Правовые запреты и социальное поведение // Вопросы юридической ответственности и деятельность органов внутренних дел. Материалы научной конференции. – Волгоград: Науч. иссл. и ред.-изд. отдел, 1978. – С. 6.

тативность управления действиями индивидов и их общностей, в отличие от механизма, достигается «только посредством управления мотивами»¹.

Более явно, на наш взгляд, мотив конституционного правомерного поведения прослеживается в ситуациях исполнения и использования права. Это связано с тем, что, в отличие от соблюдения права, эти формы его реализации подразумевают обязанность либо возможность совершения субъектом правоотношений активных действий, характер которых позволяет косвенным образом судить о его намерениях. Так, исполнение налоговой обязанности предполагает выполнение гражданами и юридическими лицами конституционного предписания уплачивать налоги и сборы в полном объеме, надлежащим образом и в сроки, определенные законодательством. В тех случаях, когда это требование осознается субъектом в качестве законного и необходимого для реализации оптимального сценария социально-государственного развития, оно выполняется им, свидетельствуя о конституционно-правомерном поведении. В иной ситуации лицо сознательно уклоняется от исполнения данной обязанности, не совершая предписанных законом действий, что представляет собой противоправное (и, в частности, конституционно-неправомерное) поведение. Однако обязанный субъект может предпринимать и формально правомерные (не распознаваемые действующим законодательством в качестве противоправных) действия, направленные на неисполнение закона, используя для достижения этой цели внешне законный алгоритм юридических средств² и дефекты юридической техники, допущенные при создании нормативного правового акта.

Ценность конституционного правомерного поведения проявляется и в режиме использования права, предполагающего возможность как активных, так и пассивных действий участников общественных отношений в рамках прав, устанавливаемых управомочивающими нормами. Основным критерием консти-

¹ Мерлин, В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Учебное пособие. / В.С. Мерлин. – Пермь: Изд-во ПГПИ., 1972. – С. 5.

² Волков, А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А.В. Волков // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 5.

туционной правомерности поведения, по нашему мнению, здесь также выступает конституционность его мотива.

Заметим, что в ряде исследований понятие конституционности правопользования отождествляется с понятием добросовестности. Так, рассматривая проблему государственного противодействия противоправным доходам в контексте осуществления права собственности, В.И. Крусс замечает, что конституционность и добросовестность в правопользовании выступают в качестве синонимов. Как следствие, с точки зрения ученого, достоверно добросовестное действие должно рассматриваться в качестве не факультативного или субсидиарного, а квалифицирующего признака его «конституционной легитимности»¹. Указанный критерий, с позиции В.И. Крусса, имеет важное практическое значение и должен использоваться при установлении дифференцированного правового режима объекта правового регулирования. В частности, применительно к рассматриваемой ученым проблеме это выражается в том, что экономическое оперирование имуществом, право собственности на которое явилось результатом нелегитимной приватизации, не должно включать те формы и способы, которые доступны «добросовестному» собственнику. Выполнение этого требования может быть обеспечено с помощью комплекса мер правового характера, к которым могут быть отнесены, например, формирование сводного перечня физических и юридических лиц, имущество которых не имеет достоверной (прозрачной) истории добросовестного накопления, осуществление специального контроля за их деятельностью, информирование соответствующих организаций, осуществляющих имущественные операции, и т. д. Кроме того, по мнению В.И. Крусса, внесение хозяйствующего субъекта в такой реестр должно означать распространение требований позитивной конституционной ответственности и на его партнеров по бизнесу пропорционально доле вносимого ими неле-

¹ Крусс, В.И. Государственное противодействие противоправным доходам и конституционное правопользование / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 6. – С. 19–20.

гитимного имущества в совокупном объеме имущественного комплекса. Данная мера должна мотивировать собственников «нелегитимного имущества» на снижение его доли в совокупной массе и интенсификацию легитимных ресурсов – инвестиций, инновационных технологий и т. п. и в качестве средства противодействия недобросовестным операциям с имуществом может сочетаться с иными мерами как стимулирующего (например, льготное налогообложение), так и репрессивного характера (например, ограничения на вывоз капитала).

Обращение к основным формам реализации права позволяет прийти к некоторым выводам о самостоятельной ценности правомерного поведения. Прежде всего, на наш взгляд, она заключается в его имплицитном системном единстве с конституционными ценностями более высокого уровня (общеправовые и конституционные принципы, иные ценности), без которого не может быть понята внутренняя логика конституционного текста и осуществлена должная реализация ее норм. Таким образом, конституционное правомерное поведение обладает особенностью, присущей конституционным ценностям и заключающейся, по мнению ряда исследователей, в способности одновременно существовать «в двойном измерении». Это выражается, с одной стороны, в том, что они представляют собой обязательный элемент правовой (формально-нормативной) реальности, составляющую регулятивного механизма позитивного права. С другой стороны, они как элемент психосоциальной действительности отражают установки, те устойчивые представления, которые складываются в сознании индивидов и социальных групп в связи с «...восприятием социально необходимого, полезного, значимого, востребованного, а потому – вмененного, должного». В этом качестве, характеризуя объективные закономерности общественного развития, конституционные ценности (включая и конституционное правомерное поведение) определяют становление и эффективное функционирование позитивного правопорядка¹.

¹ Джагарян, А.А. Джагарян, Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии / А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 31.

Конституционное правомерное поведение проявляет свою аксиологическую значимость и в том, что в режиме on-line актуализирует необходимость создания новых и коррекции существующих правил поведения с учетом особенностей социально-государственного развития. Это связано с тем, что в случае несоответствия правовых установок изменившимся условиям жизни социума у субъектов общественных отношений отсутствует потребность в обеспечении соответствия поведения закону. Таким образом, ценность конституционно-правомерного (добросовестного) поведения определяется также качеством его «эталонной модели» действий в конкретной юридической ситуации, имеющей информирующее значение. Установление несоответствия поведения этой модели выполняет своеобразную сигнальную функцию, свидетельствуя о необходимости ревизии качества закона, принятия мер, корректирующих дефекты правосознания, установления дифференцированных правовых режимов, направленных на обеспечение добросовестности (конституционности) правопользования, и т. д.

В тех случаях, когда данное требование выполняется, обеспечиваются наилучшие условия для проявления ценностного потенциала конституционного правомерного поведения. Оно заключается в возможности достигать конституционных целей правового регулирования с минимизацией затрачиваемых на это ресурсов (в их самом широком понимании), поскольку данный вид поведения представляет собой наиболее лаконичный и эффективный способ решения этой задачи. Таким образом, конституционное правомерное поведение является наиболее эффективной формой реализации правовых норм и способствует экономии средств, необходимых для достижения конституционно желаемого правового результата. Этот процесс, как представляется, не связан с пассионарностью, вызванной идеализированными представлениями о приоритете общественного интереса над личным, и базируется на понимании того обстоятельства, что гарантированность эффективной реализации частных законных интересов находится в зависимости от достижения публично значимых целей. Ак-

туальность конституционного правомерного поведения вытекает из зависимости не только частных интересов от достижения публично значимых целей, но и успешного решения государственных задач от конституционно-правомерного поведения субъектов, а именно: социально-государственное взаимодействие реализуется посредством ряда факторов, к которым относится использование экстракционной возможности политической системы. Указанная возможность предполагает извлечение из общества человеческих, интеллектуальных и иных видов ресурсов, осуществляемое различными способами (политическое рекрутирование посредством привлечения на государственную и военную службу, налогообложение и т. д.). Предоставление ресурсов является необходимым условием существования политической системы, и, значит, осознанное и добровольное выполнение этого требования субъектами общественных отношений свидетельствует об их конституционном правомерном поведении. Однако такая осознанность и добровольность возможны лишь при наличии определенного уровня доверия к государству.

Следовательно, ценность конституционного правомерного поведения заключается и в том, что оно служит своеобразным маркером уровня доверия социума к институтам политической системы, что при эффективности системы мониторинга и функции обратной связи позволяет своевременно корректировать структурные и функциональные характеристики этих институтов в соответствии с потребностями конституционного развития.

Следует заметить, что в ряде случаев понимание значимости конституционно-правомерных действий наиболее отчетливо достигается посредством анализа «антиценности» диаметрально противоположного им противоправного поведения. Так, осознанию ценности конституционного правомерного поведения, заключающегося в добросовестном исполнении должностным лицом своих властных полномочий, способствует обращение к контрценным свойствам коррупции. Коррупционное поведение является фактором деструкции российской государственности в условиях недостаточной устойчивости, «неравновес-

ности» политического режима, социума и всей системы общественных отношений. В связи с этим в юридической науке обращается внимание на необходимость как можно более быстрого формирования такой системы социально-политических сдержек и противовесов, которая не допускала бы обратимости процесса демократизации. Однако не во всех случаях можно выявить антиконституционный потенциал противоправного поведения (как в рассмотренном варианте с коррупцией).

Это, на наш взгляд, обусловлено множественностью и сложностью технологий, используемых в настоящее время для воздействия на процесс конституционного развития. Такое воздействие осуществляется, в частности, посредством действий, направленных как на создание и укрепление, так и на делегитимизацию и деструкцию эффективных социально-государственных институтов и практик, системы конституционных ценностей.

В качестве примера может рассматриваться поведение, преследующее цель социального расслоения общества (антипод конституционного правомерного поведения, основанного на интеграции социума как системообразующего компонента государственности). Исследуя проблему государственной общности, специалисты выделяют несколько уровней идентичности, организованных по принципу «матрешки»: индивидуумная, семейная, социально-профессиональная, национальная и цивилизационная. Как отмечают исследователи, разрушительный процесс воздействия начинается с деструкции цивилизационной идентичности как наиболее «широкой»; в России это выразилось в том, что категория «советский народ» была дезавуирована как «искусственно сконструированное образование». В дальнейшем в действие вступает последовательная и «послойная» дезинтеграция этнического единства, социально-профессиональных стратификаций и института семьи. Смысл этой деятельности, с точки зрения специалистов, заключается в достижении «предельной дисперсии населения», разрушении и инверсии системы ценностных категорий, сложившейся в обществе, и, как следствие, отсутствии возможности эффектив-

ного социального противостояния деструктивным моделям развития, навязываемым извне¹.

Практики, подобные описанной выше, основаны на многофакторном (идеологическом, информационном и т. д.) и многоканальном воздействии, маскирующем их антиконституционную правовую составляющую. Поэтому перевод характеристик такого поведения из идеологической плоскости в юридическую, его адекватная правовая оценка могут быть осуществлены лишь на основе глубокого конституционного правопонимания. Идентификация поведения субъектов, осуществляющих перечисленные действия, в качестве противоправного возможна лишь с позиций восприятия системы конституционных ценностей как основы конституционно-правомерных действий, признания ее в качестве реального, а не формального регулятора социальных отношений.

Данное утверждение находит свое подтверждение в сфере правоприменения, приобретая наибольшую актуальность в условиях судебного, административного и политического усмотрения, присущих конституционному праву². Применительно к рассмотренной выше ситуации это может быть проиллюстрировано на примере усмотрения, необходимость которого следует из использования в законе оценочных понятий (в частности, «агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную рознь, унижающая национальное достоинство», «агитация, при проведении которой осуществляется пропаганда» и т. п.). Таким образом, возвращаясь к рассмотренной выше ситуации, предполагающей принятие решения о правомерности или неправомерности действий, связанных с установлением характера агитации, можно утверждать, что такое решение должно основываться на конституционном понимании баланса общенационального интереса, который заключается в интеграции социума и религиозных традиций той части общества, интересы которой выра-

¹ Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью / В. Якунин, В. Багдасарян, С. Сулакшин. – М., Эксмо, 2010. – С. 188–192.

² Шарнина, Л.А. Категория усмотрения в конституционном праве. / Л.А. Шарнина. – М.: Проспект, 2017. – С. 2.

жает субъект агитации. В том случае, если этот баланс будет достигнут, станет возможной и реализация аксиологического потенциала конституционного правомерного поведения, направленного на достижение тех или иных юридически значимых результатов.

Квалификация поведения в качестве конституционно-правомерного и уяснение его самостоятельной конституционной ценности не могут быть достигнуты исключительно при диагностике формального соответствия правовым предписаниям и буквальном толковании последних. Такой подход означал бы установление соответствия модели поведения только тексту конституционных норм, обладающих высокой степенью абстрактности. Идентификация же конституционного правомерного поведения возможна лишь при соответствии образующих его действий духу Основного закона, в тех случаях, когда вектор поведения субъекта правовых отношений соответствует конституционному направлению социально-государственных преобразований.

Наконец, необходимо отметить, что и сам процесс правотворчества зависит от степени правомерности поведения его «исполнителей», вследствие чего правовой алгоритм достижения какой-либо социальной цели (результата) может быть изначально дефектным и не отвечающим истинным целям конституционного регулирования. Указанная ситуация, в частности, может быть обусловлена недобросовестной лоббистской деятельностью.

Достаточно очевидно, что правовая модель, основанная на конституционно неправомерном способе придания ей легальности и не учитывающая интересы значительной части социума, сможет обеспечить лишь временное и вынужденное следование ей, даже получив законодательное закрепление. Напротив, осуществление правомерной лоббистской деятельности приводит к своевременному созданию либо корректировке закона и обеспечивает его функцию эффективного правового регулятора, что создает условия и предпосылки для реализации аксиологического потенциала конституционного правомерного поведения.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что ценность конституционного правомерного поведения проявляет себя как в правотворчестве, так и во всех сферах реализации права. При этом конституционное правомерное поведение может рассматриваться в двух основных аспектах. Так, с общетеоретических позиций конституционной аксиологии оно представляет собой самостоятельный элемент системы ценностей, принятых в обществе, и находится в системном единстве со всеми другими ее элементами – конституционными ценностями. В качестве самостоятельной конституционной ценности конституционное правомерное поведение является объектом конституционной защиты и охраны и требует обеспечения соответствующими ресурсами (экономическими, правовыми и т. д.). Эффективность этого процесса определяется наличием обратной связи, которая заключается в готовности общества предоставлять (и создавать) необходимые ресурсы в зависимости от степени его доверия к институтам политической системы и их способности обеспечить реальный, а не формальный конституционализм. Это позволяет говорить о том, что конституционное правомерное поведение находится в тесной связи с духом, «нормативной энергией» Конституции РФ, с одной стороны, основываясь на них, а с другой – способствуя их практической реализации.

Однако такой подход к пониманию конституционного правомерного поведения не исключает из его образа инструментальной составляющей. Ценностный потенциал конституционного правомерного поведения реализуется через его возможность как инструмента обеспечивать максимально эффективное достижение конституционных целей правового регулирования с минимизацией затрачиваемых ресурсов.

2.3. Психолого-правовые характеристики конституционно-правомерного поведения

Конституция демократического и правового государства оправдывает свое социальное назначение, удовлетворяет социальные ожидания лишь тогда,

когда ее принципы и нормы претворяются в жизнь, включаются в общественную практику, когда они осуществляются в поведении людей и деятельности их организаций, в общественных отношениях. Это становится возможным при соблюдении одного из важнейших условий эффективности конституционно-правового механизма – обеспечения конституционно-правомерного поведения как представителей властных структур, так и рядовых граждан.

В.О. Лучин и Т.М. Пряхина обоснованно замечают, что недостаточно иметь хорошую Конституцию, необходимо создать условия и механизмы, чтобы она была реальным и действенным фактором общественного развития. При этом ученые особое внимание акцентируют на социально-психологических факторах реализации Основного Закона страны¹. Тенденция к повышению их значимости отмечается в последнее время как в зарубежной, так и в отечественной научно-юридической литературе. В частности, в доктринальных источниках обосновывается необходимость специальных междисциплинарных исследований, позволяющих использовать в конституционно-правовом регулировании инструментарий и методологию неюридических отраслей с целью эффективного мониторинга конституционного законодательства и практики². К числу таких направлений отечественные авторы относят конституционную политологию³, конституционную социологию⁴ и конституционную психологию.

¹ Лучин, В.О. Пряхина, Т.М. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации / В.О. Лучин, Т.М. Пряхина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 132–136.

² Овсепян, Ж.И. О междисциплинарном исследовании в конституционном праве / Ж.И. Овсепян // Вестник СГЮА. – 2013. – № 4 (93) – С. 150–153.

³ См.: Алебастрова, И.А. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие / И.А. Алебастрова; [отв. ред. С. Ю. Кашкин]. – Москва: Юрайт, 2001. – С. 98; Боброва, Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: монография / ред. В.О. Лучин; Н.А. Боброва. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 39–40; Степанов, И.М. Кабышев, В.Т. Фарбер, И.Е. Конституция и политика. / И.М.Степанов, В.Т. Кабышев, И.Е. Фарбер. – М.: Наука, 1984. – С. 30.

⁴ Thornhill, C.A. *Sociology of Constitutions: Constitutions and State Legitimacy in Historical-Sociological Perspective* / C.A. Thornhill – Cambridge University Press, 2013.

«Конституционная психология, – пишет Е.С. Аничкин, – как часть правовой психологии изучает отражение в сознании людей конституции как социокультурного феномена. Предметом ее рассмотрения являются, с одной стороны, психологические аспекты правотворчества в области конституционного права, а с другой – отражение конституционных прав и свобод в психике конкретного человека, конституционное сознание обычного обывателя – средне-статистического субъекта, гражданина»¹.

Конституционная психология, по мнению профессора В.Т. Кабышева, вместе с конституционной идеологией, структурно составляющих содержание конституционного мировоззрения (наряду с конституционной культурой) может быть отнесена к элементам конституционализма². Аналогичной точки зрения придерживается и профессор конституционного права из Университетского колледжа Лондона – Д. Оливер (Dawn Oliver). Рассуждая о психологических основах конституционализма, демократии и публичного интереса (психологическом конституционализме), Д. Оливер выделяет два, на его взгляд, важнейших принципа. Первый принцип: публичный интерес предполагает действия уполномоченных государственных органов во имя общественного блага. Он подразумевает, что общество или население, является достаточно связанной и целостной группой с общими, важными для государства интересами, и все они «обслуживаются» правительством, которое должно осознать, что оно может и должно обслуживать такие интересы. Второй – принцип государственной службы – подразумевает, что от политиков и других государственных служащих вполне реально ожидать служения во благо общественных интересов, а не

¹ Аничкин, Е.С. Каширский, Д.В. Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры / Е.С. Аничкин, Д.В. Каширский // Психология и право. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 130–134.

² См.: Кабышев, В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Ч. 1 // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. – Саратов, 2004. Вып. 5. – С. 13.

их собственных. «В англосаксонском праве существует догма о конституционном строе (механизме, устройстве) – в моем понимании, – пишет автор, – это основной принцип, согласно которому все служащие государственных органов обязаны обеспечивать общие (публичные интересы), а не интересы отдельных лиц, в благосклонности которых они заинтересованы»¹. Таким образом, психологические аспекты рассматриваются в качестве обязательной предпосылки надлежащего правового поведения.

«Конституционное право, как и другие отрасли права, воздействует на человека с целью выработки у него адекватных психологических установок на правомерное поведение, уважение прав и свобод других лиц», – пишет Г.Н. Комкова². Говоря о формах конституционного воздействия на мировоззрение человека и общества, Н.С. Бондарь отмечает: «В результате восприятия человеком конституционных предписаний у него возникают определенные психологические реакции (эмоции, переживания, чувства, настроения, установки и т. д.), характеризующие его отношение к требованиям Основного Закона и являющиеся составной частью конституционно-правовой психологии человека, оказывающей существенное влияние и на мировоззренческие установки субъектов правовой жизни»³.

Рассматривая конституционную психологию как социально-правовое явление, характеризующее конституционно-психологическое состояние общества на конкретном этапе конституционно-правового развития государства, М.Т. Габдуалиев полагает, что ее изучение позволяет установить влияние социально-психологического состояния общества на происходящие конституционные процессы в стране, установить причины и закономерности данного процес-

¹ Dawn, O. Psychological constitutionalism / O. Dawn // Cambridge Law Journal. – 2010. – № 63. – P. 639-675.

² Комкова, Г.Н. Воспитательная функция российской Конституции / Г.Н. Комкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 107.

³ Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. / Н.С. Бондарь. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 31.

са, определить детерминирующие начала действий и решений органов власти и должностных лиц¹.

Добавим, что в качестве объекта познания конституционной психологии как междисциплинарного направления выступают индивидуальные и коллективные субъекты, которые: 1) имеют или осуществляют общественно-политические функции; 2) посредством неформализованного (неправового) поведения проявляют реакцию на действия органов публичной власти, либо осуждая (отвергая), либо одобряя их.

Терминологическое сочетание «конституционная психология» связано с конституционной идентичностью и не может рассматриваться в отрыве от государственной традиции, конституционно-правовых культуры и правосознания².

В качестве методологической основы, сближающей конституционную психологию и юридические исследования, предлагается использовать интеграцию деятельностного и поведенческого подходов. Указанная методологическая вводная продиктована тем, что как в отечественной психологии, так и в советско-российской правовой теории основным являлся исключительно деятельностный подход, который основан на материалистической марксистско-ленинской модели. Он предполагает, что основой происходящих политико-правовых процессов выступают человеческая деятельность с вектором «мотив-цель» и результат такой деятельности.

Естественно-правовая направленность Конституции России 1993 года повлекла значительные изменения не только в государственном устройстве, но и в понимании права как одного из основных регуляторов человеческого поведе-

¹ Габдуалиев, М.Т. К вопросу о категории «Психология» в науке конституционного права / М.Т. Габдуалиев // Вестник СГЮА. – 2014. – №1 (96) – С. 51–53.

² Ряховская, Т.И. Конституционная психология – внеправовая составляющая категории конституционная идентичность России / Т.И. Ряховская // Современные проблемы государства и права: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). Новосибирск, 10 декабря 2020 / [Под ред. Р.А. Прощалыгина]; АНОО ВО Центросоюза РФ «СибУПК». – Новосибирск, 2020. – С. 73–76.

ния. Естественно-конституционные свободы и позиционирование человека как высшей ценности обозначили отход от понимания права исключительно как социального явления, носящего внешний и нейтральный характер и противопоставляемого личным интересам человека. Конституционное правопонимание все большее презюмирует существующую в человеке направленность поступать определенным образом (а точнее, в соответствии с конституционными нормами и принципами) и быть способным принимать на себя ответственность за пользование конституционными правами. В свою очередь это требует новых концептуальных подходов к регулированию общественных отношений.

Исходя из этого, можно предполагать, что интеграция деятельностного и поведенческого подходов в правовых исследованиях позволит более всесторонним образом подойти к формулированию понятий правосознания и такого его специфического вида, как конституционное правосознание; более глубокому пониманию категории конституционной культуры, а также таких психических переменных, как доверие¹ (в частности, к Конституции) и ожидания (например, конституционные²). Очевидно, что имеется насущная потребность не только в правовом, но и в психологическом анализе ряда конституционно-политических категорий (участие в управлении делами государства, общественное участие, правомерный политический протест и ряд других). Необходимо как уяснение мотивов участия людей в конституционно-правых процессах, так и уяснение смысловой структуры самих конституционных правоповеденческих моделей с позиции их субъектов, потребностей, удовлетворяемых в ходе реализации таких моделей, целей, конституционных ценностей, конституционных идеалов, благодаря которым отдельные индивиды или груп-

¹ Арапов, Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Арапов Никита Александрович. – СПб., 2015. – С. 18.

² Кабышев, В.Т. Конституционные ожидания / В.Т. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 25–26.

пы становятся частью заданного конституционно-политического целого, идентифицируют себя с ним.

Взаимоотношения между личностью, обществом и государством как предметная область конституционного права допускают этическую оценку политических институтов и процессов, уяснение неюридического, но связанного с конституционным смыслом политико-правовых категорий, таких как власть, свобода, равенство, справедливость, права человека, государство и т. д. Не менее важным является и выявление социальных основ власти, влияния конфликтов между социальными группами, формальных и неформальных структур, методов руководства на процессы формирования поведения субъектов правовых отношений. Поэтому конституционная психология как междисциплинарное направление исследований в конституционном праве может дополнить анализ конституционно-правомерного поведения.

Правомерное поведение в конституционном праве – это правовая реальность и правовая абстракция, которая неразрывно связана с конституционной психологией. Конституция России являет собой воплощение объективно-субъективного права, где человеку и гражданину отводится решающая роль в проявлении её действия, а сам индивид, его права и свободы поставлены в центр конституционных отношений. Реальная жизнь норм Конституции Российской Федерации проявляется в юридически значимом поведении людей после того, как конституционные установления прошли через их сознание. При этом, в идеале, социально-психологическое проявление Конституции выражается в уважении к ней и признании ее как правовой основы стабильности и единения человека, государства и общества.

К сожалению, российская действительность не позволяет говорить о том, что положения Конституции РФ занимают достойное место в массовом общественном сознании¹, равно как и с сожалением следует признать проявления

¹ Накануне двадцатичетырехлетней годовщины принятия Основного Закона страны Левада-Центром был проведен социологический опрос, по результатам которого 63% респондентов

конституционного нигилизма со стороны высших органов государственной власти, а временами попрание конституции главой государства, как это имело место в Указе Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»¹. «Психология пренебрежения к Конституции и антиконституционного поведения, выработанная за долгие годы работы в партийных аппаратах, была выше для тогдашнего Президента, чем необходимость подчиниться Основному Закону»². «В нашей стране одна из самых демократических конституций мира – «сталинская» Конституция СССР 1936 г. – сочеталась с «большим террором» 1937–1938 гг., а многократно поправленная Конституция РСФСР 1978 г. была напрямую проигнорирована и нарушена Президентом РФ Б.Н. Ельциным в сентябре – октябре 1993 г. при досрочном прекращении деятельности Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ»³, что является примером формально правомерного, но антиконституционного поведения.

Конституционная психология призвана исследовать связи между такими политико-юридическими явлениями, как народовластие (ст. 3 Конституции РФ), государственная власть (ст. 11 Конституции РФ), и психологическими феноменами, определяющими поведение субъектов правовых отношений. Механизм власти, пишет профессор В.Т. Кабышев, включает в себя инструменталь-

сообщили, что читали указанный документ, однако только 11% опрошенных «довольно хорошо» помнят содержание российской Конституции Левада-Центр. Опрос «День Конституции» Официальный сайт аналитического центра Юрия Левады: Левада-Центр. // URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения 18.12.2021)

¹ Указ Президента от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – 23 сентября. – 6 октября.

² Авакьян, С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 6.

³ Аничкин, Е.С. Матаева, М.Х. Конституционная психология в российской среде / Е.С. Аничкин, М.Х. Матаева // Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е.С. Аничкина, А.А. Васильева, Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой. – Барнаул, 2018. – С. 187–189.

ную (институциональную) и социально-психологическую составляющие¹. Обозначенные механизмы имеют взаимное влияние. Практика доказала, что никакие политико-правовые явления не могут произойти без акцентуации психологических феноменов. В свою очередь, такие явления непреодолимым образом модифицируют под себя психологию человека и общества. При этом желаемая модель общественных отношений возможна только в случае гармонии между этими двумя механизмами.

Как уже было отмечено, центральным объектом конституционной психологии выступает человек в его взаимодействии с перечисленными выше видами власти: проектирующий власть, осуществляющий власть, поддерживающий власть, повинующийся или не повинующийся власти. Такое взаимодействие, которому периодически подвержен каждый индивид, вызывает у него специфические мысли, чувства, переживания и побуждает к реальным поступкам – действиям, формируя специфическую психологию конституционно-правового поведения (правомерного, неправомерного, отклоняющегося).

В рамках конституционной психологии как интегративного направления теоретико-прикладных, в том числе конституционно-правовых исследований, могут быть объединены дискуссионные и разграничиваемые профессором В.Т. Кабышевым такие понятия, как «психология власти» и «психология властвования». В первом случае речь идет о явлениях власти в статике: системе конституционных и внеконституционных органов власти; политико-юридическом характере принимаемых этими органами актов; социально-психологической характеристике лиц, обладающих властными полномочиями, и т. д. Во втором – о процессе осуществления власти и ее психологическом воздействии на управ-

¹ Кабышев, В.Т. Народовластие – определяющая основа конституционного строя России: реалии, тенденции развития / В.Т. Кабышев // Конституционные проблемы народовластия в современном мире: Материалы VI Международного конституционного форума, посвященного 105-летию Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (12 декабря 2014 г., Саратов). Вып. 6. ч. 1: сборник научных статей. – Саратов, 2015. – С. 106.

ляемых; о социально-психологической характеристике мотивации поведения властвующих и участвующих во власти¹.

В связи с этим заметим, что конституционная психология может рассматриваться, по меньшей мере, в двух аспектах: 1) как социально-правовое явление, характеризующее конституционно-психологическое состояние общества на конкретном этапе конституционно-правового развития государства, позволяющее установить влияние социально-психологического состояния общества на происходящие конституционные процессы в стране, установить причины и закономерности данного процесса, определить детерминирующие начала действий и решений органов власти и должностных лиц; 2) как конструкт конституционных политико-правовых явлений, где ясны формулы, взаимодействие элементов и понятно содержание структуры политических событий по типу идеализации: «как это должно быть». В данном аспекте конституционная психология как вариант психологии позитивной политики – это описание конституционно-желаемого государства, отношения власти и общества, баланса свободы и власти.

Использование конституционной психологии позволяет исследовать ощущение сопричастности, в значительной мере определяющее вовлеченность населения в конституционно-правовые процессы народовластия; фактическое отражение правовых ценностей свободы, равенства и справедливости в сознании субъектов, а также вызываемые ими эмоции и побудительные мотивы, которые во многом определяют дальнейший вектор поведения. Поэтому спектр исследования социально-психологического механизма действия Конституции РФ весьма обширен и располагается в различных плоскостях: от субъективных ощущений индивидом ценности своих конституционных прав и свобод до конституционного мышления и правосознания.

¹ Кабышев, В.Т. Психология власти в системе конституционного строя России: конституционное измерение / В.Т. Кабышев // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. – Саратов, 2009. Вып. 10. – С. 16.

По мнению исследователей, в результате взаимодействия государства, в лице его властных структур, и личности могут сформироваться три основных модели отношений, каждая из которых имеет свои психологические основания¹. Первая модель в своей основе имеет «усмотрение» властителя, основанное на присущем ему понимании и эталоне справедливости. Отношения между властвующим лицом и гражданами выстраиваются на следующих психологических основаниях: 1) страх применения насилия; 2) зависимость гражданина от властвующего лица; 3) традиция, которая упрочивает сложившиеся стереотипы социальных ролей гражданина и государственного человека; 4) авторитет властителя. Вторая модель – модель отношений гражданина и государства, основанных на субъективном праве, характер реализации которого зависит от воли и сознания субъекта. Отношения между законом и гражданином выстраиваются на следующих психологических основаниях: 1) декларируется, что законное решение чиновника есть критерий справедливости; 2) картина мира гражданина, которой определяется его понимание государственных и гражданско-правовых институтов, должна задаваться правом; 3) юридические нормы имеют приоритет перед социальными; 4) справедливость с требованием дифференцированного назначения наказания, выносимого чиновником; 5) представление об обеспечении действенности закона рыночными механизмами. Третья модель – модель отношений гражданина и государства, основанных на объективном праве. Объективное право – право, характер реализации которого не зависит от воли и сознания субъекта. Отношения между законом и гражданином выстраиваются на следующих психологических основаниях: 1) закон как критерий справедливости; 2) известность и понятность закона для гражданина; 3) соответствие закона этническим традициям, правилам, ценностям, существующим в обществе; 4) действие закона в государстве должно быть одинаковым для всех

¹ Мезенцев, Д.Ф. Забарин, А.В. Психолого-политические модели взаимодействия гражданина и государства / Д.Ф. Мезенцев, А.В. Забарин // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – С. 598.

граждан; 5) закон должен быть действенным, а не представлять собой формальные установления.

Современная конституционная реальность характеризуется сочетанием всех трех моделей. Однако вопрос в том, какая из них является наиболее предпочтительной, конституционно (идеально) желаемой и какая фактически преобладает на том или ином этапе развития государства. Таким образом, та или иная институционализация в конституционном праве непосредственно связана с состоянием ментальной сферы социума и определяется адекватностью отражения в ней правовых институтов, формированием соответствующих правовых представлений о законности, субъективных правах и юридических обязанностях, легитимности государственной власти, правосудии¹.

Понимание психологических аспектов действий (бездействия) участников правовых отношений предопределяет возможность прогноза их поведения, а возможность их целевой результативной корректировки, соответственно, обуславливает реальную возможность обеспечения конституционно-правомерного поведения.

Авторы наиболее популярных концепций американской «гуманистической психологии» А. Маслоу² и Дж. Дэвис писали о «...политически значимых, ... метафизических и не нацеленных на выживание (meta-survival) потребностях, которые побуждают людей стремиться к равенству, достоинству и власти»³. Основными потребностями личности являются потребность в равенстве, свободе, справедливости, в многоаспектном их проявлении. Обеспечение потребностей входит в предмет конституционно-правового регулирования и во-

¹ Абдурахманова, И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Абдурахманова Ирина Вениаминовна. – Ростов-н/Д., 2009. – С. 3.

² Maslow, A.H. *Motivation and Personality*. / A.H. Maslow – N.Y., 1954. – P. 10.

³ Davies, J.Ch. *Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals* / J.Ch. Davies // *Political Psychology*. – 1991. – Vol. 12. – № 3. – P. 416–417.

площадется в принципах конституционно-правового положения человека и гражданина, под которыми понимаются исходные начала статуса личности, ее места в обществе и государстве¹. Поэтому в контексте правомерного поведения необходимо обратить внимание на понятие «*нормативных мотивов поведения*», предполагающих ориентацию на поощряющие то или иное поведение групповые нормы².

Мотив призван удовлетворять определенные потребности, поэтому можно считать, что потребность формирует мотив; в то же время между ними не следует ставить знак равенства. Помимо потребности, возникновение мотива зависит от эмоции, идеи, цели, органического состояния, а иногда и влияния «...внешней экономической, политической, социальной, специфической правовой среды, ... которая оказывает сопротивление некоторым видам правовой активности, иногда показывая свою способность вообще делать невозможной ту или иную разновидность поведения,... или наоборот, поставлять человеку благоприятные, поощряющие его в правовых побуждениях импульсы и условия»³.

Мотивы всегда призваны ответить на вопросы: ради чего реализуется поведение или поступок? на удовлетворение какой потребности они направлены? Соответственно, ответы на обозначенные вопросы составляют смысл поведения или поступка. Однако парадокс заключается в том, что одни и те же мотивы могут породить совершенно разные типы поведения – как истинно правомерное, так и диаметрально противоположное ему. Еще один важный момент, на который хотелось бы обратить внимание, – формализация мотивов, которая происходит при их использовании для обоснования прав и обязанностей, су-

¹ Авакьян, С.А. Основы и принципы конституционно-правового положения человека и гражданина в Российской Федерации / С.А. Авакьян // Современное общество и право. – 2010. – № 1. – С. 3–8.

² Ricker, W.H. Ordeshook, P.C. A theory of the calculus of voting / W.H. Ricker, P.C. Ordeshook // Amer. polit. science rev. – Wash., 1968. – Vol. 62 – P. 25-43

³ Арановский, К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде / К.В. Арановский // Правоведение. – 2002. – № 1 (240). – С. 41–45.

дебных, административных и законодательных решений. Дело в том, что «...логически и этически недействительные, ложные утверждения и заблуждения, призраки врага и чувства вражды или, например, социалистическое воодушевление, направленное по неверным целям и адресам...мотивируют реальное поведение. В этом смысле любые ценности, идеи, принципы и цели действительны своими мотивационными эффектами и результатами в поведении, всё равно, верны они логически или нет»¹.

Основным фактором, относящим тот или иной поступок к правомерному или неправомерному, будет выступать оценка со стороны правового регулирования. Для нас представляют интерес мотивы повиновения власти и связь мотивационной системы с потребностями социального и политико-правового существования людей, и то, как такие потребности функционируют в сфере конституционной психологии, какую роль они играют.

Повиновение публичной власти связано с рядом корреспондирующих конституционных принципов, которые носят объективно-субъективный характер: принципом уважения личности (человеческого достоинства – ч. 1 ст. 21 Конституции РФ), уважения прав человека со стороны государства, а также с принципом поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые находятся во взаимосвязи. Повиновение как вид конституционно-правомерного поведения строится на довольно сложной гамме чувств: от страха до фанатичного поклонения. Если в основу общественного доверия положены правомерные ожидания, то для общественного повиновения доминирующим должно стать ощущение причастности как к осуществлению власти, так и к общим национальным идеям, общей воле. Именно через ощущение сопричастности минимизируется доминанта страха наказания за неповиновение,

¹ Арановский, К.В. Князев, С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. Монография / К.В. Арановский, С.Д. Князев – М.: Изд-во «Проспект», 2015. – С. 2–3.

и повиновение переходит в состояние добровольного. Речь идет о власти общества над самим собой.

Еще один вопрос, на котором следует остановиться, – это разработка системы *психолого-правовых оснований правомерного поведения в конституционном праве*. Представляется, что такая система может включать в себя следующие смыслообразующие элементы.

1. *Конституционно-правовая идеология*. Основой данного элемента выступает идеологическая система, связанная с социальным целеполаганием. Набор идеологических компонентов едва ли может быть представлен исчерпывающим перечнем, поскольку сам термин «идеология» со времен его родоначальника Антуана Дестют де Траси¹ за период его научного и практического употребления претерпел существенные изменения. Многообразие определений проанализировано и систематизировано британским философом Т. Иглтоном (Т. Eagleton), который классифицировал существующие определения идеологии следующим образом: 1) способ наполнения смыслом и значением элементов и ценностей в общественной жизни; 2) основа для идей соответствующих социальных групп или классов; 3) идеи, которые помогают узаконить доминирующую политическую власть; 4) ложные (ошибочные) идеи, которые помогают узаконить доминирующую политическую власть; 5) систематически (методически) искажаемая информация; 6) самостоятельный предмет исследования; 7) формы интеллектуальной мотивации общественного интереса; 8) мировоззренческая идентификация; 9) социально необходимая иллюзия; 10) конъюнктура власти и соответствующего дискурса; 11) среда, в которой социальные акторы осознают смысл окружающего их мира; 12) ориентированный на действия набор убеждений (верований); 13) смешение языковедческого (лингвистического) существа и феноменологической действительности; 14) предмет семиотики; 15) необходимая среда, благодаря которой индивидуумы идентифицируют себя

¹ Иванова, А.С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях / А.С. Иванова // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 146–148.

с соответствующей социальной структурой; 16) процесс, благодаря которому социальная жизнь преобразуется в естественную действительность¹.

В работах многих современных исследователей отмечается, что отсутствие четко сформулированной государственной идеологической доктрины, в основу которой положена национальная идея, является одной из основных проблем современной России. Не прекращаются дискуссии относительно необходимости или, напротив, недопустимости нормативного влияния государственной власти на формирование морально-нравственной сферы бытия граждан, а также степени проникновения публичной власти в частную жизнь². Проблемы общенациональной идеологии в центре внимания философов, политологов, социологов³, а также представителей государственно-правового научного направления⁴. Разрабатывается и концепция конституционной правовой идеологии, под которой В.Ю. Мельников предлагает понимать систему конституционных ценностей, основанную на признании личности, ее прав и свобод высшей ценностью и признающую за ней право на идеологическое многообразие, защиту интересов государства. Это вытекающие из смысла и содержания норм Консти-

¹ Eagleton, T. *Ideology: An Introduction*. / T. Eagleton – Verso; London – New York, 1991. – P. 1–2.

² Гаджиев, К. Конец или возрождение идеологии? / К. Гаджиев // *Свободная мысль*. – 2016. – № 1. – С. 93–104; Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон // *Логос*. – 2005. – № 6(51). – С. 182–205.; Белл, Д. Иноземцев, В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. / Д. Белл, В.Л. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.; Bell D. *The end of ideology* / D. Bell – Glencoe, 1988. – P. 409–447.

³ См.: Лотарев, К.А. К вопросу интерпретации и поиска идеологии: возможности консерватизма в условиях идеологической конвергенции в современной России / К.А. Лотарев // *Философия права*. – 2016. – № 3(76). – С. 34–41; № 4(77). – С. 99–106; Красин, Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма / Ю.А. Красин // *Вестник Института социологии*. – 2015. – № 12. – С. 34–59; Лотарев, К.А. Консерватизм как консолидирующая идеология: возможности и перспективы в современной России / К.А. Лотарев // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – 2015. – № 12 (62). – Ч. 3. – С. 87–91; Волков, Ю.Г. Добренников, В.И. Нечипуренко, В.Н. Попов, А.В. Социология: учебник / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с.; Кузнецов, В.Н. Социология идеологии: учебное пособие / В.Н. Кузнецов. – М.: Норма, 2007. – 403 с.

⁴ Хабибулин, А.Г. Рахимов, Р.А. Идеологическая деятельность государства и идеология государственности / А.Г. Хабибулин, Р.А. Рахимов. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД

туции Российской Федерации воззрения, идеи, представления о базовых основах существования, взаимодействия и развития общества и государства в условиях становления правового, демократического государства¹ либо совокупность ценностей, теорий, представлений, обеспечивающих утверждение в обществе норм правомерного поведения, сочетание интересов гражданского общества и государства, общественных объединений и государства, гражданина и государства². Другой автор – С.Н. Хорунжий – полагает, что реализация идеологической функции возможна в контексте реализации полномочий не только со стороны органов государственной власти, но и со стороны функционирования институтов гражданского общества, а также отдельных индивидуумов как самостоятельных и заинтересованных субъектов общественных отношений. Условием для подобной легитимации государственной идеологии выступает необходимость правовой фиксации баланса интересов общества и государства в качестве конституционно защищаемой ценности. В противном случае, пишет автор, идеологическая функция государства «поработит» общественные интересы, достоинства личности, проявит прочие исторически известные и негативные формы своего выражения, обретет исключительно схоластическое содержание в виде государственной пропаганды³.

Таким образом, «оппозиционный» подход, согласно которому конституционный текст не должен рассматриваться как система идей, поскольку, в соответствии со ст. 13 Конституции РФ, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, является несостоятель-

России, 1998. – С. 2, 69; Якунин, В. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход / В. Якунин // Власть. – 2007. – № 3. – С. 3–12.

¹ Мельников, В.Ю. Конституционная правовая идеология государства – основа национальной идеи? / В.Ю. Мельников // Наука и современность. – 2015. – № 3(5). – С. 83.

² Барциц, И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. / И.Н. Барциц – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – С. 87–97.

³ Хорунжий, С.Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей / С.Н. Хорунжий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – № 2. – С. 45–56.

ным. Подобная трактовка п. 2 ст. 13 Конституции, с точки зрения конституционной психологии, отрицает одну из фундаментальных основ существования суверенной политической системы. Такое понимание, на наш взгляд, является исключительно формальным, так как именно конституционные положения (нормы-декларации, нормы-цели) являются текстуальным выражением существующей системы ценностей и в этом качестве не могут не предопределять характера действий (нормы-принципы, нормы-запреты, обязывающие нормы), направленных на их реализацию.

Поправки в Конституцию 1993 года усилили идеологическую составляющую ее текста и задали новый вектор поиска философско-правовых смыслов российской конституционной идентичности. В главу третью «Федеративное устройство» Конституции Российской Федерации внесен комплекс изменений, касающихся вопросов общероссийской государственной идентичности и гарантий ее сохранения и защиты (ст. 67, ч. 21; ст. 671; ст. 68, ч. 1 и 4; ст. 69, ч. 2 и 3; ст. 791). Конституционный текст дополнен, в том числе, положениями о запрете на отчуждение части территории Российской Федерации и о недопустимости призывов к таким действиям, об исторически сложившемся государственном единстве Российской Федерации, о почитании памяти защитников Отечества и защите исторической правды, о признании детей важнейшим приоритетом государственной политики России и создании государством условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, об обеспечении приоритета семейного воспитания и принятии государством на себя обязанностей родителей в отношении детей, оставшихся без попечения, о государственном языке Российской Федерации – русском языке как языке государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации, и о признании культуры уникальным наследием многонационального народа России, о защите культурной самобытности всех народов и этнических общностей Рос-

сийской Федерации, о поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, о принятии Российской Федерацией мер по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства.

Как отмечается в Заключении Конституционного Суда РФ, в связи с запросом Президента Российской Федерации¹ включение данных положений в текст Конституции Российской Федерации не может рассматриваться как несовместимое с положениями глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации, в частности ее статей 1, 13, 14, 28 и 29, поскольку, будучи призванными отразить содержательную направленность и конституционно-правовые условия деятельности органов государственной власти Российской Федерации и в значительной степени – субъектов Российской Федерации, предлагаемые нормы носят неполитический, надпартийный и внеконфессиональный характер и не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию, изменяющие принципы плюралистической демократии и светского характера Российского государства, вводящие какие-либо недопустимые с точки зрения глав 1 и 2 Конституции Российской Федерации ограничения прав и свобод человека и гражданина и вмешательство в них.

Таким образом, следует признать, что конституционно-правовая идеология, при условии, что она характеризуется целостностью, иерархичностью, способностью к активному преобразовательному воздействию и сочетает в себе

¹ Заключение о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/decision/pages/default.aspx> (дата обращения 28.12.2021)

позитивно-созидательный и негативно-отрицающий потенциал¹, является одним из элементов механизма воздействия конституционных ценностей на правомерное поведение субъектов конституционно-правовых отношений. В этом случае она способна выполнять информирующую и одновременно ориентирующую функцию, осуществляя усвоение содержания правовых норм, его систематизацию с позиций ценностной значимости, формирование правовых установок², трансформирующихся в последующем в конституционное правомерное поведение индивидов и их общностей.

В юридической доктрине обоснованно замечается, что национальная правовая идеология неизбежно испытывает влияние глобализационных процессов, планетарных общечеловеческих ценностей и стандартов. Однако в ее основе должны лежать национальные, а не импортированные традиции и менталитет, поскольку копирование заимствованных теорий и практик развития не способно обеспечить их адекватное восприятие субъектами общественных отношений в качестве основы или стимула правомерного поведения. Указанное обстоятельство подчеркивали многие известные государствоведы: так, по утверждению О.Э. Лейста, право, желающее быть эффективным, не должно находиться в состоянии постоянного конфликта с моральными, религиозными и иными общепризнанными ценностями данного общества и его традициями³.

Как уже было отмечено выше, идеологическая компонента самым тесным образом связана с целеполаганием. В процессе политико-правовой деятельности целеполагание формируется на общественном уровне посредством идеологии. Признаваемая на государственном уровне идеология в системе отношений субъектов гражданского общества между собой, с государством, в межгосудар-

¹ Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью / В. Якунин, В. Багдасарян, С. Сулакшин. – М., Эксмо, 2010. – С. 173–175.

² Личность и уважение к закону: Социологический аспект / под ред. Кудрявцева В.Н. – М.: Наука, 1979. – С. 25–30.

³ Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: учебное пособие / О.Э. Лейст. – Москва: Зерцало-М, 2011. – С. 112.

ственных отношениях, во-первых, воплощает в себе систему различных идеалов (как светских, так и религиозных); во-вторых, формирует и аккумулирует систему объединяющих человека, государство и общество смыслов, стремлений, представлений о человеке как о личности, восприятие и оценку человеческих поступков и ситуаций как правомерных или неправомерных, а также поведенческих стереотипов. Если такого рода смыслы усвоены гражданами в процессе политической социализации, то можно говорить о сформировавшейся основе лояльного отношения и приверженности существующей политико-правовой системе государства.

2. *Конституционные символы.* Посредством символов, символических образов и смыслов происходит передача опыта прошлого и моделирование будущего человеческого бытия. Символические модели составляют основу развития людских сообществ, с их помощью создаются, разрушаются и модифицируются государство и общество, обеспечивается связь времен и поколений в осмысленное целое, воспитывается дух гражданственности и патриотизма.

Символическому измерению конституционализма и символическому значению конституций в мировой теории и практике уделяется значительное внимание. Вопрос о разграничении «конституции-символа» и «конституции-инструмента» поднимался в англо-саксонской литературе XIX века и связан с историческими особенностями английской модели неписаной конституции и прецедентного права. Практическое значение символического измерения было сформулировано президентом Американской ассоциации политологии Эдуардом Сэмюэлом Корвином (E.W. Corwin) относительно соотношения действий правительства в период реформ Ф. Рузвельта с фундаментальными конституционными ценностями и принципами Конституции, заложенными в нее отцами-основателями, и в ответе на вопрос: в какой степени они могут быть модифицированы с учетом изменившейся социальной обстановки¹?

¹ Corwin, E.S. The Constitution as Instrument and as Symbol / E.S. Corwin // Corwin on the Constitution. – Vol. 1–3. Ithaca; London. – 1981–1988. – Vol. 1.

По мнению А.Н. Медушевского, расхождение и противоречие двух параметров измерения конституционализма – символического и инструментального – ведет к конфликту позитивного права и представлений общества о социальной справедливости и порождает феномен конституционной цикличности, который прослеживается в смене трех фаз: отказа от старого Основного закона (деконституционализация); принятия нового (конституционализация); изменения новой конституции и законодательства под воздействием изменившейся социальной реальности (реконституционализация)¹.

Специфика природы символов заключается в множественности их интерпретации и многовариантности прочтений. Символическая система российского конституционализма достаточно многообразна: 1) символы, олицетворяющие конституционную систему государственности (государственные столица, символы, праздники и траур, награды, язык, присяга, церемонии, способы увековечения выдающихся в истории государства лиц и событий)²; 2) символы легитимности государственной власти³; 3) национальные реликвии, утратившие свое политическое значение (например, шапка Мономаха, хранящаяся в Оружейной палате Московского Кремля). 4) национальные символы-добродетели и другие.

Отмечается и символический характер самой российской Конституции⁴: во-первых, ее *текст*, который Г.А. Гаджиев рассматривает как систему знаков и символов, вызывающих ассоциацию с юридическими концепциями, как док-

¹ Медушевский, А.Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества / А.Н. Медушевский // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 3. – С. 44–55.

² Сазонникова, Е.В. Статус объектов, олицетворяющих конституционную систему государственности / Е.В. Сазонникова // *Российский юридический журнал*. – 2009. – № 5. – С. 106–109.

³ Поярков, С.Ю. Идеология легитимности российской государственной власти / С.Ю. Поярков // *Право и политика*. – 2009. – № 5. – С. 968–970.

⁴ Авакьян, С.А. Конституция как символ эпохи. В 2 т. / под ред. С.А. Авакьяна. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 256–265.

тринальными, так и судебными¹; во-вторых, специально изготовленный единственный экземпляр официального текста Конституции Российской Федерации, на котором Президент Российской Федерации приносит присягу, является одним из *символов президентской власти*. В данном случае *символический характер носит и действие по передаче* этого экземпляра Конституции вновь избранному Президенту наряду со Штандартом Президента и Знаком Президента (орденом «За заслуги перед Отечеством I степени» с орденской цепью) во время процедуры вступления в должность; в-третьих, конституция – закон, обладающий таким очевидным свойством, как «высшая юридическая сила», безусловно, является символическим объектом, присутствие которого где бы то ни было может служить знаком правового порядка. В данном случае печатное издание Конституции России выступает символом незнакомой природы и «...обозначает абстрактное понятие через конкретный объект, свойство которого настолько хорошо известно, что ассоциация с ним дает возможность точно представить и символизированное им абстрактное понятие, сделать его предельно наглядным².

Социально-психологическая роль конституционных символов проявляется в их ценностно-смысловом, информативном, идеологическом и ином юридически значимом воздействии на субъекты конституционно-правовых отношений. Функция символов состоит в том, чтобы способствовать установлению и поддержанию социального единства и социальной консолидации, институционализировать национально-государственные интересы, духовные ценности, легитимно включать их в ценностно-нормативный контекст и политическую

¹ Гаджиев, Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – С. 188–191.

² Батурич, Ю. Конституция как инсигния и символ правового порядка / Ю. Батурич // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 4–6.

стратегию государства, тем самым гармонизируя их¹ и формируя предпосылки правомерного поведения в политико-правовой сфере.

3. Конституционное правосознание.

Каждая принятая конституция привносит нечто новое в организацию власти, обустройство общества, в права личности, оказывает формирующее воздействие на общественное и индивидуальное сознание. Положения конституции в результате их восприятия отдельными индивидами становятся элементом их конституционного правосознания, неотъемлемой частью их психологии и, воздействуя на потребности, интересы, цели человека, способствуют выбору участником конституционно-правовых отношений наиболее приемлемого для общества варианта поведения. Наряду с проблемой правопонимания, проблема познания правового сознания относится к разряду ключевых и наиболее общих проблем правоведения, независимо от их национальной принадлежности. Понятие «правосознание» используется в теории права и юридической психологии для обозначения внутренней сущности субъектов юридически значимого поведения. Отечественная юриспруденцией правовое сознание как институт общей теории права достаточно хорошо и разносторонне разработано и включает в себя как основы общей теории правосознания, так и глубоко изученные понятие, сущность, структуру, функции, виды и уровни правового сознания, диалектику его формирования и развития, взаимосвязь с другими явлениями правовой действительности, виды, причины и пути преодоления его деформации.

Понятие «конституционное правосознание» относительно недавно стало предметом самостоятельных исследований, что связано с трансформационными процессами нормативных и институциональных изменений правовой системы. Тем не менее за относительно недолгий период научного внимания к указанной

¹ Акмалова, А.А. Капицын, В.М. Роль знаков и символов в обеспечении социального единства / А.А. Акмалова, В.М. Капицын // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – С. 35–40.

проблематике можно говорить о начале формирования новой для российской юридической науки концепции конституционного правосознания, а также представить в обобщенном виде некоторые промежуточные итоги этого процесса.

1. Как более высокий тип правосознания, конституционное правосознание характерно для индустриальных и постиндустриальных обществ нового и новейшего времени, а также формирующегося информационного общества. Развитие конституционного правосознания хронологически связано вначале с распространением демократических ценностей и идеала прав человека, уважением к конституции страны, признанием необходимости широкого политического участия граждан в управлении делами государства. Затем эта связь обусловлена изменением факторов, играющих роль детерминанты развития государства и права и переходом к «информационной» парадигме их эволюционирования. Происходящие «метаморфозы» в правосознании вызваны доступностью правового массива и массива судебной практики за счет использования информационных технологий и сети Интернет, которые в свою очередь становятся серьезным инструментом, способным коренным образом изменить существующие демократические институты.

2. Конституционное правосознание, являясь особым, отраслевым видом правосознания, представляет собой совокупность идеологических и психологических структурных элементов, включающих взгляды, оценки, установки, представления, отношения личности к целям и принципам конкретного государства и общества, реального состояния основных прав и свобод человека, действующей правовой системы, в том числе органов государственной власти, форм и методов их деятельности. Это самостоятельный элемент механизма эффективной реализации прав личности, основанный на познании и осознании необходимости прямого действия норм Конституции Российской Федерации, который проявляется в процессе формирования правового пространства России

и активного участия граждан в правотворческом и правоприменительном процессе¹.

3. Статус конституционного правосознания как ведущей формы правового сознания обусловлен в первую очередь значимостью общественных отношений, опосредуемых и регулируемыми нормами конституционного права, составляющими предмет его отражения. Во взаимодействии позитивного права и конституционного правосознания последнее рассматривается в качестве: 1) идеального источника формирования конституционно-правовых норм; 2) фактора, оказывающего прямое влияние на эффективность процесса реализации конституционно-правовых норм; 3) результата воздействия последних на индивидуальное и общественное сознание².

4. Конституционное правосознание имеет двойственный характер, так как оно формируется на стыке правового и политического сознания, соединяя их компоненты – идеи о власти, властеотношениях, роли государства в регулировании общественных, в том числе экономических, отношений и идеи о праве, правовом регулировании – в единое целое. Данный тип правосознания предполагает целый ряд аспектов правового и политического осознания действительности, включая восприятие ценностей демократического обновления власти, консенсуальной демократии, принятие принципов сотрудничества и соперничества различных политических сил в борьбе за власть; понимание значения различных конституционных средств защиты прав и свобод, умение их использовать для устранения нарушений или восстановления нарушенного права³.

¹ Никитяева, В.В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Никитяева Вера Владимировна. – Волгоград, 2002. – С. 4–5.

² Баринов, Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Баринов Эмиль Эдуардович. – Ростов-н/Д., 2001. – С. 10–11.

³ Кравец, И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) / И.А. Кравец. – Москва: Издательство «ЮКЭА», 2002. – С. 327–330.

5. Понятие «конституционное правосознание» признается в отношении отдельной личности (индивидуальное конституционное правосознание) или в отношении социальной общности людей, определенной социально-политической группы (коллективное конституционное правосознание). Индивидуальное конституционное правосознание, как правило, присуще лицам, профессионально занимающимся юридической деятельностью, а также специальным субъектам конституционного права – государственным и муниципальным служащим, депутатам представительных органов государственной власти различных уровней и представительных органов местного самоуправления, а также судьям Конституционного Суда РФ¹.

Конституционное правосознание не может рассматриваться в отрыве от бинарной природы права, закрепленной в российской Конституции: естественного начала (природа личности) и позитивного начала (политическая природа)². В связи с этим конституционное правосознание как целостное образование обладает внутренней, содержательной структурой, включающей рационально-идеологические, социально-психологические, духовно-культурологические, политические компоненты. Иными словами, данный тип правосознания включает: знание конституционных норм и конституционных принципов; отношение к конституционным нормам (признание объективной необходимости Конституции и ее приоритета в правовой системе страны либо отрицание этого); гуманные, нравственные, в целом духовные, начала; отражение и выражение общественных отношений по поводу власти, регулирования этих отношений и процессов, функционирования государства и политических институтов; пове-

¹ Киреева, Е.А. К вопросу о влиянии неправовых факторов на реализацию полномочий Конституционного Суда Российской Федерации в сфере интерпретации конституционных норм. / Е.А. Киреева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – № 2. – С. 7–9.

² Зорькин, В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 53.

денческую позицию (осуществление, игнорирование, нарушение)¹.

Завершая изложение особенностей конституционного правосознания, отметим, что его концепция не ограничивается только конституционным «дизайном» общей теории правосознания. Особая роль его компонентов заключается в том, что они лежат в основе особого типа правового поведения – поведения конституционного. Их взаимосвязь проявляется в установках индивидуумов на социальное сотрудничество и коммуникацию, заинтересованность в решении конфликтов конструктивными и правомерными способами, осознание собственной ответственности за пользование конституционными правами и свободами, нацеливает на развитие способности быть творцом своих прав посредством участия в демократических и общественных процедурах.

Таким образом, в качестве наиболее значимых психологических факторов конституционно-правового поведения могут рассматриваться, с одной стороны, потребности и интересы людей, коренящиеся в их социально-экономическом положении, с другой – ценности (идеи, верования), вписанные в культуру общества и отдельных его групп, усваиваемые людьми в процессе социализации, освоения социального опыта и под влиянием различных идеологий. Большое или меньшее воздействие на политико-правовое поведение оказывают личностные, индивидуально-психологические, мотивационные, эмоционально-волевые и когнитивные структуры, групповая и ролевая идентификация. Указанные компоненты, по существу, являются той призмой, через которую преломляются универсальные конституционные положения, принципы и идеи, и именно результат такого преломления непосредственным образом определяет вектор поведения конкретного субъекта правовых отношений в контексте конституционной правомерности.

¹ Eagleton, T. *Ideology: An Introduction*. / T. Eagleton – Verso; London – New York, 1991. – P. 1–2.

Глава III. Теоретический анализ основных форм правомерного поведения в российском конституционном праве

3.1. Участие граждан в управлении делами государства как форма правомерного поведения в конституционном праве

Современный этап конституционного развития связан с реформой Конституции Российской Федерации, а содержание Закона Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1/ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ свидетельствует об усилении роли конституционных ценностей народовластия и принципов правового демократического государства. Последующее развитие законодательства, связанное с реализацией и конкретизацией конституционных новелл, усилит общественный запрос на повышение качества участия граждан Российской Федерации в процессах управления делами государства.

Рассмотрение такой формы правомерного поведения в конституционном праве, как «участие в управлении делами государства», предполагает прежде всего уяснение содержания этой сложной конституционно-правовой категории. Семантически она тесно связана с понятиями «участие», «дела государства»; «управление делами государства»; «участие в управлении», которые, в свою очередь, требуют отдельного рассмотрения.

В конституционно-правовых исследованиях феномен участия рассматривается достаточно широко, как: элемент механизма непосредственной демократии²; вид политического участия граждан в осуществлении государственной

¹ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

² Комарова, В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры) / В.В. Комарова – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 294–302.

власти¹; процесс, протекающий в разнообразных правовых формах, опосредующий взаимосвязь гражданского общества и государства, в ходе которого граждане, реализуют принадлежащие им политические права, выражая свои интересы, становясь причастными к властным отношениям, вызывая обязательное, законодательно определенное реагирование со стороны государства². Эта причастность осуществляется, в частности, посредством таких форм, как реализация гражданского долга; участие в конструктивной гражданской оппозиции, общественном контроле и общественном мониторинге; проявление законных гражданских инициатив, а также иных, представляющих собой виды конституционно-правомерного поведения.

Полагаем, что исчерпывающий перечень форм участия сформировать невозможно, поскольку они редко имеют место в изолированном виде и, сочетаясь между собой, формируют «переходные» и комплексные варианты участия.

М.А. Липчанская отмечает, что понятие «дела государства» в самом широком смысле используется для обозначения сферы деятельности последнего; во многом пересекаясь с функциями государства, эти понятия, тем не менее, не тождественны, так как, по мнению исследователя, дела государства – это статика, а функции государства – динамика. Дела государства отражают сферы общественной жизни, в которых государство юридически компетентно, в статике; управление делами государства, об участии в котором идет речь в ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации, – это процесс, реализуемый различными субъектами³, замечает автор.

¹ Липчанская, М.А. Конституционная категория «управление делами государства»: проблема определения и содержания / М.А. Липчанская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 69.

² Головань, Л.А. Конституционно-правовое регулирование политического участия граждан в осуществлении государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Головань Любовь Алексеевна. – Ставрополь, 2005. – С. 74.

³ Липчанская, М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции / М.А. Липчанская // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1 (31). – С. 124–133.

Понятие «управление делами государства», в свою очередь, характеризуется как управленческий процесс в масштабах государственно-властных структур. С.А. Широбоков акцентирует внимание на организационной упорядоченности процесса участия в управлении делами государства и предлагает рассматривать этот процесс сквозь призму конституционно-правового механизма, который определяет как совокупность процессов, основанных на закономерностях развития общества, отражающих инструментальные характеристики правовой формы, определяющих возможность поступательного движения совместного развития всех элементов. В качестве основных характеристик этого процесса ученый выделяет: сложное структурное строение; системность; согласованность организации его элементов; способность к динамике, к определенной целенаправленной деятельности; подверженность самоуправлению либо внешнему управлению¹. В то же время, по мнению Н.С. Бондаря, конституционное понятие «управление делами государства» нельзя отождествлять с государственным управлением.

Под управлением делами государства следует понимать все формы субъективно-публичного властвования в государстве, в том числе на уровне местного самоуправления (муниципального образования), посредством прямого волеизъявления граждан и в пределах полномочий выборных и других органов самоуправления (Постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П). Как подчеркнул Конституционный Суд, народовластие, будучи одной из основ конституционного строя Российской Федерации, осуществляется и через признанное и гарантированное государством местное самоуправление. Народ не только конституирует органы местного самоуправления и легитимирует их полномочия, но и контролирует в предусмотренных законом формах их деятельность (Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июня 1998 г. № 17-П). Совокупность правомочий гражданина на участие в осуществлении

¹ Широбоков, С.А. Юридическая конструкция участия граждан в управлении делами государства / С.А. Широбоков // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 887.

как государственной власти, так и местного самоуправления отражает диалектику государственных и муниципальных начал в конституционном механизме народовластия, что на конституционно-категориальном уровне проявляется через категорию «дела государства», включающую, в том числе, и вопросы местного значения (ст. 130 Конституции РФ)¹.

Что касается термина «участие», то, будучи достаточно востребованной при описании различных конституционно-правовых практик (например, участие в выборах, в управлении делами, в осуществлении народовластия, в общественном объединении и т. д.), в конституционном праве эта категория остается одной из наименее изученных. В научной литературе можно выделить западную и российскую интерпретацию феномена «участие». В западной – в наиболее широком смысле – участие характеризуется как «ситуативная практика», реализуемая в рамках определенного территориального и социального пространства с присущими политическими, социальными, культурными и историческими особенностями². Феномен «участие» в российской интерпретации рассматривается как действия частных граждан, посредством которых они стремятся повлиять на власть и политику или поддержать ее.

Участие граждан может быть: «поддерживающим» (предполагает демонстрацию приверженности легитимному политико-правовому режиму); «вливающим» (предполагает попытку изменить приоритеты государственной политики или повернуть ее в другом направлении в соответствии с интересами конкретных участников политического процесса); «контактирующим», зависящим от социально-экономического статуса участников (чем он выше, тем чаще они обращаются к должностным лицам для консультаций и согласований); кроме того, речь может идти о публичных и частных формах участия (последние служат частным интересам в ущерб интересам большинства, но вместе с тем

¹ Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. / Н.С. Бондарь. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – С. 244.

² Cornwall, A. Locating citizen participation / A. Cornwall // IDS Bulletin – 33 (2). – P. 49–58.

демонстрируют вовлеченность граждан в общественное участие)¹. Кроме того, различают уровни участия: информационное, когда власть сообщает некоторую информацию (обычно постфактум) о своих планах; содействующее, когда правительственные структуры дают возможность сделать свой вклад (письменно или устно) в обсуждение этих планов; дискуссионное, когда помимо информации и сбора «отзывов» (реакции на информацию) правительственные структуры предоставляют возможность принять участие в обсуждении (форумы, слушания) своих планов; соучастие, когда граждане имеют возможность непосредственно участвовать в разработке решения².

Участие в управлении делами государства, согласно п. 1 ст. 32 Конституции РФ, детерминировано наличием гражданства и в конституционно-правовой доктрине рассматривается как в составе политических прав, элементов конституционно-правового статуса субъектов общественно-политических отношений, так в составе и механизма власти народа. С.А. Авакьян характеризует право на участие в управлении делами государства как одно из конституционных прав граждан Российской Федерации, акцентируя внимание на том, что к нему следует добавить и право участвовать в осуществлении местного самоуправления, предусмотренное ст. 130 Конституции РФ³.

Обеспечение права граждан на участие в управлении делами государства, по существу, является конституционным принципом, направленным на стимулирование и поощрение правомерного поведения. Данный принцип реализуется посредством предоставления гражданам РФ комплекса политических прав, с

¹ Джанда, К. Берум, Д.М. Голдман, Д. Жула, К.В. Трудным путем демократии. Процесс государственного управления в США / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2006. – С. 207–209.

² Nelissen, N. Methods of public relations in Western Europe. Experiments with public participation in urban renewal in Western European municipalities / N. Nelissen // Cities of Europe: public participations in revitalizing of urban environment / ed. by T. Deelstra, O. Yanitsky. – М., 1991. – Р. 53.

³ Авакьян, С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. / С. А. Авакьян – М.: Юстицинформ, 2015. – С. 529.

помощью которых они могут проявлять позитивную активность и влиять на государственную политику в различных сферах жизни государства и общества, и одновременного возложения на государство, его органы и должностных лиц обязанности по обеспечению практической реализации данных прав¹.

Право на участие в управлении делами государства представляет собой гарантированную конституцией возможность граждан участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через органы законодательной, исполнительной и судебной власти, а также самостоятельно осуществлять местное самоуправление². Как верно отметил Е.И. Колюшин, его закрепление в самом общем виде предоставляет значительные возможности как для наполнения его весьма широким содержанием, так и для выхолащивания этого содержания, превращения в декларацию³. При этом весьма широким содержанием наполняется это право применительно к его реализации в непосредственной форме. В рамках права на участие в управлении делами государства оно объединяет практически все политические права, дающие гражданам возможность непосредственного осуществления политического участия в той или иной форме.

При анализе природы права граждан на участие в управлении делами государства М.С. Зайцев предлагает применять метод «концептуального углубления», раскрывая сущность первого, второго и третьего порядка. Так, по мнению указанного автора, «...в узком смысле данное право обладает признаками субъективного права, что позволяют рассматривать его как сущность права на участие в управлении делами государства первого порядка. Если же анализировать это право в широком смысле, налицо правовая конструкция, объединяю-

¹ Зайцев, М.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Зайцев Максим Сергеевич. – Саратов, 2015. – С. 10.

² Конституционное право: университетский курс: учебник в 2 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. Т. 2. – С. 520.

³ Колюшин, Е.И. Лучин, В.О. Конституционное (государственное) право России: курс лекций / Е.И. Колюшин, В.О. Лучин – М.: Изд-во МГУ, 1999. – С. 141.

щая в себе сложную структуру компонентов, которые в совокупности образуют многосоставное право граждан на участие в управлении делами государства (сущность права второго порядка). Указанное право в широком смысле является компонентом структуры конституционного принципа обеспечения права граждан на участие в управлении делами государства»¹.

В праве граждан на участие в управлении делами государства можно выделить некоторые особенности, в соответствии с которыми оно:

- 1) относится к числу основных политических прав, воплощающих сущность демократической идеи народовластия;
- 2) выступает как проявление политической свободы гражданина;
- 3) по своей юридической природе может быть отнесено к непосредственно действующим субъективным публичным правам, при этом характеризует не только субъективные правопритязания, связанные с возможностями индивидуального влияния на положение в стране, но и социальную значимость и публичную потребность в стабильной и эффективной системе организации публичной (государственной и муниципальной) власти;
- 4) включает в себе как субъективно-личностное (частное), так и публично-правовое начала, соотношением которых во многом определяются не только статусные характеристики гражданина в политической сфере, но и публично-правовая природа данной сферы отношений. Из этого вытекает и еще одна важная юридическая характеристика данного права: обладая качествами субъективного и одновременно публичного политического права, оно может получать реализацию как на индивидуальной, так и на коллективной основе;
- 5) обладателями данного права являются граждане соответствующего государства.

В конституционной доктрине неоднократно возникала полемика, связан-

¹ Зайцев, М.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Зайцев Максим Сергеевич. – Саратов, 2015. – С. 10.

ная с недостаточной терминологической определенностью сферы исследуемой формы правомерного поведения. Так, в частности, не получил однозначного разрешения вопрос о том, существует ли терминологическое различие между понятиями «участие в управлении делами государства» и «демократическое участие», выражающими действия субъектов права с целью повлиять на принятие решений властными структурами.

Конституционная модель властвования представляет собой систему действий (поведения), объединяющую, с одной стороны, однонаправленные и глубоко внешние для индивида отношения «господства – подчинения», а с другой – правовое взаимодействие. Участие в осуществлении властвования представляет собой процесс непосредственного или опосредованного обмена действиями между гражданином, гражданским обществом и государством, поскольку истинное народовластие проявляется не только в ситуациях участия в демократических процедурах, но и в ситуациях человеческого выбора модели действия. Указанный выбор, в свою очередь, может повлечь как одобрение государством избранного варианта поведения, так и наступление юридической ответственности индивида в случаях, когда действие (бездействие) носит правомерный характер и получает негативную оценку. Однако в том и в другом случае процесс взаимодействия, наличие обратной связи являются обязательными.

Любое такое взаимодействие, в конечном счете, направлено на создание и поддержание упорядоченности отношений между государством, обществом и личностью. Как следствие, особую значимость для реализации конституционно-правомерного поведения приобретают качество и стабильность обеспечиваемых органами государственной власти связей «государство – общество», «государство – индивид». По мнению О.В. Орловой, такие связи базируются на успешности выполнения ряда функций, к которым могут быть отнесены: 1) познавательно-воспитательная функция (подготовка новых поколений к восприятию правовых ценностей); 2) регулятивно-стабилизирующая (уменьшение про-

творечий и социального напряжения в обществе); 3) интегративно-коммуникационная (объединение граждан; обеспечение, с одной стороны, равенства возможностей при отсутствии фактического равенства (которое в любом обществе невозможно), а с другой – социализации личности посредством информирования индивидов о социальных ценностях, охраняемых государством); 4) контрольно-императивная функция (поддержание целесообразного и должного поведения индивидов и функционирования институтов гражданского общества)¹.

Именно в рамках правового взаимодействия в процессе участия граждан в управлении делами государства осуществляются активное воздействие на сознание и формирование мировоззрения индивида; установление границ допустимой социальной активности, рамок свободного поведения личности; предоставление гражданам возможности воздействовать на государственные органы, реализуемой в широком диапазоне – от проявления личностных инициатив до конструктивного протестного поведения. Таким образом, с одной стороны, в процессе участия в управлении делами государства личность получает представление о социальных ценностях, на которых базируется правомерное поведение и, как следствие, эффективное взаимодействие с государством. С другой стороны, реализация такого конструктивного взаимодействия, являясь одной из форм правомерного поведения, сама по себе является ценностью, признаваемой и поощряемой в конституционно-правовых отношениях. Это позволяет согласиться с М.А. Липчанской в том, что реализация гражданами права на участие в управлении делами государства оказывает двойственное воздействие, позволяя удовлетворять собственные потребности гражданина и одновременно оказывая

¹ Орлова, О.В. Право и самореализация личности в гражданском обществе. автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Орлова Ольга Викторовна. – М., 2009. – С. 19.

социальный эффект, заключающийся в наступлении изменений, с большей или меньшей степенью значимости для социума в целом¹.

В отечественной научной традиции проблема участия народа в управлении государством связана с размышлениями о нравственно-духовных основах деятельности представительных органов власти, о том, что именно нравственные силы народа подчиняют общественную жизнь нравственному идеалу как основе демократии. «Ориентация только на модернизацию работы представительных органов власти, только на современный зарубежный парламентский опыт без учета национальных и культурно-исторических условий страны, – пишет В.И. Фадеев, – способна исказить саму идею народного представительства в России, оказывая деструктивное влияние на практику ее реализации, на практику развития российской государственности. Государственное строение, национальный организм в своей основе имеют духовную природу, этические начала культурно-исторического типа российского народа, которые требуют своего учета при реформировании институтов общественно-государственной жизни»². По его мнению, именно духовно-нравственная основа напрямую связана с представительством интересов народа при осуществлении законодательной власти, ибо «...парламент и существует для того, чтобы издавать законы на основе баланса интересов социальных, национальных и территориальных групп населения, выявлять и раскрывать волю народа, представлять ее в своей воле так, как он ее воспринял»³.

Таким образом, в процессе участия граждан в управлении делами государства одновременно решается задача обеспечения и защиты государственно-правовых и культурно-духовных ценностей. Сегодняшний запрос общества как

¹ Липчанская, М.А. Участие граждан в управлении делами государства: современные тенденции через призму научных трудов И.Е. Фарбера / М.А. Липчанская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 218.

² Фадеев, В.И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России / В.И. Фадеев // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 11–14.

³ Комарова, В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры) / В.В. Комарова – М.: Директ-Медиа, 2014. – С. 22.

совокупности отдельных личностей заключается не столько в выборе между симфонией властей и принципом их разделения, сколько в определении сущностного предназначения каждого из них. Принцип разделения властей дает набор строго определённых и четко разграниченных полномочий каждой из ветвей, но также предполагает и наличие системы правовой и социальной ответственности за осуществляемые действия и духовно-нравственной основы проводимой политики, отвечающее многонациональным и многоконфессиональным интересам, историческим и культурным традициям.

Вместе с тем, как обоснованно замечает В.И. Осейчук, управление делами государства несвободно и от комплекса проблем. К ним, с точки зрения ученого, может быть отнесено снижение профессионализма управленческого класса, о котором в течение последних десятилетий свидетельствует, в частности, ухудшение ряда показателей социально-экономического, политико-правового и духовного развития России. Для реализации стратегии строительства демократического правового социального государства требуется принятие комплекса мер, направленных на своевременное выявление и устранение дефектов аппарата органов власти¹, который как раз и может быть в значительной мере реализован в рамках правомерного участия граждан в управлении делами государства.

Однако независимо от конкретной формы участия граждан в управлении делами государства необходимо осознавать, что оно практически всегда преломляется через представление индивида о государстве, праве, обществе, справедливости действий органов государственной власти и т. д., то есть, по сути, через призму правовой культуры – отражения сформировавшегося правосознания в повседневном поведении граждан. Именно это обстоятельство, по мне-

¹ Осейчук, В.И. Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Осейчук Владимир Иванович. – Тюмень, 2009. – С. 20.

нию Ф.Х. Галиева, определяет содержание обязанностей субъекта правовых отношений, его представление о том, что он должен сделать, какая модель или форма поведения является предпочтительной в данной ситуации. «Человек, – отмечает ученый, – окружен сплошным потоком требований и установок: запрещено, разрешено, обязательно, недопустимо, хорошо, плохо.... При этом в традиционном восприятии окружающего мира у людей формируется собственная осознанная правовая картина, манера поведения, своя правовая культура, вписывающаяся или же не вписывающаяся в общую картину мира и в конкретную правовую культуру общества»¹.

Широкий диапазон проблем и функций, сопровождающих сферу управления делами государства, предопределяет неоднозначность и разнообразие форм участия граждан в таком управлении.

Так, классификация форм участия в управлении делами государства, предложенная М.А. Липчанской, включает в себя формы участия: 1) в зависимости от сферы применения – области правотворчества, исполнительной власти; отправления правосудия; 2) в зависимости от стадий управленческого процесса – участие граждан в формировании органов публичной власти, деятельности этих органов; 3) в зависимости от субъекта – коллективные и индивидуальные; 4) в зависимости от способа применения – прямые и опосредованные; 5) исходя из уровня нормативного закрепления – конституционные, законодательно-определенные и не имеющие нормативного закрепления; 6) с точки зрения субъективных поведенческих факторов – добровольное и принудительное участие; 7) в зависимости от интенсивности и последовательности – регулярные и иррегулярные формы участия граждан в управлении делами государства; 8) в соответствии с критерием содержательной направленности – легитимирующие и протестные формы (в первом случае активность субъектов гражданско-

¹ Галиев, Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Галиев Фарит Хатипович. – М., 2014. – С. 27–28.

го общества направлена на поддержку деятельности государственных институтов, признание их субъектного состава, принятых решений и т. д., во втором – предполагается негативная реакция субъектов на сложившуюся в обществе политическую, экономическую, иную ситуации или конкретные действия государственных органов и их должностных лиц)¹.

И.В. Тепляшин предлагает, основываясь на политической и конституционно-правовой практике, выделить три основные группы форм участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые. К первой группе, по мнению ученого, следует относить выборы и референдум; обращения граждан; публичные мероприятия (собрания, митинги и демонстрации, шествия, пикетирования); формирование и деятельность общественных объединений (политических партий, общественных движений и др.), а также местное самоуправление, включающее собственные общины (выборы, референдум и т. д.) и специальные (органы местного самоуправления, конференция граждан, отзыв выборных должностных лиц и др.) формы его осуществления. Вторая группа, согласно позиции И.В. Тепляшина, представлена формами участия, преимущественно связанными с государственно-частным партнерством. Законодательная регламентация основных параметров данных форм участия уже осуществлена, но практика их реализации сегодня только складывается. К третьей группе (допустимые формы) предлагается относить те виды участия, которые на сегодня практически не нормированы, однако вызвали в процессе исторического развития интерес законодателя и правоприменителя (например, отзыв избирателями высшего должностного лица субъекта Федерации (руково-

¹ Липчанская, М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции / М.А. Липчанская // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – №1 (31). – С. 128.

дителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации)¹.

С позиции М.С. Зайцева особенностью реализации конституционного права гражданина на участие в управлении делами государства выступает то обстоятельство, что субъектом рассматриваемого права выступает отдельный индивид (индивидуальный субъект), а не коллективный субъект (народ как совокупность граждан, проживающих на территории РФ). Объективную сторону правомерного поведения в ходе реализации указанного права образуют действия (бездействия) гражданина, соответствующие правовым предписаниям или не противоречащие им; при этом нормативные предписания, создающие предпосылки такого поведения, могут быть разделены на две группы: 1) нормы, непосредственно определяющие возможность реализации данного права; 2) опосредованно определяющие такую возможность. Реализация права на участие в управлении делами государства может осуществляться гражданином непосредственно или с помощью представителей.

В первом случае правомерное поведение гражданина основано на предоставленных ему правах быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления (пассивное избирательное право)²; праве на референ-

¹ Тепляшин, И.В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые / И.В. Тепляшин // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 18–20.

² Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4916; Федеральными законами: от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253; от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 171; от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 8. – Ст. 740; от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005; от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // Собрание законодатель-

дум¹; праве на участие в отправлении правосудия (в должности судьи, в качестве присяжного и арбитражного заседателя)²; праве на обращение в суд, органы государственной власти и местного самоуправления³; праве на мирные собрания, шествия, манифестации, пикетирование; права на объединения⁴; праве на равный доступ к государственной и муниципальной службе (участие в управлении делами государства в должности государственных или муниципальных служащих)⁵; праве на участие в законотворческом процессе (путем обсуждения законопроектов, выдвижения инициативы на сайте «Российская общественная инициатива»⁶). Во втором случае участие граждан в управлении делами государства осуществляется в формах, определяемых правами избирать в органы государственной власти и местного самоуправления (активное избира-

ства Российской Федерации. – 1996. – № 49. – Ст. 5497; от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822, от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2950; от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 172; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.03.2011 № 5 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 6.

¹ Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

² Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

³ Федеральный закон от 02 мая 2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

⁴ Федеральный закон от 19 июня 2004 № 54-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

⁶ Указ Президента РФ от 04 марта 2013 № 183 (ред. от 17.09.2020) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с «Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с исполь-

тельное право); участвовать в отправлении правосудия в качестве присяжных и арбитражных заседателей (при этом лица, избранные в качестве присяжных и арбитражных заседателей, осуществляют непосредственное правомерное воздействие на процесс осуществления правосудия)¹.

Однако, признавая многообразие форм участия граждан в управлении делами государства, необходимо учитывать еще одно важное обстоятельство, определяющее квалификацию поведения как конституционно-правомерного или, напротив, неправомерного. Таким обстоятельством является неизбежно сопутствующая любому субъективному праву, включая и право на участие в управлении делами государства, возможность злоупотребления им. В этом случае, как отмечает А.А. Малиновский, по существу имеет место реализация субъективного права в противоречии с его назначением, влекущая не только конфликт между интересами общества и личности, но и возникновение коллизии между объективным и субъективным правом, поскольку дух права приходит в противоречие с его буквой².

Как следствие, поведение, основанное на злоупотреблении конституционным правом, является деструктивным и не может быть признано правомерным даже в случае, когда оно формально основано на нормативных предписаниях и внешне осуществляется в предусмотренной ими форме. В частности, с точки зрения А.А. Малиновского, недопустимыми являются удовлетворение субъектом потребности, реализация которой гарантирована одним субъективным правом посредством осуществления другого субъективного права; осу-

зованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 10. – Ст. 1019.

¹ Зайцев, М.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Зайцев Максим Сергеевич. – Саратов, 2015. – С. 21–22.

² Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2008. – С. 26.

шествление субъективного права в противоречии с принципами права; осуществление права ненадлежащим способом¹.

Данное обстоятельство подчеркнул в своем Постановлении от 18.07.2012 г. № 19-П Конституционный Суд РФ, который указал, что в целях обеспечения участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства и в местном самоуправлении, а также исходя из необходимости создания гарантий защиты прав личности в ее взаимоотношениях с государством в лице носителей публичной власти, Конституция РФ закрепляет право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33). В совокупности с другими элементами правового статуса личности указанное право позволяет гражданам выразить свое отношение к деятельности публичной власти, свои личные и публичные потребности в эффективной организации государственной и общественной жизни. Данное право выступает средством осуществления и охраны прав и свобод граждан, одновременно являясь способом оптимизации деятельности органов публичной власти через выявление конкретных проблем и возможных путей их решения. При этом принцип свободной и добровольной реализации гражданами Российской Федерации права на обращение одновременно сопряжен с недопустимостью нарушения прав и свобод других лиц².

Правовой механизм, препятствующий злоупотреблению гражданами правом на обращение, установлен Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Так, ч. 2 ст. 11 указанного закона устанавливает, что при получении письменного обращения, в котором содержатся нецензурные либо оскорбительные

¹ Малиновский А.А. Указ. соч. – С. 27.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2012 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с

выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи, государственный орган, орган местного самоуправления или должностное лицо вправе оставить это обращение без ответа по существу поставленных в нем вопросов, поставив заявителя в известность о недопустимости злоупотребления правом. Ч. 5 ст. 11 этого же закона предусматривает ситуации направления гражданином повторных письменных обращений с вопросом, на который ему неоднократно давались письменные ответы по существу в связи с ранее направляемыми обращениями в один и тот же государственный орган, орган местного самоуправления или одному и тому же должностному лицу. При этом, если обращение не содержит новых доводов или обстоятельств, руководитель государственного органа или органа местного самоуправления, должностное лицо либо уполномоченное на то лицо вправе принять решение о безосновательности очередного обращения и прекращении переписки с гражданином по данному вопросу. Формально, в отличие от ситуации, изложенной в ч. 2 ст. 11 Закона о порядке рассмотрения обращений, данный вид правового поведения не квалифицируется как злоупотребление правом. Однако именно так ее интерпретировал Конституционный Суд РФ, указав, что ч. 5 ст. 11 «...направлена на предотвращение злоупотребления гражданами правом обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления путем многократного направления обращений, совпадающих по своему предмету и основаниям»¹.

Таким образом, можно заключить, что реализация гражданином своего конституционного права на участие в управлении делами государства (в рассматриваемом примере – посредством направления обращения в органы госу-

запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1268-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сударева Ивана Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.11.2019).

дарственной власти) при соблюдении правовых предписаний может носить как добросовестный, так и недобросовестный характер. В зависимости от этого поведение индивида может быть квалифицировано, соответственно, как конституционно-правомерное и неправомерное, направленное, в частности, на удовлетворение интересов заявителя в ущерб государственному (общественному) интересу. В подобных ситуациях, как представляется, такая квалификация основывается на установлении юридического факта – недобросовестности (неконституционности мотива) действий, выражающихся в неоднократности обращения.

В контексте реализации права граждан на обращение как одной из конституционно значимых форм их участия в управлении делами государства, на наш взгляд, заслуживает внимания проблема официального признания института петиций. В юридической доктрине неоднократно отмечалось, что отличие петиций, направляемых в органы государственной власти (как правило высшие), заключается в том, что в них поднимаются общественно значимые публичные вопросы, для которых должен быть установлен особый порядок выдвижения, направления и рассмотрения. Право петиций закреплено в конституциях многих стран (Италия, ФРГ, США, Япония, и др.) и в ряде случаев урегулировано специальными законами.

Так, ст. 50 Конституции Итальянской Республики предусматривает право направления гражданами петиций с требованиями законодательных мероприятий, основанных на тех или иных нуждах, в палату депутатов и Сенат республики¹. Право обращения с личными петициями, в том числе о внесении изменений в нормативные правовые акты, устанавливает и Конституция Японии, обя-

¹ Миронов, М.А. России нужен Закон о петициях / М.А. Миронов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 15–17.

зывая при этом заявителей воздерживаться от каких-либо злоупотреблений конституционными правами¹.

Отличие петиции от стандартного коллективного обращения, по мнению М.А. Миронова, заключается в том, что она содержит вопросы, затрагивающие публичные проблемы, интересы всего государства или его субъектов. В связи с этим петиция рассматривается не отдельными сотрудниками органов – адресатов петиций, а самими этими органами в целом. Учитывая значимость петиции как предложения, разделяемого многими индивидуальными субъектами, ученый предлагает установить их нормативное регулирование федеральным законом, определив в нем, какие вопросы могут быть включены в петицию, направляемую адресатам – органам государственной власти федерального уровня и органам власти субъектов Российской Федерации. Так, петиция, адресованная федеральным органам власти, может содержать вопросы, отнесенные Конституцией РФ к ведению Российской Федерации или к совместному ведению РФ и ее субъектов; петиция, направляемая в органы государственной власти субъектов РФ, – вопросы, отнесенные Конституцией РФ к совместному ведению, и вопросы непосредственного ведения субъектов Российской Федерации. Одновременно следует предусмотреть вопросы, по которым не могут инициироваться петиции, в частности: об изменении статуса субъекта Российской Федерации, закрепленного Конституцией РФ; о досрочном прекращении или продлении срока полномочий Президента РФ, проведении его досрочных выборов; об избрании, о назначении на должность, досрочном прекращении, приостановлении или продлении полномочий лиц, замещающих государственные должности; о принятии и изменении федерального бюджета и внутренних финансовых обязательств РФ; о введении, об изменении и отмене федеральных налогов и сборов, освобождении от их уплаты; о принятии чрезвычайных и срочных мер

¹ Избранные Конституции зарубежных стран: учебное пособие для бакалавров / И.А. Алебастрова [и др.]; ответственный редактор Б.А. Страшун. – Москва: Издательство Юрайт, 2012. – С. 305.

по обеспечению здоровья и безопасности населения; об амнистии и помиловании, и другие¹.

Реализацию конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства во многом обеспечивают политические партии, которые являются важнейшим элементом конституционного строя Российской Федерации. Это тот правовой институт, который обеспечивает осуществление власти народа как непосредственно, так и через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Политические партии обладают комплексом политических прав, к которым относятся право выдвижения кандидатов (списка кандидатов) на выборах Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), в законодательные (представительные) органы государственной власти Российской Федерации, выборных должностных лиц местного самоуправления и в представительные органы муниципальных образований; участия в указанных выборах; участия в работе избранных органов.

Целью взаимодействия политических партий и государства является обеспечение власти народа путем формирования органов публичной власти на основе демократических и справедливых выборов. Опосредуя взаимодействие «индивид – государство в лице его органов», политические партии приобретают и сохраняют свой статус как общественные объединения, выражающие совпадающие интересы значительной части граждан независимо от региона проживания. Заметим, что и в этом случае законодателем создан механизм, препятствующий недобросовестному поведению в виде злоупотребления правом и включающий в себя требования к созданию, правовому статусу, принципам функционирования политических партий. В частности, запрет создания регио-

¹ Миронов, М.А. России нужен Закон о петициях / М.А. Миронов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 15–16.

нальных политических партий обусловлен превенцией конституционно неправомерного поведения в условиях сохранения серьезных вызовов со стороны сепаратистских, националистических, террористических сил, поскольку такие партии, как указал Конституционный Суд РФ, «...стремились бы к отстаиванию преимущественно своих, сугубо региональных и местных, интересов», что могло бы «...привести к нарушению государственной целостности и единства системы государственной власти как основ федеративного устройства России»¹.

Однако участие объединений граждан в управлении делами государства не ограничивается политическими партиями, поскольку существуют и иные, отличные от общественных объединений как по порядку создания, так и по принципам деятельности, структуры. На это обстоятельство обоснованно обращает внимание О.В. Романовская, замечая, что указанные объединения могут наделяться специальными полномочиями, которые в той или иной мере приближают их к органам публичного управления. Отдельные объединения граждан обладают значительным набором специфических признаков, отражающихся в правилах создания и деятельности: в частности, за относительно короткое время статус самостоятельных субъектов права был признан за нотариальными и адвокатскими палатами, органами судейского сообщества, объединениями работодателей, саморегулируемыми организациями, общинами малочисленных народов, государственными академиями наук и т. д. «В формировании их органов и организации деятельности, – отмечает исследователь, – участвуют органы государственной власти; они выполняют публичные функции, отождествляющие особые объединения граждан с представителями государства... Именно поэтому вопрос о статусе публичных корпораций как носителей государствен-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // Российская газета. – 2005. – 08 февраля – № 24.

но-властных полномочий должен быть перенесен в сферу государственно-правовых наук»¹. Развивая эту мысль, полагаем, что в контексте рассматриваемой проблемы необходимо акцентировать внимание в первую очередь на оценке конституционной правомерности создания таких корпораций, поскольку она фактически предопределяет дальнейшую оценку их публичного поведения в конституционно-правовом формате.

Согласимся с О.В. Романовской в том, что курс государства на самоограничение предполагает передачу части публичных полномочий субъектам частного права, что, в частности, находит выражение в формировании саморегулируемых организаций. Однако такой процесс сопряжен с концептуальными проблемами: от самой возможности делегирования государственной власти негосударственным организациям до решения более частных вопросов. Так, необходимо установить принципы, на основе которых должен осуществляться «отбор» частных организаций для передачи им функций государственной исполнительно-распорядительной деятельности; уяснить природу их управленческой деятельности при осуществлении публичного предназначения, природу нормативных актов, принимаемых негосударственными организациями при исполнении делегированной государственной власти, и др. При этом законодатель должен принимать во внимание ряд факторов, а именно: степень публичности организации и ее организационно-правовую форму; природу внутренних отношений организации и ее членов; степень свободы в решении внутренних вопросов; природу принимаемых организацией норм; ее ответственность за осуществление публичных функций; контроль государства за деятельностью организации; степень автономии члена от самой организации².

Еще одним важным аспектом, на который обращает внимание Ю.А. Тихомиров, выступает «...самоорганизация, саморегулирование и самоответствен-

¹ Романовская, О.В. Конституционно-правовые основы организации и деятельности профессиональных публичных корпораций в Российской Федерации: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Романовская Ольга Валентиновна. – Казань, 2011. – С. 3.

² Романовская О.В. Указ. соч. – С. 13–14.

ность как демократическая формула поведения, которая получает выражение в механизме местного самоуправления и профессионального самоуправления (ассоциации и союзы по отраслям деятельности). Этим регуляторам надо найти место в общем механизме регулирования и видоизменять соответственно объемы и методы правового регулирования. Безразмерное ограничение таких регуляторов снижает потенциал гражданского общества»¹.

Представляется очень важным то обстоятельство, что вне зависимости от сферы действия индивидов и их объединений закладка основ будущего правомерного поведения происходит в рамках именно конституционного права. Это особенно актуально для тех объединений, которые по роду своей деятельности фактически интегрируются в механизм осуществления государственной власти, что накладывает на них обязанность конституционно-правомерного поведения на каждом этапе деятельности.

Все сказанное позволяет сформулировать ряд тезисов применительно к исследованию участия граждан в управлении делами государства как формы конституционно-правомерного поведения.

Участие гражданина в управлении делами государства представляет собой основанную на соответствующем конституционном праве и детализированную в нормативных правовых актах возможность осуществлять активные действия по воздействию на принятие и реализацию решений в публично значимой сфере. Данная возможность может осуществляться гражданином как через его непосредственное, так и через опосредованное взаимодействие с органами государственной власти в различных видах государственной деятельности.

Исчерпывающий перечень форм участия в управлении делами государства не может быть сформулирован в силу того, что динамика развития государства и общества включает как изолированные, так и «переходные» и ком-

¹ Тихомиров, Ю.А. Новые векторы регулирования-«другое» право? / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2016. – № 4 (232). – С. 9.

плексные варианты гражданского участия, которые формируются с учетом политической целесообразности. В процессе участия граждан в управлении делами государства неизменно осуществляется активное воздействие на сознание и формирование мировоззрения индивида; установление границ допустимой социальной активности, тех или иных действий. Таким образом, с одной стороны, в процессе участия в управлении делами государства индивиду сообщается представление о социальных ценностях, на которых базируется конституционно-правомерное поведение как залог эффективного взаимодействия с государством, а с другой – такое конструктивное правомерное поведение само по себе является ценностью, признаваемой и поощряемой в конституционно-правовых отношениях.

Вне зависимости от варианта (формы) участия гражданина в управлении делами государства его действия (бездействие) представляют собой конституционно-правомерное поведение, при условии, что они осуществляются добросовестно и не являются злоупотреблением соответствующим конституционным правом. Основы конституционно-правомерного поведения на каждом этапе взаимодействия граждан, их объединений и государства в лице его органов должны устанавливаться законодателем с учетом целей, на которые направлено такое взаимодействие (и создание соответствующих объединений). При этом степень правовой регламентации, основанной на конституционных принципах, должна быть тем выше, чем большая степень полномочий делегируется субъекту в процессе его участия в управлении делами государства. Это же утверждение распространяется и на осуществление контрольно-надзорных функций при оценке деятельности граждан и их объединений. При квалификации поведения как конституционно-правомерного (или, напротив, неправомерного) необходимо учитывать как его объективные проявления (действие, бездействие), так и добросовестность (соответствие конституционным принципам) мотива поведения, который может быть установлен исходя из конкретной правовой ситуации

(например, ситуации многократного обращения гражданина в органы государственной власти).

С учетом динамики развития общественных отношений целесообразно уделять больше внимания перспективным формам участия граждан в управлении делами государства, к которым может быть, в частности, отнесен институт петиций (включая онлайн-петиции). Это связано с тем, что институты, воплощающие мнение значительного количества индивидов, более точно выражают потребности определенной части общества, чем действия отдельной личности. Своевременность и адекватность реагирования на них, в свою очередь, позволяет осуществлять прогноз возможных дальнейших действий граждан и превентивное принятие мер, что может существенно определять вектор поведения в системе «конституционно-правомерное – неправомерное».

Участие в управлении делами государства, будучи основой современной демократии, не является чем-то навсегда определенным и застывшим. Изменяются парадигмы и условия, в которых реализуются формы такого участия, появляется цифровой аналог конституционно-правовых общественных отношений, меняется роль общества во взаимодействии с государственными структурами, российский опыт демократического участия дополняется опытом международным, что открывает возможности исследования различных аспектов этой основополагающей конституционно-правовой категории.

3.2. Общественное участие как форма правомерного поведения в российском конституционном праве

Современное общество понимается как макромасштабная группа людей, живущих на одной территории, интегрированных одной системой государственных институтов и норм, осознающих свою идентичность и неповторимость, которые отличают ее от других таких групп, близких или далеких во времени и в пространстве. Не нуждается в комментариях тот очевидный факт, что «общество» – чрезвычайно сложное образование. Оно единит, «собирает

под одной крышей» массу разнородных слагаемых, людей и отношений, институтов и норм. Такое образование есть целостность. Потому берется оно и рассматривается в его слитности, в нераздельности, в тождестве с самим собой¹.

Проблематика участия граждан в делах государства и общества как социальный феномен и компонент политико-правовой системы уже длительное время находится в фокусе внимания многих общественных наук, включая конституционное право. Обусловлено это тем, что участие управляемых (подвластных) в принятии решений управляющими (властвующими) является краеугольным камнем демократического устройства государства. Композиционная структура права народа на осуществление народовластия, наряду с такими компонентами, как непосредственное (прямое) и опосредованное (непрямое) осуществление власти через систему органов государственной власти и местного самоуправления², может быть дополнено участием в осуществлении общественной власти³. «Власть, – пишет профессор С.А. Авакьян, – осуществляется не только в рамках государства и на уровне местного самоуправления, но и в обществе (и к этому есть прямые отсылки в главе первой Конституции России). ... Общественная же власть – это управление общественными делами»⁴. Г.Н. Чеботарев в свою очередь определяет общественную власть «...как разновидность публичной власти, сформированной на основе волеизъявления объединений граждан в целях реализации общественных групповых интересов, до-

¹ Мамут Л.С. Публичная власть неделима // *Философия права и конституционализм. Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца*, 2 октября 2009 г., Москва. – 2010. – С. 51–60.

² Гончаров, В.В. Общественный контроль власти и композиционная структура народовластия / В.В. Гончаров // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2019. – № 1 (45). – С. 21.

³ Об общественной власти как составляющей публичной власти, см.: Попов, Л.Л. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты / Л.Л. Попов, Е.В. Мигачева, С.В. Тихомиров; под ред. Л.Л. Попова. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 320 с.; Останин, О.В. Публичная власть: понятие, свойства / О.В. Останин // *Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения*. – 2018. – № 1 (9). – С. 129–131.

⁴ Авакьян, С.А. Слово «власть» не должно пугать / С.А. Авакьян // *Закон*. – 2020. – № 12. – С. 9.

стижения публично значимых результатов общественной деятельности в соответствующих сферах жизни гражданского общества и государства»¹.

Многочисленные концепции трактуют феномен «власть» с разных позиций, включая поведенческий подход. В конструкцию власти как особого типа поведения включают такие составляющие активности в публично-правовой сфере, как: 1) контроль над ценными ресурсами; 2) участие в принятии решений; 3) обладание влиянием². Учитывая, что любой правовой институт – это потенциальный набор возможного поведения, поведение как участие в осуществлении власти приобретает правовой характер при наличии соответствующих государственных механизмов, институциональных форм и правил осуществления такового. Соответственно, для квалификации внешнего проявления поведения-участия как конституционного правомерного необходима совокупность следующих критериев: конституционность интереса и мотива действий субъекта; конституционность цели; конституционность способов, методов и средств, используемых для достижения результата; соответствие (непротиворечие) нормам права или правовой модели (алгоритму), выраженному в правовых позициях Конституционного Суда РФ; направленность на достижение конкретного правового результата (например, конструктивное влияние или контроль государственно-властных структур, принимающих общественно важные решения).

Для характеристики общественного участия как конституционного правомерного поведения необходимо для начала уяснить, что понимается под «общественным» в Конституции России. При буквальном прочтении текста основного закона можно увидеть разграничение понятий «общество» и «граждан-

¹ Чеботарев, Г.Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства / Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 33–35.

² Lasswell, H. Kaplan, A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry / H. Lasswell, A. Kaplan –New Haven, 1950. – P. 75.

ское общество» с его институтами. Так, согласно конституционному тексту, общество выступает:

- *объектом* обеспечения безопасности, но не во всех случаях, а при применении информационных технологий и обороте цифровых данных (ст. 71);
- *средой*, где формируются некие чувства и отношения (например, ответственное отношение к животным (подп. е 5 ст. 114);
- *участником* отношений по взаимному доверию с государством (ст. 75.1). В отношении последнего необходимо заметить, что проявление доверия субъектов общественных отношений часто определяется через действие или поведение. Также доверие связано с такими поведенческими характеристиками, как ожидания, волеизъявление, убеждения и установки. Поэтому можно предположить, что общество в его конституционном значении наделяется и свойствами субъекта.

Относительно же институтов гражданского общества ст. 114 Конституции РФ предписывает Правительству Российской Федерации осуществлять меры по их поддержке, включая поддержку некоммерческих организаций, и обеспечивать участие таких организаций в выработке и проведении государственной политики. Представляется, что в указанном конституционно-понятийном разделении общества и гражданского общества с его институтами отражена некая дуальность, вариативность связи социального и политического. Общество представляется как пространство для социального (обмена, участия и т. д.), а участие в деятельности институтов гражданского общества как условие для развития демократии¹.

Общественное участие – это собирательный термин, не подразумевающий какую-либо одну конкретную форму участия. Более того, в политико-

¹ Связь и разграничение между двумя процессами: участием населения в гражданском и политическом управлении, а также в гражданском и социальном ассоциировании, впервые была отмечена известным французским политиком Алексисом де Токвилем. Подробнее об этом: Токвиль, А. де. Демократия в Америке: пер. с фр. / А. де Токвиль предисл. Г. Дж. Ласки. – Москва: Прогресс, 1992. – С. 70.

правовой практике и исследованиях, как правило, происходит смешение и противоречивое по отношению друг к другу использование понятий «гражданское участие», «социальное участие», «общественное участие». Очевидно, это связано с тем, что исследовательский фокус в основном сосредоточен на правовых механизмах, результатах действия и реализации норм Конституции, нежели на особенностях проявления субъектности участников конституционно-правовых отношений или самом процессе участия в тех или иных конституционно-правовых институтах и практиках.

Общественное участие связывают с теорией «демократии участия», а точнее такими ее подвидами, как партисипаторная демократия (от лат. *participate* – участвовать) и делиберативная (совещательная) демократия (от лат. *deliberatio* – размышление, от англ. «*deliberate*» – советоваться, совместно рассматривать), сформировавшимися в середине XX века в США. Однако следует отметить, что интерес к проблематике общественного участия в государственной сфере занимал значительное место в трудах дореволюционных и советских правоведов, например, в связи с исследованием участия общества в работе Государственной думы Российской империи, общественных инициатив и общественного мнения¹.

Широта смыслового наполнения, спектра правовых форм и механизмов общественного участия допускает рассматривать такое участие как:

- *форму вовлеченности* индивидов в принятие значимых решений;

¹ Обнинский, П.Н. Общественная инициатива в государственной сфере / П.Н. Обнинский / П.Н. Обнинский // Юридический Вестник. – 1887. – Том XXVI. – Книга 2 (Октябрь). – № 10. – С. 228–258; Таль, Л.С. Участие общества в работах государственной думы / Л.С. Таль // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1907. – № 9 (2 марта). – С. 648–652.; Ямпольская Ц.А. Участие масс в государственном управлении / Ц.А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1950. – № 12 (декабрь). – С. 49–56; Любутова, А.Н. Общественное мнение и реализация функций государственной власти / А.Н. Любутова // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Академия наук СССР. Институт государства и права. – М., 1981. – С. 13–15.

– *инструмент влияния и распределения* общественных властных полномочий путем такого влияния. Авторы нередко определяют общественное участие через отношения по использованию и распределению властных полномочий, как синоним «гражданской власти» (Ш.Р. Арнштейн (S.R. Arnstein)¹. По мнению С. Верба (S. Verba), «...участие – это действия тех, кто формально не имеет права принимать решения, по влиянию на поведение тех, кто наделен такими полномочиями»². Так, А. Коган, С. Шарп, Д. Херцберг (A. Cogan, S. Sharpe, J. Hertzberg) обосновывают участие граждан как «...процесс, который предоставляет физическим лицам возможность влиять на государственные решения»³.

К. Хеллер, А. Вандерсман и др. (K. Heller, A. Wandersman and etc.) рассматривают общественное участие «...как процесс, в котором люди участвуют в принятии решений по затрагивающим их институтам, программам и окружающей среде»⁴. Общественное участие иногда трактуют при помощи англоязычного понятия «стейкхолдеры», которым обозначают носителей интересов, группу лиц, заинтересованных по отношению к конкретной программе действий, способных оказать содействие или противодействие данной программе;

– *фактор формирования конституционных «чувств»* – патриотизма и гражданственности;

– *процесс*, посредством которого общественные интересы, потребности и ценности включаются в решения органов государственной власти и местного самоуправления. Д.Л. Крейтон (J.L. Creighton) в ходе своего исследования обобщил теорию и практику общественного участия и считает, что «...участие

¹ Arnstein S.R. A Ladder of Citizen Participation / S.R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – Vol. 35. – № 4. – P. 216.

² Verba, S. Democratic Participation / S. Verba // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1967. – Vol. 373. – Issue 1. – P. 55.

³ Cogan, A. Citizen Participation / A. Cogan, S. Sharpe, J. Hertzberg // The Practice of State and Regional Planning; edited by F.S. So; I. Hand B.D. McDowell; International City Management Association; American Planning Association. – Chicago, 1986. – P. 283.

⁴ Heller, K. Psychology and community change: Challenges of the future / K. Heller and etc. – 2nd edition. Homewood, IL: Dorsey. 1984. – P. 339.

лучше всего понимать как непрерывный процесс, посредством которого общественные интересы, потребности и ценности включаются в правительственные и корпоративные решения»¹;

– *показатель качества общественных отношений, когда действия индивидов в своей массе приобретают добровольный, осозанный и активный характер;*

– *форму коллективного действия (поведения), проявление социальной интеграции в концептах солидарного общества и социальной сплочённости.* Солидарность в данном случае трактуется как способность людей объединяться для достижения коллективных целей. Для общественного же сознания социальная солидарность – это своего рода нормативная модель общественного устройства².

Дефиниция «правомерное поведение» при характеристике общественного участия применяется относительно индивидов и общественных объединений (организаций). Так, в исследованиях по конституционному праву «...объединение в смысле поведения (процесса) определено как поведение граждан, результатом которого будут установление и (или) поддержание организационно выраженного единства одного лица с другими – объединения как результата. Под объединением как результатом соответствующего поведения лиц Конституция РФ понимаются любого рода ассоциации, созданные в результате деятельности физических лиц, имеющие формальную определенность и постоянный характер»³.

Общество и государство выступают как нормативно-правовое и институциональное пространства социальных и политических отношений, где форми-

¹ Creighton, J.L. The public participation handbook: making better decisions through citizen involvement / J.L. Creighton. Creighton & Creighton. – San Francisco (USA), 2005. – P. 9.

² Реутов, Е.В. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) / Е.В. Реутов // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – № 3 (19). – С. 115–120.

³ Малый, Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Малый Денис Александрович. – Казань, 2002. – 15 с.

руются массовые поведенческие роли для участия. «Особое внимание, – пишет профессор Ю.А. Тихомиров, – следует обратить на тот тип массовых поведенческих ролей, которые во многом обусловлены принадлежностью людей к определенным слоям общества»¹. Кроме того, общество и государство являются «социальной средой личности», под которой Н.В. Витрук предлагал понимать «общественные условия», оказывающие на личность активное (прямое и косвенное) воздействие. Правомерное поведение же, как сознательная активность личности – это результат непрерывного взаимодействия между ею и средой»².

Подход к общественному участию как к правомерному поведению позволяет определить: *конституционные критерии* правомерного участия (например, посредством таких конституционно закрепленных моделей, воплощающих способы и результаты правомерного поведения, как: взаимодействие, солидарность и сотрудничество); его *цели и направленность* (цели зависят от выбранной стратегии, но выделим генеральные: поддержка государственных решений; влияние и предложения конструктивных изменений государственной политики); *результативность* для целей реализации конституционных прав и свобод, а также народовластие (определяется наличием возможностей влияния на принятие властных решений).

Интерес представляет и такой малоизученный аспект общественного участия, как правомерность спонтанного, неформализованного участия. Такое участие часто неоправданно представляется как участие с большей степенью свободы действий. Как правило, такая форма участия организуется вокруг личности, а не на основе общности интересов; движущей силой, приводящей к участию, выступают неформальные механизмы распространения информации и

¹ Тихомиров, Ю.А. Поведение в обществе и право / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 8.

² Витрук, Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. / Н.В. Витрук. – М.: РГУП, 2016. – С. 220.

договоренности¹. Представляется вполне обоснованным вывод о том, что рост неформального участия – это признак кризиса общественных отношений². Общественное участие касается сферы властеотношений – сферы, традиционно принадлежащей предмету регулирования конституционного права и с этой точки зрения формализация и институционализация участия вполне понятна. Именно формализация и институционализация общественного участия персонафицирует обезличенную общественную власть. Риски же этих процессов состоят в том, что власть государства подкреплена возможностью принуждения и доминирования над обществом и как результат – преимуществом в определении предмета политического диалога³, что дает возможность управлять структурами общественного участия, либо направлять их по пути имитации деятельности, ритуальности, уводящей от результативности и смыслов их создания. Между тем, самоуправление должно оставаться одной из незыблемых ценностей гражданского общества, и потому, даже при признании несомненного потенциала конституционной институционализации и конституционной легитимации моделей и практик общественного участия, государству следует придерживаться общего конституционного регулирования.

В триаде «государственная власть – местное самоуправление – общество» последнее вряд ли должно рассматриваться исключительно как субъект, которого только допускают к участию в осуществлении властных полномочий. Общественное участие есть не просто допущение общества к осуществлению власти, это вид публичной власти⁴, хотя и не формализованный на уровне законо-

¹ Скалабан, И.А. Общественное участие как социальный проект: дис. ... д-ра социологических наук: 22.00.04 / Скалабан Ирина Анатольевна. – Новосибирск, 2017. – С. 53.

² Barber, B. Participation and mass apathy in association. Studies in leadership / ed. by A.W. Gouldner / B. Barber – New York: Harper & Brothers, 1950. – P. 111.

³ Соловьев, А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А.И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 6. – С. 29.

⁴ Попов, Л.Л. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты / Л.Л. Попов, Е.В. Мигачева, С.В. Тихомиров; под ред. Л.Л. Попова. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 320 с.; Останин, О.В. Публичная власть: понятие, свойства / О.В. Останин // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. – 2018. – № 1 (9). – С. 129–134.

дательства. Ведь исходящая от народа власть (а этот постулат часто остается в стороне при обсуждении способов участия общества во власти) – народовластие – единственное, что лежит в основе публичной власти в любой ее форме, а осуществление таковой без содействия общества становится невозможным. Несмотря на то что Федеральный закон от 08.12.2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»¹ не относит структуры гражданского общества к политической власти, отрицать их роль в современных публично-политических отношениях и в целом в политической системе России по меньшей мере недальновидно².

Принципиальный вопрос – в критической разнице между формальным ритуалом общественного участия и обладанием реальной властью. Участие без распределения государственно-властных полномочий – пустой и разочаровывающий процесс. Юридически обязательное общественное участие в принятии публично-властных решений (общественные слушания, общественные обсуждения и т. д.) в том виде, в каком существуют на данном этапе, едва ли в состоянии полностью достигнуть всех целей общественного участия, учитывая, что зачастую они превращаются лишь в ритуал, предназначенный для формально-юридического выполнения требований законодательства, увеличивая тем самым амбивалентность к возможностям общественного участия. С.А. Авакьян отметил, что народовластие, закрепленное как ключевой фактор конституционного строя России, в большей мере трактуется в Конституции 1993 года как «государственное народовластие», то есть осуществляемое государственными органами. У общества же есть лишь соучастие во власти государства и средства

¹ Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 50 (часть III). – Ст. 8039.

² Авакьян, С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 3–4.

воздействия на государственную власть. Далее, развивая идею о необходимости расширения как трактовки народовластия, так и того, что последнее предполагает и осуществление власти в обществе как организацию управления общественными делами, уважаемый ученый предлагает считать это «позитивным отклонением», то есть дополнением одной конституционной закономерности другой, не менее необходимой¹.

В том факте, что российская модель общественного участия строится по так называемому «экспертно-бюрократическому типу», предполагающему что структуры, занимающиеся анализом общественных инициатив, организованы самим государством, либо действуют в его структуре, либо «аффилированы» с ним, нет ничего «антиконституционного». Конечно, у такой модели есть и преимущества, и недостатки. Признание властной природы общественного участия означает понимание такого участия как инструмента, цели и средства, направленных на принятие решения. Соответственно, возможность существенной корректировки со стороны государства тех требований, которые оно устанавливает для общественного участия, сужение его потенциала (неоправданное ужесточение требований к проведению митингов и демонстраций; злоупотреблением правом согласования, а точнее – несогласования публичных мероприятий со стороны органов исполнительной власти; сведение «на нет» практики императивных референдумов в отсутствие норм, регламентирующих консультативные референдумы на уровне большинства субъектов Российской Федерации; игнорирование мнения общественных палат и т. д.), образуют неправомерное поведение государства и нарушение общественного участия как конституционного права и конституционной ценности. Поступая подобным образом, государство демонстрирует отсутствие заинтересованности в развитии институциональной активности со стороны общества, сводя его до символического вовлечения и

¹ Авакьян, С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 5–8.

создания видимости согласования государственно значимых решений. Такая имитация общественного участия ведет к утрате доверия, усилению активности вне существующих институтов и приводит, в конечном счете, к протестам, дезорганизации и социально-политической нестабильности.

Справедливости ради следует отметить, что подобная проблема отчуждения во взаимоотношениях «государство-общество» существует во всех государствах. Например, в американских исследованиях общественного участия различают: 1) участие с наличием полномочий влияния на принятие властных решений (общественный контроль; делегирование властных полномочий общественности; участие в объединениях); 2) символическое вовлечение небольшого числа людей для создания видимости равенства (имитация участия) (сотрудничество с властвующими структурами; консультативные советы с участием общественности; опросы; публичные слушания; связи с общественностью на уровне сбора информации и информирования граждан о правах и обязанностях); 3) «неучастие» (манипулирование; «групповая терапия») как замена подлинного участия¹.

Таким образом, верхний уровень общественного участия предусматривает возможность полноправного участия в переговорном процессе с властными структурами с определенными легальными рычагами воздействия на результат принимаемого решения. Уровень символического участия предполагает возможность быть услышанными, но малочисленность представительства общественности не гарантирует, что их взгляды будут учтены при принятии решений. Серьезный риск при использовании методов консультирования содержится в отсутствии обязательности учета мнения общественности. В данном случае участие измеряется только количеством проведенных мероприятий, но никак не их результативностью («участие в участии»). Не исключены и варианты зло-

¹ Arnstein, S.R. A Ladder of Citizen Participation / S.R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – Vol. 35. – № 4. – P. 216.

употребления со стороны властных структур, что имеет место в российской практике в том числе.

Подводя итог рассмотрению общественного участия как конституционно-правомерного поведения, отметим следующее.

Конституционно-правовую основу общественного участия образуют ст. 3, 13, 29, 30 и 31 Конституции РФ (право народа на участие в осуществлении публичной власти; свобода общественного мнения и путей его выражения; право на объединение; свобода собираться в публичных местах, политический плюрализм). Рассмотрение общественного участия как конституционного правомерного поведения основывается на методологических возможностях социологии конституционного права¹ и позволяет определить мотивы, цели, установки и ценности общественного участия как отношения властвования. Концепция правомерного поведения дает возможность уместить в этом поле и те формы участия, которые непосредственно связаны с властью, направлены на власть (общественное участие), и те, которые касаются в большей степени иных сфер – социальной, экономической, культурной (гражданское участие).

Общественное участие как вид конституционного правомерного поведения в широком смысле представляет собой проявление солидарности, единения, взаимодействия и сотрудничества как основных конституционных моделей отношений между человеком, государством и обществом; в узком смысле общественное участие – это динамическая составляющая общественной власти, процесс распределения власти и ответственности между обществом и государственно-властными структурами в пространстве, где эта власть уже присутствует, а также элемент управления и условие народовластия. Общественное участие как социально значимое и полезное поведение приобретает характер

¹ Червонюк, В.И. Социология конституционного права как методология освоения конституционной действительности / В.И. Червонюк // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11. – С. 85.

правового в результате конституционной легитимации моделей, образцов и практик такого участия.

Необходимо помнить, что для достижения целей социальной справедливости, солидарности, общественного согласия общественное участие должно быть не имитацией, а реальной деятельностью. Для этого государство должно обратить внимание на изучение мотивов общественного участия, ожиданий общества и нахождение оптимальной методологии оценки эффективности различных форм общественного участия.

Цели общественного участия как правомерного конституционного поведения относятся к субъектной характеристике такого участия и могут быть сформулированы через ответы на вопросы: «кто участвует?» и «на что данный вид участия направлен?».

Выделяют цели, которые охватывают большинство требований и являются движущим мотивом общественного участия: 1) узнать предпочтения общественности; 2) улучшить принимаемое решение.

Институты конституционного права теснейшим образом связаны с политическими отношениями несмотря на то, что модель конституционного регулирования таких отношений согласно российской Конституции 1993 года стала такова, что политическая система как категория переместилась к другим наукам (политологии, теории права)¹. Тем не менее, теория конституционного права не может рассматриваться только в формально-правовом аспекте, а должна изучаться как наука синтетическая, а политический подход к изучению конституции позволяет раскрыть сущность данного феномена².

¹ Кабышев, В.Т. Народовластие – определяющая основа конституционного строя России: реалии, тенденции развития / В.Т. Кабышев // Конституционные проблемы народовластия в современном мире: Материалы VI Международного конституционного форума, посвященного 105-летию Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (12 декабря 2014 г., Саратов). Вып. 6. ч. 1: сборник научных статей. – Саратов, 2015. – С. 42.

² Тененбаум, В.О. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права / В.О. Тененбаум // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Вып. 1 (2). – Саратов, 1974. – С. 50.

В российской политико-правовой практике понятие «общественное участие» во многом совпадает по смыслу с понятием «гражданское участие». Акцент делается на вовлеченности граждан в обсуждение и разработку политических, социально-экономических, культурных программ и проектов, разнообразных гражданских инициатив. Указанные формы участия, по крайней мере в трактовке отечественных исследователей, являются менее связанными с властными отношениями и более всего применимы к таким институтам гражданского общества, как некоммерческие общественные организации. Тем самым подчеркивается различие в деятельности политических партий и движений третьего сектора. Российский вариант трактовки общественного и гражданского участия не предполагает включение в них электоральной и протестной активности.

Дискуссии относительно того, что есть «гражданское общество», ведутся на протяжении уже нескольких столетий со времени Просвещения как в зарубежной научной и политической среде, так и в российских мультидисциплинарных исследованиях. Итогом этих дискуссий является признаваемый всеми вывод о том, что взаимоотношения государства и гражданского общества являются наиболее серьезным фактором трансформации общественной системы, ее способности к самообновлению и развитию. При этом в таких взаимоотношениях постоянно появляются новые параметры, а ее основные контрагенты – государство и гражданское общество – находятся в постоянной динамике, характерной для конкретного исторического времени.

Многообразный характер отношений гражданского общества с государством проявляется во всех без исключения сферах социальной жизни: политике и экономике; праве и морали; экологии и культуре, а также многих других, в которых развиваются связи общественности с институтами власти. Продолжается дискуссия и относительно совершенствования политико-правовых механизмов взаимодействия гражданского общества и государства¹.

¹ Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы / С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63–73.

Типология отношений гражданского общества и государства зависит как от сферы рассматриваемого взаимодействия, так и от «фундаментальных ипостасей государства»¹ или его образов и ролевых нагрузок, от которых напрямую зависят способы взаимодействия структур гражданского общества с органами государственной власти. Рассмотрим их подробнее.

1. Стратегия союзничества. История политической и правовой мысли знает немало попыток объяснить, что такое государство. При этом число таких попыток многократно превосходит попытки ответа на вопрос, что такое гражданское общество.

При всем многообразии подходов к пониманию государства и его качественных характеристик очевидным является утверждение о том, что государство есть политический институт с определенным типом организации политической власти. Политический характер государства выявляется в межгрупповой конкуренции и борьбе за власть. Из этого вытекают одни из основных задач государственной политики, определяющие в данном аспекте характер отношений государства с гражданским обществом, а именно: укрепление позиций достигшей власти группы и легитимация правящего режима, а также пресечение центробежных тенденций. Для решения этих задач государство стремится к интеграции структурно образующих элементов гражданского общества воедино, путем объединения целей. Соответственно, самодеятельность населения, имеющая направленность на установление иных, отличных от общегосударственных форм социального контроля, часто расценивается органами власти как посягательство на основы государственного устройства и, как правило, предполагает резкую (включая силовую) реакцию на подобного рода проявления.

Формы активности гражданского общества находятся в зависимости от типа государственно-политического режима: в тоталитарных режимах возможность несанкционированной государством политической активности граждан

¹ Чиркин, В.Е. Три ипостаси государства / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 111.

чаще всего отсутствует полностью. В демократических государствах самостоятельность гражданского общества в политическом контексте проявляется в деятельности партий, движений, групп интересов, в электоральной активности населения. В последнем случае стратегия союзничества проявляется в том, что государство и институты гражданского общества одновременно стремятся к лидерству. Не только власть стремится расширить зону своего политического контроля над гражданским обществом, но и последнее нацелено на увеличение своих прерогатив за счет полномочий органов властного регулирования.

Конечно, не следует исключать ситуации, когда каждый из указанных субъектов может пренебречь достигнутым балансом, ориентируясь на соображения политической целесообразности либо на достижение сиюминутных целей, что неоднократно демонстрировала историческая практика (например, политические кризисы 1991 и 1993 годов). Недопущение подобных ситуаций видится в конституционализации политической системы. При этом под конституционализацией предлагается понимать не только закрепление основ взаимоотношений гражданского общества и государства (первичная конституционализация), но и практические действия, как предписанные государством, так и реализуемые в неформальных практиках, в результате которых конституционные основы расширяются за счет интерпретации, в частности Конституционным Судом РФ (вторичная конституционализация), и конституционализации законодательства, регламентирующего деятельность структур гражданского общества. Таким образом усиливается степень влияния конституционного права на данный вид общественных отношений.

В силу того, что политическая власть в большей степени институционализирована и подкреплена структурами принуждения и доминирования над обществом в целом, она обладает значительным преимуществом в определении предмета политического диалога. Обладая подчас неконтролируемыми возможностями придавать статус политической проблемы любой ситуации, государство может инициировать диалог с обществом, а может игнорировать те или

иные вопросы в качестве политических. В этом случае структурам гражданского общества приходится прилагать определенные усилия (чаще всего в виде «давления общественности») для восстановления баланса политических сил. Приоритеты же гражданского общества проявляются, например, в поворотных точках политического процесса – на выборах, при формировании органов государства, то есть в тех случаях, когда именно от общества зависят перспективы изменения и обновления власти.

Принципиально важным для конструктивного диалога, взаимодействия и устойчивой связи структур гражданского общества и государства в лице его органов является определение общих ценностно-идеологических ориентиров.

Таким образом, данный тип стратегии предполагает, что укрепление государства и его институтов неотделимо от развития и становления гражданского общества, а сами структуры гражданского общества максимально вовлечены в политические процессы. Соответственно, совершенствование механизма их взаимодействия должно осуществляться через совершенствование политических функций: легитимацию государственной власти; общественно-политический контроль за принятием и реализацией государственных решений; участие негосударственных институтов в процессе принятия и реализации государственных решений посредством вовлечения общественности в правотворческий и правоприменительный процесс; делегированное осуществление государственных монопольных прав.

2. Стратегия «борьбы» или противопоставления гражданского общества и государства.

Иная стратегия отношений образуется во взаимодействии государства с гражданским обществом, когда в государстве имеет место конфликтное противостояние государственной политики и общественных интересов.

Как известно, «рисунок» государства зависит от конкретно-исторического периода и господствующей идеологии: «государство-семья» у древних китайцев; государство как союз составляющих его граждан; государ-

ство как воплощение божественного права царя (императора) у древних египтян, индийцев, римлян; «государство – это я» в абсолютной монархии; государство как орудие подавления одного класса другим в марксистско-ленинской теории.

Российская Конституция в ст. 1 провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым федеративным государством с республиканской формой правления. Ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Естественно-правовые начала основного закона страны предполагают некоторое противопоставление индивидуума и государства, но ракурс такого противопоставления может быть разным: государство может быть «злом», государство может быть «добрым благодетелем», государство может находиться на службе у человека, гарантируя соблюдение и защиту его прав.

В XVIII веке появилась понимание гражданского общества как специфического по своему устройству и независимого от государства. Гражданское общество представлялось как полностью индивидуализированное, автономное от государства, состоящее с последним в непринудительных отношениях (в отличие от политических институтов). Распространенное понимание гражданского общества, воспринятое Россией, чаще всего соответствует именно обозначенной исторической традиции противостояния. Принято противопоставлять гражданское общество государству и подчеркивать роль свободного индивидуального выбора при самоорганизации гражданского общества: «общество автономных индивидов», «совокупность институтов и отношений, функционирующих независимо от политической власти» и т. д. Подобная трактовка очень сближала Россию с доминирующими, основополагающими, базовыми ценностями западных обществ, но вопрос о ее продуктивности для Российской Федерации остается открытым.

Формируемый негативный образ российского государства (как результат критики и даже брани политиков в адрес институтов публичной власти в СМИ, в интернете), в том числе и со стороны структур гражданского общества, налагаемый на интерпретацию свобод человека как свободы от обязанностей перед государством, ставит под угрозу существование последнего. При сохранении такой ситуации будет иметь место модель поведения, при которой в более активном виде мы получаем поступки и действия, прямо направленные против государства и всего, что с ним связано (включая беспорядки, неподчинение закону, антигосударственные выступления как в виде публикации соответствующих текстов и устной негативной пропаганды, так и в виде несанкционированных митингов, демонстраций и т. д.), а в менее активном виде – это конформистские проявления в виде пассивности людей в ситуациях, когда требуется выполнение своих обязанностей, всяческое избегание персональной ответственности.

Высказанное мнение не означает, что государство не должно быть объектом критики со стороны структур гражданского общества, но при взятой за основу стратегии борьбы и противостояния критика становится самоцелью.

В ходе применения идей гражданского общества в практике социального развития стран Европы и США постепенно происходила своеобразная «притирка» заявленных идей к социальной практике. В результате этого процесса понимание гражданского общества все больше становится элементом идеологической системы, увязывающейся с доминирующими в обществе институтами, в том числе и с властными институтами. Таким образом вновь актуализируется вопрос об идеологической обусловленности и ценностной нагруженности в отношениях между гражданским обществом и государством, то есть вопрос о четко сформулированной государственной идеологической доктрине, в основу которой положена национальная идея.

Реализация идеологической функции возможна не только в контексте реализации полномочий со стороны органов государственной власти, но и со сто-

роны функционирования институтов гражданского общества, а также отдельных индивидуумов как самостоятельных и заинтересованных субъектов общественных отношений. Условием для подобной легитимации государственной идеологии выступает необходимость правовой фиксации баланса интересов общества и государства в качестве конституционно защищаемой ценности. В противном случае идеологическая функция государства «поработит» общественные интересы, достоинства личности, проявит прочие исторически известные и негативные формы своего выражения, обретет исключительно схоластическое содержание в виде государственной пропаганды.

Национальная правовая идеология неизбежно испытывает влияние глобализационных процессов, планетарных общечеловеческих ценностей и стандартов. Однако в ее основе должны лежать национальные, а не импортированные традиции и менталитет, поскольку копирование заимствованных теорий и практик развития не способно обеспечить их адекватное восприятие субъектами общественных отношений в качестве основы или стимула должного поведения.

В завершение представленных размышлений отметим, что, несмотря на упреки по поводу незрелости российского гражданского общества, нельзя не признать тот факт, что в России идет активный процесс его становления. Возможно, параметры гражданского общества российского образца не соответствуют принятым западным стандартам, не укладываются в известные матрицы. Но главным для нас является не столько получение одобрения со стороны, сколько качественное, отвечающее национальным интересам преобразование характера отношений между государством и обществом.

В качестве итогового вывода предлагается тезис о том, что основополагающим элементом механизма взаимодействия структур гражданского общества и государства может выступать стратегия сотрудничества друг с другом и совместное участие в принятии политических решений. Объединяющим и связующим элементом должна стать государственная идеологическая доктрина, в

основу которой положена национальная идея и в которой будет отражена идеологическая роль гражданского общества.

Одним из важнейших факторов развития гражданского общества, позволяющих вовлечь как можно большее число людей в процесс принятия властных решений, является законодательное оформление его отношений с органами власти. Начальный этап правового регулирования гражданского общества выразился в создании органа общественно-политического представительства – Общественной палаты Российской Федерации, а с учетом федеративного устройства государства объективно потребовалось создание специальных органов такого представительства в субъектах Российской Федерации – региональных общественных палат. Сегодня они есть во всех субъектах Российской Федерации, включая Республику Крым и город Севастополь, а также во многих муниципальных образованиях. Деятельность общественных палат в субъектах Российской Федерации осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации»¹, Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»², а с 1 января 2017 г. и Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации»³.

Деятельность региональных общественных палат находится в совместном ведении РФ и субъектов РФ, а именно: данный вопрос можно отнести к п. «б» ст. 72 Конституции РФ: защита прав и свобод человека и гражданина. Кроме того, институт общественных палат некоторые исследователи относят как к

¹ Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.

² Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.

³ Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3852.

классическим, так и к перспективным формам участия граждан в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ)¹, уравнивая его с институтами демократии, а также применительно к их деятельности вводят понятие «предметов ведения общественных объединений, участвующих в управлении делами государства». То обстоятельство, что Общественные палаты являются на сегодняшний день основным структурным элементом создаваемой системы общественного контроля, которая может стать одним из механизмов реального участия наиболее подготовленных граждан в управлении делами государства, не вызывает сомнений.

Вопрос о природе института общественных палат как федерального, так и регионального уровней относится к числу дискуссионных и пока находится в стадии разработки. Несмотря на то что что Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов РФ не составляют единую иерархическую систему², можно с полной уверенностью утверждать, что они обладают единством своей общественно-политической и правовой природы.

Одними авторами данный институт гражданского общества характеризуется как исключительно общественный, а не политический, поскольку не участвует в распределении власти и в борьбе за ее осуществление. Более того, отмечается его гуманитарно-научный характер, так как общественные палаты создаются для согласования интересов общества и государственной власти³.

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 декабря. (первоначальный текст).

² Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2011 г. № 86-Г11-6 Об отказе в признании недействующей статьи 8 Закона Владимирской области от 25 декабря 2009 г. № 177-ОЗ «Об Общественной палате Владимирской области» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Христинич, А.С. Понятие и политико-правовая природа Общественной палаты Российской Федерации / А.С. Христинич // Юристъ-Правоведъ. – 2012. – № 5 (54). – С. 12–15.

П.А. Астафичев характеризует общественные палаты как представительные учреждения¹, которые, по мнению В.В. Граба, призваны стать одним из средств коммуникации между обществом и властью².

По мнению Ю.А. Тихомирова, правовая природа такого смешанного института гражданского общества, как общественные палаты, обусловлена конституционными принципами народовластия, приоритета прав и свобод человека и гражданина и представляет собой структурно-правовой способ легального самовыражения и социализации личности; способ непосредственного выражения мнений, предложений, позиций граждан по вопросам общественной жизни; способ прямого участия в принятии социально значимых решений³.

В региональных законах статус общественных палат до введения в действие ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации» определялся неоднозначно: в одних субъектах они названы «совещательным органом», в других – «коллегиальным совещательным (консультативным) и организационным органом», в-третьих – «общественным совещательным органом». Специальный федеральный закон не содержит дефиниции «общественная палата субъекта Российской Федерации» и «умалчивает» о месте палаты в системе публичных институтов регионального уровня. В первой же статье рассматриваемого закона указывается лишь на предназначение палаты – учет потребностей и интересов, защита прав граждан,

¹ Астафичев, П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования / П.А. Астафичев // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 5.

² Гриб, В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества / Гриб В.В. // История современного государства и права. – 2010. – № 10. – С. 35.

³ Тихомиров, Ю.А. Гражданское общество в фокусе права / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2013. – № 10 (202). – С. 38.

профессиональных и социальных групп, осуществляющих деятельность на территории субъекта РФ. Как отмечается в юридической литературе, с одной стороны, общественные палаты создаются при патронаже государства, финансируются государством, а с другой – делается попытка дистанцировать их от системы органов государства. Но способ решения этой задачи выбран чрезвычайно простой – умолчание о главном (о правовом характере созданного института)¹.

Р.М. Курмаев, анализируя правовую природу федеральной Общественной палаты, приходит к выводу о том, что она является общественной организацией, хотя и имеющей особый статус, позволяющий обществу через данный институт осуществлять контроль за высшими органами государственной власти, принимать участие в их работе, выходить к ним с собственными инициативами. Уникальность данного института заключается в том, что при отсутствии развитого гражданского общества он позволяет наиболее активной его части реализовать свои потребности в оказании влияния на государственную власть. Вместе с тем своей реальной работой (своим примером) данный институт подхлестывает отстающую (аморфную) часть общества к активной деятельности в указанном направлении. Это как раз и позволит ускорить процесс становления и развития гражданского общества в России»². Другой автор – В.Н. Руденко – считает, что Общественная палата является не сугубо общественным, а государственно-общественным органом, что аппарат Палаты, созданный в форме государственного учреждения, практически является составным элементом единого государственного аппарата³. По мнению В.Е. Чиркина, государствен-

¹ Малый, А.Ф. Малая, Т.Н. Общественная палата субъекта Российской Федерации: некоторые проблемы определения правового статуса / А.Ф. Малый, Т.Н. Малая // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 5. – С. 38–40.

² Курмаев, Р.М. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: дис. ... канд. юрид. наук:12.00.01 / Курмаев Рустам Мусаевич. – Коломна, 2006. – С. 143.

³ Руденко, В.Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности / В.Н. Руденко // Политэкс. – 2006. – № 3. – С. 145.

ные учреждения в зависимости от выполняемых ими задач могут входить или нет в состав государственного аппарата. Аппарат Общественной палаты, считает он, является элементом государственного аппарата, так как ведет подготовительную работу для принятия органами государства публично-властных решений, то есть государство, будучи заказчиком и получателем рекомендаций Палаты, осуществляет финансовое и организационное обеспечение ее деятельности. В связи с этим закономерно возникает сомнение в объективности и беспристрастности заключений Палаты¹. Согласно позиции А.А. Богородского, «...особый статус общественных палат состоит в том, что, с одной стороны, не являются общественными организациями как таковыми, с другой – они включены в систему публичной власти, созданы на основании публично-властных предписаний, хотя их решения и носят в основном рекомендательный характер. В теоретических дискуссиях по данному вопросу общественные палаты предлагается рассматривать в качестве особых общественно-государственных институтов публичного права, создаваемых на основе конкретных правовых актов и, в частности, законов»². Как бы то ни было, за счет большого научного и организационно-технического потенциала общественные палаты способны качественнее проводить общественную экспертизу, нежели отдельные общественные объединения. Кроме того, они способны выполнять функцию переговорной площадки для осуществления гражданского диалога, что в итоге будет способствовать поиску и нахождению компромиссных решений в законодательном процессе.

Общественные палаты субъектов РФ призваны расширить общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, что само по себе весьма позитивное явление. Так, Ю.Г. Евстафьева отмечает: «Общественная палата как

¹ Чиркин, В.Е. Публичное управление: учебник. / В.Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 2004. – С. 100–108.

² Богородский, А.А. Общественная экспертиза в законодательном процессе / А.А. Богородский // Юридический вестник: Межвузовский сб. науч. трудов. – Пенза, 2006. Вып. 21. – С. 90.

структура, представляющая мнение общества по тем или иным вопросам проводимой политики, осуществляющая общественный контроль за деятельностью органов власти, располагает механизмом сдерживания роста негативных проявлений как во власти, так и в обществе... Полномочия Общественной палаты дают основания определить данный орган как переговорный, способный достичь консенсуса на любом уровне (как на федеральном, региональном, местном уровнях, так и в общественном масштабе)»¹. Данным автором предлагается рассматривать Общественную палату как один из механизмов юридического консенсуса в двух значениях: в узком – юридический механизм принятия решений; в широком – цель гражданского согласия.

В Докладах Общественной Палаты РФ неоднократно отмечалось, что Палата – это функциональный институт, неполитического представительства², не относящийся к органам власти³. На необходимость дополнительной проработки вопроса о правовом статусе Общественной палаты, которая является формой взаимодействия граждан и органов государственной власти, но при этом имеет аппарат в форме государственного учреждения, указывает не только научное сообщество, но и Правительство РФ в своем Заключении «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»⁴. Однако положения законопроекта в этой части так и не были уточнены.

Общественная палата РФ и общественные палаты субъектов РФ не входят в систему органов государственной власти соответствующих уровней. В профильных федеральных законах вопрос о правовом статусе как федеральной Общественной палаты, так и общественных палат субъектов РФ в российской

¹ Евстафьева, Ю.Г. Роль Общественной палаты в достижении юридического консенсуса / Ю.Г. Евстафьева // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 2 (7). – С. 148.

² Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения 18.12.2021)

³ Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения 18.12.2021)

⁴ Заключение Правительства РФ от 30.11.2004 № 5530п-П15 «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

системе публичной власти обойден стороной, несмотря на то что эти государственно-общественные формирования, без сомнения, могут быть отнесены к новым субъектам конституционно-правовых отношений. Очевидно одно – создаются они по инициативе государства, но состоят из представителей общественных объединений и некоммерческих организаций¹. В отношении общественных палат С.А. Авакьян отмечает, что они призваны стать лидером общества, так как другие организационные единицы охватывают какие-то части населения, а Общественная палата выступает от имени всего общества, консолидирует общественное мнение, превращая его в свои позиции, которые доводятся до сведения государства².

Отметим, что и потенциал актов общественных палат еще до конца не изучен. При этом региональные общественные палаты являются не просто субъектами общественного контроля, а системообразующими его центрами. Поэтому большинство актов палат можно отнести к правоприменительным актам, являющимся составной частью механизма правового регулирования общественных отношений в сфере осуществления палатами общественного контроля за деятельностью территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия на территории субъекта Российской Федерации.

В последние годы деятельность региональных общественных палат заметно активизировалась, сегодня большинство из них имеет собственную повестку и проекты. Спектр вопросов, обсуждаемых на мероприятиях региональных общественных палат, весьма разнообразен. Одним из важнейших направ-

¹ Васильев, С.А. Государственно-общественные формирования как субъекты конституционно-правовых отношений / С.А. Васильев // *Lex russica*. – 2017. – № 1. – С. 153–163.

² Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – Т. 1. – С. 508.

лений деятельности общественных палат, особенно в регионах, является налаживание диалога между представителями протестных движений и органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Примером тому может служить проект «Русской медной компании» по строительству горно-обогатительного комбината в Сосновском районе Челябинской области на Томинском месторождении медно-порфировых руд. Это один из самых масштабных проектов в медной отрасли. Наряду с миллиардными инвестициями и новыми рабочими местами, он предполагает существенное воздействие на природную среду. Проект встретил неоднозначные оценки в обществе. Стихийный протест получил организационную составляющую, в Челябинске прошли пикеты и митинги, начался сбор подписей против строительства. Благодаря организованным на площадке Общественной палаты Челябинской области мероприятиям удалось перевести очень острые экологические вопросы из сферы публичного противостояния в правовую плоскость и найти приемлемое решение, которое наглядно продемонстрировало, что между обществом и властью нет и не может быть таких противоречий, которые принципиально неразрешимы.

Определяемое конституционными установлениями поле так называемой делиберативной демократии предусматривает различные формы конституционного участия в обсуждении общественно важных вопросов. Основной из таких форм являются публичные слушания, легитимность которым была придана Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. Исследователи данного конституционно-правового института предлагают следующую классификацию публичных слушаний: 1) в зависимости от иницилирующего субъекта слушания подразделяются на иницилируемые общественностью и

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

управляющим субъектом; 2) в зависимости от уровня организации публичной власти слушания делятся на местные, региональные и федеральные, а также межрегиональные и межмуниципальные; 3) по степени необходимости их можно разделить на обязательные (принудительные) и необязательные (факультативные); 4) в зависимости от включенности публичных слушаний в правотворческий процесс выделяется два вида слушаний – включенные и не включенные; 5) по критерию периодичности – вовлеченность на постоянной основе и ситуативные (случайные).

В качестве одной из целей осуществления совместных действий основных субъектов конституционно-правовых отношений следует определить солидарность взаимного развития человека (личности, гражданина) и государства. К конституционным принципам взаимоотношений человека и власти, по мнению Г.Н. Комковой, следует отнести: всеобщность и неотчуждаемость основных прав и свобод человека (ст. 17 Конституции); непосредственное действие прав и свобод человека и гражданина (ст. 18); обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2); государственные гарантии равенства прав и свобод человека и гражданина (ст. 19); справедливость; единство прав и обязанностей (ст. 6); взаимную ответственность власти и человека¹.

Для целей разработки конституционно-правовой концепции взаимодействия государства и человека представляют научный интерес предлагаемые С.А. Васильевым *признаки взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений*: закрепление на уровне нормативных актов принципиальных положений и более детальное их регулирование на стадии правоприменительной деятельности при помощи распорядительных документов; осуществлении действий субъектов, направленных друг на друга, как сущности взаимо-

¹ Комкова, Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России / Г.Н. Комкова // *Lex russica (Русский закон)*. – 2009. – Т. 68. – № 2. – С. 344–348.

действия; взаимодействие предполагает осуществление мероприятий, достижение поставленных целей путем реализации общих или схожих полномочий в той или иной сфере; наличие цели взаимодействия.

К основным *формам взаимодействия* субъектов конституционно-правовых отношений указанный автор предлагает относить: передачу полномочий одним субъектом другому с одновременным осуществлением надзора за правильным исполнением переданных функций; принятие совместных решений с использованием различных согласительных процедур, включая процедуры одобрения, согласования и прочие; информационный обмен, выражающийся в уведомлении субъектов о юридически значимых действиях, направлениях запросов для получения необходимой информации, изучения проектов нормативных правовых актов, получения экспертных заключений от правоприменителей касательно проекта нормативного правового акта и т. д.¹

Полагаем, что еще одним важным элементом рассматриваемой конституционно-правовой концепции должно стать *конституционно-правомерное поведение взаимодействующих субъектов*.

Для признания поведения субъектов взаимодействия конституционно-правомерным необходимо, чтобы оно отвечало следующим критериям: 1) конституционность интереса субъекта; 2) конституционность цели; 3) соответствие (непротиворечие) нормам права, если они непосредственно регламентируют поведение в конкретной ситуации; 4) при отсутствии регулирующей нормы – соответствие правовой модели (алгоритму), выраженному в правовых позициях Конституционного Суда РФ; 5) конституционность мотива действий, направленных на достижение конкретного правового результата; 6) конституционность способов, методов и средств, используемых для его достижения.

Если субъекты взаимодействия (человек и государство, в лице его органов) придерживаются в выборе вариантов правового поведения конституцион-

¹ Васильев, С.А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений / С.А. Васильев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 22–23.

ных средств, форм и способов, то это косвенно свидетельствует о признании соответствующей частью участников правовых отношений требований Конституции справедливыми. Однако прямая зависимость в данной ситуации отсутствует, так как субъект конституционно-правовых отношений может выбирать тот или иной способ правового поведения не в силу убежденности в полезности этого действия (социальной, общественной, государственной), а в силу нежелания наступления ответственности. Значимость и ценность конституционно-правомерного поведения в контексте взаимодействия государства и человека заключается и в том, что оно служит своеобразным маркером уровня доверия социума к институтам государственно-политической системы, что при эффективности системы мониторинга и функции обратной связи позволяет своевременно корректировать структурные и функциональные характеристики этих институтов в соответствии с потребностями конституционного развития. В указанном смысле конституционно-правомерное поведение имеет инструментальное значение и выполняет своеобразную «сигнальную» функцию. Она заключается в том, что выявление отклонения правового поведения от конституционной модели взаимодействия свидетельствует о необходимости ревизии качества закона, установления дифференцированных правовых режимов, направленных на обеспечение конституционности правопользования, разработки и осуществления комплекса мер, позволяющих обеспечить конституционную мотивацию действий субъектов правовых отношений. Своевременная реакция государства на результаты такого мониторинга позволяет противодействовать и своевременно предупреждать возникновение неправовых (неконституционных) способов реализации участниками правовых отношений своих интересов.

Присутствие человека и государства в Конституции многомерно, а сфера частной жизни неотделима от жизни публичной. Конституционное взаимодействие государства и личности – это многогранный и многоаспектный процесс, для понимания которого нужны новые научные концепции и системно-структурные конституционно-правовые научные парадигмы. Нужно соответ-

ствующее духу времени осмысление природы конституционного воздействия на государство, человека и общество, поскольку одной теории правоотношений для этих целей уже недостаточно. Современное российское правовое пространство представляет значительно больше возможностей для формирования личности, чем предшествующие исторические периоды. Если двадцать пять лет назад при помощи права формировался и ценился «усредненный», исполнительный и не отличающийся активностью тип личности, то ныне формируется образ гражданина инициативного, способного реализовывать свои внутренние задатки, использовать предоставленные государством возможности и нести ответственность за качество своей жизни. Вне всякого сомнения, сегодня создаются условия для самоопределения и самореализации личности как участника политического процесса, для оказания сильного воздействия личности на функционирование разнообразных общественных институтов. В основе этого процесса – идея об индивидуальной свободе, понимаемой как возможность выбора личностью своего правового поведения, в том числе, в экономической, социальной, политической сфере. С другой стороны, не должно остаться без внимания и конституционное «государствопонимание», поскольку конституционное регулирование неотделимо от государства, являясь одновременно фундаментом для общественной жизни.

В западной политологии идеи общественного участия активно разрабатываются в контексте концепции «демократии участия» и таких ее видах, как партисипаторная демократия (от лат. *participate* – участвовать) и делиберативная (совещательная) демократия (от лат. *deliberatio* – размышление, от англ. «*deliberate*» – советоваться, совместно рассматривать). В самом общем плане партисипация может быть определена как «...всякая добровольная активность, направленная на то, чтобы влиять, прямо или косвенно, на политический выбор на различных уровнях политической системы», делиберативную демократию наиболее кратко определяют как «...честное и открытое обдумывание сообществом достоинств конкурирующих политических аргументов». При этом демо-

кратия участия включает методы управления, присущие совещательной демократии, что позволяет говорить о приоритетности исследования именно партисипаторной демократии как наиболее перспективного способа трансформирования институтов представительной демократии. Идеи партисипаторной демократии возникают как альтернатива традиционной модели демократии. Хотя она и включает широкий перечень методов управления, ее основной целью является легитимация решений и действий органов публичной власти путем создания процедур, которые позволяют каждому индивиду принять участие в их выработке, реализации и контроле за их результативностью. Эти процедуры придают решениям, принятым государством, статус «публичного интереса», выраженного коллективным разумом. Согласно толковому словарю английского языка (Oxford Dictionary) партисипаторная демократия (participatory democracy) – это прямое участие индивидов в принятии политических решений путем прямых действий без посредничества выборных представителей. В соответствии с Оксфордским справочником (Oxford Reference) демократия участия является реинкарнацией древнегреческого идеала народовластия, то есть прямой демократией, где все граждане активно вовлечены в процесс принятия наиболее важных решений. Данный справочник указывает, что недостатком партисипаторной демократии является сложность и длительность принятия решений. При этом отмечается, что демократия на основе участия может быть эффективной только в группах, включающих не более 500 активных членов. Хотя и другие источники указывают на недостатки демократии участия, это не препятствует государствам успешно внедрять методы партисипаторной демократии, в том числе, на уровне конституционного права, например, в Бразилии где партисипаторность закреплена в конституции как один из признаков государства.

«Конституционное участие» является по сравнению с поведением более узким понятием, имеет собственное содержание и ряд отличительных особенностей, а именно:

– является формой правовой активности, противопоставляется не участию или уклонению от участия (например, избирателей от участия в выборах), но также бездействию, которое также является формой конституционно-правового поведения;

– характеризует преимущественно действия граждан, подразумевает осознанный, рациональный и целенаправленный характер в противоположность стихийным действиям иных субъектов;

– выполняет инструментальную роль для описания конституционно-правомерного поведения, поскольку последнее как юридическая категория является более широким понятием.

Завершая рассмотрение конституционно-правовой категории «участие в управлении делами государства», отметим следующее: участие в управлении делами государства, будучи основой современной демократии, не является чем-то навсегда определенным и застывшим. Изменяются парадигмы и условия, в которых реализуются формы такого участия, появляется цифровой аналог конституционно-правовых общественных отношений, меняется роль общества во взаимодействии с государственными структурами, российский опыт демократического участия дополняется опытом международным, что открывает возможности исследования различных аспектов этой основополагающей конституционно-правовой категории.

3.3. Гражданское участие как форма правомерного поведения в российском конституционном праве

Идея гражданского участия свое начало берет с античной эпохи и подразумевает вовлечение управляемых в управление делами государства и общества. Проблема влияния граждан на деятельность органов власти и процесс принятия решений, затрагивающих общественные интересы, постоянно нахо-

дится в конституционно-правовой научной и публикационной повестке как в России, так и за рубежом.

Процессы трансформация понимания негативной свободы от ограничений к идее свободы как каталогу возможностей и их осуществления, примат личных прав над политическими оказали за последнее столетие существенное влияние на концептуализацию феномена участия индивидуумов, разделив его на социальное, политическое, общественное, гражданское. В зарубежных и отечественных публикациях по данной тематике понятия «гражданское участие» и «общественное участие» зачастую используются как близкие по смыслу. Однако необходимо отметить, что дискурс гражданско-общественной активности несет на себе отпечаток как минимум двух традиций – западной, с ее пониманием гражданского общества, с соответствующим пониманием гражданского активизма – и советской традиции общественной работы¹. Следующим этапом познания процессов участия в публично-правовой сфере стало признание того факта, что происходит стирание границ в различии указанных видов участия, с наблюдаемым ростом индивидуализированных форм участия и участия в сетевых интернет-сообществах общественно-политической направленности. Целью настоящего исследования является обогащение сегодняшнего понимания гражданского участия, используемого в конституционно-правовых дискуссиях, представления о нем как о форме правомерного конституционно-правового поведения, что позволяет приблизиться к пониманию целей, мотивов и ценностей такого участия для расширения использования потенциала гражданской активности в законодательстве и правоприменительной практике.

Использование термина «участие» предполагает широкий спектр характеристик: действие, бездействие, содействие, деятельность. Как уже отмечалось, участие как форма правомерного поведения предполагает доминирование рационально осознанных императивов в условиях общества и государства, ко-

¹ Скалабан, И.А. Участие и общественное участие как социологические категории / И.А. Скалабан // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – С. 50.

торые в свою очередь культивируют гражданственность человека, влияют на него.

Конституционно-правовая природа гражданского участия в силу многообразия его форм, способов, моделей и проявлений производна от властеотношений, общественного и конституционного строя и может быть охарактеризована как интегративная. Гражданское участие – это многомерное понятие, наполняемое различными смыслами, единой дефиниции которого на сегодняшний день нет. Под гражданским участием понимают «...адаптивную публичную активность, связанную с реализацией универсальных прав и свобод... обеспечивающих воспроизводство конституирующих ценностей и норм гражданского общества, сложившихся институциональных практик, а также гражданской идентичности»¹; «...конституционно зафиксированную и гарантированную правовыми институтами возможность граждан публично высказывать свою позицию, объединяться с единомышленниками для обмена мнениями, для пропаганды своих взглядов, для оказания организованного влияния на органы власти»²; «центральную идею гражданства... сознательное соучастие, целью которого ставится реальное изменение, не касающееся при этом реформирования политической системы»³; «синоним гражданского управления»⁴ и гражданской власти; «...новую разновидность делегативной демократии, ... институты которой формируются в качестве альтернативы представительным органам власти и

¹ Патрушев, С.В. Гражданская активность как фактор модернизации // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян. Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 262–275.

² Холмская, М.Р. Политическое участие как объект исследования // Электронная библиотека «Гражданское общество России». [Электронный ресурс] URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kholmская-1999-5.pdf> (дата обращения: 17.12.2021 г.)

³ Гражданское соучастие. – Политология. Словарь. / под ред. В.Н. Коновалова. – М.: РГУ, 1995. – С. 209.

⁴ Арнштейн, Ш. Лестница гражданского участия / Ш. Арнштейн // Журнал Американского института градостроителей. – 1969. – № 4. – Том 35. – С. 216–220.

обеспечивают независимую от этих органов легитимацию нормативных правовых актов, решений и действий органов исполнительной власти»¹.

Важным обстоятельством гражданского участия является сочетание в нем политико-правовой и общественно-социальной составляющей. Между обозначенными составляющими крайне затруднительно, да и нет необходимости проводить четкое разделение, однако следует признать, что каждое из направлений гражданского участия имеет свою специфику, которая состоит в различии мотивов, целей, форм и способов его осуществления.

Для опыта теоретизирования общественно-конституционных поведенческих практик предлагаем условно разграничивать гражданское и общественное участие. В основу такого разграничения предлагаются следующие критерии: легитимизация в законодательстве; наличие соответствующих государственных механизмов, институциональных форм и правил осуществления участия (так как любой правовой институт – это потенциальный набор возможного поведения); цели участия; мировоззренческие и ценностные установки (например, социальное и межличностное доверие, а также готовность объединяться); степень самоорганизации. По этим критериям под гражданским участием предлагается понимать неполитическое участие, такое как: включенность в практики частных пожертвований; помогающее поведение (помощь конкретным людям); неформальная общественно полезная активность и подобные. Практики же политической активности предлагаем относить к категории «общественное участие», еще раз подчеркнув, условность подобного разделения для исследовательских целей.

Гражданское участие представляет собой не просто процесс, а принцип и способ бытия гражданского общества, отражение определенного среза общественной жизни, один из путей к политическому и социально-экономическому

¹ Филиппова, Н.А. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии / Н.А. Филиппова // Антиномии. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 101.

плюрализму и самоуправлению, способный компенсировать в ряде случаев неэффективность деятельности государственных структур в реализации общественных интересов, обеспечении реального равенства и доступа к влиянию на политико-правовые процессы¹. При гражданском участии преимущественно речь все же идет о невластных (горизонтальных), неподконтрольных и неподотчетных государству отношениях, в которых поведение индивидуумов далеко не всегда находится под непосредственным влиянием юридических норм и актов применения права. При характеристике правового аспекта рассматриваемого феномена ключевым является не механизм государственного воздействия, а «...механизм саморегулирования с его нормами-самообязательствами и этико-правовыми установлениями»². В связи с этим важным представляется то обстоятельство, что правовой характер гражданского участия как юридически значимого поведения возникает под действием общерегулятивных конституционных установлений не столько о народовласти, приоритете прав и свобод человека и гражданина, сколько о духовно-нравственных объединяющих началах российской Конституции, приоритете морали над правом, что соотносится с исторически сложившейся в российской общине традицией решать все вопросы с позиции не столько правовых, сколько нравственных начал. Гражданское участие выступает способом «...легального самовыражения и социализации личности»³ при условии *непротиворечия* конституционным нормам-принципам, нормам-целям, конституционно-правовым ценностям и стандартам и даже конституционным традициям.

Гражданское участие, впрочем, как и любое другое проявление активности в конституционно-правовой сфере, невозможно без субъекта, а значит, по-

¹ Платонова, Д.В. Гражданское участие и информационное участие (к определению понятий) / Д.В. Платонова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 1. – С. 101–102.

² Тихомиров, Ю.А. Гражданское общество в фокусе права / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2013. – № 10 (202). – С. 37.

³ Тихомиров Ю. А. Указ. соч. – С. 40.

следний выступает его центральным элементом. Субъектный состав гражданского участия представлен как отдельным гражданином, так и организованными общностями людей. Суть поведенческого (деятельно-активистского подхода) к пониманию и конституционно-правовому анализу гражданского участия состоит именно в признании особой ценности индивидуальных субъектов гражданского участия. Именно активные и сознательные граждане, обладающие собственной позицией по вопросам общественной жизни и конструктивным образом выражающие мнения и предложения, способные самоорганизоваться для общественно полезных действий, составляют основу гражданского участия.

На наш взгляд, современная концепция гражданского участия в российском конституционном праве производна от двух базовых традиций – российской национально-исторической традиции гражданственности и западной концепции гражданского общества.

Содержание категории «гражданственность» включает ряд значений и компонентов: знания; позицию; ценности, действия, качество человека, проявляющееся в его активном взаимодействии с государством; выказывание признания и доверия к своему государству¹; законодательный принцип, на основе которого строится государственная политика и правовое регулирование в ряде сфер (например, в сфере образования²); нормативно-закрепленную стратегическую цель воспитания детей и молодежи³.

Сущность гражданственности исследователями воспринимается в рамках определенных парадигм в зависимости от пространственно-временного факто-

¹ Ноздрачев, А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений / А.Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 21–24.

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.

³ В преамбуле ФЗ Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 31. – Ст. 3802.

ра. Значимость этой составляющей для правомерного поведения и права как целостного феномена наиболее явно прослеживается в рамках социологического направления в правовых исследованиях. Так, М.М. Ковалевский, отстаивая тесную взаимосвязь права с экономическим, политическим и нравственным укладом жизни, замечал, что развитие права определяется не абстрактными идеями, а в первую очередь ростом гражданственности, определяемой социальными факторами, «укладом» народа¹. Традиционное российское представление о гражданственности равносильно политичности, о чем свидетельствуют труды В.Н. Татищева, И.Т. Посошкова, А. Радищева и других представителей русской философско-политической мысли. При этом, как отмечается в юридической доктрине, «...у российских теоретиков субъект-объектные отношения гражданского состояния доказываются не через человека как личность, а через человека – члена общества, общины»². По мнению В.Е. Чиркина, развитие активности граждан и чувство гражданственности связано с политическими правами как необходимым атрибутом современного демократического общества³.

В.А. Затонский обращает внимание на то, что оценку действий граждан традиционно принято основывать на их обязанностях, однако существует критерий оценки их поведения, основанный на выявлении политико-правовой зрелости, нравственности поступков по отношению к своему государству. Таким критерием является гражданственность, которая рассматривается в контексте политического и правового сознания и действий гражданина, его участия в судьбе страны. По мнению ученого, понятие гражданственности включает в себя действия лица, направленные на обеспечение политической стабильности общества, его устойчивости в процессе становления новых, прогрессивных форм функционирования, и отражает «...совокупность общечеловеческих цен-

¹ Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / Поляков А. В. – Москва: Проспект, 2016. – С. 803.

² Поляков, А.В. Указ. соч. – С. 58.

³ Чиркин, В.Е. Конституционные политические права человека и гражданина / В.Е. Чиркин // Гражданин и право. – 2010. – № 5. – С. 3–10.

ностей и различных личностных смыслов, групповых, коллективных ориентаций, патриотических, национальных и интернациональных идей, чувств, воплощенных в поступках и действиях людей»¹.

На разных этапах развития государства и общества понимание гражданственности претерпевало изменения, она понималась как: 1) общественно-государственный патриотизм, то есть сознание и чувство принадлежности к многонациональному государственно-организованному обществу, включающее в себя уважение к государству, конституции, законам, государственным символам, готовность защищать государственный строй, законопорядок; 2) классовая, пролетарская солидарность, самоотверженность, сознательность и организованность в борьбе за приближение коммунизма; 3) интегративное качество, позволяющее человеку ощущать себя юридически, социально, нравственно и политически дееспособным². В рамках этих подходов формировалось и понятие гражданственности, включающее в себя ментальные, юридические, морально-нравственные, идеологические, политические составляющие. При этом, несмотря на определенное различие объема и содержания понятия гражданственности на разных этапах развития, в качестве его основы неизменно рассматривались субъектно-объектные взаимоотношения трех основных элементов: государства, общества (общины) и человека.

Гражданственность характеризуется как «совокупность убеждений и взглядов», предполагающая, «...с одной стороны, высокую степень независимости и самостоятельности индивидуальных суждений об обществе, с другой – нерушимую социальную солидарность, выражающуюся в участии человека в

¹ Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение: коллективная монография / под общ. ред. К.А. Ишекова; автор параграфа – В.А. Затонский. – М.: «РПА Минюста России», 2014. – С. 209.

² Кузнецова, Л.В. Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в педагогике XX в. / Л.В. Кузнецова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2006. – № 9. – С. 18.

жизни социума. Гражданственность проявляется в виде индивидуального поведения, но опосредуется социокультурной обстановкой, следовательно, может быть развита в соответствии с внешней волей¹. Традиционно «гражданские» категории формулируются двояко: с позиции политических и социальных смыслов². В контексте же конституционно-правовых исследований особое значение приобретает осмысление российской конституционной традиции понимания гражданственности (конституционная гражданственность)³ как элемента конституционной национальной идентичности.

Американский исследователь Дж. Зевин, рассуждая о связи патриотизма и критического мышления, пришел к выводу, что сущность гражданственности составляет способность человека критически оценивать как ситуацию в обществе (в целом), так и решения правительства (в частности). Такой подход предполагает возможность для личности осуществлять осознанный выбор варианта поведения, основанный на знании, образованности, просвещении (концепция «просвещенного патриотизма»)⁴. Полагаем, что эти рассуждения актуальны и применительно к российским реалиям. Гражданственность и гражданское участие в любой форме (в длительно-временной – «деятельность» или кратковременной – «действие», «бездействие») представляют собой выражение причастности к общему процессу, саморазвитию государства, общества, сообщества,

¹ Никифоров, Ю.Н. Скалина, А.Н. О понятии «гражданственность» / Ю.Н. Никифоров, А.Н. Скалина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2-2. – С. 248–250.

² Капустин, Б. Гражданство и гражданское общество / введ. ст. В. С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 224 с.; Халилов, Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: Актуальные модели / Т.А. Халилов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 1–4.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2011 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 31, 268 пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки В.Ю. Боровик». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (часть V). – Ст. 7333.

⁴ Зевин, Дж. Столкновение разных подходов к понятию о гражданственности: трудности развития у учащихся критического мышления // Гражданское образование: содержание и активные методы обучения. / Дж. Зевин – М.: Просвещение. – 1997. – С. 100.

человека. Гражданское участие рассматривается как поведенческий блок, деятельностный аспект, способ «фиксирования» гражданственности с ее определенными социальными и нравственными ориентирами, эмпирическое выражение – способ функционирования гражданской культуры и гражданского самосознания¹.

Существует тесная взаимосвязь гражданского участия со статусом человека и гражданина, которому на конституционном уровне отведена центральная роль в государстве. Поэтому участие лица в судьбе государства и общества рассматривается юридической наукой как важнейшая, активная составляющая такого статуса.

Место и роль индивида в государстве могут существенно варьироваться в зависимости от степени *гражданского самосознания* как совокупности ценностей, идеалов, норм, реализующих представление о типе и способах укоренения демократических практик и образцов в жизни общества². Гражданское самосознание в значительной мере определяет различия между сознанием «индивида-гражданина» и «индивида-подданного»³. Соответственно, можно говорить о формировании нескольких типов культуры гражданского участия как элементов конституционной культуры: подданнической (патерналистской) культуры зависимости и гражданской (персоноцентристской) культуры. Для правомерного поведения, основанного на первом варианте, характерна надежда на «заботливого правителя», проявление инициативы и постоянной заботы со стороны государства, которые, по мнению индивида, в лице его органов и должностных лиц, существуют для служения гражданину. Указанный тип поведения не пред

¹ Айвазян, А.А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ): дис. ... канд. политических наук: 23.00.01 / Айвазян Артак Андраникович. – Екатеринбург, 2001. – С. 93.

² Никовская, Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) / Л.И. Никовская // Вестник института социологии. – 2015. – № 1 (12). – С. 141–150.

³ Алмонд, Г. Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–130.

полагает активного, осознанного гражданского участия, поскольку, с позиции индивида, обеспечение материального и иного благополучия общества является исключительно обязанностью государства. Этому подходу сопутствует убежденность гражданина в том, что его личное участие не способно что-либо изменить или усовершенствовать, так как инициация и осуществление таких изменений являются прерогативой государственных органов и должностных лиц. Значимость данной проблемы подчеркивали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, которые рассматривали пассивную роль гражданина как следствие политики системноцентризма, авторитарности государственной власти, основывающейся на понимании роли гражданина как средства достижения политических целей. В такой модели взаимоотношений государство является первичным, жестко регламентируя, контролируя и направляя поведение индивида, выступающего в качестве безынициативного объекта государственного воздействия¹; при этом единство воли участников общественных отношений обеспечивается тотальным подчинением воли всех индивидов воле одного субъекта. Результатом такого положения вещей, как обоснованно отмечается в доктрине, является «поглощение» индивидуальности личности, лишение ее любых элементов автономии в выборе поведения, насаждение ролей «опекающего и заведующего» и, соответственно, «опекаемого и заведываемого» субъектов. Противоположный, персонцентристский, подход проявляется во взаимоотношениях государства и индивида, основанных на признании определенной степени самостоятельности каждого гражданина в гражданском обществе. В данной модели отношений патерналистские тенденции минимальны, поскольку граждане осознают, что опека государством не является условием и гарантией их благополучия. Государство должно создать лишь стартовые условия, установив определенные границы допустимого поведения; при этом индивид, наделенный значительной степенью свободы, волен осознанно действовать в этих рамках. Персонцентрист-

¹ Маркс, К. Энгельс, Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 18. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. – С. 303.

ский подход безусловно стимулирует гражданское участие в делах государства и общества, поскольку не предполагает механического подчинения индивида «верховой» воле и оставляет ему значительное пространство для самостоятельных действий, основанных на осмыслении, критической оценке и, соответственно, одобрении или неприятии тех или иных инициатив. Однако следует заметить, что гражданское участие персонцентристской направленности, не имеющее в своей основе высокой степени гражданского самосознания, несет в себе риск деструктивных проявлений. Особую актуальность проблема соотношения гражданского самосознания и гражданского участия приобретает в условиях развития интернет-сетевых технологий, которые оказывают существенное влияние на участие в публичной политике. Интернет-площадки становятся территорией мобилизации граждан, местом и средством для реализации их инициатив, предоставляя тем самым возможность участвовать в обсуждении как проблем местного сообщества, так и вопросов внутренней (а зачастую и внешней) государственной политики. Но необходимо признать, что публичная власть пока не готова к полноценному и результативному диалогу с интернет-активистами как новыми представителями интересов общества не в силу отсутствия желания, а скорее по причине отсутствия внятных правовых инструментов для подобного диалога. Соответственно, с позиции конституционно-правового регулирования задача разработки такого конституционно-правового инструментария должна войти в разряд первоочередных, чему будет уделено внимание в четвертой главе настоящего исследования.

Признание в гражданском обществе определенной степени автономии гражданина с правом его участия в делах государства и общества сопряжено с конституционным осознанием видов такой автономии. К ним, в частности, может быть отнесено право индивида на самостоятельную «квалификацию» (в том числе и с позиций морали и нравственности) тех или иных политических инициатив, поскольку без такой оценки им не может быть принято решение об участии в их реализации. «Носителем» той или иной трактовки действий госу-

дарства может являться любой гражданин, и именно положительная или негативная оценка им предстоящих или уже происходящих действий государства будет лежать в основе не только последующего выбора лицом вектора своих действий, но и в основе той степени активности, которой будет определяться его гражданское участие (и, в целом, степень его гражданственности как суммарный результат такого участия в каждом конкретном случае). При этом критерием активности в сфере гражданского участия может и должна выступать оценка инициативных действий индивида с позиции ее соответствия общему (общественному) интересу.

Наряду с содержанием гражданственности в правовой коммуникации взаимоотношений человека и государства важное значение имеет и ее мера. Мера гражданственности основывается в первую очередь на индивидуальном ощущении лицом своей гражданственности. Однако для достижения целей конституционного регулирования важное значение приобретает вопрос о том, воспринимается ли субъектом общественных отношений тот или иной вид (вариант) поведения как исполнение обязанности гражданина либо как выражение его личной инициативы, основанной на свободе выбора. Значимость этого обстоятельства подчеркивается многими исследователями, которые отмечают, что исполнение обязанности, по существу, свидетельствует о пассивной роли исполнителя, в то время как проявление инициативы «...всегда означает сохранение творческой (авторской) позиции в процессе активной деятельности»; при этом автор инициативы способен соотносить свои действия и поведение в целом с существенными социально значимыми критериями¹, что предполагает наличие способности и желания к поиску задач, проблем, новых способов действий. При этом отметим, что правомерным будет являться каждый из обозна-

¹ Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение: коллективная монография / под общ. ред. К.А. Ишекова; автор параграфа – В.А. Затонский. – М.: «РПА Минюста России», 2014. – С. 202.

ченных вариантов, с той лишь разницей, что инициативное правомерное поведения является предпочтительным, а значит, в необходимых для таких активностей ситуациях должно стимулироваться законодателем в большей степени, например, применительно к сфере реализации *гражданских инициатив*. Понятие «гражданская инициатива», отмечает А.Н. Чертков, не подразумевает какую-либо одну конкретную форму, это собирательный термин, означающий любой вид инициативы, исходящей от граждан (институтов гражданского общества) в связи с участием общества в принятии общественно значимых решений. Гражданская инициатива является ответом на потребности общественного развития, она выражает необходимость разрешения противоречий, без преодоления которых тормозится развитие общества. Выделяют следующие виды гражданских инициатив: правотворческую инициативу, «законодательный почин», петиции, обращения граждан; участие населения в митингах, шествиях, пикетированиях, публичных слушаниях, официальных обсуждениях проектов решений в СМИ, интернете; участие в общественных объединениях. Необходимо отметить, что речь идет о конструктивном участии, фактически представляющем собой выдвижение альтернатив решений, предлагаемых властью. Таким образом, гражданская инициатива как форма гражданского участия представляет собой самостоятельное активное общезначимое деяние, реализуемое гражданином, группой или объединением граждан в не запрещенных правом формах¹.

В качестве специфических признаков инициативы, проявляемой в рамках гражданского участия, предлагается рассматривать следующие: 1) самостоятельное и свободное принятие субъектом решения о практических действиях по изменению каких-либо элементов общественной жизни; 2) самостоятельное осуществление гражданином действий, ориентированных на решение актуаль-

¹ Едкова, Т.А. Чертков, А.Н. Зырянов, С.М. Государственные и общественные институты. Гражданские инициативы / Т.А. Едкова, А.Н. Чертков, С.М. Зырянов // Журнал российского права. – 2013. – № 11 (203). – С. 115–117.

ной социальной задачи; 3) активность в преодолении препятствий и негативных факторов, препятствующих реализации избранного вида поведения, стремление доказать свою правоту; 4) создание личным примером импульса (сигнала) к вовлечению в действия по осуществлению инициативы других участников общественных отношений¹. Инициатива, предпринимаемая в рамках гражданского участия, характеризует субъекта как гражданина, способного к активным самостоятельным действиям, общезначимым поведенческим актам и поступкам².

Необходимо отметить, что рост гражданского участия может отмечаться как на фоне лояльного отношения к публичной власти, в ее поддержку, так и в условиях девальвации доверия к государству и его институтам, ситуациях снижения эффективности последнего. Так, превращение политических партий «...либо в придаток к государственному аппарату, либо в корпоративные кланы, цели которых не всегда совпадают с интересами населения»³, будет способствовать снижению политической направленности гражданского участия в сторону неполитических общественных объединений прежде всего некоммерческого сектора.

Рост гражданского участия продемонстрировал процесс обсуждения поправок в Конституцию Российской Федерации в 2020 году. В Докладе о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год приведены сведения о том, что свыше 1150 обращений и предложений граждан и организаций были направлены в Общественную палату Российской Федерации, а всего, вместе с предложениями от региональных общественных палат, Обще-

¹ Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение: коллективная монография / под общ. ред. К.А. Ишекова; автор параграфа – В.А. Затонский. – М.: «РПА Минюста России», 2014. – С. 225–230.

² Диалектика социальной инициативы / Ю.А. Харин, Т.П. Богданова, Э.М. Каптюгова и др. – Минск: ТетраСистемс, 1986. – С. 10.

³ Ноздрачев, А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений / А.Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 21–28.

ственной палатой в январе – марте 2020 года было обработано и систематизировано свыше 2250 предложений и замечаний, связанных с внесением изменений в Конституцию РФ. По итогам обработки, анализа и обобщения более 600 предложений были переданы в рабочую группу и обсуждены в ходе ее заседаний¹.

Проверкой гражданственности и качества гражданского участия стала пандемия COVID-19. По всей стране стартовали акции взаимопомощи, а самая крупная из них – Всероссийская акция «Мы вместе», в ходе которой волонтеры доставляли продукты, товары первой необходимости, медикаменты, помогали по дому, – объединила порядка 118 000 волонтеров разного возраста и социального статуса². С начала акции помощь получили около 3,5 млн человек, а присоединились к ней свыше 9 тыс. партнерских организаций. В ходе акции были собраны пожертвования от бизнеса и частных лиц на общую сумму более 1,8 млрд руб.

Приведенные данные демонстрируют настоятельный запрос на диалог государства и граждан в различных сферах жизнедеятельности российского общества и готовность последнего к солидарности в ситуациях социальных потрясений.

Как уже было отмечено выше, концепция гражданского участия как правового конституционного поведения включает в себя цели и мотивы участия, поведенческие установки и волевой компонент.

Гражданское участие имеет своей *целью* выражение, согласование и отстаивание мнений и интересов общества, отдельных индивидов и создаваемых ими социальных групп (общностей, институтов). Цели гражданского участия могут быть стратегическими (создание условий для максимальной самореали-

¹ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2020 год. – М., Общественная палата Российской Федерации, 2020. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения 18.12.2021)

² Официальный сайт Мы вместе // URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/news> (дата обращения 11.11.2021)

зации и удовлетворения законных интересов) и тактическими¹ (разрешение противоречий и согласование интересов). Показателем эффективности гражданского участия является достижение поставленных целей. Целеполагание в гражданском участии означает осознание собственных интересов, принятие в качестве основополагающих для отстаивания интересов таких стратегий, как *взаимодействие* и *общественный диалог* с государственными властными структурами, предполагающий выражение позиций обеих сторон по спорному вопросу. В процессе такого взаимодействия и диалога последовательно осуществляются осмысление общественно-социальной ситуации, выявление ее преимуществ и недостатков; выработка, внесение, обнародование и оценка предложений; реализация инициатив на индивидуальном, а затем и на коллективном уровнях. Необходимо отметить, что речь идет о конструктивном участии, фактически представляющем собой выдвижение альтернатив решений, предлагаемых властью. По сути, говоря о гражданском участии, мы имеем дело с проявлением социальной силы и общественной власти для удовлетворения общественно и социально значимых интересов и потребностей. В связи с этим со стороны государства требуется устранение недостатков регулирования гражданских инициатив, к числу которых относятся: разобщенность, разброс норм, регулирующих гражданские инициативы, по различным законодательным актам; неоправданное ограничение круга инициаторов инициатив (например на муниципальном уровне применительно к инициаторам публичных слушаний по вопросам градостроительной деятельности); фрагментарное правовое урегулирование в федеральном законодательстве и слабое развитие конституционных норм в законах и подзаконных актах; отсутствие обязанности органов публичной власти информировать граждан о существующих инициативах и обязательного реагирования на них.

¹ Струсь, К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: автореф. канд. юрид наук: 12.00.01 / Струсь Константин Александрович. – Саратов, 2003. – С. 9–10.

Мотивы гражданского участия представляют собой то внутреннее (установки, мировоззрение), что побуждает личность к такого рода поведению или поступку, направляет ее и наполняет смыслом. Ценностно-мотивационными основами гражданского участия выступают: значимость общественно-политической деятельности и достижение общественно значимых результатов; стремление приносить пользу обществу и государству; улучшение качества жизни; стремление к самоидентификации как гражданина России и многое другое. Определенную базу для формирования мотивов гражданского участия образуют нормы ст. 13 Конституции России о признании идеологического многообразия, устанавливающие «...право граждан и их объединений свободно иметь собственную систему взглядов, придерживаться различных идеологических концепций, разрабатывать политические теории и делать их общественным достоянием, не опасаясь преследования со стороны государства»¹.

Что касается поведенческих установок гражданского участия, то с начальных строк преамбулы Конституции России ее текст пронизан такими ментально-поведенческими ориентирами, как: патриотизм, утверждение о гражданском мире, почитании памяти предков, веры в народ, добро, справедливость и Бога и другими. Исходя из них становится очевидно, что благополучие и процветание России зависит не только от действий органов публичной власти, но и от ответственного поведения граждан, которые во многом определяют будущее страны. Эмоциональная значимость Конституции РФ базируется на заложенных в ней ценностях, которые обладают решающим влиянием на формирование стереотипов поведения человека в обществе.

Волевой компонент гражданского участия проявляется как:

1) самостоятельное и свободное принятие субъектом решения о практических действиях по изменению каких-либо элементов общественной жизни; 2) самостоятельное осуществление гражданином действий, ориентированных на

¹ Утенков, Г.Н. Политико-идеологические смыслы правовых установлений Конституции РФ / Г.Н. Утенков // Власть. – 2010. – № 8. – С. 150.

решение актуальной социальной задачи; 3) активность в преодолении препятствий и негативных факторов, препятствующих реализации избранного вида поведения, стремление доказать свою правоту; 4) создание личным примером импульса (сигнала) к вовлечению в действия по осуществлению инициативы других участников общественных отношений¹. Инициатива, предпринимаемая в рамках гражданского участия, характеризует субъекта как гражданина, способного к активным самостоятельным действиям, общезначимым поведенческим актам и поступкам².

Важное значение приобретает легитимация образцов гражданского участия как социально значимого поведения, в результате чего такое поведение приобретает значение правового.

Примером того, как одна из практик в сфере гражданского участия получила вначале законодательное, а в 2020 году и конституционное «одобрение», является добровольчество (волонтерство). В настоящее время Законом Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ ст. 114 Конституции Российской Федерации дополнена положением, согласно которому Правительство РФ осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности³. Как следует из определения добровольческой (волонтерской) деятельности, к ней относится добровольная деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях: 1) социальной поддержки и защиты граждан, включая социальную реабилитацию лиц, в силу различных обстоятельств не способных самостоятельно реализовать свои права и законные интересы; 2) оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий и катастроф

¹ Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение: коллективная монография / под общ. ред. К.А. Ишекова; автор параграфа – В.А. Затонский. – М.: «РПА Минюста России», 2014. – С. 160.

² Диалектика социальной инициативы / Ю.А. Харин, Т.П. Богданова, Э.М. Каптюгова и др. – Минск: ТетраСистемс, 1986. – С. 10.

³ Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

различной природы, социальных и иных конфликтов; 3) содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение социальных, национальных, религиозных конфликтов; 4) укрепление роли семьи в обществе; 5) защита материнства, детства и отцовства; 6) духовное развитие личности; 7) охрана здоровья, проведение профилактических мероприятий в этой сфере, пропаганда здорового образа жизни, улучшение морально-психологического состояния членов общества; 8) охрана окружающей среды; 9) деятельность в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и пропаганда знаний в этой области; 10) патриотическое, духовно-нравственное воспитание детей и молодежи и т. д. Даже беглый анализ этих целей позволяет констатировать, что в целом они идентичны тем задачам, на решение которых направлена политика государства. Таким образом, установление на конституционном уровне обязанности Правительства РФ осуществлять меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности свидетельствует о признании государством конституционной значимости и эффективности такой формы гражданского участия.

Конституционная ценность добровольчества (волонтерства) как одной из важных форм гражданского участия в жизнедеятельности общества определяется активной, «созидательной» позицией граждан, проявивших инициативу по добровольному участию в реализации конституционных функций государства. В рамках гражданского участия в реализацию той или иной инициативы вовлекается значительное число ее сторонников, что способствует более активному диалогу граждан с государством.

Набирает обороты волонтерство среди молодежи. Так, по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в июне 2021 года, каждый пятый молодой человек не реже одного раза в неделю занимается волонтерской деятельностью в какой-либо организации или самостоятельно. Из тех молодых людей в возрасте 18–35 лет, кто допускает, что займется добровольческой деятельностью в будущем или уже занимается ей в связи с распространением коронавирусной инфекции,

более половины (58 %) готовы доставлять товары первой необходимости, лекарства и продукты людям, которые находятся на карантине, треть (34 %) сказали, что могли бы выгуливать собак или выносить мусор, четверть молодых людей (24 %) готовы информировать окружающих о путях распространения инфекции и методах профилактики, каждый пятый (20 %) стал бы помогать животным (20 %), участвовать в работе народных дружин (19 %), обеспечивать транспортом медработников и волонтеров, борющихся с распространением коронавирусной инфекции (18 %). Также наши молодые соотечественники готовы помогать семьям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (16 %), покупать или производить средства защиты (15 %), убирать подъезды (14 %), помогать медперсоналу в медицинских учреждениях (14 %), оказывать дистанционную психологическую поддержку людям (12 %), собирать средства на благотворительные проекты для борьбы с коронавирусной инфекцией и ее профилактики (11 %)¹.

Это означает, что для эффективного диалога гражданина и государства, предполагающего участие индивида в конституционно значимых проектах, необходимы не только формальная инициатива со стороны органов власти по их проведению и не только разработка процедуры такого участия. В основе такого взаимодействия в первую очередь должны находиться факторы, определяющие доверие граждан государству. К ним, в частности, могут относиться демонстрация социальной значимости гражданского участия (например, систематическое широкое опубликование результатов противодействия коррупционным правонарушениям, которые были пресечены или раскрыты благодаря участию граждан); совершенствование института защиты граждан, сообщивших необходимые сведения; разработка методов эффективного стимулирования активного гражданского участия (предоставление льгот и преференций при обучении, поступлении на государственную гражданскую службу) и т. д.

¹ Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения, ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения 10.12.2021)

Между тем, как обоснованно констатируется многими авторами, «обратная связь» государства с гражданами по вопросам, связанным с гражданским участием, является явно недостаточной. Активному участию гражданина в делах государства должна корреспондироваться активная позиция самого государства, демонстрирующего и на практике доказывающего свою заинтересованность в институте гражданского участия.

Этот же подход, на наш взгляд, должен использоваться в развитии других форм гражданского участия, например, института публичных слушаний. Так, Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ (ст. 28) устанавливает, что порядок организации и проведения публичных слушаний определяется уставом и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования и должен предусматривать заблаговременное оповещение его жителей о времени и месте проведения слушаний, заблаговременное ознакомление с проектом муниципального правового акта, а также принятие иных мер, обеспечивающих участие в слушаниях жителей муниципального образования. Этими же документами должно быть регламентировано опубликование (обнародование) результатов публичных слушаний, включая мотивированное обоснование принятых решений. Общественные (публичные) слушания могут проводиться в форме собрания граждан, организуемых субъектом общественного контроля, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, органами государственной власти и органами местного самоуправления, государственными, муниципальными и иными организациями, осуществляющими отдельные публичные полномочия, для обсуждения вопросов, имеющих особую общественную значимость либо затрагивающих права и свободы личности, общественных объединений и иных негосударственных некоммерческих орга-

¹ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

низаций¹. Достаточно очевидно, что и в этом случае степень и активность гражданского участия во всех перечисленных ситуациях во многом будет определяться уровнем подготовки государством в лице его органов и организаций этих мероприятий, в основе которой, в свою очередь, будет лежать истинная, а не формальная, заинтересованность государства в активной позиции своих граждан.

По нашему мнению, на современном этапе развития российского общества недостаточная эффективность механизмов гражданского участия, предусмотренных нормативными правовыми актами, сочетается с недооценкой фактически существующих и действующих вариантов проявления гражданином своей инициативы. В качестве примера можно привести широко распространенные в настоящее время онлайн-петиции, рассчитанные на привлечение внимания к обсуждению тех или иных вопросов, связанных с деятельностью органов власти, содержащие в себе их оценку и (или) предложения гражданина. Несмотря на то что на федеральном уровне петиции не являются официально признанной формой проявления гражданской инициативы, они являются часто используемой формой индивидуального обращения граждан, которая, будучи поддержана другими лицами с помощью цифровых сервисов, за короткое время приобретает статус коллективного обращения. Представляется, что такие петиции при условии своевременного реагирования на них государством могут представлять собой «более быстродействующую» альтернативу их аналогам, направляемым гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива».

Отрицательной чертой онлайн-петиций в ряде случаев является недостаточная достоверность излагаемой в них информации, из которой предлагается исходить другим лицам при принятии решения об участии в продвижении об-

¹ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.

ращения. Тем не менее, при условии совершенствования механизма юридической ответственности за распространение ложных сообщений, данная форма проявления инициативы индивидом может рассматриваться в качестве перспективной формы гражданского участия. В качестве факторов, определяющих ее эффективность, могут рассматриваться быстрое установление диалога с государственными органами и организациями (которое, как правило, не может быть достигнуто при направлении обращений на бумажном носителе) и, соответственно, возможность оперативного реагирования государства в лице его органов на ту или иную ситуацию.

Подводя итог сказанному, заметим, что ценность и конституционная значимость различных форм гражданской инициативы заключаются не только в том, что она обладает свойством «тиражирования», но и в том, что при ее одобрении и ресурсной поддержке государством она создает основу работоспособного механизма решения той или иной проблемы. При этом, поскольку поведение индивида, основанное на его инициативных действиях, является добровольным и основанным на позитивной ответственности, минимизируется роль юридической ответственности как фактора, обеспечивающего достижение желаемого результата. Это позволяет рассматривать гражданское участие как фактор, способствующий достижению целей демократического развития в условиях значительной экономии ресурсов, направляемых на принудительное обеспечение выполнения гражданами обязанностей и поддержание «репрессивного» потенциала юридической ответственности.

В тех случаях, когда прогрессивные формы гражданского участия получают развитие в виде продуктивного диалога с государством, можно говорить о хорошей перспективе их реализации. Такая перспектива, на наш взгляд, может осуществляться посредством разработки стратегий (в том числе инновационных), создания организационно-экономических механизмов, осуществления организационно-координирующей деятельности, корректировки ключевых приоритетов, определения комплекса мер и разработки программ долгосрочного и

краткосрочного развития и т. д. В государстве, позиционирующем себя как демократическое и создающее гражданское общество, должны осуществляться постоянный мониторинг и оценка эффективности различных форм гражданской активности. С формальной точки зрения можно говорить о том, что инициатива, исходящая от граждан, является более ценной, поскольку свидетельствует о наличии определенного «кредита доверия» государству. Однако фактически участие граждан в управлении делами государства, инициированное государственными органами, может являться не менее значимым. Определяющее значение при этом приобретают характер и эффективность их взаимодействия, поскольку любая форма гражданского участия (правомерного поведения индивида) может быть нейтрализована и даже дискредитирована бездействием или ненадлежащими действиями государственных органов. В этом смысле любое проявление гражданского участия, особенно основанное на пассионарности, должно получить своевременную оценку и адекватную реакцию со стороны государства, поскольку в ином случае у гражданина формируется ощущение его незначимости и, как следствие, нежелание предоставлять свои личные (интеллектуальные, физические, материальные и т. п.) ресурсы для решения общезначимых социальных проблем. При этом следует осознавать, что эффективный диалог, который осуществляется в рамках такого взаимодействия и заканчивается принятием аргументированных решений, является своеобразным маркером зрелости самого государства, поскольку свидетельствует о его истинной, а не декларативной направленности в сторону человека как высшей ценности.

Подводя итог сказанному, отметим, что гражданское участие как правомерное конституционное поведение представляет собой разновидность социального поведения, легитимация которого осуществляется под воздействием общерегулятивных норм российской Конституции. Гражданское участие является процессом претворения конституционных норм в общественные практики, а в случаях, когда лучшие образцы гражданского поведения находят закрепле-

ние в законодательстве, следует признать за такой формой участия правообразующий характер.

Глава IV. Проблемы теории и практики обеспечения правомерного поведения в российском конституционном праве

4.1. Доверие и позитивная ответственность как средства обеспечения конституционного правомерного поведения

Разнонаправленное осмысление различными социогуманитарными науками категории «доверие» обусловлено множеством функций, которые этот феномен выполняет как в политической и социальной жизни общества, так и в обыденной жизни отдельного человека. Контекстными характеристиками доверия выступают легитимность, лояльность, общественная солидарность, взаимопонимание и взаимодействие, проявление в поведении людей ценностных предпочтений, толерантности¹.

В конституционном праве категорию «доверие» связывают: с авторитетом государственной власти²; с государственно-правовой обязанностью воздерживаться от публичных высказываний и оценок в отношении органов власти (как публично-правовая обязанность пассивного типа с ярко выраженной охранительной функцией правового регулирования)³; с качеством деятельности органов публичной власти и степенью защищенности граждан в определенных сферах правоотношений⁴; с правомерными ожиданиями граждан

¹ См.: Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.; Луман, Н. Общество как социальная система. пер. с нем. / А. Антоновский. – М.: Издательство «Логос», 2004. – 232 с.; Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.

² Ежукова, О.А. Об оценке эффективности органов публичной власти в новых конституционно-правовых и социально-экономических условиях / О.А. Ежукова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 7–10.

³ Хорунжий, С.Н. Доверие к власти и конституционный запрет на оценку действий публичных органов / С.Н. Хорунжий // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 8–9.

⁴ Алешкова, И.А. Дудко, И.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: конституционное содержание и особенности его обеспечения в практике Конституционного Суда РФ / И.А. Алешкова, И.А. Дудко // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 44–50.

«...относительно того, что конституционное государство будет действовать согласно отличающим его природу качествам, которые следуют из положений конституционного права данного государства»¹, с укреплением суверенитета и национальной безопасностью российского государства², конституционным правом порядком³, с общностью ценностей и уважения к правовым традициям⁴ и стимулированием правомерного поведения⁵.

Как конституционно-правовая категория «доверие» используется в российском конституционном законодательстве также в разных значениях:

- в качестве конституционно-правовой ценности взаимное доверие государства и общества закреплено в ст. 75.1 Конституции Российской Федерации
- и выражается в ценности доверия граждан к институту выборов, к судебной власти, обеспечение и укрепление которых напрямую влияет на легитимность публичной власти;

¹ Арапов, Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Арапов Никита Александрович – СПб., 2015. – С. 8.

² Старостина, И.А. Тенденции регулирования института конфликта интересов как инструмента контроля лояльности политических элит и механизма, гарантирующего доверие общества к власти, в отдельных государствах бывшего СССР / И.А. Старостина // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 51–56.

³ Безруков, А.В. Тепляшин, И.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования / А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 77–86.

⁴ Кабышев, С.В. Легитимность власти и конституционный континуитет / В.Т. Кабышев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 3. – С. 89–95.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапланова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 4; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 28. – Ст. 4498; Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации». // <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 10.01.2022)

- принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства Конституционным Судом Российской Федерации определен как конституционный¹, а в его содержание, «... определяющего деятельность государства, которая вызывает доверие, включается также право защищать свои правомерные ожидания посредством принуждения в созданных государством надлежащих правовых процедурах к поведению, обеспечивающему определенность правового регулирования, поддерживающему это доверие»²;
- как одно из полномочий Государственной Думы (п. «б» ч. 1 ст. 103, ч. 4 и 6 ст. 117 Конституции РФ) при решении вопроса о доверии Правительству Российской Федерации;
- в качестве показателя оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации³;
- «утрата доверия»⁴ и «выражение недоверия» законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации⁵ как мера конституционно-правовой ответственности главы субъекта Рос-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 5.

² Виноградова, Е.В. Влияние конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на законодательный процесс / Е.В. Виноградова // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 118.

³ Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 6. – Ст. 966.

⁴ Федеральный закон от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) подпункт «г» пункта 1 статьи 19. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

⁵ Федеральный закон от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

сийской Федерации в виде его отрешения от должности Президентом Российской Федерации;

– с позиции законодательной и конституционно-судебной конкретизации – правовой идеал, целевой ориентир, регулятивный метод, эталонный критерий оценки явлений социально-правовой действительности. Характеризуя доверие как проявление веры (религиозной и мирской (светской)), А.Н. Кокотов отмечает, что поведенческую подоснову конституционного принципа доверия составляет социально-психологический феномен доверия, являющийся важным звеном общественного взаимодействия. В свою очередь, общественное доверие выступает поведенческим выражением действия взаимосвязанных с принципом доверия конституционных же принципов справедливости, равенства, соразмерности, целей надлежащей защиты свободы предпринимательства, права собственности¹.

В ходе изучения текстов посланий Президента Российской Федерации (с 1994 по 2021 гг.) было установлено, что обращение к вопросу о доверии применительно к взаимодействию государства и общества, государственному строительству, национальной безопасности и социальной политики в стране, за редким исключением, содержится в большинстве из них. Важность доверия подчеркивалась главой государства преимущественно в таких направлениях деятельности, как международные отношения, экономическая политика и решение проблем гражданского общества. Так, в самом первом обращении к парламенту страны в 1994 году Президент Б.Н. Ельцин, характеризуя российскую Конституцию как символ стремления к национальному согласию и реальную основу налаживания сотрудничества в российском обществе, и прежде всего между ветвями федеральной власти, говорил о доверии как необходимом условии раз-

субъектов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) ч. 2 ст. 24 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

¹ Кокотов, А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 5 (102). – С. 97–106.

решения сложнейших проблем тогдашней России¹. В 1995 году он отмечал необходимость постоянных усилий по укреплению доверия между государственными и общественными структурами на основе будничной совместной работы², в 1996–1999 годах упоминалось о крайней важности восстановления доверия граждан к государству и его политике, в первую очередь тех, кто оказался наиболее уязвим в социальном плане³. В 1997–1999 годах глава государства говорил о взаимном доверии и открытости⁴, скоординированности и подлинном сотрудничестве власти и общества⁵; дефиците и утрате доверия к государству со стороны населения, кредиторов и инвесторов в условиях экономического кризиса и вынужденного отказа государства от ряда своих обязательств⁶. В последующих Посланиях Президенты В.В. Путин и Д.А. Медведев также заостряли внимание на значимости доверия народа к государству⁷ (2000, 2001, 2006 годы), доверии как непреложной и непреходящей ценности в течение многих веков на российской земле и важной необходимости современности: «...то,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24.02.1994 «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)». // Российская газета. – 1994. – 25 февраля – № 38.

² Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.02.1995 «О действенности государственной власти в России». // Российская газета. – 1995. – 17 февраля. – № 36.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.02.1996 «Россия, за которую мы в ответе» // Российская газета. – 1996. – 27 февраля. – № 39.

⁴ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 06.03.1997 «Порядок во власти – порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». // Российская газета. – 1997. – 07 марта. – № 47.

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». // Российская газета. – 1998. – 24 февраля. – № 36.

⁶ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». // Российская газета. – 1999. – 31 марта. – № 60.

⁷ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим». // Российская газета. – 2000. – 11 июля. – № 133; Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Не будет ни революций, ни контрреволюций». // Российская газета. – 2001. – 04 апреля. – № 66; Послание Президента РФ Федеральному Собранию «России надо быть сильной и конкурентоспособной». // Российская газета. – 2002. – 19 апреля. – № 71; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.05.2003 «О положении в стране». // Российская газета. – 2003. – 17 мая. – № 93; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 «О важнейших общенациональных задачах». // Российская газета. – 2004. –

что нам сегодня больше всего необходимо, – это доверие и сотрудничество» (2005–2009 годы)¹. В 2010 году Президент России делал акцент на укреплении доверия к партийной системе и повышению ответственности партий перед избирателями². В последующие годы (2011–2013 годы) проблема утраты доверия упоминалась в связи с усилением борьбы с правонарушениями коррупционной направленности³ и важностью доверия к чиновникам, а также необходимостью дорожить доверием как фактором, влияющим на улучшение демографической ситуации в стране⁴. Президент В.В. Путин в Посланиях Федеральному Собранию в 2014–2016 годах связывал фактор укрепления доверия граждан с ростом их активности, вовлечением в реализацию планов развития страны, конкретных регионов и муниципалитетов, стремлением внести свой вклад в развитие страны и готовностью брать на себя ответственность⁵; улучшением делового климата в стране как показателем доверия между властью и бизнесом; призывал к доверию по отношению к гражданскому обществу, некоммерческим организациям, которые «...часто работают эффективнее, качественнее, с искренней заботой о людях, меньше бюрократизма в их работе», отмечая при этом, что

27 мая. – № 109.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «О важнейших общенациональных задачах». // Российская газета. – 2005. – 26 апреля. – № 86; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «О важнейших общенациональных задачах». // Российская газета. – 2006. – 11 мая. – № 97; Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «О важнейших общенациональных задачах» // Российская газета. – 2007. – 27 апреля. – № 90; Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 5.11.2008. // Российская газета. – 2008. – 06 ноября. – № 230; Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009. // Российская газета. – 2009. – 13 ноября. – № 214.

² Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30.11.2010. // Парламентская газета. – 2010. – 03 декабря. – № 63.

³ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию от 22.12.2011. // Российская газета. – 2011. – 23 декабря. – № 290.

⁴ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012. // Российская газета. – 2012. – 13 декабря. – № 287; Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013. // Российская газета. – 2013. – 13 декабря. – № 282.

⁵ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 04.12.2014. // Парламентская газета. – 2014. – 5–11 декабря. – № 43; Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 03.12.2015. // Парламентская газета. – 2015. – 4–10 декабря. – № 44.

«...принципы справедливости, уважения и доверия универсальны»¹. В 2020–2021 годах глава государства обратился к вопросам доверия применительно к политической и судебной системам²

Приведенный анализ политико-программных документов Президента России еще раз подтверждает, что, с одной стороны, в доверии к публичной власти содержится значительный ресурс для реализации политических решений, а само доверие непосредственно включено в механизм ее легитимации, формируя социальную базу поддержания властных институтов. С другой стороны, государство в лице Президента страны демонстрирует готовность нести ответственность за оказанное доверие. Степень активной, деятельностной сопричастности участников общественных отношений – граждан, их объединений, общественных организаций – определяет степень доверия, оказываемого институтам государственной власти, и готовность либо неготовность предоставлять соответствующие ресурсы для решения тех или иных общезначимых задач. Именно уровень доверия напрямую влияет на активность граждан и уровень их удовлетворенности положением дел в стране (регионе, городе, дворе), определяя тем самым их готовность принимать участие в общественно значимых действиях. Доверие к государственным и социальным институтам определяется способностью последних оказать влияние на сознание и массовую психологию, формирование социальных ценностей, детерминант общественного развития, в дальнейшем выступающих основой конституционно-правомерного поведения.

Новеллы Конституции России 2020 года, декларирующие создание условий для взаимного доверия государства и общества, предполагают повышение эффективности системы публичной власти, достижение в государственной по-

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 01.12.2016. // Российская газета. – 2016. – 2 декабря.

² Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 15.01.2020. // Российская газета. – 2020. – 16 января. – № 7; Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 21.04.2021. // Российская газета – 2021. – 22 апреля. – № 87.

литике и правовом регулировании оптимального соотношения индивидуальной свободы и солидарности. Это вполне коррелируется с доктриной ответственного государства, сформулированной французским ученым, которая базируется на теории, что государство «как честный человек» не будет стремиться избежать ответственности перед своими гражданами за вред, причиненный неправильными или несоответствующими действиями при помощи государственного иммунитета¹.

Доктрина ответственного государства нашла отражение и в Конституции Российской Федерации 1993 года (например, в нормах об ответственности государства по защите публичных интересов и возмещении государством вреда (ст. 41, 42, 53, 55)), а после конституционной реформы получила новый виток развития в конституционном законодательстве (например, установление персональной ответственности Председателя Правительства РФ за результаты своей деятельности²; изменение процедуры прекращения полномочий судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий³, и другие).

Особого внимания в конституционно-правовой характеристике доверия государства и общества (ст. 75.1 Конституции РФ) заслуживает его *корреспондирующий (взаимный) характер*. Речь идет не только о доверии со стороны граждан и общества к государству, но и со стороны государства к своим гражданам и обществу⁴. Недоверие как противоположность доверия представляет

¹ Basu, D.D. Administrative Law / D.D. Basu – Kolkata, 2004. – P. 378.

² Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.

³ Ст. 14.1 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. – 1992. – 29 июля.

⁴ Зорькин, В.Д. Доверие и право / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2013. – 29 апреля.

собой «...отношение, выражающееся в обоснованном аргументированном сомнении в искренности мотивов, действий и деятельности другого субъекта, в подозрительности относительно его верности общему делу»¹. Со стороны государства доверие или недоверие к адресатам правовых норм выказывается посредством правового регулирования. Демонстрируя недоверие к гражданам и институтам гражданского общества, государство «подозревает» их в неблагонадежности, противоправности, усматривая в их поведении проявление неправомерности. И если контроль со стороны государства, основанный на доверии, дозирован и настроен на взаимодействие, то контроль, основанный на недоверии, – тотален и близок к произволу в мерах реагирования. Примерами проявления недоверия со стороны публичной власти, например, выступают ограничения прав некоммерческих организаций, попадающих под признаки «иностранный агент» и «нежелательной организации»²; признанное впоследствии неконституционным, ужесточение требований к несанкционированным публичным мероприятиям, например, известным как пикетные «очереди». Следует отметить, что, признавая неконституционным взаимосвязанные положения ч. 1.1. ст. 7 ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (в редакции, действовавшей до вступления в силу ФЗ от 30 декабря 2020 г. № 497-ФЗ) и ч. 2 ст. 20.2 КоАП Российской Федерации не соответствующими ст. 15 (ч. 2), 19 (ч. 1), 31 и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации, в той мере, в какой они по смыслу, приданному им судебным толкованием в решениях по конкретному делу, допускают возможность привлечения их организатора к административной ответственности, неоднократно подчеркнул необходимость поддержания взаимного доверия государства и общества и недопустимость отступления от данного конституционного принципа при установле-

¹ Михеев, В.А. Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия / В.А. Михеев // Власть. – 2017. – № 5. – С. 162.

² Ст. 3.1. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражд-

нии законодательных, организационных и иных мер, предпринимаемых органами публичной власти в целях надлежащего обеспечения права на свободу мирных собраний¹.

Проблема доверия и недоверия носит системный характер, а сами эти феномены отличаются динамичностью и многофакторной зависимостью. Придавать доверию исключительно позитивный, а недоверию однозначно негативный смысл означало бы неоправданно упростить их значение. Научная задача здесь состоит скорее в том, чтобы определиться с объектом доверия, критериями достоверности обоснования доверия или недоверия и содержанием обязанности по поддержанию взаимного доверия государства и общества, причем применительно к обоим указанным субъектам. Существенный шаг в этом направлении был предпринят российским высшим судебным органом конституционного контроля. Так, к обязывающим последствиям принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, которые были сформулированы Конституционным Судом и использовались в аргументации более чем в ста решениях², относятся: правовая определенность; разумная стабильность право-

дан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7597.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3912.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 5; Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Складной, Р.М. Складной и В.М. Ширяева» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 17. – Ст. 1657; Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 947-О-П «По жалобе гражданки Рыжковой Натальи Викторовны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 50 статьи 35 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесе-

вого регулирования; недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм; предсказуемость законодательной политики; возможность участников правоотношений предвидеть последствия своего поведения; уверенность в неизменности официально признанного правового статуса;

нии изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 8. – Ст. 809; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального закона от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданина И.В. Рузайкина» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 52 (часть I). – Ст. 7214; Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 33. – Ст. 4948; Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 21. – Ст. 2692; Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 10. – Ст. 1087; Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 28. – Ст. 4498.

уверенность в возможности реализации прав; действенность государственной защиты прав; уважение прав со стороны властей; установление механизма, позволяющего компенсировать неблагоприятные последствия вследствие изменений правового регулирования; обязанности законодателя соблюдать принципы справедливости, равенства, соразмерности (пропорциональности), стабильности и гарантированности прав; принципы о действии права во времени, в том числе запрещающие наделять обратной силой норму, вносящую ухудшающие правовое положение лица изменения в ту систему норм, основываясь на которой оно приступило к реализации своих прав и обязанностей; признание государством своего долга, восстановление нарушенного права на возмещение вреда и восполнение потерь от несвоевременного обеспечения этого права¹.

Принцип легитимности власти преследует цель обеспечить добровольное согласие граждан повиноваться ее решениям и признать за властью право на применение принуждения¹. В тех случаях, когда имеет место фактическое несоблюдение государством декларируемых конституционных принципов, уровень доверия участников общественных отношений к государственным институтам может варьировать в зависимости от выраженности изменений политики государства в данной сфере. При этом по мере углубления противоречий между «идеальным» и фактическим конституционным регулированием происходит деструкция представлений участников общественных отношений о легитимности государственной власти, что неизбежно влечет снижение уровня доверия, возникновение конфликтов и формирование агрессивного и антиконституционного отношения к государству и праву. Такое состояние, характеризуемое Р.Ф. Степаненко как «правовая маргинальность», приводит, по мнению исследователя, в юридической сфере «...к различным формам правового отчужде-

¹ Арапов, Н.А. Обязывающие последствия принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве / Н.А. Арапов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 3–5.

ния: удвоению правовой реальности на мир «своих» и «чужих», дисгармонии (дисбалансу) публичного и частного, к конфликту, а иногда и параллельному сосуществованию официальной и неофициальной (теневой) правовой жизни, к совершению правонарушений»². С.А. Авакьян, рассуждая об уровне доверия российских граждан к различным институтам публичной власти, отмечает, что социологические исследования недвусмысленно демонстрируют относительный дефицит доверия, высказываемый общественным институтам по сравнению с государственными. Так, характеризуя своеобразную «вертикаль доверия», социологи отмечают, что наиболее высокое положение в ней занимают доверие, оказываемое высшему должностному лицу государства, затем, по степени убывания – руководителям регионов и органам местного самоуправления. Наиболее низким уровнем доверия характеризуются политические партии.

Данная ситуация позволяет говорить о преобладающей роли институтов, воплощающих «...могущество, державность и национальное единство страны», и одновременно – об относительно низком уровне доверия к институтам народного представительства и другим органам и организациям, создаваемым в целях защиты прав и свобод граждан³. Таким образом, можно констатировать относительную концентрацию социального капитала главным образом вокруг института президентства и в то же время «выхолащивание» смысла деятельности и размывание функций иных институтов гражданского участия⁴. Это приводит к кризису доверия этим институтам значительной части участников общественных отношений и, соответственно, к неиспользованию потенциала социальных

¹ Керимов, А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели / А.А. Керимов // Известия УФУ. Серия 3. Общественные науки. Том 10. – 2015. – № 1. – С. 81–89.

² Степаненко, Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00 01 / Степаненко Равия Фаритовна. – Казань, 2015. – С. 19–20.

³ Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2016. – 268–275.

⁴ Трофимова, И.Н. Взаимоотношения власти и общества в России / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 74–75.

ресурсов в контексте активного конституционно-правомерного поведения, направленного на достижение общественно значимого результата.

С позиции исследования проблемы доверия как мотивационной составляющей правомерного поведения заслуживает внимания *добросовестность государства* в лице его органов (законодательной, исполнительной и судебной власти). Отметим, что вопрос об использовании понятия «добросовестность» применительно к властным субъектам конституционного права, как и вопрос о презумпции их добросовестности, относится к числу дискуссионных¹. В отличие от правовой позиции Конституционного Суда РФ о презумпции добросовестности и разумности действий конституционных органов², Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в отставке А.А. Иванов полагает, что «...презумпции добросовестности властного органа (вопреки мнению судов) быть не может. Напротив, презумпция добросовестности подчиненного субъекта – гражданина или организации – должна существовать всегда»³.

Проблема добросовестного осуществления нормотворческих и правоприменительных полномочий органов государственной власти и местного самоуправления в действительности крайне остра, но до настоящего времени не получила должной теоретической разработки в конституционно-правовой науке, а имеющиеся предложения так и не воплощаются в практику конституционного

¹ Агамагомедова, С.А. Добросовестность как категория публичного права и ее учет при осуществлении государственного контроля и надзора / С.А. Агамагомедова // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 124–131.; Сулейменов, М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права / М.К. Сулейменов // Право и государство. – 2015. – № 2 (67). – С. 31–38.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. – 2001. – № 6.

³ Иванов, А.А. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны / А.А. Иванов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 46–59.

регулирования. Пока нерешаемой выглядит задача разработки института право-творческой ответственности, а «...конституционно закрепленной системы правомерных критериев законодательства, посредством которых устанавливалась бы политико-правовая ответственность парламента за своевременное принятие необходимых правомерных законов и устранение противоречий и пробелов в действующем законодательстве, ... нет ни в одной конституции мира»¹. Не менее проблематичным является создание модели правоприменения с алгоритмом совершения правоприменителем конкретных действий и выбора линии поведения при рассмотрении конкретного вопроса, поскольку «...статья нормативного правового акта закрепляет условия правоприменения, но не модель эффективных, целесообразных действий, которыми эта модель воплощается в жизни»². Полагаем, что в основе такой модели могут быть использованы критерии конституционно-правомерного поведения, включающие в себя установление ряда параметров: 1) конституционность интереса субъекта правореализации; 2) конституционность цели; 3) соответствие (непротиворечие) нормам права, если они непосредственно регламентируют поведение в конкретной ситуации; 4) при отсутствии регулирующей нормы – соответствие правовой модели (алгоритму), выраженному в правовых позициях Конституционного Суда РФ; 5) конституционность мотива действий, направленных на достижение конкретного правового результата; 6) конституционность способов, методов и средств, используемых для его достижения.

Сущность принципа добросовестности в его конституционно-правовом прочтении заключается в том, что он объединяет позитивные начала права и

¹ Осипян, Б.А. Верное правосознание как путеводитель надлежащего развития законодательной и судебной-правоохранительной системы правомерного государства / Б.А. Осипян // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12. – С. 42–53.

² Честнов, И.Л. Теоретические проблемы правоприменения / И.Л. Честнов // Криминалист. – 2015. – № 2. – С. 76–79.

постулаты конституционного мировоззрения¹. Именно оно позволяет избегать произвольных действий государства, даже если с формально-юридической точки зрения они выглядят как исполнение обязательств и реализация прав. Позитивная сущность принципа добросовестности проявляется в установлении стандартов должного (конституционно-правомерного) поведения. При этом его морально-политическая составляющая выполняет отграничивающую функцию, позволяющую отличать допустимое использование права как форму правомерного поведения от злоупотребления правом.

Принцип добросовестности государства проявляется в описании поведения субъектов публичной власти при помощи таких характеристик, как преданность конституционным идеалам, честность, разумность, исполнение принятых обязательств. Одновременно он реализуется в соблюдении этими субъектами, действующими от имени государства, установленных для них запретов. И.А. Ильин замечал, что такие действия, осуществляемые «честно, благонамеренно и полноценно», и дают основание народу оказывать государству доверие, которое представляет собой не что иное, как веру «в чужую добрую волю как реальную основу чужого поведения». Доверие, по мнению ученого, базируется на том, что доверяющий признает наличие у доверяемого воли «к объективно верному поведению», фактическую способность отличать «лучшее» от «худшего» с тем, чтобы, измеряя этими мерилami свои состояния и поступки, определять свое поведение состоявшимся выбором и решением. Доверие, таким образом, представляет собой как будто обращение с таким заявлением: «...ты живая воля к праву и правомерному поведению...»².

Конституция, замечает В.Д. Зорькин, представляет собой формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства. Однако в его основе должен обязательно лежать *реальный* обще-

¹ Бондарь, Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – С. 3–12.

² Ильин, И.А. Теория права и государства. / И.А. Ильин. – М.: Гарант, 2003. – С. 359–362.

ственный договор между основными социальными слоями и группами общества, поскольку в условиях расколотого общества эта основа исчезает. При этом, по мнению ученого, главным является «...не формальное волеизъявление граждан и социальных групп, а то общественное доверие, которое их побуждает к конструктивному и осознанному волеизъявлению. Доверие между людьми, социальными группами, социальными институтами, между обществом и властью в целом». Это доверие должно носить взаимный характер, поскольку на доверии общества к власти основана легитимность власти; в свою очередь, доверие власти к обществу образует базис эффективной государственной социальной, экономической, культурной и иной политики. Однако в настоящее время, с точки зрения В.Д. Зорькина, отчуждение – взаимное недоверие власти и общества, возникшее в позднесоветскую эпоху – не преодолено; оно сменилось иным по своей природе, но не менее острым отчуждением; более того, становится «...чуть ли не модным говорить, что отчуждение, то есть взаимное недоверие, между обществом и властью – это вечная и неискоренимая проблема России»¹.

Причиной отказа в доверии общественным институтам и, как следствие, неспособности этих институтов использовать социальный потенциал конституционно-правомерного поведения, является их незрелость. Так, С.А. Авакьян отмечает, что исследования реального уровня гражданского участия в России демонстрируют несамостоятельность более чем половины отечественных общественных объединений. В этом смысле, по мнению ученого, их можно рассматривать как имитационные структуры, имитационные формы социально-политической активности, которые, занимая доминирующее положение по отношению к реальным формам и структурам, используют ресурсы государства².

¹ Зорькин, В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 1–8.

² Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2016. – С. 560.

Известный американский социолог Ч. Тилли, анализируя проблемы демократизации, выделяет ряд признаков, свидетельствующих, по его мнению, об интеграции «сетей доверия» в политику государства. К ним, по мнению ученого, могут быть отнесены: создание ассоциаций, партий, союзов и иных объединений, признаваемых обществом; разрешение членам семьи служить в национальных силовых структурах и полиции; обучение детей в государственных учебных заведениях; поддержание тех членов общества, которые выбирают карьеру в сфере социального обслуживания, включая правительственные учреждения, а также ряд других моделей поведения, направленных на претворение коллективной воли граждан в деятельность государства¹.

Доверие государственным и общественным институтам как предпосылка и условие конституционно-правомерного поведения не является абстрактным.

Оно основывается на определенных характеристиках, качествах и параметрах, обладающих различной степенью конкретности. Н.А. Арапов отмечает, что они могут быть как вполне определенными, так и предельно общими, однако приводят к тому, что доверие испытывается в общем, а не по поводу того или иного качества. Однако в целом качества, на которые опирается доверие, в сочетании со способами их обеспечения, и составляют обязывающие последствия принципа поддержания доверия².

По мнению А.Н. Кокотова, непосредственной связью с доверием характеризуются такие конституционные ценности, как свобода, инициатива, равенство, равноправие и достоинство; стабильность; приоритет прав и свобод человека и гражданина, которые, реализуясь фактически, а не декларативно, «...позволяют снижать уровень... недоверия»³.

¹ Тилли, Ч. Демократия. / пер. с англ. Т. Б. Менская. – М.: Институт общественного проектирования, 2007. – С. 112–113.

² Арапов, Н.А. Обязывающие последствия принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве / Н.А. Арапов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 3–5.

³ Кокотов, А.Н. Доверие. Недоверие. Право. / А.Н. Кокотов – М.: Юрист, 2004. – С. 50.

Анализ постановлений и определений Конституционного Суда РФ позволяет утверждать, что принцип поддержания доверия граждан к институтам и действиям государства имплицитно рассматривается не как самоцель, а именно в контексте обеспечения правомерного поведения субъектов правовых отношений. Так, например, признавая за федеральным законодателем право внесения изменений в ранее установленные правила, касающиеся условий возникновения и порядка реализации прав и свобод, Конституционный Суд указал на обязанность соблюдения при этом принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства. Соблюдение указанного принципа, предполагающего правовую определенность, сохранение разумной стабильности правового регулирования, недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, предсказуемость законодательной политики, необходимо для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения¹.

Доверие к государственным и общественным институтам в контексте обеспечения конституционно-правомерного поведения непосредственно связано с *позитивной юридической ответственностью*, в рамках которой ответственное отношение и правомерное поведение участников общественных отношений является своего рода моральным императивом, необходимым для успешного решения государственных и общественных задач.

Не вдаваясь в специфику трактовки понятия позитивной ответственности, поскольку это не входит в задачи данного исследования, заметим, что указанная категория широко используется для описания различных аспектов, особенностей поведения субъектов общественных отношений. Концепция позитивной

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского. // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 мая 2004 г. № 19 (часть II) ст. 1923 (с учетом поправки) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 29.

ответственности может рассматриваться как отправная точка нового направления исследований в характеристике сущности юридической ответственности в отечественной юриспруденции, как средства побуждения, стимулирования правомерного поведения¹.

По мнению Н.Н. Черногора, позитивная ответственность, смысл которой принято сводить к осознанию субъектом своего долга, положительному и инициативному отношению к порученному делу, не связана с конкретными юридическими предписаниями и обязанностями и не может быть формализована².

Исследования данного правового феномена позволяют трактовать его в достаточно широком смысле как осознание своего поведения в правовой сфере, его последствий и социальной значимости (например, чувство долга), выраженное в обязанности субъекта права действовать в рамках правовых предписаний³.

Социальные истоки позитивной ответственности заключаются в стремлении социальной общности защитить себя от внешних и внутренних угроз, создавая условия стабильности и безопасности. Обеспечение же таких условий внутри самой системы осуществляется прежде всего за счет добровольного, основанного на доверии государственным и социальным институтам соблюдения ее членами определенных правил поведения. Сам же институт ответственности имеет прочную связь с квалификацией поведения (действия и бездействия) субъектов правовых отношений на основе критерия правомерности. В контексте конституционно-правовых отношений «позитивный» аспект ассоциируется

¹ Овсепян, Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение: теоретико-правовое исследование / Ж.И. Овсепян – Ростов-н/Д.: Эверест, 2005. – С. 91–95.

² Черногор, Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовые проблемы) / Н.Н. Черногор. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – С. 85.

³ Прокопович, Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве (история, теория, практика). Изд. 2-е, перераб и доп. / Г.А. Прокопович – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2010. – С. 56; Чепус, А.В. Теория позитивной юридической ответственности / А.В. Чепус. – Москва: Проспект, 2016. – С. 19–20.

с сознательным совершением активных правомерных действий или воздержанием от совершения неправомерных действий, направленных на достижение конституционно значимых целей.

На отождествлении позитивной юридической ответственности с чувством долга остановимся несколько подробнее. Под понятием «долг» предлагают понимать превращение социального требования, относящегося ко всем, в личную задачу конкретного лица в определенной ситуации¹. Категория долга имеет не только этическое, но и юридическое значение. Правовой долг, по мнению И.В. Коршуновой, категория нравственно-правовая, отличающаяся от общественного долга как социально-нравственного явления и от юридической обязанности собственно как категории правовой, осуществляемой в правоотношении. Специфическим качеством правового долга является форма его закрепления в правовых актах с учетом определения его субъектов (носителей) и ситуации по времени, месту и т. д., а также возможности применения санкций и контроля². Конституционный долг аккумулирует наиболее важные формы морального долга, которые нашли нормативное закрепление в Конституции РФ³. Конституционный долг личности Д.М. Евстифеев определяет как «...совокупность предусмотренных Конституцией РФ и законодательством требований к морально-нравственным призывам, адресованных лицу и исполняемых им в интересах других лиц, общества и государства, путем участия в правоотношениях различной отраслевой принадлежности, осуществления соответствующих конституционных прав, свобод, исполнения обязанностей в установленном законом порядке»⁴. В свою очередь, моральная обязанность – это общественно-

¹ Донцов, Д.А. Психология познавательных процессов: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Д.А. Донцов, Е.А. Орлова, Л.В. Сенкевич; под научной редакцией Д.А. Донцова, Е.А. Орловой. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – С. 138–141.

² Коршунова, И.В. Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коршунова Ирина Викторовна. – М., 2004. – С. 16.

³ Комментарий к Конституции РФ / под ред. Зорькина В.Д., Лаврова Л.В. – М: Эксмо, 2009. – С. 350.

⁴ Евстифеев, Д.М. Конституционный долг личности и правомерное поведение / Д.М. Евстифеев // Russian Juridical Journal. – 2018. – № 6 (123). – С. 71.

необходимая, должная мера поведения, которой следует человек или группа лиц в силу оценки (осознания) ее как абсолютной ценности и которая обеспечивается внутренним убеждением самой личности и (или) внешним эмоциональным (нравственным) принуждением. Моральные и отчасти некоторые юридические обязанности носят (принимают) форму безличного долженствования, равно обращенного ко всем: предписывая известное поведение одним лицам, они не дают другим абсолютного притязания на их выполнение. Поэтому для таких предписаний характерна форма выражения через догмы, заповеди, нормы-наставления, нормы-принципы, нормы-запреты, нормы-предписания¹.

Отношение индивида к морально-правовому долженствованию отражает уровень правовой культуры личности, характеризует степень ее ответственности, отношение к правовым и социальным ценностям и находит свое выражение в различных вариантах правомерного поведения. Важнейшим признаком социально активного правомерного поведения является выполнение индивидом не только тех его форм, которые закреплены в законе в виде обязанностей, но и тех его форм, которые регламентированы в виде прав и свобод. Осознание долга (а мы подразумеваем в данном случае и многообразие конституционного долга) является важной частью мотивации к правомерному поведению.

Позитивная ответственность есть развивающееся динамичное юридическое явление. Добросовестная, добровольная реализация прав и обязанностей есть процесс динамической ответственности, в противовес правонарушениям. Рассматривая позитивную ответственность, следует иметь в виду, что в ее основе две составляющих: нравственные ограничители, долг как «барьер» на пути неправомерного поведения и само правомерное поведение как надежный фундамент правовой ответственности. Правомерное поведение и позитивная ответственность индивида находятся в диалектической взаимосвязи. Долг, совесть, патриотизм как основа ответственности в какой-то мере статичны, но своё воплощение они приобретают в поступках, действиях, в правомерном поведении,

¹ Коршунова И.В. Указ. соч. – С. 13–14.

придавая последнему динамический характер. «Правомерное поведение есть действенное выражение ответственности и свободы, есть поведение не просто дозволенное, но и поведение юридически ответственное и потому юридически свободное – и в таком качестве приемлемое»¹. За правомерным поведением следует либо молчаливое одобрение государства, либо применение мер поощрения и поддержки.

Основообразующую роль в институте позитивной ответственности играют ее принципы. Выступая в качестве руководящей идеи, отражающей существенные свойства явлений, принципы одновременно выступают как требования, определяющие правомерность поведения и деятельности людей.

Позитивной юридической ответственности присущи принципы справедливости, законности, гуманизма, индивидуализма. Указанные принципы позволяют проследить ее взаимосвязь в контексте весьма популярной сегодня установки на соединение конституционного права с теорией морали² и, как следствие этого, – этизации понимания прав и свобод человека, связанной с именами Р. Дворкина и Р. Алекси³. Р. Дворкин рассматривает права человека как моральные (морально оправданные) притязания человека, обращенные к государству и обществу⁴. Р. Алекси также считает моральность (моральный характер) важнейшим признаком прав человека. Права человека, по его мнению, имеют исключительно моральную действительность, то есть должны быть морально обоснованы⁵. Оправданность притязаний на те или иные моральные права, по утверждению Р. Дворкина, проистекает из принципов, лежащих в основе господствующей в обществе морали и утвердившейся правовой системы. Принци-

¹ Беляев, В.Г. Применение уголовного закона / В.Г. Беляев. – М.: Litres, 2018. – С. 78.

² Должиков, А. Толкование конституционных прав / А. Должиков // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 4 (113). – С. 130.

³ Варламова, Н.В. Этизация понимания конституционных прав и свобод человека: опыт критического осмысления / Н.В. Варламова // Верность Конституции. – 2018. – С. 157–165.

⁴ Дворкин, Р. О правах всерьез. / Р. Дворкин. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 132–136, 252–254.

⁵ Алекси, Р.О. Существование прав человека / Р.О. Алекси // Правоведение. – 2011. – № 4. – С. 23, 24.

пы права, в свою очередь, Р. Дворкин понимает как стандарты, выражающие некоторые моральные требования, например, справедливости, честности и т. п.

Справедливость позитивной юридической ответственности является морально-юридической категорией, которая содержит требования соответствия между правами и обязанностями, между трудом и вознаграждением, заслугами и общественным признанием. При этом с помощью позитивной юридической ответственности достигается наиболее оптимальная соразмерность между возможным и должным поведением, поведением и оценкой его результатов. Справедливость позитивной юридической ответственности связана с понятиями поощрения, вознаграждения, применение которых является своеобразной стадией ее реализации. Применение поощрительных мер должно быть также основано на положениях равенства и соразмерности. По мнению Т.Я. Хабриевой, основным инструментом поощрения, применяемого для стимулирования позитивных отношений, является институт государственной поддержки, который может принимать различные формы (налоговое стимулирование и т. д.)¹.

Принцип законности позитивной юридической ответственности означает неуклонное исполнение всеми гражданами и должностными лицами обязанностей, возложенных на них законами, в связи с исполнением ими определенных социальных ролей в системе общественных отношений. Обязанности, установленные нормативно-правовыми актами, должны быть законными, справедливыми. Сущность *принципа гуманизма* заключается в том, что государство обеспечивает неотчуждаемые, принадлежащие каждому от рождения права и свободы, охраняет достоинство личности, гарантирует свободы и личную неприкосновенность. Идеи гуманизма позитивной юридической ответственности закреплены в Конституции Российской Федерации.

На наш взгляд, реализацию механизма позитивной ответственности, основанную на доверии граждан социальным и государственным институтам, до-

¹ Хабриева, Т.Я. Правовое измерение научного прогресса / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 8. – С. 16–18.

статочно явным образом продемонстрировала пандемия COVID-19, потребовавшая вовлечения всего населения, организаций гражданского общества, частного сектора и представителей бизнеса. Короткий срок распространения COVID-19 продемонстрировал миру беспрецедентный кризис, в основе которого находится глобальная чрезвычайная ситуация в сфере здравоохранения, по своим масштабам несравнимая ни с одной другой чрезвычайной ситуацией в течение последнего столетия. Уже сейчас очевидно, что негативные последствия пандемии не ограничиваются только системой здравоохранения. Почти неизбежно такие последствия создают реальную угрозу наступления мирового экономического, социального кризиса, а также кризиса личности, который быстро превращается в кризис прав человека.

Общество столкнулось с проблемами принудительного изолирования больших групп населения, путаницы в значении понятий «карантин» и «самоизоляция»; разглашения персональных данных COVID-положительных личностей; криминализации действий по нарушению ограничений или передаче заболевания; избыточного вмешательства государства в частную жизнь и потери приватности при реализации права на свободу передвижения; запрещения массовых мероприятий, экстраординарного расширения полномочий государства по введению новых специальных запретительно-ограничительных режимов, отсутствующих в законодательстве. Такому положению вещей сопутствовало появление юридически обязывающих актов всех уровней публичной власти, не имеющих формальных законных оснований в национальных правовых системах.

Представляется, что задача сейчас ни в коем случае не заключается в том, чтобы подвергнуть критике эффективность государственных мер реагирования на пандемию или усилить недоверие к ним. Можно утверждать, что от ученых-правоведов ожидают скорейшей разработки адекватных правовых механизмов, регулирующих отношения в обществе в условиях санитарно-эпидемиологического неблагополучия, а также предложений относительно спо-

собов принятия более эффективных мер реагирования с учетом прав человека. В своем докладе «COVID-19 и права человека» Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Антониу Гутерриш отметил необходимость объединения усилий государственного, общественного и частного сектора для достижения «...тройной цели: повысить эффективность мер реагирования на непосредственную глобальную угрозу здоровью; смягчить более широкие последствия кризиса для жизни людей; избежать создания новых или усугубления существующих проблем. Все три элемента, – заметил он, – позволят нам отстроить лучшее будущее для всех». В этом же документе А. Гутерриш обозначил, что на передовой борьбы с нынешней пандемией находятся три права:

- право на жизнь и обязанность защищать жизнь, подразумевающее, что все государства обязаны защищать человеческую жизнь, в том числе путем устранения основных условий в обществе, создающих прямые угрозы для жизни;

- право на здоровье и доступ к здравоохранению как неотъемлемая часть права на жизнь. Вызванный COVID-19 кризис испытывает на прочность способность государств защищать право на здоровье. Каждый человек имеет право на наивысший достижимый уровень здоровья, обеспечивающий ему достойные условия жизни. Каждый человек, независимо от его социального или экономического положения, должен иметь доступ к необходимому ему медицинскому обслуживанию;

- право на свободу передвижения. Для того чтобы контролировать распространение вируса и защищать право на жизнь, необходимо разорвать цепь инфекции: люди должны перестать передвигаться и взаимодействовать друг с другом. Наиболее распространенной мерой в области общественного здравоохранения, принимаемой государствами в борьбе с COVID-19, является ограничение свободы передвижения, которое может принимать форму режима изоляции или указания оставаться дома. Это практический метод, необходимый для того, чтобы остановить распространение вируса, предотвратить перегрузку

систем здравоохранения и тем самым спасти жизни людей. Однако режим изоляции возымел весьма серьезные последствия для занятости, экономического положения, доступа к услугам, в том числе доступа к здравоохранению, продовольствию, водоснабжению, образованию и социальным услугам, а также для безопасной обстановки дома, надлежащего уровня жизни и семейной жизни. Становится понятно, что свобода передвижения является одним из важнейших прав, которое способствует осуществлению многих других прав.

Хотя международное право допускает некоторые ограничения свободы передвижения, в том числе по соображениям безопасности и в связи с чрезвычайными ситуациями в стране, например, в области здравоохранения, ограничения свободы передвижения должны быть строго необходимыми, соразмерными и недискриминационными. Возможность производить эффективное и обобщенное тестирование и отслеживание контактов и принимать адресные карантинные меры может уменьшить необходимость во введении более избирательных ограничений¹.

Полагаем, что реализация этих прав в условиях пандемии не может и не должна являться исключительно проблемой государства. В создавшейся ситуации можно говорить об актуализации позитивной ответственности всех субъектов правовых отношений, которая дает возможность достижения баланса между притязаниями на свободу и необходимостью.

Краткое сравнительно-правовое исследование анализа ограничений свободы передвижения в законодательстве ряда стран, в частности Соединенного Королевства и Франции, проведенное сотрудниками Правозащитного Центра «Мемориал», показало, что реакцию европейских стран можно разделить на два типа: с четкой ролью центральной власти (чрезвычайный закон, ясные полномочия регионам) и децентрализованный, когда регионам дали неясные полно-

¹ Гутерриш, Антониу Пандемия COVID-19 и права человека. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения 18.12.2021 г.)

мочия¹. Российские ограничительные меры в отношении свободы передвижения можно отнести ко второй группе. Примечательно, что отсутствие внятной правовой базы для значительных ограничений свободы передвижения вызвало единодушное недоумение юристов как в Российской Федерации, так и в других странах, где такие ограничения были введены. Так, судья Верховного суда в отставке лорд Сампшн посчитал, что эти избыточные меры могут сделать из Британии полицейское государство: «Это то, как выглядит полицейское государство, государство, в котором правительство может издавать указы... без правового основания, а полиция будет исполнять желания министров»².

Полагаем, что в данном случае имеет место «перевешивание» коллективной пользы над правами человека³, особый случай отвержения абсолютного приоритета индивидуальных прав перед коллективными благами⁴. Здесь единственно значимым обстоятельством выступает «закон балансирования» (law of balancing), предполагающий, что «...чем больше степень посягательства на один принцип, тем больше должна быть важность удовлетворения другого принципа»⁵. В частности, в уже упомянутой выше концепции Р. Алекси права человека не рассматриваются как изначально имеющие приоритет по отношению к тем или иным политическим соображениям. Допустимость вмешательства в их осуществление просто предполагает, что такое вмешательство должно быть оправданным. При этом в центре внимания оказывается не само право и

¹ Агальцова, М.В. Иманова, Т.В. Самоизоляция: анализ конституционности антикризисных мер / М.В. Агальцова, Т.В. Иманова // Закон. – 2020. – № 5. – С. 60–70.

² UK police warned against ‘overreach’ in use of virus lockdown powers // The Guardian. – 2020. 30 March. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/mar/30/uk-police-guidelines-coronavirus-lockdown-enforcement-powers-following-criticism-lord-sumption> (дата обращения: 25.07.2020).

³ Mc., Harg A. Reconciling Human Rights and the Public Interest: Conceptual Problems and Doctrinal Uncertainty in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights / Mc. Harg A. // The Modern Law Review. – 1999. – Vol. 62. – Issue 5. – P. 674.

⁴ Алекси, Р.О. структуре принципов права / Р.О. Алекси // Российское правосудие. – 2017. – № 3. – С. 33–34.

⁵ Alexy, R.A Theory of Constitutional Rights / R.A Alexy – Oxford University Press, 2010. – 462 p.

характер ограничивающей его меры, а основания, оправдывающие данное вмешательство, которые должны быть надлежащими. И в большинстве случаев вмешательство в осуществление прав человека оправдывается практическими соображениями, а не собственно юридическими¹. Право на здоровье большинства «перевешивает» интересы частных лиц и меньшинства на свободу передвижения.

Самоизоляция, как следует из приставки «само», свидетельствует о прекращении связи с окружающей средой и обособление от этой среды индивидом добровольно, без посторонней помощи. Изоляция представляет собой структурный процесс, проявляющийся в следующих состояниях: а) ограничение возможностей реализации своих желаний и потребностей; б) локализация на определенной территории мест проживания; в) ограничение прав индивидов; г) неготовность социальных групп к радикальным переменам². Из выделяемых в литературе основных видов изоляции (социальной и правовой) самоизоляция индивидов в условиях пандемии COVID-19 может быть охарактеризована как вид правомерного поведения, при котором происходит добровольное принятие ограничений в виде отчуждения индивида или социальной группы от других

¹ См.: Kumm, M. Constitutional Rights as Principles: On the Structure and Domain of Constitutional Justice / M. Kumm // *International Journal of Constitutional Law*. – 2004. – Vol. 2. – № 3. – P. 582; Конституционный Суд РФ также считает, что цели ограничений конституционных прав и свобод «должны быть не только юридически, но и социально оправданны» (Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 450-О «По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // *Вестник Конституционного Суда РФ*. – 2016. – № 6; Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // *Собрание законодательства РФ*. – 2016. – № 50. – Ст. 7169.

² Шубин, М.Ю. Белянская, О.В. Правовая изоляция личности: понятие и правовое регулирование // *Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сборник научных трудов по материалам XI Международной научной конференции*. 22 апреля 2017 г. / отв. ред. О.В. Белянская, Н.С. Ельцов. – Тамбов, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 102–106.

индивидов или социальных групп в результате прекращения или резкого сокращения социальных контактов и взаимоотношений. Самоизоляция представляет собой тип социальной, физической изоляции, при которой индивидуум, не имея возможности личной встречи, свободно общается через технические средства связи – телефон, почту, интернет, но отказывается от прямых социальных контактов, либо соблюдает ограничения и требования при таких контактах. Безусловно, в режиме самоизоляции присутствует элемент правовой изоляции как «...принудительного, от имени государства осуществляемого временного правового ограничения социальных связей личности с ранее внешне окружавшей её общественной и природной средой обитания (микросредой)... в определённых законом целях, установленных компетентным органом»¹. Необходимо отметить, что вопрос о понятии и собственно существовании такой правовой категории, как «правовая изоляция», до сих пор остается крайне спорным и малоизученным в отечественной юридической науке, что, по мнению исследователей данной категории, связано с отсутствием четкого соотношения понятия «изоляция» с другими близкими правовыми категориями, такими как: арест, ограничение свободы, лишение свободы; задержание, привод, доставление. Но с большой долей очевидности можно утверждать, что функциональная сторона термина «изоляция» дополнилась еще одной целью – массовое предотвращение контактов изолируемых с внешней средой обитания в правомерных целях, а именно: в целях обеспечения Права на здоровье большинства населения страны / региона. В связи с этим, как подчеркивалось в Докладе ВОЗ, самоизоляция является неразрывной частью системы мер, направленных на борьбу с пандемией². При этом, в отличие от принудительной изоляции карательного характера, при самоизоляции не происходит поражения в конституционных (а также и

¹ Маковик, Р.С. Изоляция как правовая категория / Р.С. Маковик // Человек: преступление и наказание. – 1994. – № 1. – С. 43.

² Report of World Trade Organization “Addressing Human Rights as Key to the COVID-19 Response”. URL: <https://www.who.int/publications-detail/addressing-human-rights-as-key-to-the-covid-19-response> (дата обращения 12.01.2022)

иных) правах, а скорее наоборот. Добросовестное и надлежащее выполнение требований «режима самоизоляции» дает индивидууму основания на получение мер поддержки со стороны государства и общества. Данный вид изоляции скорее представляет собой безвиновную «квазиправовую изоляцию личности», отличающуюся ограниченным правовым воздействием и основанную на добровольном принятии ограничений в силу обстоятельств чрезвычайного эпидемиологического характера.

Вопрос о конституционности мер по ограничению прав и свобод граждан, принимаемых российской региональной властью в связи с пандемией COVID-19, послужил основанием для обращения в Конституционный Суд РФ. Рассмотрев дело о проверке конституционности соответствующего положения постановления Губернатора Московской области¹, КС РФ сформулировал ряд важных правовых позиций, основанных на следующих тезисах:

1) одновременное автономное развитие нормативного регулирования на федеральном и региональном уровне отражает экстраординарность сложившейся ситуации; при этом, учитывая масштаб угрозы распространения инфекции, опережающий характер правового регулирования не свидетельствует о его противоправности и противоречии Конституции РФ. Каждый из уровней государственной власти предпринимает усилия по минимизации ущерба для важнейших ценностей – жизни и здоровья граждан, и понимание необходимости этих средств является общим как для федерального, так и для регионального уровня публичной власти;

2) выбор правовых средств, направленных на защиту жизни и здоровья и связанных с ограничением прав, относится к дискреции федерального законо-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом

дателя. Однако отсутствие правового регулирования, адекватного по содержанию чрезвычайной ситуации, не является оправданием бездействия органов публичной власти по предотвращению и минимизации негативных последствий чрезвычайной ситуации. Такое бездействие означало бы устранение государства от исполнения его важнейшей конституционной обязанности по признанию, соблюдению и защите прав человека и, по существу, означало бы игнорирование этой обязанности по сугубо формальным основаниям.

Полагаем, что осуществление в ряде случаев опережающего правового регулирования представляет собой разновидность позитивной ответственности государства, направленной на исполнение обязанности органов публичной власти по защите важнейших конституционных ценностей. Заметим, что данная мера является далеко не единственным проявлением позитивной ответственности, и в этом смысле кризис COVID-19 обозначил решающую роль, которую играют защита и поощрение экономических и социальных прав в принятии чрезвычайных мер реагирования. Никогда еще не было с такой ясностью продемонстрировано, насколько важна ответственность государства за защиту людей путем гарантирования их экономических и социальных прав. Без сомнения, можно утверждать, что Россия в этом смысле продемонстрировала примеры надлежащей практики аккумуляции ресурсов и направления их на принятие фискальных, финансовых и экономических мер по смягчению негативного воздействия кризиса COVID-19 на население страны. Примерами служат сохранение рабочих мест и заработной платы за счет принятия адресных экономических мер, в некоторых случаях близких к обеспечению универсального дохода, и поддержки работодателей и предприятий; предоставление или продление оплачиваемого отпуска по болезни работникам или пособий по безработице; установление особых условий оплаты труда для медицинских работников.

Поведение граждан по отношению к государственным и социальным институтам в условиях чрезвычайных ситуаций, к которым фактически относится и эпидемия новой коронавирусной инфекции, явно демонстрирует значимость той роли, которую играют правосознание индивидов и их правомерное ответственное поведение. Это, в свою очередь, дает надежду на формирование нового видения концепции добровольных ограничений, правомерного поведения и позитивной ответственности. Помимо очевидных требований необходимости, разумности, соразмерности, при установлении ограничений прав человека в условиях эпидемиологического неблагополучия требуется также информированность и вовлеченность граждан в процессы принятия решений, адекватная обратная связь от гражданского общества, что невозможно без свободы слова и выражения мнений, сопричастности граждан принимаемым мерам, доверия государству и подотчетности государства – гарантий от возможной политической подоплёки ограничительных мер.

Таким образом, основанное на доверии конституционно-правомерное поведение участников общественных отношений – как индивидов, так и их общностей – представляет собой не застывшую конструкцию, а постоянно изменяющиеся модели действий, которые при взаимодействии трансформируются в легитимный публичный интерес. Нахождение конституционно значимого компромисса индивидуальных и групповых интересов различного уровня, в свою очередь, повышает доверие к государственным и социальным институтам и способствует достижению согласия в обществе.

4.2. Конституционализация политически протестного поведения как средство обеспечения правомерного поведения

Исследованию протестных отношений в российском конституционном праве в последнее уделяется значительное внимание¹. В контексте данной про-

¹ Авакьян, С.А. Протестные отношения и конституционное право / С.А. Авакьян // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2012. – Выпуск. 31. – С. 6–10;

блемы наибольший интерес представляет цивилизованный¹, или конструктивный, политический протест². Он выступает антиподом неконвенциональным действиям и поведению, не соответствующему законным и традиционным нормам конституционного правопорядка, регулирующим политико-правовую активность.

Авторство термина «конструктивный протест» связывается с именем одного из лидеров Либеральной партии Великобритании Джозефа Гримонда, который, призывая либералистов к «конструктивному протесту против консерватизма», охарактеризовал такой протест как уравновешенный, разумный и честный³. В отечественном конституционно-правовом дискурсе на то, что протестное поведение при определенных условиях может быть консультативной формой осуществления народовластия, формой выражения политического мнения граждан, одним из первых указал С.А. Авакьян⁴. Он предложил уйти от тезиса, при котором протестные отношения считаются исключительно выражением категории «оппозиция-власть», превращающего всё в реализацию стереотипа «оппозиция против власти»⁵. Кроме того, С.А. Авакьян отмечает очень важный аспект: «...публичный протест может быть не только средством выступле-

Троицкая, А.А. Право на протест: содержание и эффективность реализации / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 34–42; Прудентов, Р.В. Протестные отношения (по материалам некоторых зарубежных стран) / Р.В. Прудентов // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 2. – С. 31–37; Салихов, Д.Р. Протестные отношения в конституционном праве: вопросы теории / Д.Р. Салихов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 66–73.

¹ Шевердяев, С.Н. Материальные и организационные основы цивилизованного политического протеста / С.Н. Шевердяев // Право и экономика. – 2012. – № 10. – С. 63–71.

² Ризккинен, М.А. Конструктивный протест в конституционном праве: идеализированный миф или потенциальная реальность? / М.А. Ризккинен // Lex russica. – 2014. – № 5. – С. 587–593; Липчанская, М.А. Рубанова, М.Е. Специфика реализации свободы слова в качестве формы конституционного конструктивного протеста / М.А. Липчанская, М.Е. Рубанова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6 (119). – С. 101–109.

³ Foote, G. Republican Transformation of Modern British Policies / G., Foote – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 93.

⁴ Авакьян, С.А. Протестные отношения и конституционное право / С.А. Авакьян // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2012. – Выпуск. 31. – С. 7–8.

⁵ Авакьян С.А. Указ. соч. – С. 11–13.

ния против власти, но и средством осуществления власти». Дело в том, что практически все способы реализации публичной власти, построенные на участии народа, населения, основываются на альтернативе – «за» или «против», «да» или «нет». При вынесении вопроса на референдум у его участников есть право поддержать или высказаться против; когда на выборах предлагаются разные списки кандидатов, поддерживая одних, избиратель тем самым выражает свое мнение не в пользу других¹.

Традиция изучения различных проявлений протеста позволяет исследователям сделать вывод о том, что «...протест в целом понимается и признается как естественная и неотъемлемая часть общественной и политической жизни», «...место для гражданского неповиновения должно быть в институтах правления»², а «...публичное изъяснение требований, интересов, мыслей граждан всегда в интересах органов исполнительной власти, независимо от того, каково их содержание: pro или contra»³. Например, идея многопартийности содержит в себе легальность политической оппозиции, допустимость протестов, противостояния, сопротивления официально действующей власти в установленных конституционно-правовых границах и формах.

Понимание природы протестов трансформируется с развитием и усложнением общественных отношений и их законодательного оформления. Авторы периода Античности, эпохи Возрождения и Нового времени, которые занимались этой проблемой, заявляли, что протест – это действия, направленные на смену политической системы и / или правителя (власти). Авторы, которых мы относим к новейшему времени, взяв это определение за основу, добавляют

¹ Авакьян, С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 12–15.

² Коэн, Д.Л. (Cohen D.), Арато Э. (Arato A.) Гражданское общество и политическая теория. / Д.Л. Коэн, Э. Арато – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – С. 545–560.

³ Ноздрачев, А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений / А.Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 21–25.

важный аспект: протест – это ещё и средство влияния на власть. Таким образом, в подходе к протесту прослеживается важное изменение: сейчас это не столько действия, направленные против власти, сколько действия, с помощью которых общество пытается повлиять на власть¹. «Право на протест, – пишет А.А. Троицкая, – как сложное с содержательной точки зрения права представляет собой не просто сумму отдельных политических прав (значение которых, в свою очередь, также не сводится к тому, чтобы составлять часть этого права). Смысл признания права на протест определяется его самостоятельной ценностью, выражаемой через объект защиты. Защищаемое в данном случае благо – это не только выражение (любых) взглядов, не только создание объединения для достижения (любых) целей, не только взаимодействие с органами власти (по любому вопросу) и т. д., это именно возможность занимать, представлять и продвигать позицию, не совпадающую с позицией других субъектов властных отношений, по различным вопросам управления государством; в этом смысле право на протест тесно связано с проблемой надлежащего представительства интересов граждан в процессе выстраивания политики государства»².

Функцию политического протеста в российском конституционно-правовом поле, по мнению ученых, выполняют многие виды политико-правового поведения: протестное голосование³, обращение с в органы власти с жалобой) или бездействие (например, массовое неучастие в выборах в качестве протестной позиции)⁴; собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирования; новые формы публичных акций: массовые прогулки и пробежки, многокилометровые крестные ходы, наномитинги, флешмобы, протестные палаточ-

¹ Руденкина, А.И. Керимов, А.А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке / А.И. Руденкина, А.А. Керимов // Социум и власть. – 2016. – № 4 (60). – С. 56 – 58.

² Троицкая, А.А. Право на протест: содержание и эффективность реализации / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 34–40.

³ Крусс, В.И. Избирательная система в механизме конституционного обеспечения прав человека / В.И. Крусс // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 3. – С. 103–107.

⁴ Мархгейм, М.В. Зейналбдыева, А.В. Право на протест как фактор совершенствования социальной среды и активизации гражданского общества // Конституционализация России: про-

ные лагеря, массовые вечеринки, политконцерты и иные скрытые формы публичных мероприятий¹. Следует отметить и трансформацию ряда протестных форм, к которым, в частности, можно отнести свободу критики. Как известно, в Конституции 1977 года содержались гарантии протестного реагирования на деятельность публичных органов и их представителей: согласно ст. 49 каждый гражданин СССР «...имеет право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе». В той же статье говорилось: «Преследование за критику запрещается. Лица, преследующие за критику, привлекаются к ответственности» (соответствующие нормы были и в Конституции РСФСР 1978 г.). В новейшей практике избран иной способ конституционно-правового регулирования – возможность критики отражена в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Так, ст. 4 указанного закона устанавливает, что заявление может представлять собой просьбу гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц; сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц; критику их деятельности. Ст. 6 «Гарантии безопасности гражданина в связи с его обращением» устанавливает: «Запрещается преследование гражданина в связи с его обращением в государственный орган, орган местного самоуправления или к должностному лицу с критикой деятельности указанных органов или должностного лица либо в целях восстановления или защиты своих прав, свобод и законных интересов либо прав, свобод и законных интересов других лиц». Та-

блемы теории и современной практики: сборник научных статей, посвященных памяти профессора Н.В. Витрука / под ред. М.В. Мархгейм. – Белгород, 2016. – С. 40–47.

¹ Саленко, А.В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах / А.В. Саленко // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). — С. 118–120.

ким образом, право и свобода критики должны гарантироваться и охраняться в силу закона.

По мнению В.И. Крусса, подлинно конституционный протест есть деятельный призыв «коллективных личностей» к официальному признанию определённой конституционно значимой проблемы и необходимости ее оперативного – в рамках правового поля – решения на основе презумпции взаимного доверия и ответственного сотрудничества власти и общества¹.

Обращаясь к признакам протестного поведения правомерной направленности можно выделить его следующие черты:

1) рациональность (в отличие от эмоционального выражения недовольства по отношению к органам публичной власти), подразумевающую конструктивный характер критики²;

2) наличие стремления к улучшению, приближению к идеальному состоянию; выражение солидарности как важнейшей характеристики протеста³, апелляция к справедливости;

3) ненасильственный характер действий;

4) конвенциональный характер, соответствующий как юридическим нормам, так и традициям национальной политической культуры. Так, демонстрации и пикеты часто организуются, например, для защиты гражданских и социальных прав населения, закреплённых законодательно. Участники таких акций могут протестовать против нарушения неких социальных договорённостей (закреплённых в виде законов, формальных и неформальных норм) органами власти или другими политическими субъектами. Они не выступают за

¹ Крусс, В.И. Конституционный порядок и право на протест: «мыльная драма» процессуальной оппозиции / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 9. – С. 39–40.

² Авакьян, С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 3–5.

³ Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. / пер. с фр. И.Я. Волевич, Ю.М. Денисов, А.М. Руткевич, Ю.Н. Стефанов. – М.: Политиздат, 1990. – 410 с.

кардинальные преобразования политической системы, а лишь призывают к корректировке проводимого политического курса, его институционального контекста и т. п. Поэтому в странах стабильной демократии уровень протестной активности населения, часто конвенциональной по своей сути, может рассматриваться как один из показателей зрелости гражданского общества, не содержащий в себе намерений изменения конституционного строя и свержения власти;

5) доминирование законных форм активности над незаконными¹, в силу чего политический протест может быть охарактеризован как прямая неинституционализованная форма участия в делах государства²;

6) направленность на минимизацию конституционных рисков;

7) самоорганизация гражданских действий, придание им системного характера, определенного статуса системной оппозиции;

8) развитие конфликтно-конкурентного отношения, направленного на поиск компромиссного решения и становление партнерской или приближенной к ней модели взаимодействия.

Говоря о конституционализации протестного поведения, несправедливо было бы игнорировать то обстоятельство, что в смысловом поле любого протеста (и в лингвистическом контексте этого термина) заложен конфликт, точнее открытая его часть (манифестная, демонстрационная). Конституционный конфликт – это имеющее конституционное значение столкновение (противоборство, противодействие) субъектов конституционных отношений по поводу конституционных (основных) прав и свобод личности, публичной (в том числе

¹ Roller, E. Wessels, B. Contexts of political protest in Western democracies: Political organization and modernity / E. Roller, B. Wessels – Berlin, 1998. – P. 6–7. (Discussion paper / Wissenschaftszentrum Berlin für Social forschung.)

² Political action: Mass participation in five Western democracies / Barnes S.H., Kaase M. et al. – Beverly Hills, 1979. – P. 42–50; Verba, S. Nie, N. Kim, J.-O. Participation and political equality: A seven-nation comparison / S. Verba, N. Nie, J.-O. Kim – Cambridge, 1978. – P. 1–2.

государственной) власти, предметов ведения Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или предметов их совместного ведения, вопросов местного значения, полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления, территории публичного образования, иных объектов конституционных отношений, представляющее угрозу основополагающим конституционным ценностям, нормам и принципам (либо нарушающее их) и опосредованное нормами конституционного права¹.

С позиции исследования правомерного конституционно-правового поведения этот процесс представляется *конфликтным взаимодействием*. По этой причине к вопросу конституционализации протестного поведения предлагаем использовать конфликтологический подход и исходить из того, что конфликтность и противоречивость есть сущность отношений, составляющих предмет конституционного права. Конфликтность рассматривается как естественная системная форма политико-правовой активности субъектов конституционно-правовых отношений².

Конфликтность в сфере конституционно-правовых отношений обусловлена рядом факторов, среди которых могут быть выделены:

– противоречия между интересами, потребностями, целями, ценностями и мотивацией личности и государства. Так, в основе протеста находятся либо конфликт ценностных ориентиров, властвующих и подвластных (который неизбежно скажется на легитимности власти), либо конституционные ожидания, которые должны быть воплощены в правах и приводить в действие исполнение обязанностей, но по каким-то причинам этот сценарий не реализовался. Нереализованные конституционные ожидания являются триггером протестного поведения, поскольку протестующие стремятся оказать воздействие на суще-

¹ Никитина, А.В. Типология конституционных конфликтов / Никитина А.В. // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 69–78.

² Езеров, А.А. Конституционная безопасность с позиции конфликтологического подхода / А.А. Езеров // Актуальні проблеми держави і права. – 2011. – № 57. – С. 76–83.

ствующие нормативные правила либо процедуры в рамках существующих правил;

- столкновение конституционных ценностей – «власти и свободы», прав человека и публично-правового порядка (интересов общества и государства)¹;
- многопартийность и конкурентная модель властных отношений²;
- противоречивые по своей природе отношения между органами в системе государственной власти;
- противоречия федеративных связей, проявляющиеся в отношениях между федерацией и ее субъектами, между субъектами федерации и внутри субъектов³;
- коррупция, несменяемость политического руководства, недемократичный характер избрания парламента, дефицит политических свобод или их умаление; неэффективность деятельности правозащитных институтов.

Задача конституционализации протестного поведения должна решаться, во-первых, на уровне конституционно-правовой ментальности; во-вторых, на уровне позитивного конституционного нормотворчества и, в-третьих, на уровне правоприменительной практики. Данный тезис считаем возможным подкрепить предлагаемым Н.С. Бондарем современным пониманием двухпорядковой сущности конституции и пределов конституционного регулирования. На первом плане в этой модели находится экономическая, социально-политическая, социокультурная природа отношений, попадающих в сферу конституционного регулирования, а «сущность второго порядка» представлена совокупностью

¹ Бондарь, Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. / Н.С. Бондарь – М.: Юстицинформ, 2005. – С. 19–25.

² Заславский, С.Е. Постсоветская конституционная многопартийность в протестном контексте / С.Е. Заславский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 3. – С. 42–44.

³ Нарутто, С.В. Федерализм и единство государственно-правовой системы: монография / С.В. Нарутто – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2001. – С. 57.

«...формально-юридических характеристик механизма конституционного регулирования»¹.

В.И. Крусс, в своих работах, посвященных вопросам конституционализации, неоднократно подчеркивал необходимость сосредоточиться на «...сугубо юридико-технической, теоретико-аналитической точке зрения»². Другие исследователи, например Г.Г. Арутюнян, заостряют внимание на проблеме юридического осмысления конституционализации социального поведения человека, делая при этом вывод, что миссией правового государства является такое конституционное регламентирование социального поведения индивида, когда формируется конституционная среда, в которой высшей формой направления социального поведения индивида становится не внешнее воздействие, а саморегуляция, основанная на верховенстве права³. Конституционализация протестного поведения подразумевает процесс упорядочивания такого поведения на всех уровнях, однако исследование этого процесса должно быть расширено и выходить за рамки традиционно используемых для этого нормативно-исторического либо философско-конституционного русла⁴.

Полагаем, что обозначенное исследовательское поле конституционализации политически протестного поведения может быть расширено за счет включения в него *системы смыслообразующих образов конституционализма*, а именно: конституционных образов индивида, общества и государства. Именно с помощью правовых образов происходит восприятие и понимание правовой реальности, образуемой конституцией, а также формируется отношение к ней. При этом, сама Конституция России «...уже сейчас в массовом сознании стала

¹ Бондарь, Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь – М.: Викор-Медиа, 2006. – С. 24–28.

² Крусс, В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права / В.И. Крусс // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2012. – № 31. – С. 104–110.

³ Арутюнян, Г.Г. Конституционализация социального поведения человека в правовом государстве / Г.Г. Арутюнян // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 5. – С. 2–5.

⁴ Зорькин, В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: Инфра-М, 2007. – С. 125–130.

символом правового абсолюта. Обретая живописные очертания, Конституция получает «прописку» в эмоциональной сфере человека и общества, становится частью глобальной символической среды, наполняется новыми глубинными смыслами, приобретает иные возможности структурирования социальной реальности»¹. Это обусловлено тем, что правовые и законодательные образы человека, общества и государства составляют неосознаваемый уровень в структуре правосознания, через их призму происходит отражение и оценка объектов, явлений и процессов конституционно-правовой реальности, формирование правовых или противоправных установок, и, как следствие, возможно прогнозирование будущего правового поведения².

В 60-х годы XX века виднейшие представители отечественной юридической науки разработали категории «конституционного статуса» и «правового положения личности» как теоретических основ взаимодействия указанных субъектов конституционных правоотношений³. Сегодня указанные категории

¹ Пряхина, Т.М. Визуализация конституции // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания: сборник статей Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Под ред. Е.Б. Дудниковой, Н.В. Шалаевой. – Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова», ООО «ЦеСАин», 2020. – С.41.

² См.: Белобородов, А.Г. Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: автореф. дис. ...канд. психолог. наук: 19.00.06 / Белобородов Александр Геннадьевич. – М., 1999. – С. 4–5.

³ Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук; отв. ред.: Патюлин В.А. – М.: Наука, 1979. – 229 с.; Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности. / Н.В. Витрук – М.: Норма, 2008. – 448 с.; Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие / Л.Д. Воеводин – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1997. – 304 с.; Воеводин, Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. / Л.Д. Воеводин – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.; Конституционный статус личности в СССР / ред. кол. Н.В. Витрук, В.А. Масленников, Б.Н. Топорнин. – М.: Юрид. лит., 1980. – 256 с.; Кучинский, В.А. Личность, свобода, право. / В.А. Кучинский – М.: Юрид. лит., 1978. – 208 с.; Мальцев, Г.В. Социалистическое право и свобода личности. Теоретические вопросы / Мальцев Г.В. – М.: Юрид. лит., 1968. – 143 с.; Матузов, Н.И. Правовая система и личность. / Н.И. Матузов – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 294 с.; Орзих, М.Ф. Личность и право. / М.Ф Орзих – М.: Юридическая литература, 1975. – 112 с.; Патюлин, В.А. Государство и личность в СССР. / В.А. Патюлин отв. ред.: Фарберов Н.П. – М.: Наука, 1974. – 246 с.; Топорнин, Б.Н. Конституционный статус личности: Уроки истории и современные проблемы // Современный конституционализм. / Б.Н. Топорнин. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1990. – 356

встали в один ряд с фундаментальными правовыми категориями отечественной юриспруденции. Однако развитие конституционного теоретико-правового инструментария, в частности конституционной антропологии, диктует необходимость освоения новых смыслов и понятий. В связи с этим заслуживают внимания работы зарубежных и отечественных авторов¹, обратившихся к проблемам конституционных «образов» и «тем» и связанной с ними публичной политике.

Так, например, К. Шеппели замечает, что использование отрицания или утверждения, негативных или положительных образов становится системообразующим в национальном строительстве². По этому основанию она выделяет конституционализм «аспиративный» – положительный, содержащий рациональные цели и версии желаемого политического устройства, и «аверсивный» – отрицательный, когда конституционно (т. е. позитивно) отрицается то, что должно быть отвергнуто самым решающим образом³. Выбор той или иной модели, по мнению профессора Принстонского университета, способен полностью изменять направление дальнейшего конституционного строительства.

Что представляет собой конституционный образ государства, заложенный Конституцией Российской Федерации? Ответ на этот вопрос, при всей его очевидности относительного того, что государство является синонимом понятия «страна», формой организации общества, федерацией, системой организации публичной власти, – обнаруживает неопределенность относительно того, какой образ российской государственности на основе Конституции РФ формируется как в индивидуальном, так и в массовом сознании. Это имеет принципиальное

с.; Фарбер, И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве. / И.Е. Фарбер – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 190 с. и др.

¹ Рожнева, С.С. Образ России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (1994–2019 гг.) / С.С. Рожнева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 12. – С. 22–26.

² Scheppele, K. Aspirational and Aversive Constitutionalism: the Case for Studying Cross Constitutional Influence through Negative Models / K. Scheppele // International Journal of Constitutional Law. – 2003. – № 1 (April).

³ Хованская, А.В. Гончаров, Д.В. Аверсия: опыт российского конституционного правосудия / А.В. Хованская, Д.В. Гончаров // Общественные науки и современность. – 2013. – № 3. – С. 57–63.

значение, поскольку отношение субъектов (индивидов, групп) к государству в значительной мере оказывает влияние на алгоритм их правового поведения.

«Рисунок» государства зависит от конкретно-исторического периода и господствующей идеологии: «государство-семья» у древних китайцев¹; государство как союз составляющих его граждан²; государство как воплощение божественного права царя (императора) у древних египтян, индийцев, римлян; «государство – это я» в абсолютной монархии; государство как орудие подавления одного класса другим в марксистско-ленинской теории³. Российская Конституция в ст. 1 провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым федеративным государством с республиканской формой правления. Ст. 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Естественно-правовые начала основного закона страны предполагают некоторое противопоставление индивидуума и государства, однако ракурс такого противопоставления может быть разным: государство может быть как «злом», так и «добрым благодетелем»; оно может находиться на службе у человека, гарантируя соблюдение и защиту его прав. Образ государственности, отраженный в Конституции РФ и воплотивший в себя лучшие ее характеристики, не только существенно отличается от ее реальных, существующих характеристик, но и имеет некоторые «побочные» эффекты. Как отмечают некоторые ученые, рецепция принципа примата прав человека, осуществленная в российском конституционализме, породила своеобразную презумпцию «виновности государ-

¹ Рубин, В.А. Личность и власть в Древнем Китае / отв. ред.: А.И. Кобзев. – М.: Восточная литература, 1999. – С. 9.

² Аристотель Аристотель. Политика. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. – М.: Мысль, 1983. – С. 376–644.

³ Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т.39. – М.: Издательство Политической литературы, 1970. – С. 73.

ства» по отношению к гражданину¹, а само государство стало органом социального презрения, несущим ответственность не только за правопорядок, но и за материальное благополучие своих граждан². Радикальный разрыв с предшествующей советской государственностью, где на первый план выдвигались и закреплялись права людей в единстве с их обязанностями и ответственностью, породил принципиальное недоверие к государству со столь же принципиальным доверием к гражданину и его свободам. Негативный образ российского государства, налагаемый на интерпретацию свобод человека как свободы от обязанностей перед государством, ставит под угрозу существование последнего.

При сохранении такой ситуации будет иметь место модель поведения, при которой в более активном виде будут реализовываться поступки и действия, прямо направленные против государства и его институтов (включая беспорядки, неподчинение закону, антигосударственные выступления как в виде публикации соответствующих текстов и устной негативной пропаганды, так и в виде несанкционированных митингов, демонстраций и т. д.), а в менее активном – конформистские проявления в виде пассивности граждан и отрицания ими любой персональной ответственности в ситуациях, когда требуется выполнение ими своих обязанностей. Ярким примером может служить низкая явка избирателей, обозначившая проблему пренебрежения конституционными политическими свободами и принятием ответственности за собственный выбор.

О наличии нарастания негативной тенденции свидетельствует и постоянно увеличивающееся число уполномоченных по защите прав (человека, ребенка, предпринимателей и т. д.). Принцип превосходства прав личности над правами государства при его необдуманной практической реализации неминуемо

¹ Куркин, Б.А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории / Б.А. Куркин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – № 2. – С. 115.

² Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография / Б. С. Эбзеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – С. 360–367.

приведет государство к распаду, а значит, и к краху прав личности, поскольку таковые защищать будет просто некому. Так, Л.С. Мамут, принимавший участие в подготовке проекта Конституции России, писал о том, что при негативизации государства, то есть при оценке публично-властной организации социально стратифицированного общества как воплощения зла, то или иное восприятие его внешних очертаний уже ничего не значит. В то же время восприятие субъектом внешнего облика государственности в состоянии оказать воздействие на формирование позитивного отношения к государству, на его оценку как блага, добра¹. Таким образом, для укрепления и развития демократического правового строя, разумеется, нужна отвечающая его духу и букве институционально-нормативная система, но еще больше нужно уважение и соблюдение законов, именуемое правомерным поведением.

При установлении причин и особенностей течения процессов, формирующих образы субъектов конституционных правоотношений, рядом исследователей выдвигается гипотеза об аверсивном характере российской Конституции². При этом высказывается точка зрения, согласно которой аверсия «...и как правовой, и как мотивационный механизм формирует конституционное пространство России, в котором центральной темой взаимодействия государства и общества становится недопущение «частной конституционной вероятности». Такая модель, по мнению авторов, препятствует институционализации прав человека и субъектов федерации, блокирует спрос на них, противопоставляется механизму сдержек и противовесов, а также обособлению зон конституционных интересов ветвей власти.

Как следствие, основной задачей является формирование такой ментальности людей, при которой государство воспринимается как институционально-

¹ Мамут, Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения / Л.С. Мамут // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 6. – С. 85–95.

² Хованская, А.В. Гончаров, Д.В. Аверсия: опыт российского конституционного правосудия / А.В. Хованская, Д.В. Гончаров // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 3. – С. 57–59.

нормативная среда, благоприятная для личности, позволяющая реализовать принадлежащие ей права и свободы, активно и самостоятельно участвовать в политической жизни. Индикатором эффективности этого процесса могут служить как активное использование индивидуумом принадлежащих ему прав и свобод (политических, социально-экономических и т. д.), так и активное (добросовестное) исполнение своих обязанностей. В этом случае юридический статус гражданина переходит в более высокое качество – гражданственность. В этом случае конституционное поведение будет представлять собой не только пассивное воздержание от действий, находящихся под запретом (то есть только соблюдение закона), но и прежде всего активное участие в общих делах государства на основе собственного выбора и самостоятельно принимаемых решений, то есть созидательное правовое поведение.

Образ государства неразрывно связан с формированием конституционных образов общества и индивида. Следует согласиться с С.А. Авакьяном, замечаящим, что конституционное право все в большей степени трансформируется из государственного права в «право общества»¹ с целью воздействия на государственные структуры и самостоятельное решение ряда вопросов, не решенных и не решаемых государственным способом воздействия. В этом контексте протест следует признать конструктивной формой соучастия в осуществлении власти (голосование «против всех» на выборах, голосование против законопроекта или предложения на референдуме и т. п.), поскольку выражение воли в законно установленных формах и есть народовластие.

Обращаясь к формированию конституционного образа индивида, заметим, что его основы были заложены задолго до принятия конституций. Изречение, приписываемое известному античному философу Протагору о том, что «человек – мера всех вещей», вот уже на протяжении нескольких тысячелетий предопределяет вектор познания всех гуманитарных наук, включая правовые.

¹ Авакьян, С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 3–6.

Понятие «человек», используемое в тексте российской Конституции, есть воплощение естественной природы каждого из нас, предельное обобщение, абстрагированное от персонифицированных особенностей того или иного конкретного индивида. Конституция России, как и большинство современных конституций мира, не проводит четких разграничений между конституционно-правовыми статусами человека и личности, оперируя при этом словами и словосочетаниями «каждый», «все», «лицо», «никто не может подвергаться», «никто не может быть лишен». В отличие от Конституции СССР 1977 года, в Конституции РФ 1993 года большинство прав личности признаются правами человека, а не гражданина, при этом игнорируется объективная реальность, согласно которой человеком рождаются, личностью становятся, а гражданство приобретают в установленном законом порядке.

Конституционная реформа 2020 года усилила «человекоцентристское» содержание Конституции России. В настоящее время индивид представлен в тексте основного закона во всех социальных ролях и на протяжении всей жизни: «человек труда»; «волонтер»; «родитель»; «предприниматель»; «пенсионер». Конституционно-правовая интерпретация понятия «человек» связана с его трактовкой как обладателя конституционных прав, свобод и обязанностей, то есть человека правового, однако не тождественна ей. Характеристика «правовой» по отношению к человеку не означает его урегулированность правом, скорее речь можно вести о потенциальной возможности правового воздействия на человека. Куда более важное значение приобретает индивид как один из основных приоритетов конституционного строя России, ведущее звено в системе человек-общество-государство. При этом реальность конституции устанавливается не в качестве факта, а в силу ее значимости для личности. Пожалуй, само существование конституции связано с существованием людей, поскольку «...человек как социальная личность нуждается в праве»¹.

¹ Maihofer, W. Recht und Sein: Prolegomena zu einer RechtsOntologie / Maihofer W. – Frankfurtam. Main: Klostermann, 1954. – 125 p.

Именно в конституционно-правовой модели человека и наполнении его конституционно-правового статуса находят отражение как жизненно важные интересы самого человека, так и интересы государства и общества. Вместе с тем и сама личность может так или иначе влиять на жизнь общества, государства и даже обязана думать об их интересах, чем обуславливаются многие её поступки¹.

Система взглядов о человеке, участвующем в построении общественных отношений и государственно-правовых связях, с течением времени претерпевала и продолжает претерпевать изменения. Протагоровское «человек – мера всех вещей» дополнилось принципиальным положением «человек рожден для того, чтобы жить», постулатом о равенстве в социуме с себе подобными, закреплении в международных и национальных правовых актах фундаментальных, неотъемлемых от существа человека прав и свобод и конституционным признанием человека в качестве высшей ценности и цели (а не средства), обязывающей государство, его органы и должностных лиц обеспечить данное установление. Предметная область конституционного права в части правового положения индивидуума и его взаимоотношений с государством за последние десятилетия также подверглась вполне закономерным изменениям. Этот процесс продиктован, с одной стороны, происходящими общественно-политическими переменами, изменением отношения к роли Конституции в жизни отдельного человека, общества, государства и, соответственно, в механизме правового регулирования, с другой – определёнными и сменяемыми парадигмами познания в правовой науке, в целом, и конституционно-правовой, в частности, в рамках которых создавались определенные наборы принципов, подходов и приемов познания.

Значительными методологическими ресурсами для исследования облада-

¹ Авакьян, С.А. Основы и принципы конституционно-правового положения человека и гражданина в Российской Федерации / С.А. Авакьян // Современное общество и право. – 2010. – № 1. – С. 3.

ет философия права и заявляемая в научных публикациях конституционно-правовой направленности идея о развитии «философии конституции»¹, в рамках которой значительное внимание уделяется вопросу «что такое правовой человек и что такое человек в конституционно-правовом измерении?». Установление конституционности в понимании правового человека с применением философско-правового подхода предполагает определение степени осознанности гражданской позиции субъектов конституционно-правовых отношений, позволяет упорядочить знание, дает возможность по-новому взглянуть на предмет конституционно-правового регулирования с позиции его места в общей картине мира и его отношения к сущности человека (его человеческом смысле), распознать конституционно-правовые закономерности и формы их проявления в отдельных сферах жизни. Проблема правового человека (правовой личности) или «человека конституционного», проблема правового государства и его важнейших составляющих, а также конституционного состояния общества²; познание социальной солидарности как позитивного основания государственности в России³ могут быть отнесены к числу основных философско-правовых проблем конституционной направленности.

Анализ пока единичных работ, содержащих философско-правовой подход к изучению мира российской Конституции, позволяет рассматривать «человека конституционного» и его правовое поведение с позиции «общественного состояния конституционной нормальности» и с другой, «оборотной» стороны – конституционной аномалии. Последняя, по мнению С.Л. Сергеевнина, связана с состоянием разбалансированности конституционно-правовой системы, со сферой

¹ Гараева, Г.Ф. Философия Конституции (к постановке проблемы) / Г.Ф. Гараева // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч. -информ. исслед. Отдел правоведения / отв. ред. Алферова Е. В. – М.: ИНИОН, 2010. – С. 66–74.

² Сергеевнин, С.Л. Философия права и философия конституции: некоторые современные проблемы отечественного конституционализма / С.Л. Сергеевнин // Ученые записки СПб филиала РТА. – 2010. – № 1 (35). – С. 139–142.

³ Эбзеев, Б.С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма / Б.С. Эбзеев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 14–21.

конституционной правонарушаемости, с ситуациями возникновения юридического спора конституционного уровня, которые требуют включения специальных государственно-правовых механизмов, направленных на приведение конституционно-правовой системы, допустившей «конституционный сбой», в состояние юридического и социального равновесия, то есть на разрешение конституционно-правового спора¹. Данный подход еще раз подчеркивает то обстоятельство, что индивидум в его взаимоотношениях с государством рассматривается как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов, в том числе судебных.

Опираясь на допустимость сочетания различных парадигм, обосновывающих философские основания методологии науки конституционного права, можно прийти к выводу, что в исследовании «человека конституционного» происходит удаление от классического типа рациональности, для которого характерен фокус внимания на объекте и исключение всего того, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Постепенно в процесс познания в конституционном праве привносятся элементы неклассической научной рациональности, где был заложен фундамент для перехода от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект». В данном случае не только конституционно-сущее, но и конституционно-должное выстраивается с позиции определенного социального идеала². Методология постнеклассической рациональности в исследованиях проблемы конституционно-правового измерения человека синтезирует классический принцип объективированного человека

¹ Сергевнин, С.Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы / С.Л. Сергевнин // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 5. – С. 19.

² См.: Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. / Б.А. Кистяковский. – М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1916. – С. 26–28; Фролова, Е.А. Проблемы теории и философии права: монография / Е.А. Фролова. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – С. 19–20; Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое: пер. с нем. И.А. Акчурина, Э.П. Андреева – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. – С. 27.

как субъекта и неклассический принцип взаимопроникновения, взаимообусловленности, взаимозависимости субъекта (человека) и Конституции как «человекоразмерной системы».

Несмотря на то что философский подход позволяет рассматривать Конституцию в единстве общих и особенных ее характеристик, устанавливать смыслообразующие начала конституционных установлений в контексте единства права и морали, должного и сущего в системе общечеловеческих ценностей, в целом такой подход все же выходит за рамки конституционного права как отрасли правового знания. Тем не менее, двигаясь по пути конституционализации российской правовой системы, вполне разумно учитывать роль специфических признаков человеческой природы, влияющих на понимание сущности и особенностей права. Как известно, исследованию взаимосвязи между человеком и правом посвящен специальный раздел философии права – правовая антропология. В нашей юридической науке, пишет А.И. Ковлер, появляются первые признаки антропологизации объектов исследования, тема прав человека и правовых средств их защиты становится приоритетной¹.

Особый, системообразующий характер Конституции и ее политическая природа, на наш взгляд, допускают развитие конституционно-правового направления юридической антропологии. Подобно тому, как в политической антропологии выделяют два фундаментальных вопроса: «что является главным фактором человеческого существования: конфликт или кооперация?» и «что является первостепенным для человеческого общежития: счастье или свобода?»², предлагаем задаться одним из вопросов о том, каков конституционно-правовой образ человека? Ответ на этот вопрос позволит расширить господствующий в конституционно-правовой науке структурно-функциональный

¹ Ковлер, А.И. Антропология права: учебник для вузов. / А.И. Ковлер. – М.: Издательство НОРМА–ИНФРА-М, 2002. – С. 16.

² Хёффе, О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / перевод Вл. С.Малахова при участии Е.В.Малаховой. – М.: Гнозис, 1994. – С. 138.

подход к пониманию норм Конституции России как продукта исключительно общественного строя, с трудом допускающего существование иных нормообразующих источников. Конституционно-правовое направление юридической антропологии, синтезирующей в себе начала правовой и политической антропологии, делает возможным допущение альтернативного источника конституционного правообразования, ограничивая монополию власти в смыслообразующей и ценностной сферах. Именно такой подход заложен в основных международных документах, фиксирующих права человека. И именно такой подход, основанный на бинарной природе Конституции, удовлетворяет запросу на пересмотр мировоззренческо-методологических основ, которые в свое время развенчали самоценность и автономию духовной среды, поставив их под знак экономического интереса и классовой пользы. В связи с этим конституционное реформирование жизнедеятельности общества и государства может рассматриваться как антропологическое движение, как восстановление нормативных условий для реализации способностей, заложенных в природе человека. Развитие конституционно-правовых исследований в обозначенном направлении дает возможность исследовать сквозь призму человеческих способностей¹ вопрос о том, чем человек способен быть, обладая конституционными правами, свободами и обязанностями и что способен в пределах очерченных конституцией правомочий делать².

Исследуя вопрос о закономерностях корреляции образа человека и образа права, заложенных в Конституции, мы все же можем указать если не на качество, то, по крайней мере, на способ действия, который характеризует правовую личность. В качестве такого способа действия выступает наряду с «долженствованием» «взаимодействие», «солидарность». Специфика конституци-

¹ Максимов, С.И. Правовая реальность как предмет философского осмысления: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Максимов Сергей Иванович. – Харьков. 2002. – С. 311–320.

² Рикер, П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 28.

онно-правового человеческого действия заключается в ценностной ориентированности.

«Если попытаться дать нормативное определение правовой личности, – пишет Б.С. Эбзеев, – то в системе ее свойств и качеств можно указать на то, что правовая личность есть прежде всего свободная личность, обладающая духом гражданственности и готовая защищать конституционный строй России, способная осознанно нести тяготы во имя общего блага, которые являются основой коллективного бытия социума и как они установлены Конституцией, готовая возникающие споры и конфликты разрешать в рамках установленных Конституцией и законом способов и в соответствии с принятыми правовыми процедурами»¹. Уважаемый ученый обращает внимание на еще один важный аспект – обусловленность эффективности функционирования правового государства его взаимодействием с правовым обществом и правовой личностью.

В настоящем исследовании предлагается рассматривать конституционное понятие «человек» как базовое конституционно-правовое понятие, воплощающее в себе сложную и малоизученную диалектическую природу интеграции содержательной и позитивной формы правовой свободы (естественного и позитивного права) и занимающее свое, особое место в конституционно-правовом концептуальном пространстве.

Как уже было отмечено выше, предмет конституционного права на разных этапах развития государства и общества не остается неизменным. Существенное влияние на процесс расширения предмета ведущей отрасли права оказывает тенденция гуманизации и социализации конституционного права, привнесение в его предметную область принципов взаимоотношений личности и государства².

¹ Эбзеев, Б.С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма / Б.С. Эбзеев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 19.

² Нарутто, С.В. Научные воззрения профессоров МГЮА на предмет конституционного права / С.В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права. – № 4(65). – 2016. – С. 11–20.

Еще предстоит оценить роль конституционной реформы 2020 года, результатом которой, по справедливому утверждению Т.Я. Хабриевой, станет изменение ценностных ориентиров и появление новых конституционных моделей. Уважаемый ученый дает следующее определение понятия «конституционная модель»: «...это родовая характеристика конституций, возникающих на определенном этапе глобального развития человеческого общества, выражающая особые социально-экономические, политические и юридические признаки конституций»¹. Конституционная модель во многом определит подход к регулированию конституционного статуса личности. В работе выделено пять вариантов подходов к регулированию статуса личности: либерально-индивидуалистический, социалистический, мусульманский; существующий в обычном праве отдельных племен и складывающийся либерально-социальный. Последний воспринял позитивные стороны разных подходов и сочетает в себе индивидуальность и коллективизм, собственную активность и социальную защиту со стороны государства, свободу личности и ее социальную ответственность². Соответственно, именно эти составляющие регулирования конституционно-правового статуса должны стать основными концептами конституционно определяемого правомерного поведения.

Полагаем, что исследование процессов конституционализации протестного поведения позволяет сформулировать ряд тезисов.

1. Категории «конституционно-правовой статус», «конституционно-правовое положение», «конституционно-правовое состояние» являются конструкциями, посредством которых выражаются различная степень полноты и возможных форм проявления правовых взаимоотношений индивидуума с обществом и государством, а также существенные взаимосвязи, свойства и взаимоотношения перечисленных субъектов. Содержание указанных категорий

¹ Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – Т. 90. – 2020. – № 5. – С. 43–47.

² Хабриева Т.Я. Указ. Соч. – С. 48.

имеет многокомпонентную структуру, динамично и неразрывно связано с социальной структурой общества, уровнем демократии, состоянием законности¹ и является объективным отражением как достоинств, так и недостатков реально действующей политико-правовой системы государства с позиции признания и соблюдения важнейших прав человека.

2. Конституционно-правовой статус человека как одна из возможных предпосылок модели его правового поведения: 1) основывается на естественных и неотъемлемых (неотчуждаемых) правах, которые он приобретает с момента своего рождения и которыми будет пользоваться до самой смерти; 2) является исходным, базисным по отношению к статусу личности и гражданина, без которого существование последних не представляется возможным. Структура конституционного статуса человека включает общие начала правовой свободы личности; всеобщий универсальный конституционно-правовой модус (состояние) личности; специальные конституционно-правовые модусы отдельных групп людей².

3. В конституционно-правовом смысле понятие «личность» шире, чем понятия «человек» и «гражданин», и охватывает их оба. Основное назначение конституционного статуса личности состоит в том, чтобы увязывать абстрактные права, свободы и обязанности человека с таким субъектом конституционного права, как личность³. Может рассматриваться в качестве элемента национальной системы права (института конституционного права) и элемента комплексной историко-теоретической и одновременно отраслевой юридической науки конституционного права. Конституционно-правовой статус личности как

¹ Лукашева, Е.А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2000. – С. 91.

² Югов, А.А. Конституционный статус личности – ядро правовой свободы личности / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 5. – С. 2–6.

³ Лаврентьев, С.В. Основные принципы конституционного статуса личности (Теоретико-конституционный анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лаврентьев Сергей Валерьевич. – Волгоград, 2005. – С. 18.

элемент национальной системы права (институт конституционного права) необходимо рассматривать через призму формы и содержания¹.

По мнению М.В. Преснякова, проблема определенности конституционно-правового статуса личности может рассматриваться в трех относительно изолированных аспектах: 1) в виде вопроса о предметном или отраслевом единстве конституционно-правового статуса личности; 2) в виде вопроса о социально-территориальном равноправии, связанного с федеративным устройством нашего государства, то есть как проблема единства конституционно-правового статуса личности на всей территории Российской Федерации; 3) как требование стабильности конституционно-правового статуса личности, обеспечиваемого при помощи известной преемственности модели правового регулирования, законодательного закрепления гарантий сохранения приобретенных прав при изменении правового регулирования и государственного признания официально приобретенного статуса и недопустимости его произвольной отмены или изменения².

4. Исходным для понимания конституционно-правового статуса гражданина служит научное определение и содержание самого термина «гражданство», а также особые политико-правовые свойства, закладываемые в этот термин. Соответственно, для рассматриваемого конституционного статуса характерно наличие особых условий для возникновения и прекращения, невозможность одностороннего изменения со стороны государства (свойство устойчивости); обусловленность всех вопросов гражданства исключительно положениями закона и иных нормативно-правовых актов (правовое свойство); взаимность прав и обязанностей гражданина и государства (свойство двусторонности);

¹ Юрковский, А.В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира / А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 136.

² Пресняков, М.В. Проблема определенности конституционно-правового статуса человека и гражданина в современной России / М.В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 16–18.

связь гражданства с политическими правами, свободами и обязанностями, возможностью участия гражданина в управлении государством, вступления без каких-либо ограничений в отношения с государством, пользования его защитой и покровительством как внутри страны, так и за ее пределами (политическое свойство), а также возможностью и вероятностью осуществления тех или иных видов конституционного правомерного поведения.

Отличие конституционного статуса гражданина от конституционного статуса человека состоит не только в расширенном наборе прав (в основном за счет политических и социальных), но и в более обширном круге обязанностей, а также различного рода ответственности (включая различные вариации ответственности публично-правового характера) перед гражданином за действия (бездействие) государства. Кроме того, как отмечается некоторыми исследователями, тот факт, что в российское гражданство можно вступить, изменять и отказываться от него, правомерно говорить о возможности осознанного выбора нахождения в правовом статусе гражданина Российской Федерации¹.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что современное познание правового человека в науке конституционного права располагается в двух плоскостях – мировоззренческой и праксиологической. Прибегая к философскому осмыслению Конституции, используя философско-правовые методы и понятия, конституционно-правовые исследования преследуют цель, которая достаточно точно была высказана профессором Н.С. Бондарем: «... сформировать новый тип видения и юридического отражения действительности – конституционное мировоззрение, воплощающее единство конституционной идеологии и конституционной психологии и, в свою очередь, выступающее решающей предпосылкой формирования новой конституционной культуры общества и личности»².

¹ Якимов, Г.А. Правовой статус личности: проблемы природы и элементного состава / Г.А. Якимов // Российский юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 62–66.

² Бондарь, Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 4–10.

Основы конституционно-правового статуса человека и гражданина легитимируют основные границы, рамки и формы правового поведения индивидуумов в обществе и государстве, персонифицируют интересы социальных слоев общества и являются идентификатором легитимности самой Конституции. Соотношение фактического и юридического статусов личности могут выступать в качестве детерминанты для принятия новой конституции либо реформирования действующей. В свою очередь, рассмотрение основ конституционно-правового статуса человека и гражданина как части предметной области конституционного права может приобрести важное прагматическое значение, хотя бы потому, что приближает нас к пониманию вектора практической реализации конституционных идей и выступает средством диалога между человеком и государством.

Рассмотрение процессов конституционализации должно сопровождаться восприятием конфликта и правомерного протестного поведения как нормальной части политико-правового процесса; его легитимацией в общественном сознании. В контексте данной проблемы конструктивный протест следует рассматривать как элемент политико-правовой культуры общества и государства, требующий конституционно-правового механизма регулирования конфликтного взаимодействия; как проявление традиции демократии, нуждающееся в периодической реинтерпретации и перераспределении конституционных прав.

4.3. Проблемы обеспечения конституционно-правомерного поведения в условиях развития цифровой среды

Согласно представлениям о назначении права, прочно сложившимся в отечественной правовой науке, правотворческая деятельность государства и его регуляторная активность имеют целью управление общностью индивидов. Соответственно, подчинение воли законодателя и воплощение в поведении субъек-

ектов нормативных предписаний выступают показателем эффективности государственного управления.

Глобальный переход от индустриальной к информационной организации всей системы общественных отношений оказал существенное влияние на большинство аспектов жизнедеятельности человека, включая политико-правовую реальность. Права и свободы человека и гражданина всё больше реализуются в новом киберпространстве, где происходит «...стирание различий как между словом, изображением и числовыми данными, так и особенности связей между субъектами взаимодействия (человек-машина, машина-машина)»¹. Соответственно, существующая система правового регулирования с ее арсеналом предметов, методов, аналогий, презумпций и фикций столкнулась с вызовом изменившейся социальности, куда «...постепенно входят на правах субъектов и новых нетипичных объектов явления, по старой юридической классификации имеющие неживой, не субъектный и не объектный характер, – инженерия генома, биотехнологии, Интернет, искусственный интеллект»². Многие процессы, происходящие в цифровом мире (экономические, социальные, политические), возникают и развиваются быстрее, чем складываются общественные отношения, и уж тем более их правовое регулирование.

Информационное общество, как оно определено в Указе Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»³, это общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан. В то же время

¹ Шахрай, С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе / С.М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 12. – С. 1075.

² Синюков, В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В.Н. Синюков // Lex russica. – 2019. – № 9 (154). – С. 9–15.

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

совершенно очевидно, что открытость и участие общества меняют концепцию государственного управления¹, преобразуют принципы взаимодействия публичной власти и граждан. «Немецкие ученые, в частности Ю. Хабермас, давно развивают идеи растворения «государственного» и «правового» в таких процессах, – пишет Ю.А. Тихомиров. – Но исследования показывают, что право сохраняет свои регулятивно-контрольные функции и в режимах прямого информационного общения. Хотя, разумеется, определить грань между личными правами и публичным интересом очень трудно»².

Необходимость налаживания взаимодействия власти и общества, поиск соответствующих политических и правовых механизмов регулирования и упорядочивания указанных процессов вызвали появление новых направлений исследований роли интернета в демократических процессах и различных связанных с информационно-коммуникационными технологиями концепций демократии: «электронной», «цифровой», «сетевой», «мониторинговой», «виртуальной» и т. д. В связи с развитием цифровой среды заслуживает нового осмысления и перевода на конституционный уровень трактовка ряда прав и свобод человека и гражданина и, в частности, новые варианты реализации традиционно известных публичных прав.

Так, например, в ст. 30 Конституции РФ зафиксировано просто «право на объединение». Но есть ведь право именно на общественные объединения, на их создание с отражением публичных целей таких объединений. А в наши дни требует конституционного ответа и вопрос о том, есть ли у граждан право на интернет-сообщества. Такие права граждан, как участие в публичных обсуждениях важных вопросов общественной и государственной жизни, в публичных

¹ Талапина, Э.В. Государственное управление в информационном обществе. Правовой аспект». РАН, Институт государства и права / Э.В. Талапина. – М.: Юриспруденция. – С. 3–7.

² Тихомиров, Ю.А. Новые векторы регулирования-«другое» право? / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2016. – № 4 (232). – С. 10–11.

слушаниях, правотворческая инициатива, право общественной интернет-инициативы, могут предполагать конституционную основу¹.

В связи с этим возникает фундаментальный вопрос относительно того, что считать правомерным действием (поведением) в киберпространстве. В юридической доктрине отмечается, что «...киберпространство зачастую представляется как территория вне права в силу того, что оно внетерриториально, безгранично и должно оставаться открытым, децентрализованным общественным местом, не регулируемым правовыми нормами. И тем не менее тот факт, что киберпространство является объектом права, не вызывает сомнений»².

Однако является ли киберпространство лишь объектом права или речь можно вести о цифровом «двойнике территории государства»? Киберпространство рассматривается исследователями как всемирная территория внутри информационного пространства, которое организовано с помощью электроники и электромагнетического спектра для создания, хранения, изменения, обмена и использования информации через взаимозависимые и взаимосвязанные сети с использованием информационно-компьютерных технологий. Специфика киберпространства, по мнению М.А. Федотова, заставляет пересмотреть традиционный подход к действию любой правовой нормы в пространстве, во времени и по кругу лиц, поскольку в интернет-среде понятие «пространство» лишается однозначной географической определенности, понятие «время» не привязано ни к какому часовому поясу, а понятие «круг лиц» включает не физических и юридических лиц, а компьютеры и другие устройства, участвующие в сетевом

¹ Авакьян, С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 18–23.

² Кравчук, Н.В. Цагориас, Н. Правовой статус киберпространства / Н.В. Кравчук, Н. Цагориас // Государство и право в новой информационной реальности: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Рос. гос. ун-т правосудия. Каф. информационного права, информатики и математики; Отв. ред. Алферова Е.В., Ловцов Д.А. – М., 2018. – С. 112.

взаимодействии и идентифицируемые по их IP-адресам и другим технологическим деталям¹.

Проблематика правового статуса киберпространства включает в себя несколько составляющих. Прежде всего это отношение национальных государств к управлению интернетом (цифровой и сетевой нейтралитет или цифровой суверенитет). Другой проблемой является ответ на вопрос, следует ли относить киберпространство к объектам государственного суверенитета или за ним должны быть признаны права суверена.

Россия придерживается позиции установления цифрового суверенитета. В силу ч. 1 ст. 4 Конституции РФ суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Толкование данной нормы как подразумевающей самоограничение со стороны носителя учредительной власти по сфере распространения государственного суверенитета РФ только физическими границами государства, определенными в ч. 1 ст. 67 Конституции РФ (территории субъектов РФ, внутренние воды и территориальное море, воздушное пространство над ними), существенным образом умаляло бы национальные интересы России в киберпространстве. «Государственный суверенитет с необходимостью распространяется и на идеальные сегменты национальных информационных пространств, которые соединены воедино (за исключением отдельных стран-изгоев, представляющих собой политико-экономические и информационные автаркии) во всемирную информационно-телекоммуникационную сеть Интернет»². Соответственно, конституционное управление, регулирующее полномочия органов государственной власти, признание легитимности власти и определение критериев правомерности в цифровой среде основываются на суверенитете.

¹ Федотов, М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М.А. Федотов // *Lex russica*. – 2016. – № 3 (112). – С. 164–170.

² Даниленков, А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / А.В. Даниленков // *Lex russica*. – 2017. – № 7 (128). – С. 166–171.

Суверенные полномочия, присущие сетевому государству и обществу, имеют существенную специфику. Значительную роль для принятия политических решений приобретают, в частности, технические полномочия, формы – электронные протоколы управления правами, технические стандарты для установления правил поведения. Требуется определение роли крупных сетевых сообществ, которые способны заменить материально-правовые национальные нормы собственными правилами участия и поведения. Сами сети приобретают политические характеристики как самоуправляющиеся субъекты, самостоятельно определяющие правила и условия членства. Подобно национальным государствам, сетевые сообщества обладают значительными полномочиями по обеспечению соблюдения правил поведения участников, например, путем ограничения или прекращения доступа. Соблюдение правил достигается за счет использования технологий, а также определяется направленными действиями «самопровозглашенных» представителей сетевого правопорядка.

Тем не менее, несмотря на значительную автономию «цифровых» сообществ и их фундаментальное влияние на процесс управления, российское регулирование и национальный конституционный процесс принятия политических решений должны оставаться верными традиционным парадигмам четкого правового регулирования. Это, в свою очередь, означает, что позиция, занимаемая государством по отношению к социальным «цифровым» группам и процедурному регулированию их поведения, в значительной мере будет определять правомерность конституционно значимых действий указанных участников социальных отношений. Данная позиция определяется каждым государством самостоятельно и может существенно варьировать. Так, например, отвечая на вопрос, почему правительство не должно вмешиваться в социальные сети в США, Джон Сэмплз пишет: «...социальные сети состоят из четырех групп людей: пользователей, которые генерируют контент, пользователей, которые потребляют контент, пользователей, которые генерируют коммерческую речь (рекламу), и менеджеров социальных сетей, которые размещают речь. Каждый эле-

мент включает в себя речь, которая защищена в Соединенных Штатах от государственного регулирования Конституцией¹. Еще один аргумент в пользу свободы сети автор закрепил ссылкой на то, что социальные сети являются частными форумами для выступления. Первая поправка Конституции США защищает свободу слова от действий государства. Социальные сети не являются государственными и, следовательно, защищены Конституцией США².

Проблематика правового регулирования интернет-пространства различается в зависимости от того, идет ли речь о регулировании частного сектора или государственной политике, демократических правах и правах человека. Однако вне зависимости от своей специфики она включает несколько универсальных стратегий: 1) установление национальных государственных мер комплексного воздействия на информационную среду с целью обеспечения суверенных прав и интересов личности, общества и государства, например, как исключительная прерогатива федеральных органов власти; 2) признание приоритета саморегулирования интернет-, киберпространства; 3) конституционализация международного управления интернетом.

Первая стратегия предполагает конституционно-правовое закрепление принципа государственного суверенитета в интернете, а также регулирование соответствующих вопросов на уровне текущего законодательства (в частности, на основе документов стратегического планирования). Говоря о саморегулировании интернета, мы должны прежде всего определиться с объемом и содержанием этого понятия. Так, авторы исследования, посвященного проблеме саморегулирования киберпространства, считают, что целью саморегулирования является установление поведенческих норм. Саморегулирование интернета – это

¹ By John Samples/ Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media / URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/why-government-should-not-regulate-content-moderation-social-media/> (дата обращения 23.06.2021).

² By John Samples/ Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media / URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/why-government-should-not-regulate-content-moderation-social-media/> (дата обращения 23.06.2021).

сочетание общего законодательного регулирования с ответственностью провайдеров за содержание распространяемого контента, один из способов контроля виртуального пространства с использованием принятой в реальном мире шкалы правовых, моральных и этических ценностей. При этом, как отмечается в современных исследованиях, регламентация киберпространства возможна посредством сочетания национального законодательства и саморегулирования, основанного на этике сетевого общения, генерируемой сообществом пользователей социальных сетей. Универсальные международные регуляторы или регламенты интернета в нынешних условиях не могут быть созданы, не могут отвечать интересам всех стран в силу разности политических подходов в решении задач управления интернетом¹. Саморегулирование включает кодексы поведения и кодексы этики, меморандум о взаимопонимании, технические или административные стандарты, а также множество иных составляющих².

В последние десятилетия общественно-политический и конституционный лексикон дополнился активно используемыми понятиями «электронная демократия», «электронное правительство», «цифровые данные», «электронное голосование», «конституционализация киберпространства», «цифровой конституционализм» и другими. Новые информационно-коммуникационные технологии не просто затронули все сферы жизни, а стали причиной качественных видоизменений многих представлений, стереотипов, установок, включая структуру правоотношений. Произошел слом многих привычных форм юридически значимого поведения, составлявшего основу моделей конституционно-правовых институтов и взаимоотношений между такими институтами и индивидами. Столь быстрая динамика развития и внедрения соответствующих информационных технологий позволяет с уверенностью заявлять о технологическом перевороте как в системе обеспечения политико-правовой деятельности,

¹ Жильцов, Н.А. Чердаков, О.И. О правовых и неправовых регуляторах киберпространства / Н.А. Жильцов, О.И. Чердаков // Юридический мир. – 2020. – № 1. – С. 28–31.

² How to regulate internet: new paradigms for internet governance self-regulation: value and limits. URL: <http://www.crid.be/pdf/public/4656.pdf> (дата обращения 14.09. 2021).

так и в традиционных инструментах участия граждан в управлении делами государства и общественном участии.

Многообразие мнений по поводу влияния цифровых технологий на политико-правовую коммуникацию и формы участия в осуществлении народовластия связано как с множеством концептуальных подходов для осмысления демократии, так и с национальной приверженностью к ее различным моделям. Так, под электронной (e-democracy), или цифровой, демократией (digital democracy) в настоящее время принято понимать: 1) междисциплинарное и многоаспектное направление, в рамках которого сочетаются как правовые и политические, так и технические, технологические, социальные, экономические, культурные аспекты¹; 2) форму демократии, характеризующуюся использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) как основного средства для коллективных мыслительных (краудсорсинг) и административных процессов (информирования, принятия совместных решений – электронное голосование, контроль за исполнением решений и т. д.) на всех уровнях – начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным; 3) широкий спектр возможностей использования информационно-коммуникационных технологий для взаимодействия общественности и государственной власти²; 4) состоящую из всех электронных средств коммуникации, создающих условия и возможности для улучшения качества функционирования существующих и появления новых институтов прямого народовластия, укрепления подконтрольности, подотчетности и ответственности публичной власти перед населением³.

¹ Macintosh A. & Coleman S. Multidisciplinary roadmap and report on participation research: DEMO-Net. 2006; Sæbø Ø., Rose J., Flak L.S. The shape of Participation: Characterizing an emerging research area / Ø. Sæbø, J. Rose, L.S. Flak // Government information quarterly. – 2008. – Т. 25. – № 3. – С. 400–428.

² Никушкин, А.Б. Концепции «электронной демократии» в современных исследованиях / А.Б. Никушкин // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 374–376.

³ Trechsel, A. Mendez, F. The European Union and E-Voting / A. Trechsel, F. Mendez – London: Routledge, 2005. – P. 5; Peart, M. Diaz, J.R. Comparative Project on Local e-Democracy Initiatives in Europe and North America. / M. Peart, J.R. Diaz – Geneva, 2007. – P. 4–5.

Электронная демократия характеризуется тем, что дает возможность реализации идеи прямой демократии с помощью современных технологий, уравнивает возможности всех граждан – пользователей сети интернет независимо от места жительства, социальной и профессиональной принадлежности и других критериев, оставляя поле для самореализации наиболее активным и инициативным¹; обеспечивает более высокую прозрачность управления, расширенное участие в нем граждан, а также повышение качества формирования общественного мнения²; предоставляет населению реальные возможности для инициирования эффективного диалога с государством, опирающимся на конституционные идеи народовластия, что позволяет говорить об электронной демократии как о политико-правовом механизме согласования частных и публичных интересов³.

Как следствие, «цифровая демократия», объединяющая процесс демократического принятия решений и процесс эффективного управления, может стать одной из сильных альтернатив новым политическим системам. При этом она не только способна решать некоторые проблемы представительной демократии, в частности, провал представительства, но и использует некоторые черты, например, акцент на взаимодействии, процессах и изменениях и т. д., которые, как считается, присущи прямой и совещательной демократиям. Это тем более актуально с учетом того, что представительные демократические системы в настоящее время сталкиваются с кризисом легитимности со стороны широко

¹ Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / Е.А. Абросимова, В.В. Гриб, А.Г. Дейнеко и др.; под общ. ред. М.А. Федотова. – М.: Статут, 2017. – С. 190–200.

² Джагарян, А.А. Электронная демократия на местном уровне в России: конституционно-правовые проблемы // Конституционное право и политика: сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012. – С. 140–145.

³ Антонов, Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов / Я.В. Антонов // Российская юстиция. – 2017. – № 12. – С. 38–40.

образованных граждан, использующих новые коммуникационные технологии (ИКТ). С 1960-х годов в мире наблюдается неуклонное снижение явки на выборы, в то время как другие формы политического участия граждан, например, народные инициативы и призывы, влиятельные НПО и т. д. увеличиваются.

В настоящее время следует признать уже состоявшейся возможность индивидуального и гражданского воздействия на принятие и реализацию властных управленческих решений путем прямого обращения «без посредников» к органам государственной власти и местного самоуправления (посредством социальных сетей, интернет-обращений, «прямых линий»). Положительным эффектом такого воздействия является снижение издержек на организацию коллективных действий, доступность получения политической информации и обмена ею, которые облегчают привлечение неактивной части населения к участию в общественно-политических процессах, а также осуществление самих таких процессов со стороны политиков, активистов и других заинтересованных лиц. Кроме того, отмечаются активное формирование и развитие интернет-сообществ, социально-сетевых сообществ людей, объединенных общими целями и ценностями, менее зависимых от государственных институтов и общественных организаций, взаимодействующих друг с другом. Таким образом, использование ИКТ обеспечивает значительно большую степень вовлечения граждан в жизнь государства, большую степень их политической активности, находящей выражение в форме как конституционно-правомерного, так и иных видов поведения.

Проникновение в конституционно-правовую сферу технологий концепции Web 2.0¹, основанной на социальной интерактивности, привнесло в терми-

¹ Авторство термина Web 2.0 принадлежит американскому интернет-аналитику Т.О' Рейли, который описывал его как не имеющего краткого определения, но который можно описать как совокупность определенных правил и принципов (O'Reilly, T. What is Web 2.0 // O'Reilly Media. 2005. 30 Sept. URL: <http://oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html?page=1> (дата обращения: 04.01.2021).

нологию такое понятие, как «сетевое общество»¹, и дополнительно расширило способы участия в управлении делами государства и общества, а также подвергло изменениям роль и функции государства во властеотношениях. Фактически мы движемся к кибернетическому обществу, где алгоритмы все больше контролируют как социальное, так и индивидуальное поведение. Доступ к данным о человеке делает его уязвимым к манипуляциям его действиями, включая манипулирование инструментами народовластия, и делает реалистичным сценарий воздействия на решения субъектов правовых отношений с помощью цифровых устройств для достижения определенных положительных результатов, включая результаты выборов.

Для того чтобы сохранять управление социальными процессами и адаптироваться к быстро изменяющимся структурам коммуникации в информационном обществе, государственно-властные структуры должны предлагать новые возможности и способы участия и государственных услуг посредством интернет-технологий. Так, например, внедрение онлайн-голосования рассматривается как способ упростить указанную процедуру, сделать ее более удобной, что во многом позволит решить проблему низкой явки избирателей. Но демократическое участие и участие в управлении делами государства – это не просто вопрос удобства, поскольку главенствующее положение должны сохранять конституционные цели проведения выборов и конституционные способы их достижения. Политическая коммуникация – один из важнейших процессов коммуникации в обществе, именно на его основе принимаются юридически значимые решения в ходе выборов и референдумов. При этом результатом политической коммуникации являются не итоги данных событий, а «...изменение

¹ Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.; Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека. / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.; Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. L. / Van Dijk J. – Thousand Oaks – New Delhi: Sage, 1999. – 267 p.

установок и поведения под влиянием стимулов, и достигнутая степень согласия участвующих в коммуникации сторон»¹.

Воздействие цифровизации как наиболее мощного и всеобъемлющего процесса на общество и государство требует выявления и систематизации рисков, связанных с внедрением соответствующих информационных технологий в область участия граждан в управлении делами государства. Это во многом обусловлено тем, что использование информационных технологий трансформирует институты непосредственной демократии, придавая им новые качества. Воздействие современных информационных технологий может приводить даже к корректировке содержания существующих конституционных прав и свобод, причем интенсивность и глубина этих процессов будет нарастать с течением времени, приводя к появлению новых способов реализации политических интересов граждан. Кроме того, компьютеризация процессов приводит к тому, что граждане могут использовать больше политической информации, а также иметь больше каналов связи, которые позволяют им распространять свою точку зрения, в том числе и в контексте реакции на какие-либо события и предполагаемых вариантов поведения (как правомерного, так и неправомерного).

В исследованиях, посвященных тематике электронной демократии, обоснованно отмечается, что она позволяет увеличить степень участия граждан в управлении государством на всех уровнях, в том числе и муниципальном. Это, в свою очередь, означает повышение оперативности и эффективности принятия решений, результатом которых будут являться реализация гражданами возможности осуществлять свои права и интересы наиболее быстрым и экономичным способом, повышение прозрачности управленческих процессов, исключение из них или минимизацию коррупционной составляющей. В целом идея электронной демократии, основанная на использовании современных информационно-коммуникационных технологий, преследует цель обеспечения эффективного

¹ Шарков, Ф.И. Политическая коммуникация в современном информационном обществе / Ф.И. Шарков // Polit Book. – 2012. – № 2. – С. 121–127.

диалога государства в лице его органов и гражданского общества. Указанный диалог может осуществляться по трем направлениям: развитие электронного правительства, электронного парламента и электронного правосудия¹.

Поведение участников общественных отношений и формат такого участия в цифровой реальности характеризуется различной степенью активности. Так, например, в качестве активных форм участия можно рассматривать электронное голосование в период общественного обсуждения проектов нормативных актов, выдвижение общественных инициатив, создание электронных петиций, направленных на привлечение внимания к той или иной проблеме и принятие органами государственной власти желаемых управленческих решений. Активное развитие этих форм участия, на наш взгляд, косвенным образом свидетельствует о тенденции к изменению соотношения представительной и прямой демократии, что обусловлено прежде всего недостаточным доверием граждан к институтам представительства, а также недостаточной эффективностью этих институтов.

Неоднократно отмечалось, что в условиях развития информационных технологий доверие к представительным демократическим системам подверглось серьезному испытанию. Это связано с тем, что граждане и социальные группы часто не видят в своих представителях ни необходимой степени понимания, ни надлежащего выражения их интересов. В последнее время получил развитие термин «провал репрезентации», подразумевающий, что представители граждан подчинены действию чрезвычайно мощных, «особых» – в противоположность общим – интересов. Нарастание разрыва доверия между гражданами и представителями представляет собой устойчивую негативную тенденцию, сопровождающуюся разочарованием и недоверием, формированием правового нигилизма, отступлением от модели конституционно-правомерного поведения.

¹ Анисимов, А.П. Вопросы теории и практики развития электронной демократии в сфере охраны природы в России / А.П. Анисимов // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 315–318.

Таким образом, интернет-технологии и цифровая среда в целом способствуют изменению соотношения «представительная / прямая демократия» в силу того, что позволяют преодолеть технические препятствия к широкой реализации прямой демократии. Конституционно значимые действия государства во всех сферах жизни социума могут обсуждаться всеми участниками интерактивной коммуникационной сети. Это разрушает аргумент о технической невозможности прямой демократии.

Между тем, следует понимать, что баланс между основными конституционными ценностями (в том числе прямой и представительной демократией) должен носить конституционно обоснованный характер и не определяться исключительно техническими возможностями цифровой среды. Необходимо согласиться с тем, что ключевые процессы принятия решений не должны быть монополизированы представителями граждан и социальных общностей, но, с другой стороны, необходимо понимание и того, что лица, представляющие интересы, обладают более глубоким пониманием социальных вопросов, чем их доверители. Соответственно, демократическая политическая система, организованная с участием информационных технологий, не должна приводить к радикальным качественным изменениям и искажению самой идеи представительной демократии. Эти технологии должны не заменить представительную демократию непосредственным участием граждан в управлении государством, а лишь модернизировать ее. Представительная и прямая демократия не являются двумя альтернативными системами в том смысле, что там, где есть одна, не может быть и другой; они представляют собой две взаимно дополняющие друг друга формы, одинаково необходимые демократическому государству.

В последние десятилетия получает все большее развитие концепция совещательной демократии, основанная на тезисе о том, что демократическое принятие решений должно основываться на содержательном процессе обще-

ственного обсуждения¹. Иными словами, сильная демократия должна создавать реальные возможности для участия людей в диалоге и процессах принятия решений друг с другом и с государственными должностными лицами².

Для информационной эпохи не существует единого и правильного пути развития новых конституционно-правовых отношений, поскольку они представляют собой сложное, динамичное и многомерное явление. В условиях цифровой среды конституционно-правовые отношения еще более усложняются, поскольку взаимодействие между их субъектами опосредуется лицами, обладающими технической возможностью влиять на принятие решений, действия и конституционно значимое поведение. Эти лица по существу выступают в качестве посредников для трансформации предпочтений и мнений граждан о действиях правительства, государственных органов и организаций, регулируя интерактивное взаимодействие с ними граждан.

Средства массовой информации всегда играли решающую роль в процессе политической коммуникации, и традиционно это происходило через трансляцию точки зрения одного или нескольких лиц, общающихся со многими адресатами. Таким образом, обмен информацией между средствами массовой информации и социумом, как правило, является односторонним процессом. Интернет обладает возможностью изменения этого потока политической информации и, таким образом, революционизирует процесс политической коммуникации. Любой человек с учетной записью доступа в интернет, некоторым пространством на сервере и программным обеспечением для создания веб-страниц теперь может стать проводником своих идей для потенциальной аудитории в миллионы человек. Информационно-коммуникационная сеть может удалить один или несколько слоев фильтрации информации. Таким образом, в условиях развития цифровой среды каждый субъект общественных отношений является

¹ Bohman, James, and William Rehg, eds. *Deliberative democracy: Essays on reason and politics*. MIT press, 1997.

² Rapoport, Miles, and Jessie Stratton. «Electoral reform and deliberative democracy: Can we enrich democracy by joining the two fields?» *National Civic Review* 93.4 (2004): 68-71.

потенциальным участником сферы политической коммуникации, и, таким образом, конституционно-правовые процессы могут быть как усилены, так и существенно ослаблены с помощью компьютерных коммуникаций. Субъекты, вовлеченные в процесс «цифрового» общения, достаточно часто обладают высокой степенью анонимности, защита которой увеличивает вероятность выражения противоправных идей и, соответственно, рисков их реализации. Граждане в киберпространстве склонны быть более индивидуальными, иметь более плюралистические системы ценностей, действовать не в соответствии с социальными нормами и практиками, а в соответствии со своими собственными суждениями, а также быть более чувствительными к своим собственным правам. Они могут относительно легко создавать различные самоидентификации по своей собственной воле благодаря анонимности. Кроме того, киберпространство не может эффективно контролироваться каким-либо конкретным политическим сообществом.

Принимая все это во внимание, мы можем сделать вывод, что граждане в киберпространстве склонны вести себя индивидуалистически. Это означает, что государство, заинтересованное в активном конституционно-правомерном поведении, реализуемом, в том числе, с помощью цифровой среды, должно прилагать максимум усилий для интеграции в эту среду конституционно значимых знаний, ценностей, установок и навыков. Участники коммуникации в киберпространстве должны знать свои политические права и социальные роли, структуру и процессы цифровой демократии, осознавать современные социальные проблемы. Они также должны обладать пониманием базовых конституционных ценностей, навыками поиска и интерпретации информации, необходимой для решения конкретных проблем, умением выносить обоснованные суждения на основе данной информации, эффективно общаться с согражданами или их представителями, участвовать в политических процессах.

В задачи гражданского воспитания в информационную эпоху входит воспитание граждан, обладающих способностью к критическому осмыслению сво-

его поведения и саморазвитию. В противоположность нормам морали такая способность, как правило, не может быть приобретена путем обучения или воспитания. Однако она может быть сформирована посредством многократного опыта активного участия в политических процессах в киберпространстве. Поэтому необходимо создать публичное киберпространство, предназначенное для активного правомерного участия граждан в политической жизни. Это, в свою очередь, будет способствовать эффективному доведению конституционно значимых идей и инициатив до других участников социальных отношений, а также представителей (через институт представительной демократии), и позволит более полноценно агрегировать мнения и инициативы.

С другой стороны, необходимо отчетливо осознавать, что технологическая осуществимость не обязательно влечет за собой политическую возможность. Цифровая демократия включает в себе как практически неограниченные возможности, так и опасность для сложившихся конституционно-правовых отношений, поскольку по существу является лишь инструментом, который может способствовать как развитию идей народного суверенитета, так и популистским манипуляциям, неправомерным действиям, противоправному конституционно значимому поведению.

Таким образом, интернет как новая сверхмощная коммуникационная технология оказывает огромное влияние на человеческое мышление, право и конституционно-правовые отношения. Можно утверждать, что интернет дважды соприкасается с областью конституционного права: с одной стороны, это новый мощный инструмент для достижения конституционных целей (новый способ определения, контроля и регулирования власти); с другой – новый объект конституционного права (новая власть, подлежащая определению, контролю и регулированию). По существу, мы имеем дело с феноменом, определяемым в ряде исследований как амбивалентность «технократической парадигмы».

Можно констатировать, что развитие информационно-коммуникационных технологий не подтверждает первоначальную гипотезу, выдвигаемую

некоторыми авторами и предполагающую, что чем больше прогрессирует интернет, тем больше развивается демократия. Развитие технологий на примере социальных сетей и социальных общностей как факторов политической мобилизации неопровержимо демонстрирует, что технологии могут быть как сильным фактором продвижения демократии и конституционного участия, так и фактором противодействия этим процессам. Это обстоятельство актуализирует проблему нового разумного и предупредительного регулирования, выходящего за рамки бинарного варианта: абсолютный запрет / абсолютная свобода.

Кроме того, необходимо принимать во внимание ряд объективных факторов. Так, интенсивность развития цифровых технологий и действий, совершаемых в «цифровом формате», требует быстрой и адекватной реакции по изменению законодательства. При этом обновленное законодательство должно отвечать всем требованиям, которые были выработаны многолетней практикой конституционного развития: предсказуемость, стабильность, правовая определенность и т. д. Кроме того, формирующиеся цифровые конституционно-правовые отношения требуют законодательного закрепления соответствующих правовых категорий, субинститутов и институтов, которые обеспечивают юридическую основу взаимодействий, основанных на новых технологиях. Однако нужно осознавать, что стремительное развитие информационно-коммуникационных возможностей ставит под вопрос наличие адекватного и своевременного правового регулирования, что может привести к субъективизму при применении конституционных категорий усмотрения, добросовестности, разумности и справедливости.

Говоря о правомерном поведении в конституционно-правовых отношениях, мы исходим из классического понимания, согласно которому норма права, преломленная через правосознание субъекта правовых отношений, формирует вектор его действий. В свою очередь, поведение субъектов и их общностей предопределяет и опосредует фактическую сущность конституционных правоотношений. Однако в настоящее время мы имеем дело с новой цифровой ре-

альностью, технические возможности которой многократно превосходят потенциал традиционно используемых средств формирования правосознания и воспитания личности. Это ставит нас перед необходимостью ответа на вопрос о том, какой степени автономии должны обладать интернет-ресурсы. По мнению ряда ученых, интернет, возникший в качестве международной негосударственной общественной инициативы, должен оставаться зоной, максимально свободной от государственного регулирования. Однако сторонники противоположного подхода указывают на невозможность реализации такого сценария, поскольку интернет представляет собой огромное пространство распространения информации, разнообразных идей, социальных и политических инициатив, оказания государственных услуг, что само по себе исключает его независимость от правового регулирования действий в цифровой среде. Так, виртуальное пространство используется для осуществления публично-властной деятельности и информирования о ее результатах, что в той или иной мере связано с реализацией прав, свобод, интересов личности, ее обязанностей и ответственности, в частности: для официального опубликования нормативных правовых актов; обеспечения доступа к информации о деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; осуществления процессуальных действий; информирования о деятельности судов (электронное правосудие); раскрытия общественно значимой информации, в том числе в целях борьбы с коррупцией, и т. д.¹

Доступность цифровых технологий сопряжена с повышенными рисками раскрытия в средствах массовой информации сведений, составляющих охраняемую законом тайну (личную, врачебную и другую). При этом, как обосновано замечают некоторые исследователи, в свободный доступ могут попадать данные, способствующие идентификации личности, иные сведения, которые по

¹ Середина, В.Н. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет: монография / В.Н. Середина, М.Ю. Середина. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – С. 244–250.

прошествии определенного времени могут быть актуализированы любым заинтересованным лицом с противоправной целью. Окончательное изъятие этой информации из сети интернет крайне затруднительно, в связи с чем с момента ее разглашения невозможно гарантировать защиту ряда конституционных прав гражданина на охрану достоинства, личную тайну, неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени (ст. 21 и 23 Конституции РФ)¹.

Существенные риски для конституционных правовых отношений представляет значительное количество как пользователей, так и лиц, предоставляющих услуги в сфере цифровых технологий. Это обстоятельство также актуализирует проблему правового статуса и правового регулирования интернета и его стандартов в контексте обеспечения конституционных прав и свобод и обеспечения конституционно-правомерного поведения участников общественных отношений, поскольку с увеличением числа пользователей возрастает вероятность неправомерных действий и злоупотребления конституционными правами с использованием цифровых ресурсов. К ним, например, могут быть отнесены распространение незапрашиваемой информации, проведение DDoS-атак, направленных на блокирование сервера или веб-ресурса, и другие². Кроме того, необходимо иметь в виду, что стремительное развитие интернет-технологий реализует возможности разработки все новых видов неправомерного поведения, которое может иметь отчетливый конституционно значимый результат. С учетом этого, определяя свою политику по реализации прав и свобод граждан с использованием сети интернет, государство должно учитывать не

¹ Тимофеев И.В., Лисовицкий Д.А., Ситников А.С. О правовых проблемах разглашения сведений, составляющих врачебную тайну ребенка, в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / И.В. Тимофеев, Д.А. Лисовицкий, А.С. Ситников // Медицинское право. – 2019. – № 4. – С. 23–29.

² Середа В.Н., Середа М.Ю. Указ. соч. – С. 105.

только опыт уже совершенных в этой сфере злоупотреблений, но и практику, сложившуюся на международном и национальном уровнях¹.

Представляется, что формирование национальной стратегии правового регулирования информационно-коммуникационных технологий должно осуществляться с учетом существующих мировых практик, на основе опыта вводимых ими ограничений такого регулирования, соотнесенного с воздействием принимаемых мер на вектор поведения субъектов общественных отношений и уровнем гарантирования конституционных прав. Примеры таких ограничений имели место, например, в Китае в 2009 году, когда после массовых беспорядков, организация которых была осуществлена с помощью социальной сети Facebook, был введен запрет на ее деятельность. В 2007 году меры, ограничивающие свободу пользования некоторыми политическими интернет-ресурсами, были приняты в Индии в ответ на совершение террористических актов. С другой стороны, современные технологии, используемые в Китае, предполагают осуществление практически тотального контроля за поведением граждан, включая выявление их политических взглядов и убеждений, что ставит под вопрос гарантии прав граждан в указанной ситуации².

Возможность обеспечения конституционно-правомерного поведения в условиях развития цифровой среды требует от государства принципиальной позиции по ряду вопросов, связанных с использованием и распространением информационных технологий. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, права и свободы высшей ценностью (ст. 2), тем самым фактически устанавливает обязанность государства по их защите, признанию и соблюдению. Соответственно, принятие решений о той или иной степени свобо-

¹ Андраш, Ш. Клэр, Р. Судейская аргументация и Интернет: формирование правовых рамок, новизна, фундаментальные права и новые технологии / Ш. Андраш, Р. Клэр // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 4. – С. 40–56.

² Саликов, М.С. Несмеянова, С.Э. Права и свободы человека в сети интернет: особенности реализации и защиты / М.С. Саликов, С.Э. Несмеянова // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 1. – С. 5–11.

ды в сфере развития цифровых ресурсов должно носить взвешенный характер и основываться на результатах многофакторного анализа рисков и преимуществ, которые реализуются при той или иной степени автономии, том или ином сценарии развития информационных технологий. Как уже было сказано выше, цифровая трансформация способна существенно и позитивно изменить деятельность многих институтов государства и общества (например, соотношение институтов представительной и прямой демократии, повысив эффективность их функционирования за счет обеспечения фактической, а не декларативной возможности граждан выражать свое мнение относительно социально значимых проблем). Однако эта возможность должна быть тщательно соотнесена с масштабом потенциальных проблем и рисков, связанных с развитием технологий (злоупотребление правами; использование интернет-ресурсов и технологий в преступных целях; вмешательство в частную жизнь индивидов; пропаганда неконституционных моделей поведения; распространение фейковой информации, способной отрицательным образом повлиять на действия индивидов и социальных групп; создание искаженного образа государства, его органов и целей для дестабилизации политической обстановки, разжигания межнациональных конфликтов и т. д.).

В контексте проблемы обеспечения конституционно-правомерного поведения требует постоянного обсуждения и решения и ряд иных вопросов. В частности, необходимо установить принципы и процедуры возможного ограничения прав и свобод, реализуемых с помощью информационных технологий, допустимую степень (пределы) таких ограничений; конституционно обоснованный механизм обеспечения беспрепятственной реализации виртуальных прав и пресечения их нарушения, а также гарантии его реализации.

Заключение

Изучение правомерного поведения в конституционном праве отличается методологическим плюрализмом и позволяет констатировать, что наиболее оптимальным для этих целей представляется использование комплексной методологии, включающей диалектику, синергетику, герменевтику и ряд иных научных подходов, «преломляемых» через призму специфики конституционных правоотношений.

Исследование, основанное на использовании данной методологии, дает основания утверждать, что характеристика правомерного поведения в формате конституционного права не может ограничиваться позициями общей теории права и обладает существенной спецификой. Прежде всего, она заключается в том, что, будучи правовым по своей природе, такое поведение в большинстве случаев получает политическую оценку с позиций его соответствия фактической (а не формальной) Конституции РФ. При таком подходе поведение оценивается с позиций его соответствия «духу» конституции, национальной идее, восприняв которые, субъект конституционных правоотношений может в дальнейшем действовать неосознанно, автоматически, но «интуитивно правомерно», используя в качестве основы своих действий сложившиеся у него представления о должном (соответствующем общему смыслу конституционных положений) либо недопустимом поведении.

Правомерное поведение в конституционном праве должно рассматриваться в первую очередь в контексте взаимодействия индивида (личности), общества и государства, одновременно как процесс (правомерные действия или бездействие), так и непосредственный результат такого взаимодействия (правомерное поведение). Формы указанного взаимодействия не могут быть определены исчерпывающим образом и широко варьируются как по своему содержанию, так и по степени активности (от бездействия до активного участия в управлении делами государства, конструктивного политического протеста). Это обусловлено тем, что процесс построения конституционной модели госу-

дарства и общества не исключает несогласованности политических, экономических, нравственных и иных идей и ценностей, разделяемых разнообразными социальными группами. Более того, разнообразие идей и представлений является одним из ключевых факторов дальнейшего развития общества и государства. Однако согласие и правопорядок в обществе должны достигаться на основе лишь наиболее важных из них, «всеобъемлющих ценностей», которые не исключают и не устраняют все существующие различия, но устанавливают их допустимые границы. Поведение субъектов конституционных правоотношений, измеряемое в системе координат основополагающих ценностей, должно оцениваться в первую очередь не по критерию формального соответствия тех или иных действий норме права, а по соответствию действий субъекта целям конституционного регулирования, конституционному смыслу, которые с той или иной степенью абстрактности содержатся в любом нормативном правовом акте.

Можно утверждать, что в настоящее время оценка правомерности поведения наиболее часто осуществляется применительно к реализации конституционных прав и обязанностей, что вполне объяснимо, поскольку именно на этом этапе действия субъектов правовых отношений приводят к видимому правовому результату. Однако необходимо уделять не меньшее внимание конституционности законодательства на всех уровнях, своевременной элиминации из правовой системы неконституционных нормативных положений, преодолению пробелов в нормативном регулировании, благодаря которым становится возможным формально правомерное, но фактически неконституционное поведение. В тех случаях, когда правовые акты либо их отдельные положения допускают значительную степень дискреции, оценка поведения как конституционно-правомерного должна основываться на том, насколько указанное усмотрение создает возможность реального осуществления конституционных прав и соответствует фундаментальным конституционным идеям.

Таким образом, исследование понятие правомерности в конституционном праве применительно к поведению участников правовых отношений позволяет

констатировать, что утверждение о «нейтральности» конституционных норм справедливо только отчасти. Это связано с тем, что в целях поддержания стабильности конституционного строя эти нормы могут приобретать ту или иную степень направленности, формируя конкретный вектор действий и отображая позицию государства, транслируемую через детализирующее конституцию законодательство. С другой стороны, правомерность в конституционно-правовом измерении неизбежно приобретает субъективный характер толкования интерпретатора, будучи обусловленной комплексом имеющихся у него доминирующих (или базовых) идей, концепций и парадигм.

Конституционное правомерное поведение может рассматриваться с разных позиций. Прежде всего оно является самостоятельным элементом системы конституционных ценностей, находясь при этом в системном единстве со всеми другими конституционными ценностями. В этом качестве конституционное правомерное поведение является объектом конституционной защиты и охраны, требуя адекватного ресурсного обеспечения. В значительной мере предоставление таких ресурсов определяется готовностью общества к продуктивному взаимодействию с государством, доверием к институтам политической системы, основанным, в свою очередь, на их способности обеспечить реальный, а не формальный конституционализм. С другой стороны, конституционное правомерное поведение выполняет роль инструмента, с помощью которого может реализовываться эффективное достижение конституционных целей правового регулирования с минимизацией затрачиваемых ресурсов.

Учитывая эти обстоятельства, необходимо акцентировать внимание на качестве конституционного нормотворчества, оценивая каждый нормативный акт с позиций ясности и прозрачности заложенных в нем регуляторов. В качестве регуляторов выступают как конкретные нормы права, так и целевые ориентиры, на достижение которых направлен правовой акт или его отдельные положения. При этом норма права представляет собой своеобразный шаблон, позволяющий участнику правовых отношений соотнести с ним свое поведение для

понимания правомерности своих действий (бездействия) и, по существу, предписывающий определенную модель правомерного поведения. Целевой регулятор (ориентир) должен недвусмысленно задавать непосредственную цель, достижение которой должно осуществляться посредством активности субъекта на основе усвоенных им ценностей, общих правил и навыков правомерного поведения. Следует постоянно учитывать то обстоятельство, что качество процесса правотворчества и его результаты зависят от степени правомерности поведения осуществляющих его лиц, недобросовестные цели и мотивы которых могут сделать правовой алгоритм достижения какой-либо социальной цели (результата) изначально дефектным, полностью нейтрализуя потенциал других правомерных действий.

В целом конституционно-правомерное поведение может рассматриваться как сложное, многомерное, целостное социально и общественно-правовое явление, способ взаимодействия субъектов конституционно-правовых отношений (включая государство), осуществляемого в специализированных активных формах (общественное участие, участие в демократических процедурах, гражданское участие и т. д.). Этот способ взаимодействия фактически признается обществом и официально – государством как соответствующий или не противоречащий конституции и отражающий реальные взаимосвязи и взаимозависимости нормативных, ценностных и морально-духовных установлений Конституции России, процессов конституционного правоприменения и правореализации.

Для признания поведения субъектов взаимодействия конституционно-правомерным необходимо, чтобы оно отвечало следующим критериям: 1) конституционность интереса субъекта; 2) конституционность цели; 3) соответствие (непротиворечие) нормам права, если они непосредственно регламентируют поведение в конкретной ситуации; 4) при отсутствии регулирующей нормы – соответствие правовой модели (алгоритму), выраженному в правовых позициях Конституционного Суда РФ; 5) конституционность мотива действий, направ-

ленных на достижение конкретного правового результата; б) конституционность способов, методов и средств, используемых для его достижения. Признание субъектами конституционно-правовых отношений (индивид, общественные объединения, государство в лице его органов) такого подхода, формализуемого в выборе вариантов правового поведения с использованием конституционных средств, форм и способов действий, косвенно свидетельствует о признании соответствующей частью участников правовых отношений справедливости требований Конституции РФ. Однако прямая зависимость в данной ситуации отсутствует, так как субъект конституционно-правовых отношений может выбирать тот или иной способ правового поведения не в силу убежденности в полезности этого действия (социальной, общественной, государственной), а в силу нежелания наступления ответственности.

Значимость и ценность конституционно-правомерного поведения в контексте взаимодействия государства и человека заключаются и в том, что оно служит своеобразным маркером уровня доверия социума к институтам государственно-политической системы, что при эффективности системы мониторинга и функции обратной связи позволяет своевременно корректировать структурные и функциональные характеристики этих институтов в соответствии с потребностями конституционного развития. В указанном смысле конституционно-правомерное поведение имеет инструментальное значение и выполняет своеобразную «сигнальную» функцию. Она заключается в том, что выявление отклонения правового поведения от конституционной модели взаимодействия свидетельствует о необходимости ревизии качества закона, установления дифференцированных правовых режимов, направленных на обеспечение конституционности правопользования, разработки и осуществления комплекса мер, позволяющих обеспечить конституционную мотивацию действий субъектов правовых отношений. Своевременная реакция государства на результаты такого мониторинга позволяет противодействовать и своевременно предупре-

ждать возникновения неправовых (неконституционных) способов реализации участниками правовых отношений своих интересов.

Таким образом, «качество» конституционно-правомерного поведения определяется качеством его «эталонной модели», предписывающей совершение или воздержание от тех или иных действий в конкретной правовой ситуации. Несоответствие фактического поведения этой модели выполняет своеобразную сигнальную функцию, свидетельствуя о необходимости ревизии качества правового акта, установления дифференцированных правовых режимов, направленных на обеспечение добросовестности (конституционности) правопользования, и т. д. В свою очередь, в случаях совпадения вектора фактического и предписываемого конституционно-правомерного поведения обеспечиваются наилучшие условия для проявления его ценностного потенциала и возможность достигать конституционных целей правового регулирования с минимизацией затрачиваемых ресурсов.

Осознанное признание субъектами конституционных правовых отношений необходимости действовать правомерно во многом решает проблему установления приоритета тех или иных законных притязаний, поскольку базируется на понимании того, что гарантированность эффективной реализации частных интересов находится в зависимости от достижения публично значимых целей, при условии, что и те, и другие установлены и осуществляются правомерно и добросовестно. Одновременно оно позволяет решить задачу добровольного предоставления субъектами конституционных правоотношений государству и обществу ресурсов, необходимых для достижения публичных целей, что является необходимым условием существования политической системы и возможно лишь при наличии определенного уровня доверия к государству.

Таким образом, конституционное правомерное поведение служит своеобразным маркером уровня доверия индивидуумов и социума к институтам политической системы. Указанное обстоятельство, при условии эффективности системы мониторинга и функции обратной связи, позволяет своевременно кор-

ректировать структурные и функциональные характеристики социальных и государственных институтов в соответствии с потребностями конституционного развития.

Одну из важнейших форм конституционно-правомерного поведения представляет участие граждан в управлении делами государства – возможность осуществлять активные действия по воздействию на принятие и реализацию решений в публично-значимой сфере. Эта возможность может быть реализована с помощью как непосредственного, так и опосредованного взаимодействия с органами государственной власти в различных видах государственной деятельности. Формы участия граждан не могут быть исчерпывающим образом детализированы в рамках проблемы конституционного правомерного поведения, поскольку в процессе развития общества и государства с учетом политических особенностей и целесообразности формируются как изолированные, так и «переходные» и комплексные варианты гражданского участия. Значимость такого участия заключается в том, что гражданину, с одной стороны, сообщается представление о социальных ценностях, на которых базируется конституционно-правомерное поведение как залог эффективного взаимодействия с государством, а с другой – конструктивное правомерное поведение само по себе является ценностью, признаваемой и поощряемой в конституционно-правовых отношениях. Вне зависимости от варианта (формы) участия гражданина в управлении делами государства его действия (бездействия) должны рассматриваться как конституционно-правомерное поведение при условии, что они осуществляются добросовестно и не являются злоупотреблением соответствующим конституционным правом. Однако степень правовой регламентации такого поведения должна быть тем выше, чем большая степень полномочий делегируется субъекту в процессе его участия в управлении делами государства. При квалификации поведения как конституционно-правомерного либо неправомерного, наряду с установлением формальной правомерности действий (бездействия)

гражданина, необходимо стремиться также и к установлению мотива его поведения.

С учетом динамики развития общественных отношений целесообразно уделять больше внимания перспективным формам участия граждан в управлении делами государства (например, института петиций) и их законодательному оформлению. Необходимо учитывать, что институты, выражающие мнение значительного количества индивидов, более точно и объективно отображают потребности в каких-либо социальных и государственных преобразованиях, чем действия отдельной личности. Своевременность и адекватность реагирования на эти сигналы позволяет осуществлять прогнозирование дальнейшего развития ситуации и превентивное принятие мер, что может существенно определять вектор поведения в системе «конституционно-правомерное – неправомерное». Нуждается в дальнейшем развитии и стимулировании такая форма гражданского участия, как волонтерство, получившая значительное распространение в период пандемии COVID-19. В целом можно утверждать, что с учетом современных реалий приоритет в стимулировании и поддержке государством должны получать те формы участия и гражданской инициативы, которые могут быть использованы в чрезвычайных либо приближенных к ним ситуациях, когда государство нуждается в содействии в выполнении различных аспектов своей социальной функции. Ценность и конституционная значимость различных форм гражданского участия должна определяться преимущественно с позиции того, насколько при одобрении и поддержке ресурсами со стороны государства они создают основу работоспособного механизма решения той или иной проблемы. При этом, поскольку поведение субъектов правовых отношений, основанное на их инициативных действиях, является добровольным, основанным на позитивной ответственности, минимизируется роль юридической ответственности как фактора, обеспечивающего достижение конституционно значимого результата такого правомерного поведения. Как следствие, гражданское участие может рассматриваться в качестве самостоятельного и действен-

ного фактора, способствующего достижению целей демократического развития. Его эффективность, в том числе, обусловлена возможностью экономии ресурсов, направляемых на принудительное обеспечение выполнения гражданами обязанностей и поддержание «репрессивного» потенциала юридической ответственности. Правовое конституционное государство и гражданское общество должны осуществлять постоянный мониторинг и оценку эффективности различных форм активности и инициативы как проявления конституционно-правомерного поведения. Во-первых, необходимо признать, что проявление такой инициативы косвенно свидетельствует о степени доверия, оказываемого гражданами государству, и, соответственно, о наличии определенного потенциала правомерного поведения, обусловленного таким «кредитом доверия». Во-вторых, оно позволяет – при наличии действенных механизмов обратной связи и заинтересованности государства в диалоге – своевременно установить и скорректировать механизмы взаимодействия с гражданами и обществом в целом, чтобы проявления инициативы с их стороны не были нейтрализованы пассивностью государственных институтов. Итогом и одновременно критерием эффективности этого взаимодействия должно стать успешное решение общезначимых социальных проблем, которое является своеобразным маркером зрелости самого государства, свидетельствуя о его истинной, а не декларативной, персонцентристской направленности. Своевременно и адекватно оцененные и «подхваченные» государством прогрессивные формы гражданского участия могут служить основой для дальнейшей разработки инновационных стратегий, создания организационных и экономических механизмов, осуществления организационно-координирующей деятельности, корректировки ключевых приоритетов, определения комплекса мер и разработки программ долгосрочного и краткосрочного развития и т. д.

Исследование взаимосвязи конституционно-правового статуса человека и гражданина и конституционно-правомерного поведения обуславливает необходимость акцентировать внимание на проблеме протестных действий. Необходи-

димо отметить, что установление конституционно-правового статуса легитимирует основные границы, рамки и формы правового поведения субъектов правовых отношений в обществе и государстве, персонифицируют интересы социальных слоев общества и, как следствие, являются идентификатором легитимности самой Конституции. В связи с этим изучение процессов конституционализации должно сопровождаться восприятием конфликта и правомерного протестного поведения как неизбежной и способствующей дальнейшему конституционному развитию составляющей политико-правового процесса и его легитимацией в общественном сознании. В контексте данной проблемы конструктивный протест следует рассматривать как конституционно-правомерные действия, элемент политико-правовой культуры общества и государства, требующий конституционно-правового механизма регулирования конфликтного взаимодействия. По существу, конституционно-правомерное протестное поведение выступает как проявление одной из традиций демократии, свидетельствующей о необходимости периодической реинтерпретации и перераспределения конституционных прав.

Обращение к проблеме конституционно-правомерного поведения отчетливо демонстрирует необходимость своевременного реформирования концепции позитивной ответственности в конституционном праве. Это связано с тем, что в условиях динамичности социально-политических реалий требуется постоянный пересмотр подходов к необходимости, разумности, соразмерности тех или иных видов поведения, установлению ограничений прав человека. Эти задачи неизбежно связаны с информированностью и вовлеченностью граждан в процессы принятия решений и требуют наличия адекватного диалога с гражданским обществом, который невозможен без достаточной степени сопричастности граждан принимаемым мерам, доверия государству как гарантий от возможной политической подоплёки ограничительных мер. При осуществлении этого диалога, формировании позитивной ответственности субъектов конституционных правоотношений необходимо учитывать, что действия государства

не всегда могут быть строго соотнесены с публичным интересом. Каждая социальная группа имеет собственный, «групповой» интерес, который может противоречить интересам других участников конституционно-правовых интересов и определять тот или иной вектор поведения. Соответственно, конституционно-правомерное поведение участников общественных отношений, как индивидов, так и их общностей, представляет собой не застывшую конструкцию, а постоянно изменяющиеся модели действий, которые при взаимодействии трансформируются в легитимный публичный интерес. С учетом этого обстоятельства уровень позитивной ответственности каждого субъекта конституционно-правовых отношений, основанный на правосознании, правовой культуре, оказывает несомненное влияние на достижение конституционно значимого компромисса индивидуальных и групповых интересов различного уровня, что, в свою очередь, повышает доверие к государственным и социальным институтам и способствует достижению согласия в обществе. Основой концепции правомерного поведения в конституционно-правовых отношениях традиционно является классическое понимание, согласно которому норма права, преломленная через правосознание субъекта правовых отношений, формирует вектор его действий. Результатом является тот или иной вариант поведения, предопределяющий и опосредующий фактически конституционно-правовые отношения. Однако необходимо учитывать динамику развития новой цифровой реальности, технические возможности которой многократно превосходят потенциал «классических» средств формирования правосознания и воспитания личности. Это обстоятельство предопределяет необходимость ответа на вопрос о возможной степени автономии интернет-ресурсов в контексте их возможного воздействия на поведение, в частности, поведение субъектов конституционно-правовых отношений. Для этого на каждом этапе развития государства и общества следует находить конституционно значимый баланс между отношением к интернет-пространству как зоне, свободной от государственного вмешательства (в силу того, что интернет возник в качестве международной негосударственной обще-

ственной инициативы), и противоположным подходом, согласно которому такая автономия исключена. Последняя точка зрения представляется более приближенной к действительности, поскольку в интернет-среде распространяется огромное количество информации, осуществляется пропаганда идей, социальных и политических инициатив, способных оказать существенное влияние на стабильность конституционного строя. Доступность цифровых технологий позволяет достаточно легко привлекать интеллектуальные, физические и финансовые ресурсы для осуществления тех или иных действий; сопряжена с повышенными рисками раскрытия в средствах массовой информации сведений, составляющих охраняемую законом тайну (личную, врачебную и другую). При этом, как обоснованно замечают некоторые исследователи, в свободный доступ могут попадать данные, способствующие идентификации личности, иные сведения, которые по прошествии определенного времени могут быть актуализированы любым заинтересованным лицом с противоправной целью. Окончательное изъятие этой информации из сети интернет крайне затруднительно, в связи с чем с момента ее разглашения невозможно гарантировать защиту ряда конституционных прав гражданина на охрану достоинства, личную тайну, неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени (ст. 21 и 23 Конституции РФ).

Таким образом, с одной стороны, возможное и должное правовое поведение отражается в нормах Конституции в виде моделей конституционных свобод, конституционных субъективных прав и конституционных обязанностей. С другой стороны, осуществление этих формализованных моделей неизбежно получает «субъективное преломление», что в итоге и определяет степень конституционной правомерности поведения субъекта общественных отношений. Как следствие, можно утверждать, что конституционная модель правомерности основывается на суверенитете личности, не предполагающем полного контроля над социальным порядком и полного урегулирования всех его аспектов. Одновременно она является динамичной и неизбежно готовой к корректировке в за-

зависимости от объективно сложившейся на том или ином этапе политико-правовой ситуации. Однако, вне зависимости от этого, обязывающая сила конституционных норм не ставится в зависимость от субъекта воздействия – государства, индивида, отдельных сообществ и т. д., поскольку требование исполнения конституционных обязанностей имеет корреспондирующий, взаимный характер. Требования государства правомерны до тех пор, пока нахождение у власти конституционно, а лица, наделенные публичной властью, соблюдают управомочивающие их власть нормы, в первую очередь – конституционные. Для формирования модели конституционно-правомерных действий на тех или иных этапах развития могут использоваться различные источники, включая доктринальные положения, трансформируемые впоследствии в нормативные правила поведения.

Анализ причин, по которым механизм обеспечения конституционно-правомерного поведения может быть недостаточно эффективным, позволяет выделить несколько основных из них. Во-первых, субъект правовых отношений может не соотносить свои действия с системой конституционных ценностей в силу того, что эта система в принципе не обладает ориентирующим воздействием на него, в силу чего та или иная ценность не является критерием оценки правильности (правомерности) действий в конкретной правовой ситуации. Во-вторых, конституционная ценность может не оказывать желаемого регулятивного воздействия на поведение субъекта правовых отношений из-за недостаточной определенности в понимании субъектом ее сущности. Это утверждение может быть отнесено к достаточно неоднозначной трактовке демократии (и, соответственно, демократического государства), гражданского общества и других категорий, которые на протяжении многих лет интерпретируются юридической наукой различным образом. По существу, многие конституционные ценности до настоящего времени не имеют завершенного и исчерпывающего определения, используясь в качестве основы для формирования множества других конституционно-правовых институтов и регулирования их структурных и

функциональных параметров. В-третьих, субъект правовых отношений в ряде случаев не осознает наличия или характера взаимосвязей конкретной конституционной ценности с иными ценностями, вследствие чего не воспринимает их как целостную систему. При этом, учитывая многочисленность элементов этой системы и взаимосвязей между ними, расстановка приоритетов (и, соответственно, выбор той или иной модели правового поведения) в конкретной правовой ситуации представляется крайне сложной.

Представляется, что для формирования устойчивых моделей конституционно-правового поведения следует чаще прибегать к анализу противостоящих им «контрценных антиподов». При этом необходимо использовать и поощрять все формы такой работы, направленные на интеграцию социума, усиление государственной общности и этнического единства, воспитание единого подхода к антиконституционным, неправомерным действиям, преследующим цель разрушения основных ценностных категорий. Принятие решения о правомерности или неправомерности поведения должно основываться прежде всего на конституционном понимании баланса общенационального интереса, который заключается в объединении общества, и конкретных правомерных интересов, преследуемых субъектами правовых отношений. В том случае, если этот баланс будет достигнут, станет возможной и реализация аксиологического потенциала конституционного правомерного поведения, направленного на достижение тех или иных юридически значимых результатов.

Исследование структуры конституционно-правомерного поведения может быть использовано для ревизии эффективности ряда институциональных характеристик государства и общества, а также происходящих в них процессов. Это определяет ценность конституционного правомерного поведения не только как способа наиболее эффективного достижения целей конституционного регулирования, но и как предмета и одновременно средства правового мониторинга, направленного на формирование обоснованных суждений о качестве элементов политико-правовой системы и устойчивых тенденциях их функционирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативно-правовые акты и иные официальные документы.

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 1993. – № 237. – 25 декабря. (первоначальный текст).
2. Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4916.
3. Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
4. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.
5. Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 45. – Ст. 7061.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7597.
7. Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Рос-

сийской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

8. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 171.

9. Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 8. – Ст. 740.

10. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

11. Федеральный закон от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 49. – Ст. 5497.

12. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 19.11.2021, с изм. от 23.11.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

13. Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 29. – Ст. 2950.

14. Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 2. – Ст. 172.

15. Федеральный закон от 02 мая 2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

16. Федеральный закон от 19 июня 2004 № 54-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 25. – Ст. 2485.

17. Федеральный закон от 27 июля 2004 № 79-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

18. Федеральный закон от 08 декабря 2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 50 (часть III). – Ст. 8039.

19. Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 15. – Ст. 1277

20. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.

21. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 183-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности общественных палат субъектов Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3852.

22. Федеральный закон от 06 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» подпункт «г» пункта 1 статьи 19 (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 42. – Ст. 5005.

23. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ Об основах общественного контроля в Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (часть I). – Ст. 4213.

24. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 53 (часть I). – Ст. 7598.

25. Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и п. 76 раздела «Культура» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998 г. – № 31. – Ст. 3802.

26. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.

27. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

28. Закон Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета. – 1992. – 29 июля.

29. Указ Президента РФ от 04 марта 2013 № 183 (ред. от 17.09.2020) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» (вместе с «Правилами рассмотрения общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 10. – Ст. 1019

30. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

31. Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 6. – Ст. 966.

32. Указ Президента от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // Российская газета. – 1993. – 23 сентября. – 6 октября.

33. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

34. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // Российская газета. – 2012. – 09 мая. – № 102.

35. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4884.

36. Указ Президента РФ от 07.05.2018 № (ред. от 21.07.2020) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://www.pravo.gov.ru> – дата обращения 21.07.2020)

37. Указ Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 17. – Ст. 2546.

38. Заключение Правительства РФ от 30.11.2004 № 5530п-П15 «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

II. Судебные решения

Решения Конституционного Суда РФ

39. Постановление Конституционного Суда РФ от 01.02.2005 № 1-П. «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой общественно-политической организации «Балтийская республиканская партия» // Российская газета. – 2005. – 08 февраля – № 24.

40. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 апреля 2004 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 мая 2004 г. № 19 (часть II) ст. 1923 (с учетом поправки) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 29.

41. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2012 № 19-П. «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 31. – Ст. 4470.

42. Постановление Конституционного Суда РФ № 15-П от 30.10.2003 «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 6.

43. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.11.2011 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 31, 268 пункта 6 части 1 статьи 33 и статьи 37 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки В.Ю. Боровик» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 49 (часть V). – Ст. 7333.

44. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 4 статьи 64 Закона Ленинградской области «О выборах депутатов представительных органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления в Ленинградской области» в связи с жалобой граждан В.И. Гнездилова и С.В. Пашигорова» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 49. – Ст. 4948.

45. Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева» // СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 50. – Ст. 7169.

47. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.03.2017 № 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Налогового кодекса Российской Федерации и Гражданского кодекса Российской Федерации в связи

с жалобами граждан Е.Н. Беспутина, А.В. Кульбацкого и В.А. Чапанова» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 4.

48. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 28. – Ст. 4498.

49. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2001. – № 5.

50. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.05.2021 № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1.1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданки И.А. Никифоровой» // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 22. – Ст. 3912.

51. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева» // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 17. – Ст. 1657.

52. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.12.2010 № 21-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 2 Федерального зако-

на от 12 февраля 2001 года № 5-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» в связи с жалобой гражданина И.В. Рузайкина» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 52 (часть I). – Ст. 7214.

53. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 33. – Ст. 4948.

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2013 № 9-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 26 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки Н.М. Моренко» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 21. – Ст. 2692.

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных

правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 «Нейрон» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 10. – Ст. 1087.

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2020 № 32-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и части первой статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.С. Машукова» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 28. – Ст. 4498.

57. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного суда Российской Федерации. – 2001. – № 6.

58. Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2014 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части реализации мер по повышению престижа и привлекательности военной службы по призыву» в связи с запросом Парламента Чеченской Республики» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 46. – Ст. 6424.

59. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 декабря 2020 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 1 (часть II). – Ст. 289.

60. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2010 № 929-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Атлант-Эстейт» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 84.2 Федерального закона «Об акционерных обществах» // СПС «КонсультантПлюс».

61. Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации». // <http://www.ksrf.ru> (дата обращения 10.01.2022)

62. Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 797-О-О. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 2.

63. Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 450-О «По жалобе гражданина Барсукова Александра Викторовича на нарушение его конституционных прав подпунктом 58 статьи 2 и пунктом 2.1 статьи 33 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на уча-

стие в референдуме граждан Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 6.

64. Определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2011 г. № 1808-О «По жалобе гражданина Родионова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав положениями части 6 статьи 2, части 2.1 статьи 3, статьи 13 Закона Ставропольского края «О некоторых вопросах проведения выборов в органы местного самоуправления в Ставропольском крае», пункта 3 статьи 32, пункта 2.1 статьи 35 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». // <http://www.ksrf.ru>

65. Определение Конституционного Суда РФ от 19.10.2010 № 1268-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сударева Ивана Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 5 статьи 11 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 19.11.2019).

66. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 947-О-П «По жалобе гражданки Рыжковой Натальи Викторовны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 50 статьи 35 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 8. – Ст. 809.

Решения Верховного Суда

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.03.2011 № 5 (ред. от 09.02.2012) «О практике рассмотрения судами дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 6.

68. Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 20 апреля 2011 г. № 86-Г11-6 «Об отказе в признании недействующей статьи 8 Закона Владимирской области от 25 декабря 2009 г. № 177-ОЗ «Об Общественной палате Владимирской области». // СПС «КонсультантПлюс».

III. Послание Президента РФ Федеральному Собранию

69. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24.02.1994 «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)». // Российская газета. – 1994. – 25 февраля – № 38.

70. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.02.1995 «О действенности государственной власти в России». // Российская газета. – 1995. – 17 февраля. – № 36.

71. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 23.02.1996 «Россия, за которую мы в ответе» // Российская газета. – 1996. – 27 февраля. – № 39.

72. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 06.03.1997 «Порядок во власти – порядок в стране (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». // Российская газета. – 1997. – 07 марта. – № 47.

73. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 17.02.1998 «Общими силами – к подъему России (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». // Российская газета. – 1998. – 24 февраля. – № 36.

74. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». // Российская газета. – 1999. – 31 марта. – № 60.

75. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим». // Российская газета. – 2000. – 11 июля. – № 133.

76. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «Не будет ни революций, ни контрреволюций». // Российская газета. – 2001. – 04 апреля. – № 66.

77. Послание Президента РФ Федеральному Собранию «России надо быть сильной и конкурентоспособной». // Российская газета. – 2002. – 19 апреля. – № 71.

78. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.05.2003 «О положении в стране». // Российская газета. – 2003. – 17 мая. – № 93.

79. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.05.2004 «О важнейших общенациональных задачах». // Российская газета. – 2004. – 27 мая. – № 109.

80. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «О важнейших общенациональных задачах». // Российская газета. – 2005. – 26 апреля. – № 86.

81. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10.05.2006 «О важнейших общенациональных задачах». // Российская газета. – 2006. – 11 мая. – № 97.

82. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «О важнейших общенациональных задачах» // Российская газета. – 2007. – 27 апреля. – № 90.

83. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 5.11.2008. // Российская газета. – 2008. – 06 ноября. – № 230.

84. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 12.11.2009. // Российская газета. – 2009. – 13 ноября. – № 214.

85. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию РФ от 30.11.2010. // Парламентская газета. – 2010. – 03 декабря. – № 63.
86. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному Собранию от 22.12.2011. // Российская газета. – 2011. – 23 декабря. – № 290.
87. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 12.12.2012. // Российская газета. – 2012. – 13 декабря. – № 287.
88. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 12.12.2013. // Российская газета. – 2013. – 13 декабря. – № 282.
89. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 04.12.2014. // Парламентская газета. – 2014. – 5-11 декабря. – № 43.
90. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 03.12.2015. // Парламентская газета. – 2015. – 4–10 декабря. – № 44.
91. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 01.12.2016. // Российская газета. – 2016. – 2 декабря.
92. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 15.01.2020. // Российская газета. – 2020. – 16 января. – № 7.
93. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию от 21.04.2021. // Российская газета – 2021. – 22 апреля. – № 87.

IV. Научная литература

Монографии, словари, учебные издания

94. Авакьян, С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – Т. 1. – 863 с.
95. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. / С.А. Авакьян. – М., 2005. – Т. 1. – 778 с.
96. Авакьян, С.А. Конституционный лексикон: государственно-правовой терминологический словарь. / С. А. Авакьян – М.: Юстицинформ, 2015. – 640 с.
97. Авакьян, С.А. Конституция как символ эпохи. В 2 т. / под ред. С.А. Авакьяна. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 392 с.

98. Авакьян, С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. / С.А. Авакьян – М.: РЮИД, «Сашко», 2000. – 528 с.
99. Алебастрова, И.А. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие / И.А. Алебастрова; [отв. ред. С. Ю. Кашкин]. – Москва: Юрайт, 2001. – 640 с.
100. Алексеев, С.С. Право как ценность // Теория права. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
101. Алексеев, С.С. Ценность права. Правовые ценности // Общая теория права. – М.: БЕК, 2008. – 317 с.
102. Алексеев, С.С. Собрание сочинений: Т. 6: Восхождение к праву. / С.С. Алексеев. – М.: Норма, 2010. – 558 с.
103. Алексеев, Н.Н. Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Лань, 1999. – 256 с.
104. Андриченко, Л.В. Боголюбов, С.А., Васильев, В.И. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности. – М.: ИЗиСП, 2014. – 592 с.
105. Арановский, К.В. Князев, С.Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. Монография. / К.В. Арановский, С.Д. Князев – М.: Изд-во «Проспект», 2015. – 498 с.
106. Аристотель. Политика. Собрание сочинений в 4-х томах. Том 4. – М.: Мысль, 1983. – 644 с.
107. Архипов, С.И. Субъект права: теоретическое исследование. / С.И. Архипов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 469 с.
108. Бабосов, Е.М. Основы идеологии современного государства / Е.М. Бабосов. – Мн.: Амалфея, 2004. – 352 с.
109. Байтин, М.И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. / И.М. Байтин– Саратов.: СГАП, 2001. – 416 с.
110. Барциц, И.Н. Правовое пространство России: вопросы конституционной теории и практики. / И.Н. Барциц– М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 496 с.

111. Белкин, А.А. Конституционная охрана: три направления российской идеологии и практики / А.А. Белкин. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1995. – 143 с.

112. Белл, Д. Иноземцев, В.Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. / Д. Белл, В.Л. Иноземцев. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. – 304 с.

113. Беляев, В.Г. Применение уголовного закона / В.Г. Беляев. – М.: Litres, 2018. – 446 с.

114. Боброва, Н.А. Конституционный строй и конституционализм в России: монография / ред. В.О. Лучин; Н.А. Боброва. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 265 с.

115. Бондарь, Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. – М.: Юрист, 2013. – 184 с.

116. Бондарь, Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации / Бондарь Н.С. – М.: Юстицинформ, 2005. – 770 с.

117. Бондарь, Н.С. Конституционализация социально-экономического развития российской государственности (в контексте решений Конституционного Суда РФ) / Бондарь Н.С. – М.: Викор-Медиа, 2006. – 223 с.

118. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. / Н.С. Бондарь. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 544 с.

119. Бурдые, П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики: пер. с фр. / сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.

120. Бутусова, Н.В. Конституционно-правовой статус российского государства: монография / Н.В. Бутусова; Воронеж. гос. ун-т. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2006. – 376 с.

121. Василевич, Г.А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г.А. Василевич. – Минск: Право и экономика, 2003. – 206 с.

122. Вебер, М. Избранные произведения // пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

123. Витрук, Н.В. Верность Конституции: монография / Н.В. Витрук. – М.: Изд-во РАП, 2008. – 272 с.

124. Витрук, Н.В. Верность Конституции. 2-е изд. / Н.В. Витрук. – М.: РГУП, 2016. – 267 с.

125. Витрук, Н.В. Конституционное правосудие в России (1991-2001 г.г.). Очерки теории и практики / Н.В. Витрук – М.: Городец, 2001. – 508 с.

126. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности. / Н.В. Витрук – М.: Норма, 2008. – 448 с.

127. Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. / Н.В. Витрук; отв. ред.: Патюлин В.А. – М.: Наука, 1979. – 229 с.

128. Воеводин, Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. / Воеводин Л.Д. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 300 с.

129. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие / Воеводин Л.Д. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1997. – 304 с.

130. Волков, Ю.Г. Добренъков, В.И. Нечипуренко, В.Н. Попов, А.В. Социология: учебник / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Гардарики, 2003. – 512 с.

131. Вопленко, Н.Н. Социалистическая законность и применение права. / Н.Н. Вопленко; под ред.: Байтин М.И. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. – 184 с.
132. Гавеля, В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека / В.Л. Гавеля. – Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – 278 с.
133. Гаджиев, Г.А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности): монография / Г.А. Гаджиев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 320 с.
134. Гаджиев, А.А. Ливеровский, А.А. Юриспруденция и математика (общность познавательных структур). / А.А. Гаджиев, А.А. Ливеровский. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2016. – 102 с.
135. Гараева, Г.Ф. Философия Конституции (к постановке проблемы) // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч. -информ. исслед. Отдел правоведения / отв. ред. Алферова Е. В. – М.: ИНИОН, 2010. – 210 с.
136. Гейзенберг, В. Физика и философия. Часть и целое: пер. с нем. И.А. Акчурина, Э.П. Андреева – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1989. – 400 с.
137. Гемпель, К.Г. Логика объяснения / сост., пер. О.А. Назаровой. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 237 с.
138. Гессен, В.М. О правовом государстве // Правовое государство и народное голосование. К реформе государственного строя России. – С.-Пб.: Изд. Н. Глаголева, 1906, Вып. 2. – 62 с.
139. Гигаури, Д.И. Визуальные исследования в изучении советского конституционализма // Советский конституционализм (1918-1925 гг.): доктрины, институты и репрезентации: сборник трудов конференции / под редакцией К.С. Коровина. – Екатеринбург, 2019. – С. 28–31.
140. Гидденс, Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.

141. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – 2-е изд. / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
142. Глебов, А.П. Сущностно-субстанциональный и функциональный подходы в исследовании государственных и правовых явлений // Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. МГУ им. М.В. Ломоносова, юридический факультет. – М.: Проспект. 1999. – 304 с.
143. Гомеров, И.Н. Политическая культура как моделирующая система. / И.Н. Гомеров. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1995. – 121 с.
144. Гражданское соучастие. – Политология. Словарь. / под ред. В.Н. Коновалова. – М.: РГУ, 1995. – 292 с.
145. Давид, Р. Основные правовые системы современности. / пер. с фран. В.А. Туманова. – Москва: Прогресс, 1988. – 285 с.
146. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – СПб.: Диамант, 1996. – 688 с.
147. Дворкин, Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – М.: РОССПЭН, 2004. – 392 с.
148. Джанда, К. Берум, Д.М. Голдман, Д. Хула, К.В. Трудным путем демократии. Процесс государственного управления в США. / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2006. – 658 с.
149. Диалектика социальной инициативы / Ю.А. Харин, Т.П. Богданова, Э.М. Каптюгова и др. – Минск: ТетраСистемс, 1986. – 448 с.
150. Донцов, Д.А. Психология познавательных процессов: учебное пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры / Д.А. Донцов, Е.А. Орлова, Л.В. Сенкевич; под научной редакцией Д.А. Донцова, Е.А. Орловой. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 189 с.
151. Дорская, А.А., Честнов И.Л. Эволюция системы права в России: теоретический и историко-правовой подходы: монография / А.А. Дорская, И.Л. Честнов – СПб.: Астерион, 2010. – 306 с.

152. Елистратов, А.И. I. Понятие о публичном субъективном праве II. Теория субъективных публичных прав / А.И. Елистратов – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1913. – 21 с.
153. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Д-р Георг Еллинек, проф. Гейдельбергск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С.И. Гессеном. – СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. – XXIV. – 599 с.
154. Енгибарян, Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р.В. Енгибарян – М.: Норма, 2007. – 496 с.
155. Еременко, Ю.П. Советская конституция и законность. / Ю.П. Еременко; науч. ред.: Ржевский В.А. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. – 164 с.
156. Жеругов, Р.Т. Вопросы правомерного поведения личности / в кн.: Правовое регулирование общественных отношений. – М., 1977. – 150 с.
157. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью / В. Якунин, В. Багдасарян, С. Сулакшин. – М., Эксмо, 2010. – 432 с.
158. Зевин, Дж. Столкновение разных подходов к понятию о гражданственности: трудности развития у учащихся критического мышления // Гражданское образование: содержание и активные методы обучения / Дж. Зевин – М.: Просвещение. – 1997. – 199 с.
159. Зорькин, В.Д. Россия и Конституция в XXI веке / В.Д. Зорькин. – М.: Норма: Инфра-М, 2007. – 399 с.
160. Зорькин, В.Д. Конституционно-правовое развитие России / В.Д. Зорькин – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 720 с.
161. Избранные Конституции зарубежных стран: учебное пособие для бакалавров / И.А. Алебастрова [и др.]; ответственный редактор Б.А. Страшун. – Москва: Издательство Юрайт, 2012. – 795 с.
162. Ильин, И.А. Теория права и государства / И.А. Ильин. – М.: Гарант, 2003. – 398 с.
163. Ильин, И.А. Теория права и государства. Изд. 2-е, доп. / под редакцией и с биографическим очерком В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 552 с.

164. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. / пер. с фр. И.Я. Волевич, Ю.М. Денисов, А.М. Руткевич, Ю.Н. Стефанов. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
165. Кант, И. Критика чистого разума / перевод с немецкого Н. Лосского. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.
166. Кант, И. Сочинения в шести томах [под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана], Философское наследие. Акад. наук СССР. Ин-т философии. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
167. Капустин, Б. Гражданство и гражданское общество / введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т. Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. – 224 с.
168. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
169. Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. / С.Г. Кирдина. – М.: ТЕИС (МГУ), 2000. – 213 с.
170. Киреев, В.В. Теоретические проблемы реформирования Конституции Российской Федерации / В.В. Киреев. – Челябинск: Южно-Уральский издательский дом «Образование», 2008. – 440 с.
171. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. / Б.А. Кистяковский. – М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1916. – 707 с.
172. Ковалевский, М.М. Общее конституционное право / М.М. Ковалевский. – Санкт-Петербург: Типография Север, 1908. – 510 с.
173. Ковлер, А.И. Антропология права: учебник для вузов / А.И. Ковлер. – М.: Издательство НОРМА–ИНФРА-М, 2002. – 480 с.
174. Козлова, Е.И. Конституционное право Российской Федерации: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Юристъ, 1996. – 578 с.

175. Козлова, Е.И. Кутафин, О.Е. Конституционное право России: учебник / Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин. – М.: Норма, 1998. – 592 с.
176. Кокотов, А.Н. Доверие. Недоверие. Право. / А.Н. Кокотов – М.: Юристъ, 2004. – 192 с.
177. Колюшин, Е.И. Лучин, В.О. Конституционное (государственное) право России: курс лекций / Е.И. Колюшин, В.О. Лучин – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 381 с.
178. Комарова, В.В. Механизм непосредственной демократии современной России (система и процедуры) / В.В. Комарова – М.: Директ-Медиа, 2014. – 559 с.
179. Комарова, В.В. Понятие и предмет отрасли конституционного права России / Конституционное право России / кол. авт.; отв. ред. В. В. Комарова. – М.: Кнорус, 2017. – 280 с.
180. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с.
181. Комментарий к Конституции РФ / под ред. Зорькина В.Д., Лаврова Л.В. – М.: Эксмо, 2009. – 514 с.
182. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть – М.: Норма: Инфра-М, 1999. – 550 с.
183. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: учебник для вузов / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. 4-е изд., обновл. и дораб. – М., 2005. – 685 с. (автор главы – В.В. Маклаков).
184. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для юридич. вузов и факультетов: в 4-х т. / рук. авт. коллектива и отв. ред.
185. Б.А. Страшун. – 2-е изд., испр. и доп. Общая часть. – М.: Бек, 1996. – 757 с.
186. Конституционное право России / отв. ред. А.Н. Кокотов, М.И. Кукушкин. – М.: Юристы, 2008. – 543 с.

187. Конституционное право Российской Федерации: курс лекций / С.В. Евдокимов, Н.А. Трусов – Нижний Новгород: Нижегородская акад. МВД РФ, 2012. – 442 с.
188. Конституционное право: университетский курс: учебник в 2 т. Т. 2. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – 528 с.
189. Конституционное право: университетский курс. в 2 томах / С.В. Арбузов, Т.В. Бережная, И.А. Володько и др.; под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – Москва: Проспект, 2015. Т. 1. – 432 с.
190. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2016. – 568 с.
191. Конституционный статус личности в СССР / ред. кол. Н.В. Витрук, В.А. Масленников, Б.Н. Топорнин. – М.: Юрид. лит., 1980. – 256 с.
192. Конституция 1993 года – правовая легитимация новой России. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 1008 с.
193. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. – 9-е изд. (без изм.). – СПб.: магазин Н. К. Мартынова, 1909. – 354 с.
194. Коэн, Д.Л. (CohenD.), Арато Э. (AratoA.) Гражданское общество и политическая теория / Д.Л. Коэн, Э. Арато – М.: Издательство «Весь Мир», 2003. – 784 с.
195. Кравец, И.А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка: монография / И.А. Кравец. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – 336 с.
196. Кравец, И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления / И.А. Кравец. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. – 910 с.

197. Кравец, И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) / И.А. Кравец. – Москва: Издательство «ЮКЭА», 2002. – 330 с.
198. Кравец, И.А. Конституционная телеология и основы конституционного строя. Научно-практическое пособие / И.А. Кравец – Москва: Литрес, 2017. – 200 с.
199. Крусс, В.И. Теория конституционного правопользования: монография / В.И. Крусс. – М.: НОРМА, 2007. – 751 с.
200. Кряжков, В.А. Лазарев, Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. Учебное пособие / В.А. Кряжков, Л.В. Лазарев – М.: БЕК, 1998. – 462 с.
201. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / Академия наук СССР. Институт государства и права; В.Н. Кудрявцев. – М.: Издательство «Наука», 1982. – 287 с.
202. Кудрявцев, В.Н. Казимирчук, В.П. Современная социология права. Учебник. / В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев – М.: Юристъ, 1995. – 297 с.
203. Кузнецов, В.Н. Социология идеологии: учебное пособие / В.Н. Кузнецов. – М.: Норма, 2007. – 403 с.
204. Кузнецов, И.В. Сачков, Ю.В. Причинность // Философский энциклопедический словарь / подгот. А.Л. Грекулова и др.; ред. кол. С.С. Аверинцев и др. 2-е изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 650 с.
205. Кузьмин, Э.Л. Демократия: некоторые вопросы теории, методологии и практики. / Э.Л. Кузьмин – М.: Юрид. лит., 1986. – 239 с.
206. Кулапов, В.Л. Правомерное поведение и правонарушение // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – 580 с.
207. Кун, Т.С. Структура научных революций / сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
208. Кутафин, О.Е. Предмет конституционного права: монография. /

О.Е. Кутафин. – М.: Проспект, 2011. – 444 с.

209. Кучинский, В.А. Личность, свобода, право. / В.А. Кучинский – М.: Юрид. лит., 1978. – 208 с.

210. Лазарев, В.В. Эффективность правоприменительных актов / В.В. Лазарев. – Казань: Издательство Казанского университета, 1975. – 208 с.

211. Лазарев, В.В. Липень, С.В. Саидов, А.Х. Проблемы общей теории jus: учебник для магистрантов юридических вузов / отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 656 с.

212. Лейст, О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: учебное пособие / О. Э. Лейст. – Москва: Зерцало-М, 2011. – 352 с.

213. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. Издание пятое. Т.39. – М.: Издательство Политической литературы, 1970. – 84 с.

214. Личность и уважение к закону: Социологический аспект / под ред. В.Н. Кудрявцева– М.: Наука, 1979. – 285 с.

215. Ллойд, Д. Идея права / пер. с английского. М.А. Юмашевой, Ю.М. Юмашева; науч. ред. Ю.М. Юмашев. – М.: Книгодел, 2007. – 416 с.

216. Локк, Д. Два трактата о правлении / Д. Локк // Избранные философские произведения. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 532 с.

217. Лукашева, Е.А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М., 2000. – 350 с.

218. Лукич, Р. Методология права. / Р. Лукич. – М.: Прогресс, 1981. – 304 с.

219. Луман, Н. Общество как социальная система. пер. с нем. / А. Антоновский. – М: Издательство «Логос», 2004. – 232 с.

220. Лучин, В.О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. / В.О. Лучин – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 687 с.

221. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека. / М. Маклюэн. – М.: Кучково поле, 2007. – 464 с.

222. Максимов, С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления: монография / С.И. Максимов; М-во образования и науки Украины. Нац. юрид. акад. Украины им. Ярослава Мудрого. – Харьков: Право, 2002. – 327 с.
223. Малько, А.В. Шундигов, К.В. Цели и средства в праве и правовой политике / А.В. Малько, К.В. Шундигов – Саратов: Саратовский государственная академии права, 2005. – 294 с.
224. Мальцев, Г.В. Социалистическое право и свобода личности. Теоретические вопросы / Г.В. Мальцев – М.: Юрид. лит., 1968. – 143 с.
225. Мальцев, Г.В. Социальные основания права. / Г.В. Мальцев. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2011. – 800 с.
226. Маркс, К. Энгельс, Ф. Избранные сочинения: в 9 т. Т. 5. – М.: Норма, 1998. – 303 с.
227. Маркс, К. Энгельс, Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 18. – М.: Издательство политической литературы, 1955–1974. – 305 с.
228. Марченко, М.Н. Источники права / М.Н. Марченко. – М.: Проспект, 2013. – 768 с.
229. Марченко, М.Н. Теория государства и права: учебник / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; под ред. М.Н. Марченко. – 3-е изд., расш. и доп. – М.: ИКД «Зерцало», 2002. – 624 с.
230. Матузов, Н.И. Правовая система и личность. / Н.И. Матузов– Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987. – 294 с.
231. Мерлин, В.С. Лекции по психологии мотивов человека. Учебное пособие. / В.С. Мерлин. – Пермь: Изд-во ПГПИ, 1972. – 120 с.
232. Модернизация государства, власти, права и общества: человеческое измерение: коллективная монография / под общ. ред. К.А. Ишекова; автор параграфа В.А. Затонский. – М.: «РПА Минюста России», 2014. – 292 с.
233. Мухаев, Р.Т. Теория государства и права: учебник для вузов / Р.Т. Мухаев. – М.: Юрайт, 2001. – 585 с.

234. Нарутто, С.В. Федерализм и единство государственно-правовой системы: монография / С.В. Нарутто – Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2001. – 340 с.
235. Насырова (Хабриева), Т.Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика / Т.Я. Насырова (Хабриева). – Казань: Издательство Казанского университета, 1988. – 146 с.
236. Научно-практический комментарий к Конституции РФ / отв. ред. В.В. Лазарев. 2-е изд., доп. и перераб. – М.: издательство «Юрист», 2001. – 800 с. (автор комментария к статье – Б.С. Эбзеев).
237. Неновски, Н. Право и ценности / Нено Неновски; вступительная статья и перевод канд. юрид. наук В.М. Сафронова; под редакцией докт. юрид. наук В.Д. Зорькина. – М.: Прогресс, 1987. – 248 с.
238. Нерсесянц, В.С. Философия права Гегеля. / В.С. Нерсесянц. – М.: Юрист, 1998. – 352 с.
239. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 1997. – 652 с.
240. Нерсесянц, В.С. Философия права: учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М.: Норма, 2009. – 794 с.
241. Общая теория права: Философия права. Часть теоретическая. Т. 1: Вып. 1-4 / Г.Ф. Шершеневич – М.: Бр. Башмаковы, 1910. – 839 с.
242. Овсепян, Ж.И. Юридическая ответственность и государственное принуждение: теоретико-правовое исследование / Ж.И. Овсепян – Ростов-н/Д: Эверест, 2005. – 276 с.
243. Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности. / В.В. Оксамытный; отв. ред.: Козюбра Н.И. – Киев: Наукова Думка, 1985. – 175 с.
244. Орзих, М.Ф. Личность и право. / М.Ф. Орзих – М.: Юридическая литература, 1975. – 112 с.
245. Основные начала административного права / А.И. Елистратов. – Издание 2-е, исправленное и дополненное. – Москва: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. – 294 с.

246. Патрушев, С.В. Гражданская активность как фактор модернизации // Модернизация и политика в XXI веке / отв. ред. Ю. С. Оганисян. Ин-т социологии РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 336 с.

247. Патюлин, В.А. Государство и личность в СССР. / В.А. Патюлин отв. ред.: Фарберов Н.П. – М.: Наука, 1974. – 246 с.

248. Петражицкий, Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий, Л.И. Спиридонов, И.Л. Честнов. – СПб.: Лань, 2000. – 608 с.

249. Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А.В. Поляков – Москва: Проспект, 2016. – 832 с.

250. Поляков, А.В. Общая теория права: учеб. / А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб.: Изд-во юридического факультета СПб гос. ун-та, 2005. – 472 с.

251. Попов, Л.Л. Государственное управление в России и зарубежных странах: административно-правовые аспекты / Л.Л. Попов, Е.В. Мигачева, С.В. Тихомиров; под ред. Л.Л. Попова. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2012. – 320 с.

252. Правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» / Е.А. Абросимова, В.В. Гриб, А.Г. Дейнеко и др.; под общ. ред. М.А. Федотова. – М.: Статут, 2017. – 208 с.

253. Прокопович, Г.А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве (история, теория, практика). Изд. 2-е, перераб и доп. / Г.А. Прокопович – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2010. – 303 с.

254. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. – 2-е изд., перераб. и доп. / В.Н. Протасов. – М., Юрайт-М, 2001. – 352 с.

255. Рабинович, П.М. Глебов, А. Упрочение законности – закономерность социализма: Вопросы теории и методологии исследования / П.М. Рабинович, А. Глебов – Львов, 1975. – 260 с.
256. Рубин, В.А. Личность и власть в Древнем Китае / отв. ред.: А.И. Кобзев. – М.: Восточная литература, 1999. – 384 с.
257. Самощенко, И.С. Правомерное поведение, правонарушение и юридическая ответственность // Теория государства и права. Учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич, А.Л. Недавний, и др.; отв. ред.: Александров Н.Г. – М.: Юридическая литература, 1968. – 640 с.
258. Серeda, В.Н. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет: монография / В.Н. Серeda, М.Ю. Серeda. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – 252 с.
259. Синюков, В.Н. Теория правопознания в России: проблемы обновления // Проблемы истории, методологии и теории юридической науки: монография / отв. ред. А. В. Корнев. – М. Норма: ИНФРА-М, 2017 – 528 с.
260. Система субъективных публичных прав / Георг Еллинек; пер. со 2-го нем. изд. под ред. прив.-доц. Моск. ун-та А.А. Рождественского. Вып. 1- Вып. 1. – СПб. – Москва.: Издательство «Освобождение». – 10 с.
261. Скловский, К.И. Гражданский спор. Практическая цивилистика. / К.И. Скловский– М.: Дело, 2002. – 352 с.
262. Соловьев, Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. / Э.Ю. Соловьев. – М.: Прогресс-Традиция, 2005. – 416 с.
263. Степанов, И.М. Кабышев, В.Т. Фарбер, И.Е. Конституция и политика. / И.М.Степанов, В.Т. Кабышев, И.Е. Фарбер. – М.: Наука, 1984. – 172 с.
264. Степин, В.С. Философия и методология науки / В.С. Степин – М.: Академический проект, 2015. – 716 с.
265. Стрекозов, В.Г. Казанчев, Ю.Д. Государственное (конституционное) право Российской Федерации / В.Г. Стрекозов, Ю.Д. Казанчев – М.: Былина, 1995. – 200 с.

266. Страшун, Б.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть.: учеб. для вузов / рук. авт. колл. и отв. ред. Б.А. Страшун. – 4 – изд., обновл. – Москва: Норма: Инфра-М, 2010. – 896 с.

267. Сырых, В.М. Теория государства и права: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – 4-е изд / В.М. Сырых. – М.: Юстицинформ, 2005. – 703 с.

268. Талапина, Э.В. Государственное управление в информационном обществе. Правовой аспект». РАН, Институт государства и права / Э.В. Талапина. – М.: Юриспруденция. – 192 с.

269. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – 264 с.

270. Тилли, Ч. Демократия / пер. с англ. Т. Б. Менская. – М.: Институт общественного проектирования, 2007. – 264 с.

271. Тихомиров, Ю.А. Коллизионное право: учеб. и науч. -практ. пособие / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве РФ. – М.: Юринформцентр, 2000. – 394 с.

272. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – М.: Формула права, 2008. – 400 с.

273. Токвиль, А. де. Демократия в Америке: пер. с фр. / А. де Токвиль предисл. Г. Дж. Ласки. – Москва: Прогресс, 1992. – 554 с.

274. Топорнин, Б.Н. Конституционный статус личности: Уроки истории и современные проблемы // Современный конституционализм / Б.Н. Топорнин. – М.: Институт государства и права АН СССР, 1990. – 356 с.

275. Фарбер, И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве /

276. Фарбер И.Е. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 190 с.

277. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. (с доп.). – М.: Прогресс, 1971. Т. 3. – 827 с.

278. Фридрих Август фон Хайек Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с.

279. Фролова, Е.А. Проблемы теории и философии права: монография / Е.А. Фролова. – Москва: Юрлитинформ, 2015. – 303 с.

280. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 730 с.

281. Хабибулин, А.Г. Рахимов, Р.А. Идеологическая деятельность государства и идеология государственности / А.Г. Хабибулин, Р.А. Рахимов. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – 191 с.

282. Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в современном мире / Т.Я. Хабриева. – М.: Наука, 2016. – 320 с.

283. Хабриева, Т.Я. Конституция и законность // Законность в Российской Федерации. Монография / А.Х. Казарина, В.П. Кашепов, В.П. Рябцев, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева. – М.: Изд-во Ин-та законодательства и сравн. правоведения, Изд-во НИИ Акад. Ген. прокуратуры РФ, 2008. – 624 с.

284. Хабриева, Т.Я. Клишас, А.А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

285. Хабриева, Т.Я. Чиркин, В.Е. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин – М.: Норма, 2005. – 320 с.

286. Харт, Г.Л.А. Понятие права: пер. с англ. / под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. – 302 с.

287. Хёффе, О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / перевод Вл. С. Малахова при участии Е.В.Малаховой. – М.: Гнозис, 1994. – 319 с.

288. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права / В.Н. Хропанюк; под ред.: Стрекозов В.Г. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: Дабахов, Ткачев, Димов, 1995. – 384 с.

289. Чепус, А.В. Теория позитивной юридической ответственности / А.В. Чепус. – Москва: Проспект, 2016. – 159 с.

290. Черногор, Н.Н. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления (теоретико-правовые проблемы) / Н.Н. Черногор. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – 176 с.

291. Честнов, И.Л. История и методология юридической науки: учебник / И.Л. Честнов. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 283 с.

292. Честнов, И.Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение: учебное пособие / И.Л. Честнов. – СПб.: Алеф-Пресс, 2009. – 272 с.

293. Честнов, И.Л. Методология и методика научного исследования: учебное пособие / И.Л. Честнов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. – 124 с.

294. Честнов, И.Л. Постклассическая теория права. Монография / Честнов И.Л. – СПб.: ИД «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.

295. Чиркин, В.Е. Публичное управление: учебник / В.Е. Чиркин. – М.: Юристъ, 2004. – 473 с.

296. Шарнина, Л.А. Категория усмотрения в конституционном праве / Л.А. Шарнина. – М.: Проспект, 2017. – 240 с.

297. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3 / Г.Ф. Шершеневич – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912. – 690 с.

298. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества: пер. с польск. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.

299. Шумпетер, Й.А. История экономического анализа: в 3-х т. Т.1. / пер. с англ.; под ред. В.С. Автономова. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – 496 с.

300. Эбзеев, Б.С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации: монография / Б.С. Эбзеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2013. – 656 с.

301. Яркова, Е.Н. История и методология юридической науки: учебное пособие / Е.Н. Яркова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 463 с.

302. Ярошевский, М.Г. Наука о поведении: русский путь. Избранные психологические труды / М.Г. Ярошевский. – М.: Проспект, 1996. – 380 с.

V. Статьи, опубликованные в периодических печатных изданиях

303. Авакьян, С.А. Государство: взгляд с позиций конституционного права / С.А. Авакьян // Труды института государства и права РАН. – 2016. – № 2 (34). – С. 51–60.

304. Авакьян, С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 3–17.

305. Авакьян, С.А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 3–6.

306. Авакьян, С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 4. – С. 3–7.

307. Авакьян, С.А. Основы и принципы конституционно-правового положения человека и гражданина в Российской Федерации / С.А. Авакьян // Современное общество и право. – 2010. – № 1. – С. 3–10.

308. Авакьян, С.А. Практика конституционных реформ: некоторые проблемы / С.А. Авакьян // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2011. – № 1. – С. 21–38.

309. Авакьян, С.А. Проблемы прямого действия и применения Конституции Российской Федерации 1993 года / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 18–26.

310. Авакьян, С.А. Протестные отношения и конституционное право / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2012. – № 1. – С. 3–17.

311. Авакьян, С.А. Протестные отношения и конституционное право / С.А. Авакьян // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2012. – Выпуск. 31. – С. 6–13.

312. Авакьян, С.А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты / С.А. Авакьян // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 2. – С. 7–8.

313. Авакьян, С.А. Свобода общественного мнения и конституционно-правовые гарантии ее осуществления / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 12–21.

314. Авакьян, С.А. Слово «власть» не должно пугать / С.А. Авакьян // Закон. – 2020. – № 12. – С. 8–16.

315. Авакьян, С.А. Конституционная теория и практика публичной власти: закономерности и отклонения / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 10. – С. 5–11.

316. Аверин, А.В. Правопонимание и юридическая практика / С.А. Авакьян // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 4 (14). – С. 19–36.

317. Агальцова, М.В. Иманова, Т.В. Самоизоляция: анализ конституционности антикризисных мер / М.В. Агальцова, Т.В. Иманова // Закон. – 2020. – № 5. – С. 60–70.

318. Агамагомедова, С.А. Добросовестность как категория публичного права и ее учет при осуществлении государственного контроля и надзора / С.А. Агамагомедова // Государство и право. – 2020. – № 7. – С. 124–131.

319. Акмалова, А.А., Капицын В.М. Роль знаков и символов в обеспечении социального единства / А.А. Акмалова, В.М. Капицын // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 4. – С. 31–51.

320. Алейникова, О.П. Понятие правомерного поведения / О.П. Алейникова / Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ / отв. ред. И.Н. Кузнецов. – № 10. – 1977. – С. 18–25.

321. Алекси, Р.О. Существование прав человека / Р.О. Алекси // Правоведение. – 2011. – № 4. – С. 21–31.

322. Алекси, Р.О. структуре принципов права / Р.О. Алекси // Российское правосудие. – 2017. – № 3. – С. 33–34.

323. Алешкова, И.А. Дудко, И.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства: конституционное содержание и особенности его обеспечения в практике Конституционного Суда РФ / И.А. Алешкова, И.А. Дудко // Образование и право. – 2021. – № 2. – С. 44–52.

324. Алмонд, Г. Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии / Г. Алмонд, С. Верба // Полис. – 1992. – № 4. – С. 122–134.

325. Андраш, Ш. Клэр, Р. Судейская аргументация и Интернет: формирование правовых рамок, новизна, фундаментальные права и новые технологии / Ш. Андраш, Р. Клэр // Сравнительное конституционное обозрение. – 2015. – № 4. – С. 40–61.

326. Анисимов, А.П. Вопросы теории и практики развития электронной демократии в сфере охраны природы в России / А.П. Анисимов // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 315–320.

327. Аничкин, Е.С., Каширский Д.В. Конституционная психология как отрасль научного знания и феномен культуры / Е.С. Аничкин, Д.В. Каширский // Психология и право. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 130–140.

328. Антонов, Я.В. Электронная демократия как политико-правовой механизм согласования частных и публичных интересов / Я.В. Антонов // Российская юстиция. – 2017. – № 12. – С. 38–41.

329. Антонян, Ю.М. О сущности мотивов / Ю.М. Антонян // Философские науки. – 2009. – № 5. – С. 69–78.

330. Арановский, К.В. Конституция как государственно-правовая традиция и условия ее изучения в российской правовой среде / К.В. Арановский // Правоведение. – 2002. – № 1 (240). – С. 41–50.

331. Арановский, К.В. Князев, С.Д. Процедурная сторона правовой государственности в замечаниях с уклоном в антропологию / К.В. Арановский, С.Д. Князев // Правоприменение. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 5–16.

332. Арапов, Н.А. Обязывающие последствия принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве / Н.А. Арапов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 10. – С. 3–6.

333. Арнштейн, Ш. Лестница гражданского участия / Ш. Арнштейн // Журнал Американского института градостроителей. – 1969. – № 4. – Том 35. – С. 216–224.

334. Арон, Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон // Логос. – 2005. – № 6(51). – С. 182–205.

335. Арутюнян, Г.Г. Конституционализация социального поведения человека в правовом государстве / Г.Г. Арутюнян // Журнал конституционного правосудия. – 2013. – № 5. – С. 2–5.

336. Арутюнян, Г.Г. Конституционализм как фундаментальный принцип права в правовом государстве / Г.Г. Арутюнян // Конституционное правосудие. – 2012. – № 1. – С. 55.

337. Астафичев, П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования / П.А. Астафичев // Государство и право. – 2007. – № 1. – С. 5–10.

338. Баранов, В.М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление / В.М. Баранов // Журнал российского права. – 2008. – № 2 (134). – С. 9–17.

339. Баранов, П.П. Легистский позитивизм в современной России / П.П. Баранов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 1. – С. 9–15.

340. Барциц, И.Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии / И.Н. Барциц // Государственная служба. – 2013. – № 6. – С. 8–13.

341. Батурин, Ю. Конституция как инсигния и символ правового порядка / Ю. Батурин // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 4–7.

342. Безруков, А.В. Тепляшин, И.В. Современная модель конституционного правопорядка: контуры формирования / А.В. Безруков, И.В. Тепляшин // Журнал российского права. – 2021. – № 1. – С. 77–88.

343. Белов, С.А. Пределы универсальности конституционализма: влияние национальных ценностей на практику принятия решений конституционными судами / С.А. Белов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 4. – С. 37–56

344. Белов, С.А. Рациональность судебной балансировки конституционных ценностей с помощью теста на пропорциональность / С.А. Белов // Петербургский юрист. – 2016. – № 1. – С. 63–75.

345. Белых, М.Л. Некоторые вопросы использования сравнительно-правового метода в деятельности органов конституционного судебного контроля / М.Л. Белых // Российский юридический журнал. – 2013. – № 4. – С. 72–77.

346. Бондарь, Н.С. Буква и дух российской Конституции: 20 летний опыт гармонизации в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. – 2013. – № 11 (203) – С. 5–17.

347. Бондарь, Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 4–13.

348. Бондарь, Н.С. Баринов, Э.Э. Аксиология конституционного мировоззрения. Часть I. Конституционное мировоззрение в ценностном измерении обновленной Конституции России / Н.С. Бондарь, Э.Э. Баринов // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 12. – С. 3–12.

349. Буркин, Д.О. Нормативные системы как детерминанты поведения социальных субъектов в процессах легитимации власти / Д.О. Буркин // Kant. – 2018. – № 4 (29). – С. 122–126.

350. Ванновская, О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения / О.В. Ванновская // Известия Российского государственного педагогического университета им. АИ Герцена. – 2009. – №. 102. – С. 324–328.

351. Варламова, Н.В. Российская теория права в поисках парадигмы / Н.В. Варламова // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 68–85.

352. Варламова, Н.В. Этизация понимания конституционных прав и свобод человека: опыт критического осмысления / Н.В. Варламова // Верность Конституции. – 2018. – С. 157–168.

353. Варламова, Н.В. Юридический позитивизм и права человека / Н.В. Варламова // Общественные науки и современность. – 2008. – № 1. – С. 156–166.

354. Васильев, С.А. Взаимодействие субъектов конституционно-правовых отношений / С.А. Васильев // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 1. – С. 22–23.

355. Васильев, С.А. Государственно-общественные формирования как субъекты конституционно-правовых отношений / С.А. Васильев // Lex russica. – 2017. – № 1. – С. 153–163.

356. Вебер, М. Типы господства / М. Вебер // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. – № 5–6. – С. 22–36.

357. Величинская, Ю.Н. Конституционно-правовые гарантии выражения протестного общественного мнения: некоторые вопросы институционализации протестного голосования / Ю.Н. Величинская // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 2. – С. 41–49.

358. Вепрев, В.С. Соловьева, А.А. Универсальность как свойство правовых принципов / В.С. Вепрев, А.А. Соловьева // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2017. – Т. 17. – № 3. – С. 78–82.

359. Виноградова, Е.В. Влияние конституционного принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства на законодательный процесс / Е.В. Виноградова // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 117–119.

360. Волков, А.В. Обход закона как наивысшая форма злоупотребления правом / А.В. Волков // Гражданское право. – 2013. – № 2. – С. 2–8.

361. Волобуев, С.Г. Российская конституционно-правовая антропология как основание государственной политики в области сохранения и трансляции традиционных ценностей / С.Г. Волобуев // Культурологический журнал. – 2021. – № 2 (44). – С. 7–9.

362. Вопленко, Н.Н. Понятие и основные черты законности / Н.Н. Вопленко // Legal Concept. – 2006. – № 8. – С. 33–37.

363. Вопленко, Н.Н. Рудковский, В.А. Основные принципы права: понятие и классификация / Н.Н. Вопленко, В.А. Рудковский // Legal Concept. – 2013. – № 1. – С. 5–11.

364. Габдуалиев, М.Т. К вопросу о категории «Психология» в науке конституционного права / М.Т. Габдуалиев // Вестник СГЮА. – 2014. – №1 (96) – С. 51–55.

365. Гаджиев, Г.А. Конституционно-правовое концептуальное пространство и его ценности / Г.А. Гаджиев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – № 2. – С. 3–17.

366. Гаджиев, Г.А. Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) / Г.А. Гаджиев // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 15–29.

367. Гаджиев, К. Конец или возрождение идеологии? / К. Гаджиев // Свободная мысль. – 2016. – № 1. – С. 93–104.

368. Гамбарян, А.С. Пассивное поведение (бездействие): использование субъективного права или отказ от реализации субъективного права / А.С. Гамбарян // Lex russica. – 2019. – № 2 (147). – С. 29–39.

369. Гасанов, К.К. Червонюк, В.И. Конституция и конструкция публичных субъективных прав / К.К. Гасанов, В.И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 11. – С. 10–13.

370. Гигаури, Д.И. Коровин, К.С. Революционный миф «диктатуры пролетариата» в советской конституционной доктрине 1918 г. и визуальной коммуникации / Д.И. Гигаури, К.С. Коровин // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 11. – С. 40–57.

371. Глебов, А.Н. Базовые ценности Конституции РСФСР 1918 года в мифологическом контексте / А.Н. Глебов // Социально-политические науки. – 2021. – Т. 11. – № 1. – С. 27–32.

372. Гончаров, В.В. Общественный контроль власти и композиционная структура народовластия / В.В. Гончаров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 20–25.

373. Графский, Г.В. О непреодоленных трудностях в создании интегральной юриспруденции / Г.В. Графский // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 119–124.

374. Гриб, В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества / В.В. Гриб // История современного государства и права. – 2010. – № 10. – С. 33–35.

375. Давыдов, Ю.Н. М. Вебер и проблема интерпретации рациональности / Ю.Н. Давыдов // Вопросы социологии. – 1996. – № 6. – С. 71–77.

376. Даниленков, А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / А.В. Даниленков // *Lex russica*. – 2017. – № 7 (128). – С. 166–177.

377. Джагарян, А.А. Джагарян, Н.В. Апология ценностного подхода в конституционном праве и правосудии / А.А. Джагарян, Н.В. Джагарян // Юридический мир. – 2014. – № 2. – С. 27–34.

378. Доброхотов, А.Л. Цель / А.Л. Доброхотов // Новая философская энциклопедия. – 2000. – № 4. – С. 8–10.

379. Должиков, А. Толкование конституционных прав / А. Должиков // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 4(113). – С. 125–151.

380. Дурденевский, В.Н. Субъективное право и его основное разделение / В.Н. Дурденевский // Правоведение. – 1994. – № 3. – С. 78–95.

381. Евстафьева, Ю.Г. Роль Общественной палаты в достижении юридического консенсуса / Ю.Г. Евстафьева // Вестник Владимирского юридического института. – 2008. – № 2 (7). – С. 141–148.

382. Евстифеев, Д.М. Конституционный долг личности и правомерное поведение / Д.М. Евстифеев // *Russian Juridical Journal*. – 2018. – № 6 (123). – С. 70–84.

383. Едкова, Т.А. Чертков, А.Н. Зырянов, С.М. Государственные и общественные институты. Гражданские инициативы / Т.А. Едкова, А.Н. Чертков, С.М. Зырянов // Журнал российского права. – 2013. – № 11 (203). – С. 111–122.

384. Ежукова, О.А. Об оценке эффективности органов публичной власти в новых конституционно-правовых и социально-экономических условиях /

О.А. Ежукова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 7. – С. 7–12.

385. Езеров, А.А. Конституционная безопасность с позиции конфликтологического подхода / А.А. Езеров // Актуальні проблеми держави і права. – 2011. – № 57. – С. 76–84.

386. Еремян, В.В. Есть ли у компаративиста повод для оптимизма? (рос- сийская Конституция как «зеркало» государственного строительства) / В.В. Еремян // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 2 (121). – С. 15–26.

387. Жилин, Г.А. Соотношение права и закона / Г.А. Жилин // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 8–10.

388. Жильцов, Н.А. Чердаков, О.И. О правовых и неправовых регулято- рах киберпространства / Н.А. Жильцов, О.И. Чердаков // Юридический мир. – 2020. – № 1. – С. 28–34.

389. Заславский, С.Е. Постсоветская конституционная многопартийность в протестном контексте / С.Е. Заславский // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 3. – С. 42–45.

390. Зиновьев, А.В. Конституционность как барометр правовой культуры и основа правового государства / А.В. Зиновьев // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 81–96.

391. Зорькин, В.Д. Доверие и право / В.Д. Зорькин // Российская газета. – 2013. – 29 апреля.

392. Зорькин, В.Д. Правовой путь России / В.Д. Зорькин. – М.: Библио- тека «Российской газеты», 2014. – Вып. 8. – 192 с.

393. Зорькин, В.Д. Проблемы конституционно-правового развития России (к 20-летию Конституции Российской Федерации) / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 2. – С. 1–9.

394. Иванов, А.А. Проблемы публичного права России: взгляд со стороны / А.А. Иванов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 2. – С. 46–59.

395. Иванова, А.С. Начала «идеологии»: Антуан Дестют де Траси и его наука об идеях / А.С. Иванова // Вопросы философии. – 2013. – № 8. – С. 146–148.

396. Иванова, Е.М. Протестное участие как форма имобильного политического поведения (социологический подход) / Е.М. Иванова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2011. – Т. 11. – № 2. – С. 7 – 10.

397. Исаев, И.А. Легитимность и легальность в конституционном процессе / И.А. Исаев // История государства и права. – 2012. – № 6. – С. 2–6.

398. Исаева, Н.В. Предмет конституционного права в антропологическом контексте / Н.В. Исаева // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – С. 148 –156.

399. Кабышев, В.Т. Конституционная парадигма России на рубеже тысячелетий / В.Т. Кабышев // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 43–51.

400. Кабышев, В.Т. Конституционные ожидания / В.Т. Кабышев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 24–27.

401. Кабышев, В.Т. Конституционный диалог / В.Т. Кабышев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 5 (118). – С. 12–21.

402. Кабышев, В.Т. Народовластие в системе конституционного строя России: конституционно-политическое измерение / В.Т. Кабышев // Вестник СГЮА. – 2012. –Дополнительный выпуск. – С. 39–45.

403. Кабышев, С.В. Диалог в конституционной системе власти / В.Т. Кабышев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 6 (125). – С 40–47.

404. Кабышев, С.В. Легитимность власти и конституционный континуитет / В.Т. Кабышев // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 3. – С. 89–95.

405. Кабышев, В.Т. Российский конституционализм на рубеже тысячелетий / В.Т. Кабышев // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 63–64.

406. Карасев, А.Т. Кожевников, О.А. Мещерягина, В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации / А.Т. Карасев, О.А. Кожевников, В.А. Мещерягина // Антиномии. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 99–119.

407. Касаткин, С.Н. Основной труд Герберта ЛА Харта (на публикацию русского издания книги «Понятие права») / С.Н. Касаткин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2007. – № 2. – С. 5–15.

408. Керимов, А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели / А.А. Керимов // Известия УФУ. Серия 3. Общественные науки. Том 10. – 2015. – № 1. – С. 81–91.

409. Керимов, Д.А. О методологии государствоведения / А.А. Керимов // Право и образование. – 2006. – № 4. – С. 63–68.

410. Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы / С.Г. Кирдина // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 63–73.

411. Киреев В.В. Категория риска в российской конституционно-правовой науке / В.В. Киреев // Проблемы права. – 2013. – № 3 – С. 30–37.

412. Киреев, В.В. О теории риска в российской науке конституционного права / В.В. Киреев // Проблемы права. – 2012. – № 7. – С. 11–16.

413. Киреева, Е.А. К вопросу о влиянии неправовых факторов на реализацию полномочий Конституционного Суда Российской Федерации в сфере интерпретации конституционных норм. / Е.А. Киреева // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Право». – 2016. – № 2. – С. 7–11.

414. Князев, С.В. О причинах некоторых звуковых изменений в праславянском и русском языках / С.В. Князев // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2000. – № 5. – С. 72–97.

415. Кожевников, О.А. Остапович, И.Ю. Нечкин, А.В. Современное состояние институтов прямой демократии в России: понятие, классификация и перспективы развития / О.А. Кожевников, И.Ю. Остапович, А.В. Нечкин // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 456. – С. 225–233.

416. Козьмина, А.В. Методологические предпосылки последовательного использования каузальной и телеологической причинности / А.В. Козьмина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). – 2005. – № 21. – С. 5–28.

417. Кокотов, А.Н. Конституционный принцип доверия в практике Конституционного Суда Российской Федерации / А.Н. Кокотов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2014. – № 5 (102). – С. 97–108.

418. Кокотов, А.Н. Право конституции в российском праве / А.Н. Кокотов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 10 (47). – С. 2162–2167.

419. Кокотов, А.Н. Сони́на, Л.В. Конституционализм как политико-правовой режим / А.Н. Кокотов, Л.В. Сони́на // Российский юридический журнал. – 2001. – № 1. – С. 127–133.

420. Колесников, Е.В. Степанова Ю.В. Толкование конституционных норм Конституционным Судом России: некоторые вопросы теории / Е.В. Колесников, Ю.В. Степанова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2011. – № 4. – С. 14–19.

421. Комкова, Г.Н. Воспитательная функция российской Конституции / Г.Н. Комкова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 105 – 109.

422. Комкова, Г.Н. Конституционные принципы взаимоотношений власти и личности: реализация в современной России / Г.Н. Комкова // *Lex russica* (Русский закон). – 2009. – Т. 68. – № 2. – С. 344–351.

423. Контарев, А.А. Проблема сущности и смысла права в контексте перехода русского правоведения от классического к неклассическому типу научной рациональности / А.А. Контарев // *Философия права*. – 2016. – № 6 (79). – С. 94–99.

424. Кравец, И.А. Антропологический конституционализм и гуманистическая аксиология правового статуса и достоинства личности / И.А. Кравец // *Юридическая наука и практика*. – 2020. – Т. 16. – № 3. – С. 5–19.

425. Кравец, И.А. Верховенство конституции: подходы и измерения / И.А. Кравец // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2008. – № 22 (123). – С. 5–9.

426. Кравец, И.А. Господство права, границы конституционного судебного правотворчества и принцип соразмерности (российский опыт и практика ЕСПЧ) / И.А. Кравец // *Правотолкование и проблема судебного правотворчества*. – 2020. – № 10. – С. 21–30.

427. Кравец, И.А. Право конституции в действии: соотношение законодательной и судебной конституционализации правопорядка, обеспечения международных обязательств, прав и свобод / И.А. Кравец // *Конституционное и муниципальное право*. – 2015. – № 12. – С. 12–15.

428. Кравец, И.А. Российская Конституция и конституционализация правового порядка (некоторые вопросы теории и практики) / И.А. Кравец // *Журнал российского права*. – 2003. – № 11. – С. 113 – 124.

429. Кравец, И.А. Ценность конституционной телеологии и конституционная легитимность политического и идеологического многообразия: доктрина и практика / И.А. Кравец // *Российский журнал правовых исследований*. – 2015. – № 3. – С. 80–99.

430. Красин, Ю.А. Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма / Ю.А. Красин // Вестник Института социологии. – 2015. – № 12. – С. 34–59.

431. Крижановский, А.Ф. Герменевтические константы теоретической и прикладной юриспруденции / А.Ф. Крижановский // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 95–97.

432. Крусс, В.И. Государственное противодействие противоправным доходам и конституционное правоупотребление / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 6. – С. 19–25.

433. Крусс, В.И. Избирательная система в механизме конституционного обеспечения прав человека / В.И. Крусс // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2015. – № 3. – С. 103–107.

434. Крусс, В.И. Конституционное правоупотребление и юридическая практика / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 2. – С. 2–7.

435. Крусс, В.И. Конституционный порядок и право на протест: «мыльная драма» процессуальной оппозиции / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 9. – С. 39–40.

436. Крусс, В.И. Понятие, актуальность и формы конституционализации права / В.И. Крусс // Вестник ТвГУ. Серия «Право». – 2012. – № 31. – С. 104–119.

437. Кузнецова, Л.В. Развитие содержания понятий «гражданственность» и «гражданское воспитание» в педагогике XX в. / Л.В. Кузнецова // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2006. – № 9. – С. 10–18.

438. Кузьмин, И.А. Формально-юридический метод в составе методологии компаративистского исследования / И.А. Кузьмин // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2017. – № 2. – С. 18–27.

439. Куркин, Б.А. Идеологема прав человека и ее интерпретация в современной отечественной правовой теории / Б.А. Куркин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2008. – № 2. – С. 110–116.

440. Лазарев, В.В. Идеология конституционного реформирования правовой системы Российской Федерации / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 5–17.

441. Лазарев, В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В.В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5–18.

442. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 264–280.

443. Левакин, И.В. Эволюция Конституции и социология правовой системы России / И.В. Левакин // Право и современные государства. – 2016. – № 1. – С. 17–34.

444. Липчанская, М.А. Конституционная категория «управление делами государства»: проблема определения и содержания / М.А. Липчанская // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 66–70.

445. Липчанская, М.А. Участие граждан в управлении делами государства: современные тенденции через призму научных трудов И.Е. Фарбера / М.А. Липчанская // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 218–220.

446. Липчанская, М.А. Участие граждан Российской Федерации в управлении делами государства: традиционные формы и современные тенденции / М.А. Липчанская // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – №1 (31). – С. 124–133.

447. Липчанская, М.А. Рубанова, М.Е. Специфика реализации свободы слова в качестве формы конституционного конструктивного протеста /

М.А. Липчанская, М.Е. Рубанова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6 (119). – С. 101–109.

448. Лотарев, К.А. К вопросу интерпретации и поиска идеологии: возможности консерватизма в условиях идеологической конвергенции в современной России / К.А. Лотарев // Философия права. – 2016. – № 3(76). – С. 34–41; № 4(77). – С. 99–106.

449. Лотарев, К.А. Консерватизм как консолидирующая идеология: возможности и перспективы в современной России / К.А. Лотарев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 12 (62). – Ч. 3. – С. 87–91.

450. Лукашева, Е.А. Принципы социалистического права / Е.А. Лукашева // Советское государство и право. – 1970. – № 6. – С. 19–26.

451. Лукашева, Е.А. Современная мифология и реалии политической и социальной жизни / Е.А. Лукашева // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2012. – № 3. – С. 5–35.

452. Лучин, В.О. Пряхина, Т.М. Социально-психологические факторы реализации Конституции Российской Федерации / В.О. Лучин, Т.М. Пряхина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 4 (93). – С. 132–138.

453. Маврин, С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе / С.П. Маврин // Журнал конституционного правосудия. – 2012. – № 3. – С. 1–13.

454. Маковик, Р.С. Изоляция как правовая категория / Р.С. Маковик // Человек: преступление и наказание. – 1994. – № 1. – С. 41–46.

455. Малеин, Н.С. Правовые принципы, нормы и судебная практика / Н.С. Малеин // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 12–19.

456. Малый, А.Ф. Малая, Т.Н. Общественная палата субъекта Российской Федерации: некоторые проблемы определения правового статуса / А.Ф. Малый, Т.Н. Малая // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 5. –

С. 38–41.

457. Мамут, Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения / Л.С. Мамут // *Общественные науки и современность*. – 1998. – № 6. – С. 85–97.

458. Матузов, Н.И. К вопросу о суверенитете личности / Н.И. Матузов // *Правоведение*. – 1994. – № 4. – С. 3–14.

459. Медушевский, А.Н. Конституция как символ и инструмент консолидации гражданского общества / А.Н. Медушевский // *Общественные науки и современность*. – 2013. – № 3. – С. 44–56.

460. Мезенцев, Д.Ф. Забарин, А.В. Психолого-политические модели взаимодействия гражданина и государства / Д.Ф. Мезенцев, А.В. Забарин // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 2. – С. 598–608.

461. Мельников, В.Ю. Конституционная правовая идеология государства – основа национальной идеи? / В.Ю. Мельников // *Наука и современность*. – 2015. – № 3(5). – С. 77–85.

462. Миронов, М.А. России нужен Закон о петициях / М.А. Миронов // *Конституционное и муниципальное право*. – 2014. – № 6. – С. 15–19.

463. Миронов, О.О. Функции конституции / О.О. Миронов // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2012. – № 1 (84). – С. 47–52.

464. Михеев, В.А. Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия / В.А. Михеев // *Власть*. – 2017. – № 5. – С. 162–167.

465. Морозов, А.С. Проблемные вопросы квалификации субъективной стороны состава правомерного поведения / А.С. Морозов // *Вестник Владимирского юридического института*. – 2011. – № 2. – С. 94–97.

466. Морозова Л.А. Теоретические проблемы становления и институциональные особенности российского конституционализма: понятие и периодизация / Л.А. Морозова // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. – 2016. – Выпуск 15. – С. 1–14.

467. Мухачёв, И.В. Гомеостазисная теория сущности конституции / И.В. Мухачёв // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 1 (39). – С. 135–141.
468. Назаров, Б.Л. О юридическом аспекте позитивной социальной ответственности / Б.Л. Назаров // Советское государство и право. – 1981. – № 10. – С. 29–33.
469. Нарутто, С.В. Конкуренция конституционных прав и свобод человека в интерпретациях Конституционного Суда Российской Федерации / С.В. Нарутто // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 2. – С. 56–65.
470. Нарутто, С.В. Научные воззрения профессоров МГЮА на предмет конституционного права / С.В. Нарутто // Актуальные проблемы российского права. – № 4(65). – 2016. – С. 11–23.
471. Нарутто, С.В. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в определении парадигмы современного правопонимания / С.В. Нарутто // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 11. – С. 64–70.
472. Невинский, В.В. Невинская, Е.В. Конституционное право России в учебном процессе: необходимы сбалансированные изменения / В.В. Невинский, Е.В. Невинская // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 7. – С. 34–39.
473. Никитина, А.В. Типология конституционных конфликтов / А.В. Никитина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1 (46). – С. 69–78.
474. Никифоров, Ю.Н. Скалина, А.Н. О понятии «гражданственность» / Ю.Н. Никифоров, А.Н. Скалина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2-2. – С. 248–252.

475. Никовская, Л.И. Гражданское общество и гражданское сознание (ценностно-мотивационный аспект) / Л.И. Никовская // Вестник института социологии. – 2015. – № 1 (12). – С. 141–155.

476. Никушкин, А.Б. Концепции «электронной демократии» в современных исследованиях / А.Б. Никушкин // Вопросы политологии. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 374–381.

477. Ноздрачев, А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений / А.Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. – 2018. – № 12. – С. 21–30.

478. Обнинский, П.Н. Общественная инициатива в государственной сфере / П.Н. Обнинский // Юридический Вестник. – 1887. – Том XXVI. – Книга 2 (Октябрь). – № 10. – С. 228–258.

479. Овсепян, Ж.И. О междисциплинарном исследовании в конституционном праве / Ж.И. Овсепян // Вестник СГЮА. – 2013. – № 4 (93) – С. 150–157.

480. Овсепян, Ж.И. Развитие научных представлений о понятии и сущности конституции / Ж.И. Овсепян // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 24–36.

481. Овчинников, А.И. Методология исследования конституционно-правовой политики: герменевтический аспект / А.И. Овчинников // Философия права. – 2018. – № 2(85). – С. 13–18.

482. Осипов, Г.А. «Конституция», «Свобода», «Президент»: когнитивно-прагматические особенности политических идеологем в современном американском политическом дискурсе / Г.А. Осипов // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3. – С. 95–98.

483. Осипян, Б.А. Верное правосознание как путеводитель надлежащего развития законодательной и судебно-правоохранительной системы правомерного государства / Б.А. Осипян // Право и государство: теория и практика. – 2017. – № 12. – С. 42–53.

484. Осипян, Б.А. Корень понятия «правомерность» / Б.А. Осипян // Современное право. – 2008. – № 1. – С. 69–78.

485. Осипян, С.А. Политико-правовой аспект теории российского конституционализма / С.А. Осипян // Современное право. – 2008. – № 5 (1). – С. 30–38.

486. Останин, О.В. Публичная власть: понятие, свойства / О.В. Останин // Гуманитарный вестник Военной академии ракетных войск стратегического назначения. – 2018. – № 1 (9). – С. 129–134.

487. Павлов, В.И. Смерть субъекта права, или к вопросу о необходимости разработки новой концепции «правового человека» / В.И. Павлов // Философия права. – 2010. – № 3. – С. 20–24.

488. Палазян, А.С. Проблемы современной методологии познания правовых явлений / А.С. Палазян // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 106–110.

489. Платонова, Д.В. Гражданское участие и информационное участие (к определению понятий) / Д.В. Платонова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 1. – С. 101–102.

490. Поляков, А.В. Коммуникативный подход в общей теории права / А.В. Поляков // Проблеми філософії права. 2006 – 2007. – Том IV-V. – С. 60–67.

491. Поляков, С.Б. Юридико-технические причины риска правомерного поведения / С.Б. Поляков // Юридическая техника. – 2019. – № 13. – С. 295–303.

492. Пономарев, М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма / М.В. Пономарев // Вестник МГПУ. Серия «юридические науки». – 2012. – № 1 (9). – С. 76–86.

493. Поярков, С.Ю. Идеология легитимности российской государственной власти / С.Ю. Поярков // Право и политика. – 2009. – № 5. – С. 968–972.

494. Пресняков, М.В. Проблема определенности конституционно-правового статуса человека и гражданина в современной России / М.В. Пресняков // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 16–20.

495. Прудентов, Р.В. Протестные отношения (по материалам некоторых зарубежных стран) / Р.В. Прудентов // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 2. – С 31–37.

496. Пряхина, Т.М. Теоретические проблемы формирования принципа конституционности / Т.М. Пряхина // Вестник Саратовской государственной академии права. – 1998. – № 3. – С. 18–25.

497. Пряхина, Т.М. Конституция и конституционность: диалектика взаимосвязи / Т.М. Пряхина // Право и политика. – 2001. – № 9. – С. 13–18.

498. Раханова, Н.А. К вопросу о понятии «конституционность» философско-правовой и формально-юридический анализ / Н.А. Раханова // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2011. – № 13. – С. 133–138.

499. Реутов, Е.В. Социальная солидарность в общественном дискурсе (опыт регионального исследования) / Е.В. Реутов // Социологическая наука и социальная практика. – 2017. – № 3 (19). – С. 111–125.

500. Рикер, П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права / П. Рикер // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 27–36.

501. Риэскинен, М.А. Конструктивный протест в конституционном праве: идеализированный миф или потенциальная реальность? / М.А. Риэскинен // Lex russica. – 2014. – № 5. – С. 587–593.

502. Рожнева, С.С. Образ России в посланиях Президента РФ Федеральному Собранию (1994–2019 гг.) / С.С. Рожнева // Государственная власть и местное самоуправление. – 2019. – № 12. – С. 22–26.

503. Романов, А.А. К вопросу о государственной идеологии в контексте поправок к Конституции Российской Федерации / А.А. Романов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (90). – С. 37.

504. Романовская, В.Б. Жданов, П.С. Неклассическая рациональность и проблема ценностей в праве / В.Б. Романовская, П.С. Жданов // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3. – С. 18–23.

505. Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм как интергративный тип современного правопонимания / Р.А. Ромашов // Університетські наукові записки. – 2007. – № 4(24). – С 13–20.

506. Ромашов, Р.А. Реалистический позитивизм: современный тип интегративного правопонимания / Р.А. Ромашов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2005. – № 1. – С. 4–11.

507. Руденкина, А.И. Керимов, А.А. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке / А.И. Руденкина, А.А. Керимов // Социум и власть. – 2016. – № 4 (60). – С. 56 – 60.

508. Руденко, В.Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности / В.Н. Руденко // Политэкс. – 2006. – № 3. – С. 143–155.

509. Руденко, В.Н. Методология исследования прямой демократии в современном обществе / В.Н. Руденко // Правоведение. – 2003. – № 4. – С. 38–51.

510. Сазонникова, Е.В. О теме диалога в науке конституционного права / Е.В. Сазонникова // Человек в глобальном мире. – 2015. – С. 186–190.

511. Сазонникова, Е.В. Статус объектов, олицетворяющих конституционную систему государственности / Е.В. Сазонникова // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 106–111.

512. Саленко, А.В. Свобода мирных собраний в Российской Федерации: несколько тезисов об актуальных проблемах / А.В. Саленко // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 118–127.

513. Саликов, М.С. Гончаров, М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного Закона Российской Федерации / М.С. Саликов, М.В. Гончаров // Вестник Европейско-Азиатского правового конгресса – 2020. – № 1. – С. 61–68.

514. Саликов, М.С. Несмеянова, С.Э. Права и свободы человека в сети интернет: особенности реализации и защиты / М.С. Саликов, С.Э. Несмеянова // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 1. – С. 5–11.

515. Салихов, Д.Р. Протестные отношения в конституционном праве: вопросы теории / Д.Р. Салихов // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 66–73.

516. Севостьянов, А.А. Соотношение цели в праве и иных правовых категорий / А.А. Севостьянов // Вестник ТИСБИ. – 2012. – № 4. – С. 228–233.

517. Сергевнин, С.Л. О некоторых аспектах герменевтической деятельности Конституционного Суда Российской Федерации / С.Л. Сергевнин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 50–56.

518. Сергевнин, С.Л. Российское национальное правосознание: некоторые конституционно-правовые проблемы / С.Л. Сергевнин // Журнал конституционного правосудия. – 2014. – № 5. – С. 16–23.

519. Сергевнин, С.Л. Философия права и философия конституции: некоторые современные проблемы отечественного конституционализма / С.Л. Сергевнин // Ученые записки СПб филиала РТА. – 2010. – № 1 (35). – С. 139–152.

520. Сивиринов, Б.С. О феноменологической интерпретации социальной реальности / Б.С. Сивиринов // Социологические исследования. – 2001. – № 10. – С. 26–35.

521. Синюков, В.Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы / В.Н. Синюков // Lex russica. – 2019. – № 9 (154). – С. 9–18.

522. Скалабан, И.А. Участие и общественное участие как социологические категории / И.А. Скалабан // Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Т. 5. – С. 44–59.

523. Скоробогатов, А.В. Конституционное правопонимание как интегральная правовая доктрина / А.В. Скоробогатов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – № 4 (32). – С. 258–266.

524. Скоробогатов, А.В. Правопонимание: методологическое значение и практический потенциал / А.В. Скоробогатов // Вектор науки ТГУ. – 2013. – № 1(23). – С. 250–253.

525. Скоробогатов, А.В. Краснов, А.В. Правовая реальность России: философско-правовой анализ / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 1(2). – С. 79–85.

526. Скоробогатов, А.В. Краснов, А.В. Правовое поведение как феномен правовой реальности / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов // Правовая культура. – 2017. – № 1. – С. 25–35.

527. Соловьев, А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А.И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 1996. – № 6. – С. 29–39.

528. Старостина, И.А. Тенденции регулирования института конфликта интересов как инструмента контроля лояльности политических элит и механизма, гарантирующего доверие общества к власти, в отдельных государствах бывшего СССР / И.А. Старостина // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 1. – С. 51–58.

529. Сулейменов, М.К. Применение принципа добросовестности в отраслях частного и публичного права / М.К. Сулейменов // Право и государство. – 2015. – № 2 (67). – С. 31–38.

530. Талапина, Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права / Э.В. Талапина // Сравнительное конституционное обозрение. – 2016. – № 6. – С. 70–83.

531. Таль, Л.С. Участие общества в работах государственной думы / Л.С. Таль // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1907. – № 9 (2 марта). – С. 648–652.

532. Тарасова, Л.Н. Правомерность как правовой принцип, метод правового регулирования и правовой режим / Л.Н. Тарасова // Вестник Московского финансово-юридического университета. – 2012. – № 4. – С. 42–53.

533. Тепляшин, И.В. Формы участия граждан в управлении делами государства: классические, перспективные и допустимые / И.В. Тепляшин // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 18–21.

534. Тимофеев И.В., Лисовицкий Д.А., Ситников А.С. О правовых проблемах разглашения сведений, составляющих врачебную тайну ребенка, в средствах массовой информации и в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» / И.В. Тимофеев, Д.А. Лисовицкий, А.С. Ситников // Медицинское право. – 2019. – № 4. – С. 23–29.

535. Титова, Е.В. Категория «правомерное» во взаимосвязи с конституционными идеями и доктринами / Е.В. Титова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3. – С. 104 – 106.

536. Титова, Е.В. Конституционно-правомерное поведение как объект научного исследования / Е.В. Титова // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 1. – С. 9–16.

537. Тихомиров, Ю.А. Гражданское общество в фокусе права / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2013. – № 10 (202). – С. 35–45.

538. Тихомиров, Ю.А. Новые векторы регулирования-«другое» право? / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2016. – № 4 (232). – С. 5–15.

539. Тихомиров, Ю.А. Поведение в обществе и право / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2011. – № 2. – С. 5–11.

540. Тихомиров, Ю.А. Нанба, С.Б. Цомартова, Ф.В. Социальная концепция права: новый подход / Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба, Ф.В. Цомартова // Журнал российского права. – 2014. – № 8 (212). – С. 32–37.

541. Троицкая, А.А. Право на протест: содержание и эффективность реализации / А.А. Троицкая // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 5. – С. 34–42.

542. Троицкая, А.А. Философские основания методологии науки конституционного права / А.А. Троицкая // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 3–9.

543. Трофимова, И.Н. Взаимоотношения власти и общества в России / И.Н. Трофимова // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 74–75.

544. Утенков, Г.Н. Политико-идеологические смыслы правовых установлений Конституции РФ / Г.Н. Утенков // Власть. – 2010. – № 8. – С. 149–152.

545. Уткин, Г.Н. Связь безусловного и условного в конституционном праве / Г.Н. Уткин // Государство и право. – 2020. – № 10. – С. 141–145.

546. Фадеев, В.И. О духовно-нравственных основах народного представительства в России / В.И. Фадеев // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 3. – С. 11–16.

547. Федорова, И.В. Федорова, М.В. Влияние доктрины на формирование правовых позиций конституционного суда российской федерации / И.В. Федорова, М.В.Федорова // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 104–117.

548. Федотов, М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства / М.А. Федотов // Lex russica. – 2016. – № 3 (112). – С. 164–182.

549. Филиппова, Н.А. Новые институты гражданского участия в России как национальный вариант делегативной демократии / Н.А.Филиппова // Антиномии. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 101–112.

550. Философия права. Курс лекций: в 2 т. Т. 1 / С.Н. Бабурин, А.Г. Бережнов, Е.А. Воротилин [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко (автор лекции – В.Н. Жуков) – Москва: Проспект, 2013. – 400 с.

551. Хабриева, Т.Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности / Т.Я. Хабриева // Вестник Российской академии наук. – Т. 90. – 2020. – № 5. – С. 403–414.

552. Хабриева, Т.Я. Правовое измерение научного прогресса / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2009. – № 8. – С. 14–24.

553. Хабриева, Т.Я. Теория современного основного закона и российская Конституция / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2008. – №. 12 (144). – С. 19–20.

554. Халилов, Т.А. Гражданство как социально-политическая практика: Актуальные модели / Т.А. Халилов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 12. – С. 1–4.

555. Хованская, А.В. Гончаров, Д.В. Аверсия: опыт российского конституционного правосудия / А.В. Хованская, Д.В. Гончаров // Общественные науки и современность. – 2013. – № 3. – С. 57–69.

556. Ховралёв, А.Л. Конституционная легитимность как основополагающая предпосылка обеспечения стабильности общества и государства / А.Л. Ховралёв. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2014. – № 2 (27). – С. 48–50.

557. Хорунжий, С.Н. Доверие к власти и конституционный запрет на оценку действий публичных органов / С.Н. Хорунжий // Администратор суда. – 2017. – № 4. – С. 8–12.

558. Хорунжий, С.Н. Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей / С.Н. Хорунжий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – № 2. – С. 45–64.

559. Христич, А.С. Понятие и политико-правовая природа Общественной палаты Российской Федерации / А.С. Христич // Юристъ-Правоведъ. – 2012. – № 5 (54). – С. 12–18.

560. Цыгановкин, В.А. Метод правового регулирования: постклассический подход / В.А. Цыгановкин // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2013. – № 19 (120). – С. 27–34.

561. Чеботарев, Г.Н. Конституционализация общественного участия граждан в управлении делами государства / Г.Н. Чеботарев // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 33–36.

562. Червонюк, В.И. Социология конституционного права как методология освоения конституционной действительности / В.И. Червонюк // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 11. – С. 85–87.

563. Честнов, И.Л. Социальное действие права / И.Л. Честнов // Криминалист. – 2014. – № 1. – С. 93–97.

564. Честнов, И.Л. Теоретические проблемы правоприменения / И.Л. Честнов // Криминалист. – 2015. – № 2. – С. 76–79.

565. Четвернин, В.А. Российская конституционная концепция правопонимания / В.А. Четвернин // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–36.

566. Чиркин, В.Е. Конституционные политические права человека и гражданина / В.Е. Чиркин // Гражданин и право. – 2010. – № 5. – С. 3–15.

567. Чиркин, В.Е. О социальной и юридической ценности российской Конституции 1993 г. (заметки компаративиста) / В.Е. Чиркин // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 6 (73). – С. 7–13.

568. Чиркин, В.Е. Общечеловеческие ценности и российское право / В.Е. Чиркин // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 64–76.

569. Чиркин, В.Е. Три ипостаси государства / В.Е. Чиркин // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 107–116.

570. Чирнинов, А.М. Влияние процедурных особенностей конституционного контроля на стиль аргументации: сравнительное исследование / А.М. Чирнинов // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 33–44.

571. Чуров, В.Е. Эбзеев, Б.С. Демократия и управление избирательным процессом: отечественная модель / В.Е. Чуров, Б.С. Эбзеев // Журнал российского права. – 2011. – № 11. – С. 5–20.

572. Шарков, Ф.И. Политическая коммуникация в современной информационном обществе / Ф.И. Шарков // Polit Book. – 2012. – № 2. – С. 121–130.

573. Шарнина, Л.А. Виды усмотрения в конституционном праве / Л.А. Шарнина // Конституционное и муниципальное право. – 2009. – № 15. – С. 2–7.

574. Шафиров, В.М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм / В.М. Шафиров // Журнал российского права. – 2017. – № 7 (247). – С. 24–33.

575. Шафиров, В.М. Конституция, отраслевое право, правоприменение / В.М. Шафиров // Российская юстиция. – 2016. – № 3. – С. 2–5.

576. Шахрай, С.М. «Цифровая» Конституция. Судьба основных прав и свобод личности в тотальном информационном обществе / С.М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Т. 88. – № 12. – С. 1075–1082.

577. Шевердяев, С.Н. Материальные и организационные основы цивилизованного политического протеста / С.Н. Шевердяев // Право и экономика. – 2012. – № 10. – С. 63–71.

578. Шидловский, А.В. Организаторы выборов в штатах США. Айдахо, Айова, Аляска / А.В. Шидловский // Вестник Московского государственного областного университета. – 2019. – № 3. – С. 108–122.

579. Широбоков, С.А. Юридическая конструкция участия граждан в управлении делами государства / С.А. Широбоков // Юридическая техника. – 2013. – № 7 (ч. 2). – С. 886–889.

580. Шуберт, Т.Э. Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) / Т.Э. Шуберт // Журнал российского права. – 2017. – № 2 (242). – С. 48–56.

581. Шундииков, К.В. Синергетика и правовое регулирование / К.В. Шундииков // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 1 (31). – С. 117–123.

582. Шустров, Д.Г. Аксиология Конституции Российской Федерации 1993 года / Д.Г. Шустров // Социально-политические науки. – 2015. – № 4. – С. 14–26.

583. Шустров, Д.Г. Иерархия конституционных ценностей / Д.Г. Шустров // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 6. – С. 6–15.

584. Эбзеев, Б.С. Актуальные проблемы реализации Конституции России 1993 года» / Б.С. Эбзеев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 1 (120). – С. 20–27.

585. Эбзеев, Б.С. Конституция, государство и личность в России: философия российского конституционализма / Б.С. Эбзеев // Конституционное и муниципальное право. – 2013. – № 11. – С. 14–23.

586. Эбзеев, Б.С. Предмет конституционного права: историчность содержания и тенденции развития / Б.С. Эбзеев // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 54–67.

587. Югов, А.А. Конституционный статус личности – ядро правовой свободы личности / А.А. Югов // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 5. – С. 2–8.

588. Юрковский, А.В. Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира / А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 132–138.

589. Юсубов, Э.С. Знаки онтологии в конституции Российской Федерации / Э.С. Юсубов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 2 (8). – С. 13–18.

590. Якимов, Г.А. Правовой статус личности: проблемы природы и элементного состава / Г.А. Якимов // Российский юридический журнал. – 2008. – № 2. – С. 62–67.

591. Якунин, В. Государственная идеология и национальная идея: конституционно-ценностный подход / В. Якунин // Власть. – 2007. – № 3. – С. 3–12.

592. Ямпольская, Ц.А. Участие масс в государственном управлении / Ц.А. Ямпольская // Советское государство и право. – 1950. – № 12. – С. 49–56.

VI. Диссертационные исследования, авторефераты и диссертации

593. Абдурахманова, И.В. Трансформация массового правосознания в России в первой четверти XX в.: историко-правовой аспект: автореф. дис. ...д-

ра юрид. наук: 12.00.01 / Абдурахманова Ирина Вениаминовна. – Ростов-н/Д., 2009. – 64 с.

594. Айвазян, А.А. Гражданственность и гражданское участие (теоретико-методологический анализ): дис. ... канд. политических наук: 23.00.01 / Айвазян Артак Андраникович. – Екатеринбург, 2001. – 140 с.

595. Арановский, К.В. Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Арановский Константин Викторович. – СПб, 2004. – 54 с.

596. Арапов, Н.А. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве и правосудии: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Арапов Никита Александрович. – СПб., 2015. – 28 с.

597. Баринов, Э.Э. Конституционное правосознание в Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Баринов Эмиль Эдуардович. – Ростов-н/Д, 2001. – 209 с.

598. Белобородов, А.Г. Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: автореф. дис. ...канд. психолог. наук: 19.00.06 / Белобородов Александр Геннадьевич. – М, 1999. – 24 с.

599. Бондаренко, М.В. Правовая культура и правомерное поведение в современном российском обществе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бондаренко Максим Владимирович. – М., 2002. – 159 с.

600. Гавеля, В.Л. Целеполагание в структуре социальной деятельности человека: дис. докт филос. наук 09.00.11 / Гавеля Владимир Леонтьевич. – М., 1998. – 320 с.

601. Гаврилов, А.В. Государство и гражданское общество: функциональный анализ взаимодействия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гаврилов Александр Викторович. – Нижний Новгород, 2007. – 169 с.

602. Галлиев, Ф.Х. Синкретизм правовой культуры современной России: теоретико-методологическое и историко-прикладное исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Галиев Фарит Хатипович. – М., 2014. – 55 с.

603. Головань, Л.А. Конституционно-правовое регулирование политического участия граждан в осуществлении государственной власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Головань Любовь Алексеевна. – Ставрополь, 2005. – 250 с.

604. Демидов, В.В. Законность в современном Российском государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Демидов Владимир Вениаминович. – Н. Новгород, 2004. – 35 с.

605. Зайцев, М.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на участие в управлении делами государства: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Зайцев Максим Сергеевич. – Саратов, 2015. – 33 с.

606. Ковалева, Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ковалева Елена Леонидовна. – Москва, 2002. – 288 с.

607. Комиссарова, Е.Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.03 / Комиссарова Елена Генриховна. – Екатеринбург, 2002. – 46 с.

608. Коршунова, И.В. Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Коршунова Ирина Викторовна. – М., 2004. – 27 с.

609. Курмаев, Р.М. Общественная палата Российской Федерации как институт гражданского общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Курмаев Рустам Мусаевич. – Коломна, 2006. – 174 с.

610. Лаврентьев, С.В. Основные принципы конституционного статуса личности (Теоретико-конституционный анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Лаврентьев Сергей Валерьевич. – Волгоград, 2005. – 157 с.

611. Максимов, С.И. Правовая реальность как предмет философского осмысления: дис... д-ра юрид. наук: 12.00.12 / Максимов Сергей Иванович. – Харьков. 2002. – 328 с.

612. Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. – М., 2008. – 53 с.

613. Малый, Д.А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: автореф. дис ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Малый Денис Александрович. – Казань, 2002. – 21 с.

614. Никитяева, В.В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Никитяева Вера Владимировна. – Волгоград, 2002. – 21 с.

615. Оксамытный, В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Оксамытный Виталий Васильевич. – Киев, 1990. – 374 с.

616. Орлова, О.В. Право и самореализация личности в гражданском обществе. автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Орлова Ольга Викторовна. – М., 2009. – 66 с.

617. Осейчук, В.И. Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: автореф. дис. ...д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Осейчук Владимир Иванович. – Тюмень, 2009. – 54 с.

618. Осипов, А.В. Соблюдение норм советского права как форма их реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Осипов А.В. – Саратов, 1980. – 17 с.

619. Петрова, А.В. Основные функции Конституции Российской Федерации: вопросы теории): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Петрова Анастасия Васильевна. – М., 2004. – 28 с.

620. Петровская, А.В. Сущность и содержание идеи правового закона: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Петровская Анна Валентиновна. – М., 2007. – 24 с.

621. Поляков, А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада: 12.00.01 / Поляков Андрей Васильевич. – СПб., 2002. – 292 с.

622. Пряхина, Т.М. Конституционная доктрина современной России: автореф. дис. докт. юрид. наук: 12.00.02 / Пряхина Татьяна Михайловна. – Саратов, 2004. – 56 с.

623. Романовская, О.В. Конституционно-правовые основы организации и деятельности профессиональных публичных корпораций в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Романовская Ольга Валентиновна. – Казань, 2011. – С. 3–4.

624. Скалабан, И.А. Общественное участие как социальный проект: дис. ... д-ра социологических наук: 22.00.04 / Скалабан Ирина Анатольевна. – Новосибирск, 2017. – 385 с.

625. Степаненко, Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Степаненко Равия Фаритовна. – Казань, 2015. – 58 с.

626. Струсь, К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Струсь Константин Александрович. – Саратов, 2003. – 28 с.

627. Троицкая, А.А. Сравнительный метод в науке конституционного права и решениях органов конституционного контроля: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.02 / Троицкая Александра Алексеевна. – М., 2020. – 485 с.

628. Шумков, Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Шумков Дмитрий Владимирович. – СПб., 2002. – 47 с.

629. Шумков, Д.В. Социально-правовые основания государственного суверенитета Российской Федерации (историко-теоретический анализ): дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Шумков Дмитрий Владимирович. – СПб. – 2002. – С. 339.

630. Шундигов, К.В. Цели и средства в праве. (Общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Шундигов Константин Валентинович. – Саратов, 1999. – 182 с.

VII. Сборники конференций

631. Аничкин, Е.С. Матаева, М.Х. Конституционная психология в российской среде / Е.С. Аничкин, М.Х. Матаева // Актуальные вопросы общей и юридической психологии: образование, право и социальные практики: материалы международной научно-практической конференции / под ред. Е.С. Аничкина, А.А. Васильева, Д.В. Каширского, Н.В. Сабельниковой. – Барнаул, 2018. – С. 187–191.

632. Богородский, А.А. Общественная экспертиза в законодательном процессе / А.А. Богородский // Юридический вестник: Межвузовский сб. науч. трудов. – Пенза, 2006. Вып. 21. – С. 90.

633. Бондарь, Н.С. Конституционные ценности как судебно-правовой фактор разрешения социальных противоречий и конфликтов: из практики Конституционного Суда Российской Федерации / Н.С. Бондарь // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 67–91.

634. Братко, А.Г. Правовые запреты и социальное поведение / А.Г. Братко // Вопросы юридической ответственности и деятельность органов внутренних дел. Материалы научной конференции. – Волгоград: Науч. иссл. и ред.-изд. отдел, 1978. – С. 6–7.

635. Гараева, Г.Ф. Философия Конституции (к постановке проблемы) /

Г.Ф. Гараева // Современное конституционное право: сборник науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел правоведения; отв. ред. Алферова Е.В. – М.: ИНИОН, 2010. – 210 с.

636. Джагарян, А.А. Электронная демократия на местном уровне в России: конституционно-правовые проблемы / А.А. Джагарян // Конституционное право и политика: Сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012. – 800 с.

637. Елитенко Н.В. Реализация принципов народной демократии в процессе осуществления социально значимого поведения / Н.В. Елитенко // Новая наука и интеграционные процессы в современной системе знаний: сборник научных трудов. Под редакцией С.В. Кузьмина. – Казань: Издательство: Индивидуальный предприниматель Кузьмин Сергей Владимирович – 2018. – С. 47–49.

638. Исаева, Н.В. Значение и значимость конституционных ценностей в формировании личности / Н.В. Исаева // Конституционные идеалы и ценности в практической демократии. Материалы и доклады XII Международной научно-практической конференции / под редакцией В.В. Полянского, В.Э. Волкова – 2017. – С. 88–97.

639. Кабышев, В.Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России. Ч. 1 / В.Т. Кабышев // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей. – Саратов, 2004. Вып. 5. – С. 13.

640. Кабышев, В.Т. Народовластие – определяющая основа конституционного строя России: реалии, тенденции развития / В.Т. Кабышев // Конституционные проблемы народовластия в современном мире: Материалы VI Международного конституционного форума, посвященного 105-летию Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского (12 декабря 2014

г., Саратов). Вып. 6. ч. 1: сборник научных статей. – Саратов, 2015. – С. 105–108.

641. Кабышев, В.Т. Психология власти в системе конституционного строя России: конституционное измерение / В.Т. Кабышев // Конституционное развитие России: Межвузовский сборник научных статей. – Саратов, 2009. Вып. 10. – С. 16.

642. Кененова, И.П. Соотношение политического и конституционно-правового факторов в ходе принятия государственно-властных решений / И.П. Кененова // Конституционное право и политика: сборник материалов Международной научной конференции: Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 28-30 марта 2012 года / С.А. Авакьян, Д.С. Агапов, Н.И. Акуев и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юрист, 2012. – 800 с.

643. Кравчук, Н.В. Цагориас, Н. Правовой статус киберпространства / Н.В. Кравчук, Н. Цагориас // Государство и право в новой информационной реальности: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Рос. гос. ун-т правосудия. Каф. информационного права, информатики и математики; Отв. ред. Алферова Е.В., Ловцов Д.А. – М., 2018. – 268 с.

644. Лапаева, В.В. Конституционное правопонимание / В.В. Лапаева // Конституционные ценности: содержание и проблемы реализации: материалы Международной научно-теоретической конференции 4–6 декабря 2008 г.: в 2-х т. Т. 2. / под ред. Н. В. Витрука, Л. А. Нудненко. – М.: Российская академия правосудия, 2010. – С. 55–72.

645. Любутова, А.Н. Общественное мнение и реализация функций государственной власти / А.Н. Любутова // Тезисы докладов на теоретической конференции аспирантов Института государства и права АН СССР и Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова / Академия наук СССР. Институт государства и права. – М., 1981. – С. 13–15.

646. Мамут Л.С. Публичная власть неделима / Л.С. Мамут // Философия права и конституционализм. Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсисянца, 2 октября 2009 г., Москва. – 2010. – С. 51–60.

647. Мархгейм, М.В. Зейналбдыева, А.В. Право на протест как фактор совершенствования социальной среды и активизации гражданского общества / М.В. Мархгейм, А.В. Зейналбдыева // Конституционализация России: проблемы теории и современной практики: сборник научных статей, посвященных памяти профессора Н.В. Витрука / под ред. М.В. Мархгейм. – Белгород, 2016. – С. 40–47.

648. Першуткин, С.Н. Конституционная социология в условиях инфодемии: возможности и новые задачи / С.Н. Першуткин // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов [Электронный ресурс]: сборник докладов VI Всероссийского социологического конгресса (Тюмень, 14–16 октября 2020 г.) / отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. – Москва: РОС; ФНИСЦ РАН, 2020 – 6003 с.

649. Пономарев, М.В. «Историческая правда» как доктринальная новелла и юридическая категория российской Конституции / М.В. Пономарев // Право и права человека в современном мире: тенденции, риски, перспективы развития: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 15 апреля 2021 г. / под общ. ред. д-ра экономич. наук, профессора В.В. Строева, д-ра юридич. наук, профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н. Н.М. Ладнушкиной – Москва: Саратовский вестник, 2021. – С. 467.

650. Пряхина, Т.М. Конституционная эволюция России. Рецензия на книгу: 25 лет Конституции Российской Федерации: конституционный диалог: сборник научных статей / под ред. В.Т. Кабышева. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – 380 с.

651. Пряхина Т.М. Визуализация конституции / Т.М. Пряхина // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания: сборник статей

Национальной (всероссийской) научно-практической конференции. Под ред. Е.Б. Дудниковой, Н.В. Шалаевой. – Саратов: ФГБОУ ВО «Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова», ООО «ЦеСАин», 2020. – С. 36–42.

652. Ряховская, Т.И. Конституционная психология – внеправовая составляющая категории конституционная идентичность России / Т.И. Ряховская // Современные проблемы государства и права: сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Сибирского университета потребительской кооперации (СибУПК). Новосибирск, 10 декабря 2020 / [Под ред. Р.А. Прощалыгина]; АНОО ВО Центросоюза РФ «СибУПК». – Новосибирск, 2020. – С.73–76.

653. Садурский, В. «Разумность» и плюрализм ценностей в праве и политике / В. Садурский // Конституционные ценности в теории и судебной практике: сборник докладов. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – 234 с.

654. Суслин, Э.В. Черноков, А.Э. Конституционализм, гражданское общество и права человека (социально-антропологическое измерение) / Э.В. Суслин, А.Э. Черноков // Актуальные проблемы юридического обеспечения прав человека: сб. науч. статей по материалам междунар. круглого стола, 18-19 декабря 2014 г. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2015. – С. 178–186.

655. Тененбаум, В.О. Категории «политика» и «власть» в науке конституционного права / В.О. Тененбаум // Проблемы конституционного права: межвузовский научный сборник. Вып. 1 (2). – Саратов, 1974. – С. 50.

656. Тищенко, Ю.В. Роль мифа в формировании аксиосферы права / Ю.В. Тищенко // Актуальні проблеми філософії права: правова аксіологія: матер. Міжнар. «круглого столу» (м. Одеса, 9 грудня 2011 р.). – Одеса: Фенікс. 2012. – С. 85–90.

657. Фарбер, И.Е. Воспитательная функция советского права / И.Е. Фарбер // Государство и коммунизм: некоторые вопросы теории государства и пра-

ва в современный период: сборник статей / под ред. А.А. Керимова. – М.: Госюриздат, 1962. – 195 с.

658. Цыгановкин, В.А. Тип правопонимания как фактор междисциплинарности юриспруденции / В.А. Цыгановкин // Муромцевские чтения: Междисциплинарность права и законодательства: стратегии современной организации и перспективы развития. –2020. – С. 25–32.

659. Честнов, И.Л. Онтология конституционализма: диалого-антропологический подход / И.Л. Честнов // Философия права и конституционализм. Материалы четвертых философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца – Москва, 2010. – С. 145–159.

660. Честнов, И.Л. Постклассические критерии научности юридической теории / И.Л. Честнов // Стандарты научности и homo juridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца. / отв. ред. В.Г. Графский. – 2011. – 580 с.

661. Шубин, М.Ю. Белянская О.В. Правовая изоляция личности: понятие и правовое регулирование / М.Ю. Шубин, О.В. Белянская // Развитие молодежной юридической науки в современном мире: сборник научных трудов по материалам XI Международной научной конференции. 22 апреля 2017 г. / отв. ред. О.В. Белянская, Н.С. Ельцов. –Тамбов, Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. – С. 102–107.

662. Юсубов, Э.С. Организационно-правовые основы технической модернизации избирательной системы Российской Федерации / Э.С. Юсубов // Конституционное развитие России: межвузовский сборник научных статей – Саратов, 2011. – Вып. 12. – С. 130 – 136.

VIII. Официальные и научные публикации в сети Интернет

663. Васильева, С.В. Типология демократии: к вопросу о реальном наполнении системы осуществления гражданами власти и их участия в управлении делами государства [Электронный ресурс] / С.В. Васильева. – Высшая школа экономики. // URL: [https:// www. hse.ru/ data/ 2010/ 03/29/ 1217447](https://www.hse.ru/data/2010/03/29/1217447)

433/%D0 %92% D0%B0%D 1%81%D0% B8%D0%BB %D1%8C%D0 %B5%D0%
 BA%D1%80. doc. (дата обращения 18.12.2021 г.)

664. Виноградова, Т.И. Гражданская активность и общественное участие [Электронный ресурс] / Т.И. Виноградова, А.Ю. Сунгуров. – // URL: [http:// hro-uz.narod.ru/civpar1.html](http://hro-uz.narod.ru/civpar1.html) (дата обращения 18.12.2021 г.)

665. Гутерриш, Антониу Пандемия COVID-19 и права человека. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.un.org/ru/coronavirus/we-are-all-together-human-rights-and-covid-19-response> (дата обращения 18.12.2021 г.)

666. Дементий, Л.И. Ответственность как ресурс личности [Электронный ресурс]. Омск.: Омский госуниверситет, 2005 – 189 с. // URL: [https:// rucont.ru/efd/48217](https://rucont.ru/efd/48217)

667. Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Деятельность Конституционного Суда РФ. Решения, проблемы и перспективы» [Электронный документ] // СПС «КонсультантПлюс». [http:// www. consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения 10.01 2022)

668. Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. – М., 1996. Т.16. – С. 44. [Электронный ресурс]. // URL: [http:// www. ruscon-stitution. ru/ timestream/1993/06/](http://www.rusconstitution.ru/timestream/1993/06/) (дата обращения 28.12.2021)

669. Крусс, В.И. Конституционализация национального права и международный порядок. [Электронный ресурс] / В.И. Крусс // URL: [http:// elib. bsu. by/ bitstream/ 1234 567 89/ 110862/1/k2014-18.pdf](http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110862/1/k2014-18.pdf) (дата обращения 28.12.2021)

670. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения, ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения 10.12.2021)

671. Официальный сайт аналитического центра Юрия Левады: Левада-Центр. // URL: <https://www.levada.ru/> (дата обращения 18.12.2021)

672. Официальный сайт новости России RT на русском // URL: <https://russian.rt.com/russia> (дата обращения 18.12.2021)

673. Официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации // URL: <https://www.oprf.ru/> (дата обращения 18.12.2021)

674. Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://council.gov.ru/> (дата обращения 18.12.2021 г.)

675. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации // URL: <http://www.ksrf.ru/ru/decision/pages/default.aspx> (дата обращения 28.12.2021)

676. Официальный сайт Мы вместе // URL: <https://xn--b1agazb5ah1e.xn--p1ai/news> (дата обращения 11.11.2021)

677. Официальный сайт Национальные проекты России // URL: <https://xn--80aаратретсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/>

678. Пушкарева, Г.В. Политическое поведение. [Электронный ресурс] / Г.В. Пушкарева // URL: <http://рос-мир.рф/node/3038> (дата обращения 18.12.2021).

679. Сунгуров, А.Ю. Общественное участие как условие формирования гражданского общества [Электронный ресурс] / А.Ю. Сунгуров // Материалы конференции «Гражданские свободы и образование на рубеже веков и континентов». – Ассоциация «Профессионалы за сотрудничество». – 2000. // URL: <http://www.prof.msu.ru/publ/conf/conf05.htm>. (дата обращения 18.12.2021)

680. Холмская, М.Р. Политическое участие как объект исследования // Электронная библиотека «Гражданское общество России». [Электронный ресурс] / М.Р. Холмская // URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kholmская-1999-5.pdf> (дата обращения: 17.12.2021 г.)

681. Шиняева, Н. «Уважение к Конституции – обязательно!» (интервью с Н.С. Бондарем, судьей Конституционного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором, заслуженным юристом РФ) / Н. Шиняева // ЭЖ-ЮРИСТ. – 2007. – № 50. // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 10.01 2022)

682. Good Behavior Clause: Doctrine and Practice in US Constitution Annotated [Электронный ресурс]. URL: https://constitution.congress.gov/browse/essay/artIII_S1_2_1_1/#:~:text=Article%20III%20Section%201%3A&text=The

%20Judges%2C%20both%20of%20the,during%20their%20Continuance%20in%20Office (дата обращения 22.01.2022).

683. How to regulate internet: new paradigms for internet governance self - regulation: value and limits. URL: <http://www.crid.be/pdf/public/4656.pdf> (дата обращения 14.09. 2021).

684. UK police warned against ‘overreach’ in use of virus lockdown powers // The Guardian. – 2020. 30 March. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/mar/30/uk-police-guidelines-coronavirus-lockdown-enforcement-powers-following-criticism-lord-sumption> (дата обращения: 25.07.2020).

IX. Информационные, аналитические, статистические и иные

материалы, материалы на иностранном языке, электронные ресурсы

685. Alexy, R.A Theory of Constitutional Rights / R.A Alexy – Oxford University Press, 2010. – 462 p.

686. Arnstein, S.R. A Ladder of Citizen Participation / S.R. Arnstein // Journal of the American Institute of Planners. – 1969. – Vol. 35. – № 4. – P. 216.

687. Barak, A. Purposive Interpretation in Law. Princeton University Press / A. Barak – New Jersey, 2005. – P. 14.

688. Barber, B. Participation and mass apathy in association. Studies in leadership / ed. by A.W. Gouldner / B. Barber – New York: Harper & Brothers, 1950. – P. 111.

689. Beetham, David. 1991. The Legitimation of Power. Basingstoke: Palgrave / David Beetham – Biezen, Ingrid van, 2013.

690. Bell D. The end of ideology / D. Bell – Glencoe, 1988. – P. 409-447.

691. Bennis, W.G. Leadership Theory and Administrative Behavior: The Problem of Authority / W.G. Bennis // Administrative Science Quarterly. – 1959. – Vol. 4. – No. 3. – Pp. 259–301.

692. Bracton H. de Bracton De legibus et consuetudinibus Angliæ / Bracton H. de Bracton. – Vol. 1. Yale University Press, 1915. – 454 p.

693. Basu, D.D. Administrative Law / D.D. Basu – Kolkata, 2004. – P. 378.

694. Bateup, Christine *The Dialogic Promise-Assessing the Normative Potential of Theories of Constitutional Dialogue* / Bateup Christine. – NYU Law School, Public Law Research Paper No. 05-24. – 88 p.

695. By John Samples/ *Why the Government Should Not Regulate Content Moderation of Social Media*/ URL: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/why-government-should-not-regulate-content-moderation-social-media/> (дата обращения 23.06.2021).

696. Chinwo, Ch. *Constitutional Making, Constitutional Governance and Constitutional Behavior in Nigeria* / Ch. Chinwo // *Eboni University State Law Journal*. – 2007. – No 85. – Pp. 100.

697. Cogan, A. *Citizen Participation* / A. Cogan, S. Sharpe, J. Hertzberg // *The Practice of State and Regional Planning*; edited by F.S. So; I. Hand B.D. McDowell; International City Management Association; American Planning Association. – Chicago, 1986. – P. 283.

698. Cornwall, A. *Locating citizen participation* / A. Cornwall // *IDS Bulletin* – 33 (2). – P. 49–58.

699. Corsi, G. Febbrajo, A. *Sociology of Constitutions: A Paradoxical Perspective (Studies in the Sociology of Law)* / G. Corsi, A Febbrajo – London; New York: Routledge. 2016. – 298 p.

700. Corwin, E.S. *The Constitution as Instrument and as Symbol* / E.S. Corwin // *Corwin on the Constitution*. – Vol. 1–3. Ithaca; London. – 1981–1988. – Vol. 1. – 1981.

701. Creighton, J.L. *The public participation handbook: making better decisions through citizen involvement* / J.L. Creighton. Creighton & Creighton. – San Francisco (USA), 2005. – P. 9.

702. Dahl, R.A. *The behavioral approach in political science: Epitaph for a monument to a successful protest* / R.A. Dahl // *American Political Science Review*. – 1961. –T. 55. – № 4. – P. 763–772.

703. Davies, J.Ch. Maslow and Theory of Political Development. Getting to Fundamentals / J.Ch. Davies // Political Psychology. – 1991. – Vol. 12. – № 3. – P. 416–417.
704. Dawn, O. Psychological constitutionalism / O. Dawn // Cambridge Law Journal. – 2010. – No 63. – P. 639-675.
705. Del, Giudice F. Mariani, F. Diritto Canonico. / Del Giudice F., F. Mariani – Napoli, 1997. – P. 8.
706. Donovan, James M. Legal Anthropology: An Introduction / James M. Donovan – 2008. Law Faculty Books. 2. – 286 p.
707. Eagleton, T. Ideology: An Introduction. / T. Eagleton – Verso; London – New York, 1991. – P. 1–2.
708. Fabbri, M. Towards a “constitution” for behavioral policymaking / M. Fabbri // International Review of Economics. – 2018. – Vol. 65. – P. 244.
709. Foote, G. Republican Transformation of Modern British Policies / G., Foote – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 93.
710. Friedman, Lawrence. The Constitutional Value of Dialogue and the New Judicial Federalism / Lawrence, Friedman. – Hastings Const. LQ28 (2000)
711. Gannel, J. In Search of the Political Object Beyond Methodology and Transcendentalism // Ed. By J. Nelson. – N.Y., 1983. – P. 43.
712. Gill, G.J. Symbols and legitimacy in Soviet politics / G.J. Gill – New York: Cambridge University Press, 2011. – P. 11.
713. Handbook, of Bahvioural Change and Public Policy / ed. H. Strasheim, S. Beck. – UK: Edward Elgar Publishing, 2019. – P. 35
714. Harašić Ž. More about teleological argumentation in law // Original scientific paper UDK. – 2015. – № 19 // URL: file: ///C:/ Users/Rino/ Downloads/ harasic.pdf (дата обращения: 17.02.2021).
715. Hart, H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. An In augural Lectur / H.L.A., Hart–Oxford, 1953. – Pp. 28.

716. Hart, H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights / H. L. A. Hart // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1948-1949. – № 49.

717. Heller, K. Psychology and community change: Challenges of the future / K. Heller and etc. – 2nd edition. Homewood, IL: Dorsey. 1984. – P. 339.

718. Holcombe R.G. Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract / R.G. Holcombe // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

719. Jolls, C. Sunstein, C. Thaler, R. A behavioral Approach to Law and Economics / C. Jolls, C. Sunstein, R. Thaler // Stanford Law Re-view. – 1998. – Vol. 50. – 1471 p.

720. Kjaer, Poul F. Constitutionalism in the Global Realm A Sociological Approach / Poul F. Kjaer – Routledge. 2014. – 186 p.

721. Krygier, M. The rule of law: legality, teleology, sociology / M. Krygier // Sociology – October 31. – 2008. – P. 1–20.

722. Kumm, M. Constitutional Rights as Principles: On the Structure and Domain of Constitutional Justice / M. Kumm // International Journal of Constitutional Law. – 2004. – Vol. 2. – No. 3. – P. 582.

723. Lasswell, H. Kaplan, A. Power and Society: A Framework for Political Inquiry / H. Lasswell, A. Kaplan –New Haven, 1950. – P. 75.

724. Lim, Claire S.H. Snyder, J.M.Jr. What Shapes the Quality and Behavior of Government Officials? Institutional Variation in Selection and Retention Methods / Lim Claire S.H., J.M.Jr. Snyder // Annual Review of Economics. – 2021. – Vol. 13 (1). – P. 87.

725. Macintosh A. & Coleman S. Multidisciplinary roadmap and report on participation research: DEMO-Net. 2006

726. Maihofer, W. Recht und Sein: Prolegomenazueiner RechtsOntologie. / Maihofer W. – Frankfurtam. Main: Klostermann, 1954. – 125 p.

727. Marciano, A. Introduction: Constitutional Myths // Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State / Ed. By A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

728. Maslow, A.H. Motivation and Personality. / A.H. Maslow – N.Y., 1954.

729. Masterman, Roger The separation of powers in the contemporary constitution: Judicial competence and independence in the United Kingdom / Roger Masterman – Cambridge University Press, 2010. – P. 10

730. Mc., Harg A. Reconciling Human Rights and the Public Interest: Conceptual Problems and Doctrinal Uncertainty in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights / Mc. Harg A. // The Modern Law Review. – 1999. – Vol. 62. – Issue 5. – P. 674.

731. Meuwese, Anne Marnix, Snel Constitutional dialogue: Anoverview. / Anne Meuwese, Snel Marnix, – Utrecht L. – Rev. 9

732. Nelissen, N. Methods of public relations in Western Europe. Experiments with public participation in urban renewal in Western European municipalities / N. Nelissen // Cities of Europe: public participations in revitalizing of urban environment / ed. by T. Deelstra, O. Yanitsky. – M., 1991. – P. 53.

733. O'Reilly, T. What is Web 2.0 // O'Reilly Media. 2005. 30 Sept. URL: [http:// oreilly. Com /pub/a/web2/ archive/what-is-web-20.html? page=1](http://oreilly.com/pub/a/web2/archive/what-is-web-20.html? page=1) (дата обращения: 04.01.2021).

734. Peart, M. Diaz, J.R. Comparative Project on Local e-Democracy Initiatives in Europe and North America. / M. Peart, J.R. Diaz – Geneva, 2007. – P. 4–5.

735. Persily, N. Citrin, J. Egan, P. Public Opinion and Constitutional Controversy / N. Persily, J. Citrin, P. Egan – Oxford University press, 2008. – 376 p.

736. Political action: Mass participation in five Western democracies / Barnes S.H., Kaase M. et al. – Beverly Hills, 1979. – P. 42–50.

737. Rapoport, Miles, and Jessie Stratton. «Electoral reform and deliberative democracy: Can we enrich democracy by joining the two fields?» National Civic Review 93.4 (2004): 68-71.

738. Relocating the rule of law, Gianluigi Palombella & Neil Walker, eds., Hart Publishers. – Oxford. – 2008. – С. 2007-65.

739. Report of World Trade Organization “Addressing Human Rights as Key to the COVID-19 Response”. URL: <https://www.who.int/publications-detail/addressing-human-rights-as-key-to-the-covid-19-response> (дата обращения 12.01.2022)

740. Ricker, W.H. Ordeshook, P.C. A theory of the calculus of voting / W.H. Ricker, P.C. Ordeshook // Amer. polit. science rev. – Wash., 1968. – Vol. 62 – P. 25-43.

741. Roller, E. Wessels, B. Contexts of political protest in Western democracies: Political organization and modernity / E. Roller, B. Wessels – Berlin, 1998. – P. 6–7. (Discussion paper / Wissenschaftszentrum Berlin für Social forschung.)

742. Sæbø, Ø. Rose, J. Flak, L.S. The shape of participation: Characterizing an emerging research area / Ø. Sæbø, J. Rose, L.S. Flak // Government information quarterly. – 2008. – T. 25. – №. 3. – С. 400–428.

743. Scheppele, K. Aspirational and Aversive Constitutionalism: the Case for Studying Cross Constitutional Influence through Negative Models / K. Scheppele // International Journal of Constitutional Law. – 2003. – № 1 (April).

744. Thornhill, C.A Sociology of Constitutions: Constitutions and State Legitimacy in Historical-Sociological Perspective / C.A. Thornhill – Cambridge University Press, 2013.

745. Thornhill, Chris Niklas Luhmann and the sociology of the constitution. Journal of Classical Sociology. / Chris Niklas Thornhill – 2010. – 10 (4). – P. 315–337.

746. Trechsel, A. Mendez, F. The European Union and E-Voting / A. Trechsel, F. Mendez – London: Routledge, 2005. – P. 5.

747. Van Dijk J. The Network Society: Social Aspects of New Media. L. / Van Dijk J. – Thousand Oaks – New Delhi: Sage, 1999. – 267 p.

748. Van, Hoecke M. *Law as Communication* / Van, Hoecke M. – Oxford.: Portland Oregon, 2002.

749. Verba, S. *Democratic Participation* / S. Verba // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1967. – Vol. 373. – Issue 1. – P. 55.

750. Verba, S. Nie, N. Kim, J.-O. *Participation and political equality: A seven-nation comparison* / S. Verba, N. Nie, J.-O. Kim – Cambridge, 1978. – P. 1–2.

751. Wogu I. A.P. *Behaviouralism as an approach to contemporary political analysis: an appraisal* / I. Wogu // *Inter-national Journal of Education and Research*. – 2013. – T. 1. – № 12.